

Альманах XVII
библиофила

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Альманах библиофила»
рассказывает о книгах и книжках
прошлого и настоящего,
о многогранной роли книги
в жизни советского общества,
о наиболее актуальных проблемах
современного движения книголюбов
в нашей стране и за рубежом.
На страницах продолжающегося издания
публикуются выступления
известных советских и зарубежных
писателей, деятелей книги,
выдающихся представителей науки и культуры.
«Альманах библиофила»
рассчитан на широкий круг читателей —
всех, кто интересуется культурным феноменом,
именуемым
Книга

Альманах // 15 библиофила

Альманах
библиофила

Выпуск 17

МОСКВА «КНИГА» 1985

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айни, В. И. Буйлов,
Н. Х. Еселев, Е. А. Исаев, А. И. Калашников,
Е. П. Кирилук, В. В. Кожин, В. Я. Лазарев,
А. Э. Мильчин, Ю. П. Некрошюс, Е. Л. Немировский,
А. И. Овсянников, Л. А. Озеров,
П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, В. В. Чикин

Художник
В. В. Вагин

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск семнадцатый

Редакторы ВОО А. М. Кузнецов, Л. В. Букина
Редакторы издательства М. Я. Фильштейн, Л. С. Еремينا
Художественный редактор Е. Ю. Вороцова
Технический редактор А. З. Коган
Корректор Л. В. Петрова
НК

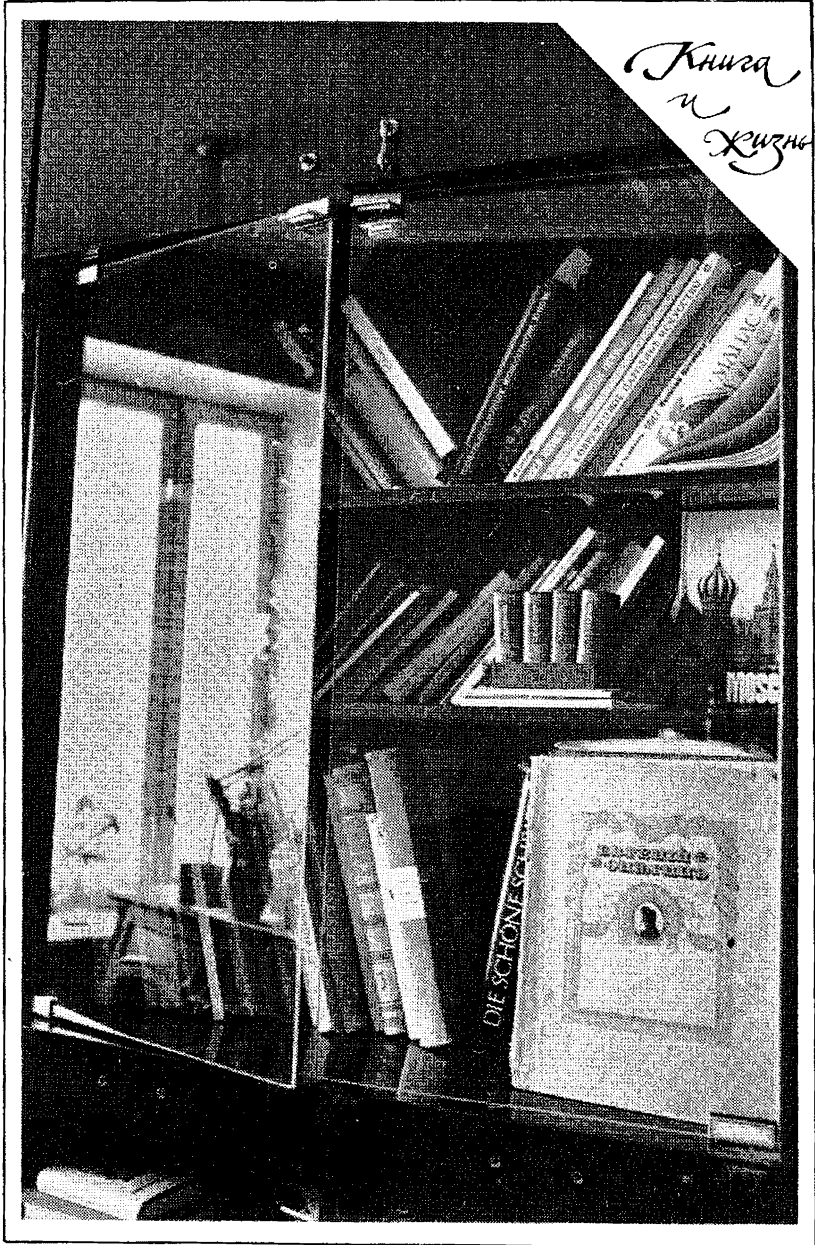
Сдано в набор 30.03.84. Подписано в печать 01.10.84.
А11119. Формат 60×84/16. Бум. офсетная № 1—70 г.,
офсетная 120 г. Гарнитура школьная.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 18,14+0,93. Усл. кр.-отт. 43,71.
Уч.-изд. л. 18,81+0,69. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2870.
Изд. № 3878. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Московская ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
113054, Москва, Валовая, 28.

*Kunst
u
Kunst*

...Каждая книга есть квинтэссенция мировой работы духа человеческого—книга есть последнее слово множества умов, сказанное одним умом.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Книга—это могучая сила, которая воспитывает в нас любовь к своему народу, освещает великие идеалы нашей жизни, великие цели в нашей борьбе за счастье будущего и, следовательно, воспитывает стойкий характер борца, пламенного патриота, вдохновенного труженика и творца.

Ф. В. ГЛАДКОВ

П. Жилин

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ:
ИСТОРИЯ. ЛИТЕРАТУРА. КНИГА

Беседу вел Станислав Гагарин

Четыре десятилетия отделяют нас от событий Великой Отечественной войны, но не тускнеют воспоминания ветеранов. Непреходящ, по-прежнему высок наш интерес ко всему, что связано с великим подвигом советского народа, преградившего путь фашизму. Художественные произведения о войне, мемуарная литература, работы военных историков постоянно находятся в центре читательских интересов.

Какова роль истории в современной литературе? Каким должен быть этический и эстетический подход к минувшим событиям Великой Отечественной войны? Что следует заложить в поэтику будущих произведений о войне? Об этих и других проблемах размышляют гости «Альманаха библиофила» — историк П. А. Жилин и писатель С. С. Гагарин.

Генерал-лейтенант Павел Андреевич Жилин — лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Академии наук СССР, начальник Института военной истории Министерства обороны СССР, член Президиума Советского комитета ветеранов войны. Он автор многих научных работ, в том числе фундаментальных трудов «Гибель наполеоновской армии в России», «Кутузов», «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз», «Проблемы военной истории».

Станислав Семенович Гагарин — известный московский прозаик.

— Советская баталистика сосредоточила в своем арсенале огромные запасы боевых, если так можно выразиться, средств, которые созданы тремя поколениями писателей. От А. Фадеева и М. Шолохова до писателей «второй волны» — В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Быкова, И. Стаднюка, Г. Бакланова, В. Карпова и многих других. Литературная критика определила возникновение и «третьей волны» — появились писатели, которые не были участниками войны, в суровые годы они оставались еще мальчишками, а то и родились после сорок пятого года. В связи с этим известны два мнения. Одни считают, что истинную правду о войне может поведать лишь ее очевидец или участник. Другие полагают, что невоевавший писатель более раскован в воображении, личное не довлеет над ним. Вы, Павел Андреевич, ветеран войны, многие годы профессионально занимаетесь историей Великой Отечественной войны. Что вы думаете по этому поводу?

— Думаю, что правомерно существование всех трех литературных потоков. Но если вы имеете в виду все еще продолжающуюся в литературных кругах дискуссию о праве молодых писателей изображать войну, о праве тех, кто познает ее по учебникам истории да по воспоминаниям ветеранов войны, то скажу прямо—это, по-моему, исчерпавший себя спор. Он давно уже решен самой литературой. Ведь «Полтаву», «Бородино» написали не современники событий, не очевидцы. И написали талантливо. Лев Толстой не участвовал в Отечественной войне 1812 года, он родился позже. Но его «Война и мир»—непревзойденное произведение мировой классики, герои его романа воспринимаются нами как реальные исторические личности. Разумеется, чтобы создать такое эпическое произведение, нужен не только талант, но и громадный труд. Лев Толстой, как известно, изучил войну 1812 года и эпоху того времени досконально, используя для этого труды историков, воспоминания участников войны и архивные документы. Только на прочном фундаменте исторических знаний писатель формировал свою концепцию, свою трактовку войны, создавал обобщенные образы действующих лиц романа. Тут есть чему поучиться молодым писателям, берущимся за тему войны.

Однако не следует противопоставлять одно поколение писателей другому. У «третьей волны», или, вернее сказать, у послевоенного поколения писателей, нет того, что испытали их старшие товарищи по перу. Писатели-фронтовики потому так и называются, что они—непосредственные свидетели и участники войны, они встречались с ней лицом к лицу. Заменить непосредственное восприятие фронтовых событий никакими книгами или рассказами нельзя. Но если военное поколение видело войну вблизи, то нынешнее поколение обзревает ее на расстоянии. А, как утверждали еще мудрые люди в древности, великие события видятся на расстоянии лучше, точнее, глубже. Сейчас накоплен громадный фактический материал, который позволяет отчетливее представить размах и напряженность многотрудной борьбы, происходившей на фронте и в тылу. Отдаляясь от военных событий 1941—1945 годов, с высоты сегодняшнего дня мы можем вернее оценить величие и всю значимость свершенного советскими людьми героического подвига. Я бы сказал даже, что писателю не воевавшему порою легче представить себе всю войну в целом. У него масштабное художественное видение, над ним не довлеет его личное участие в войне.

Великая Отечественная война нуждается в самом широком литературном освещении и обобщении. Главные книги о ней, по моему мнению, еще впереди. Я имею в виду такие произведения, которые по своему художественному мастерству, философскому

обобщению и воздействию на души читателей поднимались бы на уровень мировой классики. И здесь талант писателей послевоенной закалки может проявиться во всем многообразии, широко и ярко.

Война, да еще такая грандиозная, как минувшая,— явление чрезвычайное. На ее изучение и обобщение направлены усилия многих ученых, в том числе и историков. Их задача состоит в том, чтобы, используя верный «компас» научного исследования, заставить заговорить необходимые документы, обобщить опыт борьбы и труда, опыт военного искусства, с тем, чтобы его могли использовать современники и потомки для укрепления и защиты Родины.

— Сочетание подлинного исторического факта с домыслом — обычный метод, которым писатель пользуется, создавая свои повести или романы. И «дозировка» их зависит от личности писателя и тех целей, которые он преследует.

Сошлюсь на собственный пример. В моем романе «Мясной бор» документально все: развертывание Любаньской операции в первой половине 1942 года, прорыв немецкой обороны на реке Волхов, который осуществили войска Второй ударной армии под командованием генерал-лейтенанта Н. К. Клыкова, боевые действия дивизий, бригад, полков, батальонов... Но поскольку это не историческое исследование, а роман, прежде всего раскрывающий движение личности во времени и пространстве и при этом, подчеркну, сюжетное движение, пришлось ввести вымышленных героев, вокруг которых развертываются действительные события. Право писателя на домысел в освещении исторического материала должно быть каким-то образом закреплено в наших отношениях с историками.

— При самой коренной общности задач писателя и историка у них все же различны цели, результаты исследования и используемые при этом средства. Возьмите такой пример. Историк изучает операцию «Зимняя гроза», пишет, что в декабре 1942-го группа армий «Дон» начала операцию по деблокаде армий Паулюса, что ослабленные соединения 51-й армии генерала Н. И. Труфанова вступили в оборонительные бои, отражая удары танковых армий генерал-фельдмаршала Манштейна.

Историк точно знает, сколько солдат и орудий насчитывала та или иная дивизия, на каком направлении она действовала, с какими частями взаимодействовала. Только он не ведает, что в это время происходило на отдельной конкретной батарее. Историк знает правду, вбирающую в себя тысячи правд, одну из которых нам открыл Юрий Бондарев в романе «Горячий снег».

Чтобы показать человека на войне, одного вдохновения, как и домысла, мало—надо знать военное дело, обладать, если

хотите, мышлением военного человека. Многие писатели были на фронте рядовыми, командирами взводов, рот, батальонов, но даже этого личного — бесценного для писателя — опыта оказывается недостаточно. В «Горячем снеге» есть образ командарма Бессонова. Догадываюсь, что одним из его прототипов послужил будущий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский. Как показать военачальника такого масштаба, как понять его задачи, его ответственность, его мышление? Большую помощь писателям в работе оказывают труды военных историков, воспоминания военачальников, архивные документы.

Конечно, изучение этих материалов — кропотливая, трудоемкая часть литературной работы, она скрыта от читателя, но именно глубокое знание документальной, фактической стороны дела помогает приблизить к нам героев книги.

— *Итак, домысел должен контролироваться реальными событиями...*

— Убежден, что настоящий писатель не станет работать над историческим романом, не изучив досконально фактический материал, относящийся к описываемой эпохе. Не на домысел, а на предположение, интуицию имеет право писатель. Не только писатель, но и историк. В книге «Кутузов» я описываю, как трудно было принимать решение М. И. Кутузову — сдавать или не сдавать Москву. Он не спал ночь, часто вставал с походного табурета и мерил избу шагами. Всего этого нет ни в каких документах. Но изучение сопутствующих материалов убедило меня, что Кутузов принял решение не на Совете в Филях, — в избу Андрея Савостьянова он вошел, уже имея решение, добытое в ту ночь. Он принял его, не советуясь с Александром I, вопреки мнению генералов. «Приказываю отступить». Это было мужественное решение полководца.

Вы когда-нибудь задумывались, что значит быть великим полководцем, что отличало прежде всего Суворова и Кутузова? Это — умение принимать великие решения. Полководец — звание высокое, и не многих этим званием удостоила военная история. Тем, кто пишет и будет писать о наших полководцах — маршалах Г. К. Жукове, К. К. Рокоссовском, И. С. Коневе, — следует знать, как они принимали свои решения, какие у них были сомнения. Я не раз встречался с маршалами Георгием Константиновичем Жуковым, Александром Михайловичем Василевским, знаю, как они работали над своими воспоминаниями. Было много интересных бесед, но это уже другой разговор.

Мы не знаем, из каких наблюдений, мыслей Лев Толстой создал Пьера Безухова, но мы сжились с ним, и когда нас хотят переубедить, заменить наш образ другим, мы противимся. Так же живут в нас и персонажи современной литературы.

Создать образ — создать человека. «Опиши героев минувших, и тогда история твоя родит героев времен будущих» — этот призыв декабриста Федора Глинки обращен и к историкам, и к писателям. А создать образ, характер — дело трудное, не каждому по плечу. Приходилось, к сожалению, читать романы о войне, где слишком мало мыслей, образов, характеров — одни описания сражений.

Историю напишут историки, а у писателя иная забота. Но и литератору нельзя слишком вольно обращаться с историческими фактами. «Не надо показывать, — писал М. А. Шолохов, — что если ты писатель, то можешь все и выдумывать и преувеличивать, пренебрегая исторической правдой, возвеличивая одних за счет преуменьшения и даже унижения других...»

С интересом прочитал «Выбор» Ю. Бондарева. Тут есть о чем подумать и поспорить. Вот я выписал реплику из разговора Ильи Рамзина и Владимира Васильева.

«— Не хочешь ли ты обвинить меня в том, что двадцать миллионов русских полегло потому, что я в плен попал? Да какое там двадцать! Преуменьшено, конечно. Думаешь, в этом моя вина?.. Нет, Владимир, пленные здесь ни при чем. Я-то знаю, кого судить за погибших, — сказал Илья четко. — Майоров Воротюков надо судить...»

Были ли на войне такие командиры полков, как майор Воротюк? Да, были. Только вовсе не они определяли дух боя и сражения. Плен ожесточил Рамзина, сломал его. Но он сам сделал выбор, не тот, о котором сурово и просто написал Михаил Луконин:

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

Рамзин выбрал пустую душу. Но почему Васильев говорит, что он не понимает двусмысленности своего разговора с Ильей? Что здесь непонятного? Человек не может потерять все — Родину, мать, товарищей — и жить. Хоть оправдание какое-то должно остаться. Вот почему он хватается за Воротюка... У него остается только один выход — самому уйти из жизни.

Да, Воротюк виноват в личной трагедии Рамзина. А в гибели двадцати миллионов советских людей повинен только агрессор. Тут никаких «или», тут нельзя недоговаривать. Именно фашизм принес неисчислимы страдания нашему народу, навязал нам войну, каких человечество не знало за всю историю. Это было противоборство не только двух армий, двух стратегий, но

смертельная война двух идеологий. Напутствуя генералов перед блицкригом, Гитлер заявил: «Война против России—это борьба двух идеологий. В войне с Россией речь идет о борьбе на уничтожение».

Война—величайшее испытание государства, его народа и армии, да армия—это и есть народ в солдатской шинели. Люди, естественно, неодинаковы. Прав Шолохов, говоря, что каски на солдатах одинаковые, но люди под касками разные. Никаким приказом нельзя заставить человека вынести то, что выше его сил. Но человек выносит, и это называется подвигом.

— *Возвращаясь к Отечественной войне 1812 года, мы всегда будем помнить писательский подвиг Льва Николаевича Толстого, родившегося через 16 лет после Бородинского сражения, но сумевшего силой гениального писательского воображения дать нам величайшее произведение всех времен и народов—роман «Войну и мир». Эта книга—оптимальный пример органического сочетания вымышленного и исторического...*

— Да, многие писали о войне 1812 года, но ее выразителем остается для нас именно Л. Н. Толстой. Известно, что его роман не всеми был встречен восторженно. Некоторые участники войны сочли себя оскорбленными, упрекали писателя, что он рассказал о событиях не так, как им они представлялись.

Но в том-то и дело, что Толстой увидел войну пронизательнее, чем обвинявший его министр Норов, который участвовал в битве при Бородине. Конечно, всю глубину гениального замысла тарутинского марш-маневра Кутузова писатель не смог осознать и раскрыть. Но, может быть, это дело историков—разбирать маневры и фланговые охваты, их стратегическое и тактическое значение. Мне довелось быть под Кремсом, Шенграбеном, Аустерлицем, Рушуком, на Бородинском поле, во многих местах, где сражались русские войска под командованием Кутузова. Несколько лет работал в архивах. Реальный Кутузов нередко спорит с Толстым, можно не соглашаться с писателем, когда ты держишь в руках реляции, приказы, письма, написанные рукой самого Михаила Илларионовича. Но все-таки истинным выразителем той войны остается Лев Толстой.

Словом, между писателем и историком существует тесное и, может быть, невидимое взаимодействие. Если для военного историка базой для конкретного, фактического отображения событий в основном являются документы, архивы, то для писателя такой базой являются прежде всего научные исторические исследования.

— *Мне приходилось советоваться с лауреатом Государственной премии СССР И. Ф. Стаднюком, автором романа «Война». При всем несходстве наших художественных манер,*

несколько различном подходе к изображению отдельных исторических личностей, нас роднит с Иваном Фотиевичем, ветераном Великой Отечественной войны, общность взглядов по вопросу о том, что эту войну выиграл весь советский народ. Мне по душе и главный принцип И. Ф. Стаднюка, с которым он определяет историю войн, и его понимание громадной роли народа в таком историческом явлении, как война. Война и народ, война и военная история... Хотелось бы знать ваше отношение к этим темам, которые не обходят и писатели.

— Война и народ, война и военная история—это большие самостоятельные темы. Они всесторонне рассматриваются в специальных работах. Здесь же могу лишь отметить следующее. Когда мы говорим о всенародном характере Великой Отечественной войны, то мы должны выделить три основные сферы участия народа в войне. Первая—это вооруженная борьба с агрессором на фронте, которую вели советские вооруженные силы—организованная и обученная военному делу часть народа. Вторая сфера—это трудовая деятельность советских людей по обеспечению фронта всем необходимым. Здесь фронт и тыл тысячами нитей были соединены между собой и сливались воедино. Наконец, третья сфера—это борьба советских людей против захватчиков на временно оккупированной противником территории. Она, в свою очередь, состояла из трех форм: партизанская борьба (главная форма борьбы), борьба подпольных групп и организаций и массовое участие населения в срыве политических, экономических и военных мероприятий противника. Именно эти объединенные усилия советского народа, руководимого Коммунистической партией, составляют понятие—всенародный характер войны. Они обеспечили нам победу в этой жесточайшей из войн.

Но определяющей сферой была, разумеется, вооруженная борьба. И лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» был нацелен на главное: обеспечить успех в вооруженной борьбе, ибо в конечном счете победа или поражение в войне решаются на поле боя.

Что же касается роли военной истории, то она является той наукой, которая изучает многочисленные войны. Она так же, как и общая история, философия, социология и другие общественные науки, исследует причинность войн, их политический характер, их последствия. Но главный объект ее изучения—вооруженная борьба. Именно исторический подход к оценке этой борьбы позволяет познать эволюцию военного искусства, его закономерности и определить пути его дальнейшего развития.

Внимательно изучая историю войн, можно понять, как изменилось «лицо» войны в целом, проследить возрастание масштаба

вооруженной борьбы на театрах военных действий, определить основные этапы появления массовых армий, мощного развития военной техники, перерастания двусторонних или региональных войн в мировые, коалиционные войны. Все это такие важные военно-профессиональные вопросы, при рассмотрении и решении которых военная история активно используется и теорией и практикой военного дела. Это было в прошлом, но сохраняется и в наше время. Ведь война, как и прежде, остается для капиталистических государств продолжением политики иными, а именно насильственными средствами.

Конечно, вначале были войны, потом историки войн. Чаще всего писавшие были очевидцами или участниками военных событий — Фукидид, Прокопий Кесарийский, Цезарь... Но как наука военная история родилась значительно позднее, ее основание заложено трудами Маркса и Энгельса, создавших теорию марксистской исторической науки.

В свое время старейший английский коммунист Эндрю Ротштейн, который был создателем и хранителем Музея-библиотеки Карла Маркса, помог мне подробно ознакомиться с лондонским собранием книг Маркса и, в частности, с книгами по общей и военной истории. В разделе «Русские на моей полке» я видел «Слово о полку Игореве», «Бунт Стеньки Разина» Н. Костомарова, «Историю государства Российского» Н. Карамзина.

Хорошо знал военную историю В. И. Ленин. Он изучил все, что написано Марксом и Энгельсом по военному делу, по истории войн, истории революционных армий. В личной библиотеке Ленина в Горках мне удалось выявить 156 книг по военной истории, в том числе «Энциклопедию военных и морских наук», «Записки стратегии» Г. Леера, «Всеобщую военную историю древних времен» Н. Голицина, «Основы русского военного искусства» Н. Михневича, «Морскую стратегию Наполеона» Б. Жерве, «Штурм Измаила Суворовым в 1790 году» Н. Орлова, десяти томную «Летопись войны 1914—1915 годов», труды генерала М. Драгомирова, «Единую военную доктрину и Красную Армию» М. Фрунзе.

Ленин не только знал военную историю, но часто применял ее опыт при решении современных проблем. Древние говорили: «История — учитель жизни». Ленин был гениальным учеником этого учителя. Его работы заложили фундамент советской военной истории, обобщившей опыт нашего государства по защите Советской власти.

«Смешно не знать военной истории», — говорил В. И. Ленин. Конечно, ее должны знать не только историки. Знать и помнить. Прошлое заключает в себе опыт человечества. Но добыть его не так просто. История — ключ к замку, которым заперт этот опыт.

«Что осталось бы в памяти людей, если бы не было истории? — спрашивал академик М. Н. Тихомиров и сам же отвечал: — Можно прямо ответить — ничего».

История не только учит, но и предостерегает! И сегодня, когда угроза войны не сходит с горизонта, когда человечество находится в постоянном напряжении, значительно возрастает роль и ответственность историков и писателей в изучении, обобщении и популяризации военного опыта, защиты социалистического Отечества, героических традиций нашего народа и доведении их до широкого круга советских читателей, особенно молодежи.

Некоторые буржуазные политики, да и писатели тоже, считают, что, мол, хватит писать о войне, что нацизм мертв. Нет, он, к сожалению, жив. И наша задача — задача историков и писателей — разоблачить его сущность. В Западном Берлине в реставрированном и оштукатуренном здании бывшего рейхстага уже несколько лет развернута постоянная выставка, прославляющая «третий рейх», его главарей, его фюрера. Конечно, стены с автографами солдат можно заштукатурить, но нельзя из народной памяти вычеркнуть имена воинов Советской Армии, водрузивших Красное знамя Победы над рейхстагом.

— *Насколько оправдан, на ваш взгляд, все еще бытующий термин «окопная правда»? Я подразумеваю, Павел Андреевич, под этими словами не литературное явление, подкрепленное книгами писателей, раскрывших нам глубины солдатской психологии, а исключительно понятие, которое предполагает, что правда войны находилась только в окопах.*

— Думаю, что для писателя и историка правда едина. Однако она не всегда лежит на поверхности. Бывает нередко, что правда прикрыта неправдой и до нее надо докопаться. И все мы, писатели и историки, в сущности, поклоняемся одной богине, имя которой — истина. Цель у нас одна, хотя средства разные.

Если историк добивается достоверности освещаемых событий, опираясь на прочный фундамент фактов, их анализ, то для писателя, как мне представляется, главное в том, чтобы художественными средствами воссоздать реальную картину боя, операции в целом, передать дух, атмосферу обстановки, создать запоминающиеся образы советских воинов и полководцев.

Выражение «окопная правда», по моему мнению, сужает и обедняет всю картину военной обстановки. Слов нет, стратегические и оперативные замыслы в конечном счете решаются в бою — главном акте войны. В нем проверяются верность замысла военачальника и мужество, храбрость, находчивость солдата. Но показывать войну можно в двух измерениях — горизонтальном и вертикальном. Горизонтальное — фронтальное, «окопное» —

представление ограничено передним краем. Вертикальное же — позволяет обозревать войну с высоты командования дивизии, армии, фронта, Ставки Верховного Главнокомандования. Военский организм — не только сложная, но и слаженная система управления. И как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, сила нашей армии в том, что в ней тысячи воле подчиняются одной воле. И мастерство, талант писателя наиболее ярко могут проявиться, если он сумеет и на ограниченной территории воплотить это единство воли и духа.

— *Что же важнее для него, когда он изображает события, отстоящие от нас на четыре десятилетия: опыт участия в военных событиях или писательское мастерство?*

— И то, и другое существенно. Конечно, талант — определяющий фактор писательского мастерства. Он складывается, как справедливо отмечает Расул Гамзатов, «из умения слышать время, видеть события собственным, присутствующим только одному художнику взглядом, из умения обобщать опыт прошлого, чувствовать связь времен».

В 1941 году миллионы советских людей пошли защищать Родину. А писателями стали единицы. Сергея Смирнова, Юрия Бондарева и Василия Быкова сделали писателями не только Литературный институт или Высшие литературные курсы, но и Великая Отечественная война. Она определила их творческий путь. Писатель-фронтовик или мемуарист, пишущий о войне, как бы заново ее переживает. Но при всех условиях, был ли писатель на фронте или не был, я убежден: только талант и труд кропотливый, самозабвенный решают успех художественного произведения.

— *Ветераны обычно говорят, что в бой они шли, как на работу. Тяжелую, жестокую, но работу. Отдельные литераторы, пишущие о войне, сталкиваются между тем с упреками со стороны критиков, утверждающих, что в их книгах, дескать, чересчур жестоко изображены боевые эпизоды. Ни один писатель, думаю, не может написать о войне страшнее, чем она была на самом деле.*

— Война грянула неожиданно. Я помню то время — лето 1941 года. Люди были охвачены энтузиазмом мирного труда, пятилеток, старались как можно лучше и быстрее воплотить в жизнь планы, намеченные партией. И вдруг — страшное воскресенье 22 июня... Но осознание смертельной опасности, нависшей над Родиной, всколыхнуло весь советский народ, еще выше подняло его патриотический дух. Сотни тысяч уходили на фронт. А народное ополчение, партизанские отряды! Когда шла война, люди не задумывались о грандиозности свершаемых ими дел. Послушайте, что писала в 1944 году работница К. Невская в газете «Магнитогорский металл»:

«Пройдут годы. Люди будущего поколения с содроганием станут читать о страшной войне. Их восхищение перед подвигами Красной Армии будет гораздо сильнее нашего. Мы, современники, не в силах сейчас понять это так остро, ибо мы поглощены своей работой. Наша работа также будет поражать будущих людей своей мощью, величием — почти чудесами... Люди прочтут пожелтевшие газеты и журналы, книги и брошюры. Они будут рыться в архивах. Ведь каждая строчка этих лет войдет в историю».

Война — величайшая трагедия народов. Она включает в себя драматические и героические события, горечь поражений и радость побед. Такова ее реальность, так ее и надо изображать. Мы должны внушать молодежи, что героизм — в повседневности ратного труда, в его будничности, в преодолении обязательных трудностей.

Сошлось на пример 33-й армии, в которой мне довелось служить. В апреле 1942 года она вела тяжелейшие бои на реке Угре. Часть ее войск попала в окружение. Погиб командарм генерал-лейтенант М. Ефремов. Но войны, отрезанные от тыловых частей, преодолевая лишения, теряя своих товарищей, боролись и побеждали.

Война прежде всего каждодневная тяжелая работа. Виктор Астафьев вспоминал, что он за войну целую гору земли перекопал. Солдат, говоря словами Симонова, — «человек, оказавшийся в самое трудное время в самом трудном месте и на самой трудной должности — солдатской». Вот эти трижды «самое трудное» и называются «ратный труд». Страданий нашему народу история отмерила с лихвой, не поскупилась, и прежде всего — матерям нашим, сестрам и братьям, нашим детям.

Никогда и нигде войны не приносили столько горя мирному населению, как вторая мировая война. Выдержать ее главную тяжесть пришлось именно нашему народу. Эта война каждый день напоминает о себе Пискаревским кладбищем, Хатынью, Бабьим Яром.

Великое дело сделали наши писатели, рассказав всему миру о страданиях нашего народа, о его великом мужестве. Нельзя без волнения читать «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина. «Блокадная книга» взывает к нашей памяти: не могут быть забыты горести людские.

«Главное преимущество Советов в минувшей войне — это сила их идей», — вынужден был признать гитлеровский генерал Гудериан. Это преимущество стало явным уже в первый день войны. Мужественно встретили нашествие бойцы Брестского, Рава-Русского, Владимир-Вольнского и других пограничных отрядов. На несколько часов, на несколько суток они задержали

продвижение врага, а ведь по плану «Барбаросса» на уничтожение застав отводились минуты! Перечитайте «Брестскую крепость» С. Смирнова и вы поймете, что значили эти часы и сутки, что могут сделать люди, защищающие свои идеи. Известные по именам, безымянные и даже те, кто не значится в списках,— все они совершили подвиг.

В «Заметках о русском» академик Д. С. Лихачев приводит письмо Н. Рериха, где художник пишет, что ни в одном европейском языке нет слова, равного по значению и величию русскому — «подвиг». Возможно, слова Рериха покажутся преувеличением, но я слышал от моего французского коллеги, генерала армии академика Ф. Гамбьеа: «У вас было то, чего не было у других,— у вас были устойчивые идеалы, у вас сильно развит культ Родины, культ патриотизма».

Эти черты советского характера не появились вдруг — они формировались славным историческим прошлым нашей родины, нашей великой культурой и литературой, нашим социалистическим строем.

Начав войну против СССР, Гитлер и его генералы были абсолютно уверены, что план «Барбаросса» как военная доктрина сработает безотказно — идея «блицкрига» была подтверждена победами в Европе. Первое потрясение вермахт испытал под Москвой. Дело не только в том, что в жестоких, упорных боях на центральном стратегическом направлении наша армия смогла обескровить ударную немецко-фашистскую группировку войск, победа Красной Армии под Москвой сорвала теоретическую основу ведения войны — фашистскую доктрину «блицкрига». Можно исправить ошибки оперативного, тактического плана, но доктрину изменить невозможно. Это фундаментальное положение следует иметь в виду, когда мы оцениваем роль и значение победы под Москвой.

— *Военная наука достаточно четко определила различные периоды Великой Отечественной войны. Ее начальный этап, переломный момент, освобождение советской территории, освобождение Восточной Европы, сражение за Берлин... В послевоенные годы наша литература обращалась то к одному, то к другому периоду Великой Отечественной. Сразу после войны мы писали про падение Берлина, весну на Одере, и это было понятно: сердца советских людей переполняла радость победы, доставшейся такой трудной ценой. Потом литераторы стали пристальной всматриваться в начальный период войны, спрашивать, что привело нас к неудачам 1941 года, почему гитлеровцы застали нас врасплох...*

— Война — архисложное дело, до предела насыщенное драматизмом. И нам, историкам, и вам, писателям, при рассмотре-

нии военных событий крайне необходимо отражать все ее стороны, помнить, что война началась 22 июня 1941 года, но закончилась лишь 9 мая 1945 года...

Я намеренно употребил это «но». Мне кажется, что порой литераторы, оценивая первые месяцы войны, слишком драматизируют события, это психологически, конечно, оправдано и закономерно. Но надо иметь в виду, что уже в сорок первом году наметился поворот к победе, хотя и трудно еще было рассмотреть его на фоне наших тяжелых потерь. Морально мы оказались сильнее противника. Ведь несмотря на уверенность гитлеровцев в близкой победе, Красной Армии удалось сокрушить доктрину «блицкрига». Гитлеровцам пришлось перестраиваться на затяжную войну. Сталинградская же битва надломил хребет «третьему рейху», стала началом коренного перелома во второй мировой войне. Нет, не драматическое, а героическое венчало этот наиболее трудный период войны.

Тогда и началась вторая половина войны: освобождение временно оккупированной территории, вызволение из нацистского рабства народов Восточной и Центральной Европы. Поэтому войну следует реалистически оценивать на всех ее этапах.

Чтобы бороться за сохранение мира, надо помнить войну, ее ужасы и жестокости. В наше тревожное время это особенно необходимо!

Сокрытие от западной молодежи истины о войне необходимо кое-кому на Западе для того, чтобы умалить, принизить тот невиданный в истории человечества вклад, который внес советский народ в дело разгрома агрессора. Ведь не случайно многосерийный совместный фильм «Великая Отечественная» на экранах Соединенных Штатов Америки шел под названием «Неизвестная война»!

— Павел Андреевич, Институт военной истории, который вы возглавляете, — известное в нашей стране и за рубежом научное учреждение. Каковы основные задачи института, чем руководствуется институт в главных направлениях научной деятельности?

— Основные задачи определены Постановлением ЦК КПСС от 27 августа 1966 года о создании нашего института, а именно: дальнейшее расширение и повышение теоретического уровня научных исследований в области военной истории, улучшение работы по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, усиление борьбы с буржуазными фальсификаторами военно-исторического прошлого СССР.

Я выделил бы три важнейших направления в деятельности нашего научного коллектива. Это, во-первых, военно-исторические исследования, позволяющие на основе глубокого

анализа фактов и документов всесторонне раскрывать политический характер войн, причины, их порождающие, ход, результаты, последствия военных событий. Второе направление — выявление закономерностей развития военного дела, военного искусства, изучение опыта в области стратегии, оперативного искусства, тактики. Здесь одинаково важны как фактическая сторона, так и логическая — обобщения, выводы, уроки. Причем вторая, результативная часть исследований — наиболее ценная: в ней содержатся как теоретические выводы, так и практические рекомендации, вытекающие из военного опыта. Тут нам предстоит еще многое сделать — устранить диспропорции между историческим и логическим, повысить идейно-теоретическую и научно-практическую значимость исторических исследований.

Третье направление — военно-патриотическая работа. Военное прошлое нашей страны насыщено непревзойденными образцами героизма, мужества в боях за свободу и независимость социалистической Родины. Фундаментальные исторические труды и исследования не только несут знания в массы, но и питают литературу, искусство, средства массовой пропаганды яркими конкретными фактами и примерами, воспитывающими у советских людей патриотизм, интернационализм, другие высокие нравственные качества.

В сфере этих общих задач институт сосредоточивает главные усилия на исследование истории Великой Отечественной войны. Проблематика этих исследований обширна: созданы фундаментальные труды по крупнейшим операциям, битвам и сражениям, документальные и научно-популярные книги. Многие из них получили широкое распространение как в нашей стране, так и за рубежом. Велико познавательное и воспитательно-патриотическое значение литературы по истории Великой Отечественной войны. Она оказывает громадное влияние на формирование у миллионов людей твердых знаний о причинах, характере, ходе и исходе военного противоборства, решающей роли Советского Союза в достижении победы над фашистской Германией и милитаристской Японией.

— Военная история, безусловно, — мощный рычаг в идеологической работе, действенное средство патриотического воспитания подрастающего поколения. Не случайно в передовой статье газеты «Правда» от 3 декабря 1983 года «Обращаясь к истории» отмечалось, что реакционные идеологи и пропагандисты Соединенных Штатов, усиленно подвергая ныне психологической обработке население страны в духе злобного антикоммунизма, шовинистических амбиций и лжепатриотизма, всячески пытаются принизить вклад СССР в разгром фашизма. Все это требует от нас расширять, углублять информацион-

ные, познавательные каналы, связанные с памятью о битвах минувшей войны, освободительной миссией советского народа и его армии. В связи с этим, что вы можете сказать о вкладе Института военной истории в дело воспитания советских людей историей?

— У нашего народа — героическая история. Славные традиции мужественных защитников Родины уходят в глубь веков. Ледовое побоище, Куликовская битва, Бородино... Немеркнувшей славой покрыли себя герои гражданской и Отечественной войн. История хранит бессмертные подвиги защитников Бреста, обороны Ленинграда, Одессы и Севастополя, советских солдат, принимавших участие в великих битвах под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, в сражениях за Украину и Белоруссию, Прибалтику и Заполярье. С чувством исполненного долга советский воин внес весомый вклад в освобождение народов Европы от ига фашизма и водрузил над поверженным Берлином знамя Победы.

Воспитывать историей — это значит сохранять и приумножать героическое прошлое нашей партии и народа, формировать у молодежи высокие патриотические качества, нравственные устои, коммунистическую убежденность. Только конкретная история, ее события, личности, передают связь поколений, служат живой нитью, связывающей героическое прошлое нашей Родины с ее настоящим и будущим.

История была и остается сильным оружием и в острой идеологической борьбе. Наши противники, прибегая к фальсификации, грубейшим образом извращают историю Советского Союза, наш опыт социалистического строительства, историю Великой Отечественной войны. Ложь — это средство слабых. Однако нельзя недооценивать опасность влияния буржуазной историографии на умы незрелых людей. Разоблачение лжи, реакционной политики империализма имеет важное идеологическое и научное значение. В этом плане вклад советских ученых-историков немал.

Наш институт подготовил и опубликовал много трудов по этой проблематике, 50 работ переведены и изданы за рубежом, 10 — удостоены премий и поощрительных грамот.

Особое место занимает двенадцатитомный труд «История второй мировой войны. 1939—1945». Его издание — важное событие в научной жизни страны. Этот фундаментальный труд создавался Главной редакционной комиссией под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, Министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова. Готовился он Институтом военной истории МО СССР совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институтом всеобщей

истории и Институтом истории СССР АН СССР. К его разработке были привлечены видные советские военачальники, партийные, советские и дипломатические работники. И тот факт, что все издание, вышедшее в нашей стране 330-тысячным тиражом, полностью разошлось, переведено на иностранные языки и издано в пяти социалистических странах, свидетельствует о большом интересе широкого круга читателей к событиям минувшей войны.

У нас установились широкие творческие связи с различными научно-исследовательскими учреждениями как в стране, так и за рубежом. Мы подготовили и опубликовали ряд трудов совместно с военно-историческими учреждениями НРБ, ГДР, МНР, ВНР, ЧССР, Республики Куба. Эти труды служат укреплению боевого содружества, делу интернационального воспитания наших армий и народов.

Научные сотрудники института активно участвуют в устной пропаганде военно-исторических знаний. Более пяти тысяч лекций и докладов прочитано в войсках, на предприятиях и в учреждениях, на союзных и республиканских конференциях. Институт участвует в организации телевизионных передач, осуществляет научное консультирование многих кино- и телефильмов.

— Приближается сорокалетний юбилей Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Что нового подготовил Институт военной истории к этой знаменательной дате?

— Институт подготовил немало научно-популярных книг по истории второй мировой войны и Великой Отечественной войны. Назову лишь некоторые: завершена разработка и сданы в издательства одностомники «Великая Отечественная война» и «Вторая мировая война. Итоги и уроки», публикуется серия книг о важнейших операциях Великой Отечественной войны, книга «Герои Советского Союза», документальные сборники об освободительной миссии Советских Вооруженных Сил во второй мировой войне. Совместно с издательством «Советская энциклопедия» готовится энциклопедическое издание «Великая Отечественная война».

Институт принимает участие в создании двенадцатитомной художественной антологии «Венок славы» и четырнадцатисерийного историко-документального телевизионного фильма «Священная война». Институт осуществляет научную консультацию грандиозного мемориала, сооружаемого в Москве на Поклонной горе в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

— Ваш институт, Павел Андреевич, удостоен правительственной награды...

— Да, правительство отметило заслуги нашего коллектива

орденом Красной Звезды. Мы гордимся высокой наградой, она неизмеримо повышает нашу ответственность за идейно-теоретический уровень научных исследований в области военной истории.

— *Павел Андреевич, хотелось бы задать вам вопрос о той роли, какую играет книга в вашей жизни, в вашем труде...*

— В наше просвещенное время книга сопутствует жизни каждого человека. Без нее трудно себе представить облик современника. Но, разумеется, профессия определяет целенаправленность интереса в подборе и чтении книг. Историк должен, обязан знать все то, что внесли его предшественники в область науки, в которой он работает. Без этого немыслимо дальнейшее развитие науки, творческая деятельность ученого.

Вхождение в тему исследования — длительный, трудоемкий процесс. Он включает прочтение и критическое осмысление всего написанного по избранной теме.

Исследование Отечественной войны 1812 года, Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, проблемы военной теории и истории, методологии истории, знание трудов классиков марксизма-ленинизма в основном и определили формирование моей довольно обширной домашней библиотеки.

— *Расскажите о встречах с книгой на войне...*

— Проще всего ответить: на войне было не до книг. И это было бы правдой. Но и неправдой тоже. Конечно, читали, но больше — в госпиталях, на излечении. Читали в часы затишья. Большой популярностью пользовались на фронте небольшого формата книжечки «Библиотечки красноармейца». У меня сохранилось несколько таких брошюр. Назову брошюру академика И. И. Минца «Источники силы и могущества Красной Армии», изданную Политуправлением Западного фронта в 1942 году, и его же книжечку «Партизанская война», изданную в 1941 году, брошюру «Мужественный образ наших великих предков» академика М. В. Нечкиной, труды которой в наши дни широко известны в стране и за рубежом.

Эта брошюра была издана в 1942 году Главным политическим управлением РККА в помощь политруку. В ней всего 24 страницы, но каждая фраза ее вдохновляла к борьбе. Вот первые слова этого издания: «Народ познается в борьбе. Мы, потомки, воспринимаем облик предков овеванным билью великих битв. Славянство жило на трудной исторической дороге. По широком прикаспийском и причерноморском степям веками катился с востока на запад поток почти непрерывных вражеских вторжений. Волны его грозно рушились на славянский мир. Гунны, печенеги, половцы — одни сменяли других, и в этой боевой жизни росла и закалялась военная доблесть славянина. Ее воспитала в

нем история... Борьбу с чужеземным вторжением наши предки понимали как общенародное дело».

— Возвращаясь к началу нашей беседы, мне хотелось бы еще раз вспомнить о той ответственности, которую возлагают на себя писатели моего поколения, когда берутся за многотрудную тему войны. Мы были мальчишками, но война коснулась нас черным крылом, опалила смертельным дыханием. А ведь после нас придут другие, они родились в пятидесятые, шестидесятые годы. Трудно сказать, кому будет сложнее писать о войне, но обращаться к этой теме будут всегда. Что могли бы вы посоветовать молодым писателям?

— Хотел бы еще раз обратить их внимание на многие положения постановления Центрального Комитета КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». В нем подчеркивается, что победа Советского Союза «со всей полнотой раскрыла преимущества социализма», «подтвердила могучую жизненную силу марксистско-ленинской идеологии». Понимание этого великого смысла нашей Победы, нашего подвига и должно быть, в первую очередь, реализовано в художественном видении писателя.

Каждое дело, а писательское тем более, требует взволнованности и убежденности. Писать надо о том, что хорошо знаешь, и тогда, когда действительно не можешь молчать. Я хочу лишь напомнить замечательные слова Карла Маркса: «Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на средство. Она — самоцель; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву ее существованию, когда это нужно, свое личное существование». Эти слова Маркс написал в 1842 году, ему было тогда 24 года.

Всем нам, а молодым тем более, следует почаще советоваться с Марксом, Энгельсом, Лениным, самым серьезным образом изучать их работы — без этого нельзя стать не только писателем, но вообще образованным человеком, как немыслимо им стать, не зная Пушкина, Герцена, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, Шолохова. Писателю прежде всего необходимы талант и убеждения. Только выработав мировоззрение, твердые убеждения, можно убедить других.

Молодым писателям, пишущим о войне, я советую серьезно изучать историю войн, историю Великой Отечественной войны, собирать воспоминания фронтовиков, их письма, дневники.

Они не должны думать о том, что до них о войне написано много, — каждому из них предстоит написать свою книгу. Им еще хватит работы — история Великой Отечественной войны таит много неоткрытого. Есть еще немало волнующих, интереснейших тем, которые ждут талантливых писателей.

Доджоогийн Цэдэв

В ПОИСКАХ ЖИВОЙ ВОДЫ

Беседу вела Людмила Букина

Доджоогийн Цэдэв — известный монгольский писатель, автор прозаических и поэтических сборников. Поэзия Д. Цэдэва соединяет в себе классические каноны монгольского стиха и современные образные средства, в ней отражена жизнь сегодняшней Монголии, ее природа, глубокие человеческие переживания. Многие стихи поэта стали популярными в Монголии песнями.

Д. Цэдэв — кандидат филологических наук, он — автор литературоведческих работ «Традиции и новаторство в монгольской поэзии» и «Мастерство писателя», а также ряда статей, посвященных исследованию современной монгольской литературы.

Будучи председателем Правления Союза монгольских писателей, Д. Цэдэв уделяет много внимания литературно-общественной деятельности, активно участвует в процессе развития творческих связей между литературами братских социалистических стран, в движении солидарности писателей стран Азии и Африки. Немало сил отдает Доджоогийн Цэдэв переводческой работе, стремясь сделать достоянием монгольских читателей лучшие образцы мировой литературы.

Беседа началась с разговора о книгах.

— Вся ваша деятельность самым непосредственным образом связана с книгой, с ее созданием, изучением, распространением. Исторические факты, явления современности, фантастические полеты в завтра, опыт постижения действительности, накопленный народом, — все это находит отражение на книжных страницах... Что испытываете вы, когда открываете книгу, — как читатель, как поэт, как литературовед?

— Книга — плод познания и добра, и зла. Поэтому никакие запреты на этот плод ни в какие времена не принесли пользы. В душе человека всегда жила мечта о бессмертии. Каких только мифов и сказок не было придумано об этом! В том числе миф о

живой воде. Так вот, мне кажется, что после изобретения Гутенберга (хотя книгопечатание и было открыто на Востоке до него, оно не оказало столь сильного влияния на общественное развитие) человек как раз и нашел «живую воду». Окунаясь в мир книг, ведет беседы с Гомером и Сократом, Калидасой и Монтенем, Шекспиром и Толстым. Даже простое перечисление этих имен доставляет любому человеку большую радость, потому что это — не просто имена, но символы человеческого разума.

Для читающего не существует границ времени. Приобщаясь к выдающимся произведениям прошлого и настоящего, человек удлинит свой век на земле. Жить в XX веке, но совершать путешествия, например, в IV век до нашей эры или в эпоху Возрождения — такое может позволить только книга.

— *Известный афоризм «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» как нельзя более уместен, когда речь идет о книгах. Любимые книги говорят о профессиональных пристрастиях, духовных запросах и даже о характере читателя. Собственно, и само формирование характера нередко совершается под влиянием литературных произведений, которые поражают воображение в детстве или в юности, а то и определяют дальнейший выбор жизненного пути. Наверняка у вас есть такие эталонные книги, от которых можно начинать отсчет той или другой жизненной линии.*

— Первым писателем, произведения которого я прочитал и который оказал на меня очень сильное влияние, был великий Горький. Помню, как однажды я увидел у соседского мальчишки книгу с фотографией человека, у которого были пронизательные и добрые глаза. Я взял почитать эту книгу. Больше всего меня поразила рассказ о Данко. Мужество Данко, целеустремленность, благородство его души восхитили меня. Гореть во имя того, чтобы вывести людей из невежества и неверия в свои силы, — это пришло ко мне, как озарение. Вспоминается греческий миф о Прометее, который, восстав против богов, достал для людей огонь, чтобы светом озарить их жизнь. Думается, что миф этот — не просто об огне в его буквальном смысле, но и о знании. Есть отдаленная связь между этим мифом и мифом о древе познания добра и зла. Близость этих мифов, как мне кажется, в том, что и там и тут герои решаются «ослушаться» богов, они переступают ту грань, за которой — свет и свобода. Именно рассказ о Данко в какой-то степени повлиял на мое нравственное становление.

Если же говорить о первой прочитанной монгольской книге, то мне трудно ответить на этот вопрос, потому что, во-первых, я вряд ли сейчас вспомню ее, а во-вторых, для меня первая

прочитанная книга — та, которая стоит в ряду оказавших на меня влияние. Если так, то в первую очередь мне хочется вспомнить сказки моей бабушки. Не сосчитать, сколько она их знала! Каждый вечер мы, дети, подсаживались к ней, и она вела нас за собой в чудесный, притягательный мир. У меня есть об этом даже стихотворение:

Сжимается сердце: зайчонка мне жаль,
Смеюсь перепелкиным козням...
Вливаются в детскую душу печаль
И радость под пологом звездным.
Учусь различать доброту и обман,
Поряdochность в нищенском платье.
...А сказок у бабушки был океан,
Послушать — жизни не хватит!

(Перевод Алексея Маркова)

В этом плане мне хотелось бы сказать несколько слов о книге замечательного монгольского поэта, основателя современной монгольской литературы Д. Нацагдорджа. Прочитав его стихотворение «Моя Родина», я впервые зримо и ясно представил себе образ Отчизны. Буквально на одном дыхании Нацагдордж выразил в своих стихах огромную любовь к ней. И воспринимаются они как вздох восхищения, который невольно вырывается у человека, когда он не в силах выразить переполняющее его чувство.

— Да, в этих стихах сочетаются простота и сила. Поэт, как птица, увидел с высоты свою необъятную родину, со всеми ее большими и малыми жемчужинами — горами, пустынями, лесами, долинами, реками и озерами... Долгое время я подступалась к переводу этого стихотворения Д. Нацагдорджа, и каждый раз какая-то преграда не давала проникнуть в скрытый, внутренний поэтический мир, дающий дыхание строчкам. Наконец, во время поездки в Монголию, когда собственными глазами довелось увидеть то, о чем пишет Д. Нацагдордж, мне удалось перевести стихотворение на русский язык. Это был, если можно так выразиться, «перевод с натуры», когда окружающая природа, о которой пишет поэт, сама диктовала прекрасные строки — гимн Монголии:

Хребты Саян, Хангая и Хэнтэя вершинами уходят в небеса.
Леса и чащи, горы и ущелья — неласкового севера краса.
Мэнэн, Шарга, Номин — степей просторы, величественный южный ореол.
Песков барханы желтые простерлись, над зыбью волн застыл степной
орел.

Раскинулась родная сторона —
Монголия, прекрасная страна!

Онон и Тола, волны Керулена — прозрачна их священная вода.
В источниках и родниках целебных сокрыты жизни долгие года.
Издрекле пьют животные и люди живительную влагу трех озер —
Буйнура, Хубсугула, Убсунура — сквозь воду виден камешков узор.

Раскинулась родная сторона—
Монголия, прекрасная страна!

Хох, Селенга, Орхон текут привольно, их русла прихотливы и чисты.
Лежат богатства в перевалах горных, сквозь толщи скал взирают с высоты.
Уходят в даль дороги грунтовые, протоптанной тропинки виден шов.
То там, то здесь—могильники степные, развалины старинных городов.

Раскинулась родная сторона—
Монголия, прекрасная страна!

Вершины гор владычественным снегом сверкают с недоступной высоты.
Под бесконечным, ясно-синим небом—простор долин и пастбищ золотых.
Гольцов высоких царственные пики издаലെка приковывают взгляд.
Дыхание степных просторов диких в своей груди кочевники хранят.

Раскинулась родная сторона—
Монголия, прекрасная страна!

Халхасский край меж Гоби и Хангаем... Там сызмальства мы сели на коней,
Чтоб проскакать от края и до края по землям милой родины моей.
Охотились на длинных горных склонах, подстерегая дикое зверье.
В долинах, от густой травы зеленых, осталось сердце верное мое.

Раскинулась родная сторона—
Монголия, прекрасная страна!

В горах, подобных тихой колыбели, покоится далеких предков прах.
Здесь наши деды плакали и пели, тут внуки подрастают на глазах.
Пасется тучный скот пяти названий в краю родном, что к сердцу прикипел.
Вся степь ветвится от рогов бараньих, лоснится от движенья конских тел.

Раскинулась родная сторона—
Монголия, прекрасная страна!

— Думается, что самое ценное качество книги—это способность пробуждать в человеке мысли и чувства к Родине, укреплять его нравственные силы. Вот что мы читаем в монгольской книге «Различные наставления»:

Книга—лестница на высокую гору,
Книга—плот в широком океане,
Книга—свет лампы во мраке невежества,
Книга—указатель в непроглядной чаще,
Книга—пища в далеком пути,
Книга—любимая, которая не покинет в трудные дни,
Книга—драгоценность, которую не сможет украсть
ни один вор.

— Книга традиционно считается в Монголии священной вещью, и это особенно чувствуешь, когда видишь собранные в Государственной библиотеке в Улан-Баторе старые книги, ставшие не только памятниками литературы, но и живописи, прикладного искусства. Медицинские трактаты, произведения монгольских авторов, написанные на тибетском языке, который был в свое время языком наиболее образованной части монгольского общества (так же, как латынь в Европе),— до сих пор многие из них еще не прочитаны и представляют собой загадочную страну, которую предстоит открыть, чтобы пролить свет на некоторые страницы развития монгольской литературы. Конечно, в домашней библиотеке иметь такие книги невозможно. Международный конгресс монголоведов, проходивший в 1982 году в Улан-Баторе, показал, какой живой интерес проявляют к вашей литературе ученые многих стран. Какие книги по этому вопросу больше интересуют вас?

— В моей библиотеке содержатся большей частью книги литературоведческие. В последнее время монголистика развивается особенно бурно. Много выходит за рубежом книг, касающихся истории развития монгольского народа. Я собираю их. Авторы — академик Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Г. И. Михайлов, К. Н. Яцковская, Л. К. Герасимович из СССР, Х. Гомбожав и О. Латтимор из США, У. Онон и Ч. Бауден из Великобритании, С. Калужински из ПНР, Л. Лигети и Д. Кара из ВНР, Д. Рамстедт из Финляндии, В. Хайссиг из ФРГ, П. Поуха из ЧССР, Сиратори из Японии, П. Пеллио из Франции, А. Мостарт из Бельгии и многие другие. Несомненно, развитию монголистики во всем мире содействуют проводимые у нас в стране Международные конгрессы монголоведов.

— *Образное восприятие мира, умение видеть необычное в привычном — таково свойство поэтического мышления. Какую поэтическую формулу вы можете дать понятию «книга»? Ту, которая отразила бы ваше индивидуальное, образное восприятие?*

— Если представить нашу жизнь как некую мощную мелодию, то книги — это ноты. С каждой новой, по-настоящему умной книгой все отчетливее и яснее звучит эта мелодия. Существует мысль, что в определенных местах земного шара концентрация духовной энергии сильнее, чем в других местах, и что эта энергия подвержена ослаблению или усилению. Книга и есть та концентрация духовной энергии, которая достижима в любой части нашей планеты и которая всегда сохраняет свою силу и действенность. Правда, только неустанно ищущим и смелым дано вырастить из нее драгоценный цветок знания и тем самым добавить еще одну ноту в гармонию нашего бытия.

— Монгольская книга, как и всякая другая, имеет свою родословную, генеалогическое древо, по которому можно восстановить этапы развития литературы, а значит, и культуры в целом. Мифы, эпические произведения — зерна, которые проросли и обогатили литературу традицией, имеющей глубокие и мощные корни.

— Что касается книги в Монголии, то мне хочется рассказать о некоторых ее древних видах. Почиталась книга с незапамятных времен. Ей поклонялись, за ней признавали чудодейственную силу, ее ставили и хранили в самой почетной стороне юрты, рядом с изображениями богов. Кроме того, в Монголии существовал еще такой обычай. Если кто-нибудь возгорался желанием приобщиться к мудрости, он обращался к более ученому человеку с просьбой помочь ему установить «связи книг», если перевести буквально. Такая «связь», как мне кажется, считалась в какой-то степени благороднее обычной дружбы в том смысле, что она предполагала чистые и мудрые отношения.

Я расскажу о двух видах книг, существовавших в Монголии: один — более древний, другой, сравнительно с ним, — молодой. В широких степях Монголии можно встретить обширную библиотеку «каменных» книг — надписи и рисунки на скалах. Надписи и рисунки эти рассказывают нам о жизни и первых представлениях о ней монголов, об окружающей их природе, об их верованиях. Возьмем, к примеру, один рисунок. На нем — изображения птиц, различных животных, змей и людей. Но нетрудно заметить, что изображения эти расположены на «странице» не в беспорядке, а в определенной последовательности. Птица всегда изображалась с распростертыми крыльями в верхней части, а люди и животные — в нижней. И это не случайно: птица в сознании монголов всегда символизировала небо, животные и люди — мир земной, а змеи — подземное царство. В наскальных надписях можно найти уйгурские, древнетюркские, собственно монгольские, маньчжурские, китайские и тибетские тексты. Все они относятся к разным временам и эпохам и отражают приливы и отливы волн кочевников, прошедших через монгольские степи.

В качестве примера таких надписей хочется привести стихотворение Цогту-тайджи, высеченное с его слов воинами на скале:

1.

Хотя различно местопребыванье
Владык небесных и царей земных,
Единый круг любви и состраданья
Объединяет нераздельно их.

2.

Для бодисатв пещер Аганистая
И тех, кто озарения достиг
Там, где земля клубится золотая,
Круг милосердия един, как миг.

3.

Отличны воеводы Эрлиг-хана
По виду от сановников земных,
Но различенье правды и обмана
В единый круг объединяет их.

4.

По-разному живут худой бродяга
И зверь лесной — голодный господин.
Но круг для тех, кто добывает блага,
Живую умерщвляя плоть, един.

5.

Не схожи внешне вор и волк матерый,
Что бродит у овчарни по ночам.
Но черный круг несътой, жадной своры
Един для ими движущих начал.

6.

Тоска летит от берегов Орхона
К сестре любимой в дальние края,
Переключаясь с волнами Онона
В земном едином круге бытия.

7.

Коль в этой жизни встретиться не сможем,
То в будущих перерожденных вновь
Друг друга мы отыщем и поможем
Продлить и сохранить свою любовь.

(Перевод Людмилы Букиной)

Из этих стихов видно, что Цогту-тайджи был не только большим полководцем, но и человеком высокой культуры, образованности и недюжинного литературного таланта. Стихи раскрывают единую суть двух казалось бы противоположных явлений. Первые три строфы — единую суть всех творящих добро, в каких бы различных формах ни представляли они перед нами. Следующие две строфы — единую суть всех творящих зло на этом свете. Особняком стоят последние две строфы, из-за которых, собственно, и был создан этот шедевр. Тут Цогту-тайджи говорит о любви к своей двоюродной сестре. Если представить это стихотворение в виде архитектурного сооружения, то можно, думается, построить двухэтажную пагоду, где первым этажом будут три строфы о творящих добро и две строфы о творящих зло, как символы противоречий, лежащих в основе жизни на этом свете, а вторым этажом, венцом — две последние строфы о

любви. Таково мое образное представление этого удивительного стихотворения.

Другая разновидность древней монгольской книги — песенники, которые обычно писались от руки. Их никто и никогда не публиковал, поэтому они сохранились большей частью в довольно редких экземплярах. История происхождения подобных книг примерно такова: полюбившиеся песни монгол записывал в специальную, искусно сделанную тетрадь. Такие книги хранились бережно, передавались из поколения в поколение. Одна из них содержит триста песен. Она найдена в Арахангайском аймаке. Размер ее 20×32 см, толщина — 2,5 см. Страницы сделаны из твердой шелковой бумаги, на которой чернилами записан текст. Книга состоит из 162 страниц. Каждая — заботливо обрамлена розовой краской, внешняя сторона обложки покрыта желтым шелком с изображением дракона, сотканном из золотистых и серебристых нитей, а внутренняя часть — одноцветным голубым шелком. Песни, содержащиеся в песеннике, рассказывают о жизни Монголии XVIII века.

— *Стремление проникнуть в духовный мир другого народа, постичь богатства, накопленные мировой литературой и отражающие самобытность ее гениев,— вполне естественно и закономерно для монгольских писателей. В основном такое приобщение достигается путем перевода на монгольский язык книг, художественная ценность которых бесспорна.*

— Переводческая традиция монголов уходит своими корнями в глубокую древность. Есть данные, говорящие о том, что за семьсот лет до Чингисхана монголы имели тесные связи с согдийцами, что согдийские ученые обучали наших предков письму и основам перевода книг. И многие ученые считают, что монголы заимствовали свою письменность, теперь известную как старомонгольская, не от уйгуров в XIII веке, а от согдийцев за семьсот лет до этого.

За время после Народной революции произведения монгольской литературы переводились приблизительно на 80 языков народов мира, а на монгольский язык — книги писателей 120 стран. Большую часть составляют произведения мировой классики, писателей Советского Союза и социалистических стран.

— *Насколько мне известно, круг ваших литературных интересов широк, он включает в себя также и переводческую деятельность...*

— Я переводил стихи Александра Пушкина, Назыма Хикмета, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, книгу рассказов Валентины Осеевой... Существует выражение: «Перевод — что женщина, если верна, то некрасива, а если красива, то неверна». Фраза эта — о двух крайностях перевода. Мне же думается, что при

переводе нужно придерживаться золотой середины, то есть не заниматься буквализмом и не писать за автора. В общем, перевод—это очень серьезное дело, и переводчик, как и писатель, должен прежде всего быть творцом.

— *Что касается проблемы перевода, то она возникла, вероятно, в те самые древние времена, когда встретились люди, говорящие на разных языках. Однако до сих пор проблема эта жива, и каждый переводчик решает ее по-своему. Если бы меня спросили, каким представляю я перевод своего стихотворения, я ответила бы, что хочу видеть в нем сохраненным тот стержень, который, будучи непонятым и разрушенным переводчиком, уничтожает и написанное самим поэтом. Ваши произведения переводились на русский язык и, наверно, на другие языки тоже?*

— Да, на английский, французский, испанский, арабский...

— *Вероятно, литературоведение требует куда больше времени и усилий, чем сама работа писателя? Тем более, что литературный процесс в Монголии нуждается в широком и всестороннем изучении. Каковы основные проблемы ваших литературоведческих изысканий?*

— Я занимаюсь проблемой традиции и новаторства в современной монгольской литературе. К монгольской литературе вообще и к поэзии в частности подходят с двух различных позиций. Одни считают ее полным «повторением и подражанием» индийской, тибетской и китайской литературам, другие—непревзойденным образцом художественного осмысления действительности. Оба этих подхода мешают правильному пониманию традиции и новаторства.

Поэзия нового времени опирается прежде всего на богатое наследие народного песенного творчества. Именно основываясь на демократических традициях народных песен, которые отражали борьбу монгольского народа против чужеземных захватчиков, изобличали феодалов и господ, были созданы первые произведения современной монгольской литературы—песни «Шивэ Хиагт», «Красное знамя».

Наряду с песенной нужно коснуться традиции, заложенной поэтами Л. Агванхайдавом, Д. Равджа, В. Гулранса, В. Инжин-нашем, Н. Ишданзанванжиллом, которые жили и творили в XIII—XIX веках. Они в своем творчестве правдиво изображали жизнь народа, связанного путами религии, но показать путь освобождения от этих пут они не могли.

Новая литература, видными представителями которой являются Д. Нацагдордж, С. Буяннэмэх, Ц. Дамдинсурэн, создала образ человека, рожденного социализмом и ставшего полновластным хозяином своей страны. Сегодня Народная Монголия—

страна свободолобивых и равноправных граждан. Изо дня в день растет ее авторитет на международной арене, расширяются ее связи с зарубежными странами. Расширяются и углубляются также ее литературные связи.

Мне посчастливилось встретиться и подружиться со многими зарубежными писателями, людьми широкой и доброй души. Каждая встреча с ними открывает для меня новые стороны их духовного мира. Мы ежегодно организуем у себя литературные дни, на которые приглашаем друзей-писателей. В 1982 году, например, к нам на Дни советской литературы приехала представительная интернациональная писательская делегация из Страны Советов, в которую входили многие известные советские писатели, среди них — Джубан Мулдагалиев, для которого это уже был четвертый приезд в Монголию, другие писатели, оставившие нам свои стихи о Монголии. Назову еще несколько имен писателей, из разговоров и бесед с которыми у меня сложился целый цикл литературных портретов. Это Г. Марков, Ч. Айтматов, Дж. Олдридж, А. Аль-Хамиси, Н. Гильен, Младен Исаев... Этот цикл портретов вошел в мою книгу «Пятый тур», которая скоро выйдет в свет.

— *Мы начали беседу с книги, и в завершение разговора снова вернемся к ней. Что испытываете вы, когда берете книгу, которую до вас читали многие, особенно если она — любимая?*

— Мне нравится держать в руках книги, прочитанные многими людьми. Некоторые читатели оставляют на них свои пометы, и по ним узнаешь, как читал тот или иной человек, даже иногда угадываешь его мысли, его восторг, переживания... Что касается моих любимых книг, то они, как, наверное, у многих книголюбов, представлены классикой мировой литературы. Это Эсхил, Гораций, Монтень, Шекспир, произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького, стихи монгольского поэта Д. Равджа... Много их, все перечислить невозможно. Книга — это чудодейственный напиток, исцеляющий праздность души и уничтожающий мрак невежества, побуждающий человека к высоким поступкам.

В. Каверин

ЧТЕНИЕ И СТИЛЬ

Беседу вела Л. Наппельбаум

Солнечный вечер в Переделкине. Дача Вениамина Александровича Каверина. Хозяин немного нездоров. Мы разговариваем на небольшой терраске.

Я всегда с огромным интересом и симпатией относилась к группе питерских писателей и литературоведов, строивших советскую литературу на основе богатейших культурных традиций прошлого. Один из них—В. А. Каверин. Пожалуй, нет другого современного писателя, в творчестве которого книга играла бы столь активную роль. На страницах одного из последних его романов «Перед зеркалом», там, где речь идет о духовном становлении молодой женщины, имена писателей и названия различных книг упоминаются более тридцати раз! Не удивительно. Ведь героиня принадлежит к среде русской интеллигенции, жизнь которой протекает в тесном единении с книгой. В романе упоминаются Чехов, Игорь Северянин, Гёте, Ахматова, Ожешко, Метерлинк, Ованесян, Пильняк, Лоти, старый казанский путеводитель, журнал «Среди коллекционеров». Надо обладать широчайшим читательским диапазоном, чтобы столь щедро одарять своих героев литературными интересами. К тому же автор иной раз отзывается о книге устами своих героев. Например, героиня романа удивляется, как может так много думать о самой себе Мария Башкирцева, которая стяжала себе известность подробным и искренним самоанализом в своем дневнике.

Но была еще одна причина, по которой разговор с Вениамином Александровичем обещал быть интересным. В 1967 году, выступая в клубе книголюбов Центрального Дома литераторов, Каверин говорил о роли чтения в творческом труде писателя с убеждением и откровенностью, какие редко услышишь об этом предмете от писателя.

Сперва мне показалось, что Вениамин Александрович мало расположен отвечать на мои вопросы.

В. А. Каверин

— Мне представляется, что у каждого писателя есть книга, впервые вызвавшая в нем желание писать. Можете вы назвать книгу, побудившую вас взяться за перо?

— Трудно ответить на этот вопрос. Я пишу с восьми лет. Непишущим себя плохо помню. Я ведь начал со стихов. Больше всего читал с десяти до двадцати лет. Это началось с того момента, когда мне удалось проникнуть в книжный шкаф старшего брата. Читал и приключенческие книги, соответствовавшие моему возрасту,—Купера, Жюль Верна,—и серьезную литературу, русскую классику. В двенадцать лет прочел уже Гамсуна и Ибсена. Читал ежедневно по многу часов. Получился своеобразный период первоначального накопления. Когда в двадцатые годы, будучи студентом, начал писать прозу, я уже много прочел.

— Есть ли у вас любимые книги, которые сопровождают вас всю жизнь?

— Любимых книг так много, что перечислить их нет возможности.

Снова словно ушел от моего вопроса Вениамин Александрович. Но тут же начал отвечать и на первый, и на второй мой вопрос.

— Самое любимое — проза Лермонтова. В детстве подтолкнула к стихам поэзия Жуковского. Есть авторы, отношение к которым менялось в течение жизни. Было время, когда я не хотел походить на Тургенева. А сейчас я ничего не имею против.

— *Но все же Тургенев далек от вашей прозы?*

— Да, сейчас все получается по-своему. В старших классах гимназии я считал Чехова летописцем жизни, его прозу — прямым ее выражением. Потом понял, что его простота — результат таланта, вкуса и ума. Что касается Тургенева, сейчас для меня его проза так же, как и проза Чехова, — нечто вроде камертона, помогающего мне в работе над стилем...

Любовь писателя к книге, думалось мне, всегда и притяжение, и отталкивание. Если писатель не сможет побороть в себе любимого автора, он будет им поглощен. Только окончательно встав на ноги, ученик может себе позволить безусловное признание учителя.

— ...В гимназии нам преподавали латинский язык. Латинский я знал и любил. Он помог мне научиться сравнивать стили. Языки Цезаря и Цицерона резко отличаются друг от друга. На чужом языке различие стилей воспринимается острее.

Для меня это было некоторым открытием. Мне прежде представлялось, что все нюансы иностранного языка с чуждым нам стилистическим строем не могут восприниматься.

Пытаюсь разжечь полемический забор своего собеседника.

— *Есть люди, читающие плохие книги, чтобы потом их ругать. Дает ли что-нибудь вам чтение плохих книг?*

— Я их не могу читать. Не могу оценить ни сюжета, ни композиции. Бросаю на десятой странице, если язык безграмотен или полон канцеляризм.

А вот писатель заговорил о стиле книги — одном из необходимых слагаемых литературного произведения.

— Когда рукопись переписываешь, одновременно слушаешь, как звучит фраза. В книге два заряда: самостоятельное звучание фразы и взаимосвязь ее с другими фразами. Для того, чтобы найти ее единственное место, нужен вкус. У Пушкина вкус был безошибочный. Из современных писателей очень тонкий вкус был у Корнея Чуковского. Я всегда просил его читать мои рукописи, и он никогда мне не отказывал.

— *Я понимаю, что библиофилом в собственном смысле слова вы никогда не были. Но разве вам безразличен вид книги?*

— Конечно, нет. Я всегда требую общения с художником. Недавно Георгий Юдин делал рисунки для моей книги «Ночной сторож». Книги мои иллюстрировали Акимов, Кирнарский, Конашевич. Когда издательства издают безвкусно, это меня, разумеется, огорчает.

— *Всегда ли можно угадать по стилю писателя меру его начитанности?*

— Мне кажется, всегда. Вообще говоря, я не перестаю учиться писать. Мне нравятся многие современные писатели. Больше других Можаяев, Белов, Тендряков, Рошин. В творчестве Белова чутье, слух играют значительную роль.

Есть три источника творчества: интуиция, знание материала и переработанная начитанность. Их взаимоотношения меняются. У одного писателя преобладает одно, у другого — другое. Это не мешает их имена поставить рядом, когда речь идет о самых любимых.

Давая время записывать свои мысли, Вениамин Александрович говорил неторопливо, даже, казалось, бесстрастно. Мне же хотелось вызвать в нем тот полемический задор, который так украсил его выступление в клубе книголюбов. На следующий вопрос, по моим представлениям, он должен был ответить активным протестом.

— *Мне случилось услышать от одного писателя такую фразу: «Учиться писать надо не из книг, а из жизни». Как, по-вашему, чем фальшива эта сентенция?*

На мой слух, само противопоставление книги и жизни звучит фальшиво. Жизнь дает материал, а как писать — этому может научить книга. Я считала, что тот писатель просто ищет оправдания лениости своего ума. Но Вениамин Александрович отвечал мне тем же ровным и спокойным голосом.

— *Когда-то мне казалось, что для того, чтобы изобразить необычайное время, в котором мы живем, нужно отказаться от задач чисто литературных, потому что непосредственное знание жизни само подсказывает решение задачи. Теперь я вижу, что был неправ. От своих друзей и критиков я часто слышал упреки в некоторой книжности моего творчества. Я принадлежу к писателям, для которых мир книжного сознания был жизненной необходимостью, а стало быть, и профессиональной. Я могу показать и доказать пользу так называемой «книжности» на примерах великих писателей и поэтов. Ну, хотя бы Лермонтова, Гоголя. У настоящих, хороших поэтов творческое знание русской поэзии не скользит между строками, оно продумано, отобрано, прожито... Отсутствие или недостаточность знания отечественной литературы с роковой неизбежностью останавливает развитие даже исключительных талантов. Если эту фразу сказал вам человек с образованием, он не научится писать. В моей библиотеке столько разных библиотек, сколько книг я написал. Каждая потребовала большой или маленькой библиотеки. Для «Открытой книги» понадобились книги и мемуары великих бактериологов.*

Для романа «Перед зеркалом» — множество книг по искусству, которые я, впрочем, давно собирал. Для «Науки расставания» — литература о Краснознаменном Северном флоте и т. д.

Вот я и услышала от Вениамина Александровича ту мысль, ради которой к нему пришла. Она была высказана без прежней горячности, но на этот раз в ней прозвучал оттенок, значительно ее прояснивший.

— Утверждение о том, что учиться писать надо не из книг, а из жизни, не было ленью ума. Это — исторически обусловленное убеждение. Резко изменившаяся действительность требовала резкого изменения всего строя литературы. Книга вызвала опасение: она могла исказить изображение действительности. Это почти так же, как бывает в творчестве молодого писателя. Оттолкнуться, чтобы вырасти и приблизиться. Но убеждение было в то же время и заблуждением. Потому что оттолкнуться от книги можно, только ее прочитав.

Эта мысль Каверина о близости творчества каждого писателя ко всему накопленному книжному опыту человечества нам дорога. И не только потому, что она зовет советских писателей к новым высотам мастерства, но и потому, что художественное творчество, как и любой вид труда, — дело общественное. Не только заводская деталь, переходя из рук в руки, обретает форму, соответствующую ее назначению, но и мысль, переходя из поколения в поколение, приближается к истине. Общими усилиями многих талантов складывается образ нашего мира. Писатель работает в одиночку, но он не одинок — он участвует в общем литературном процессе.

— *Читать надо, чтобы не изобрести велосипед?*

— Велосипед! В литературе без культуры вот столечко нельзя изобрести.

Вениамин Александрович показывает кончик мизинца.

— *Не мешает чтение быть оригинальным?*

— Напротив, помогает. Сперва вы стараетесь быть непохожим на других. Но это детское желание. Потом сходство проходит само собой. Я, может, немного похож на Паустовского. У него добро — свойство личности, а не искусства. Я тоже стремлюсь доказать банальные истины добра, мужества, чести. Банальные истины доказывать трудно, потому что они просты, а самое трудное — написать простое. И есть опасность впасть в поучительный тон. В этом смысле я — последователь русской литературы, которую хорошо знаю. Только русская литература всегда заботилась о том, чтобы донести до читателя истины подлинной морали...

Юрий Грибов

В КНИГАХ, КАК В ЖИЗНИ

Беседу вела К. Хромова

Наш собеседник — писатель Юрий Тарасович Грибов, главный редактор «Недели», секретарь правления Союза писателей РСФСР, автор более двадцати книг.

Писатель только что вернулся из командировки по Костромской области. Наш разговор — о социально-нравственных преобразованиях в селе, о людях деревни и книгах в их жизни.

— Юрий Тарасович, вы дважды выступали на Центральном телевидении, в программе «Клуб путешественников». Кстати, обе передачи посвящались Поволжью, а последняя — полностью Костромской области. Мы, телезрители, как бы побывали в гостях у ваших героев: познакомились с бывшими фронтовиками, с династиями речников и хлеборобов, увидели работу ювелиров из села Красное и плотников-умельцев, украсивших резными наличниками избы многих верхневолжских деревень. В частых выступлениях по радио и на читательских конференциях обнаруживает себя ваше уважительное отношение к крестьянам. Поэтические названия книг — «Поклон хлебу», «Сельский двор», «Пора зарниц и облаков», «Сороковой бор», «Рубиновые серьги», «Журавлиная стая», «Перелом лета», «Смоленские дороги», «Высоковские старики», «Контеевские вечера» — тоже подчеркивают вашу верность сельской теме.

— Сельские жители — герои почти всех моих книг. Главное, мне кажется, показать человека, беззаветно преданного земле, хозяйина на ней, хорошего работника, семьянина, защитника природы. Он не только любит природу, он ее защищает, делает красивой. В общем, меня интересует современный советский крестьянин. И впредь в своих будущих рассказах и очерках я намерен обращаться к психологии современного крестьянина, к традициям, которые идут от дедов и прадедов. Ведь они прививали нам любовь к земле и самой деревенской жизни во всей ее прелести и неповторимости. Сама деревенская жизнь со всеми ее трудностями — привлекательна, и надо писать о ней соответственно — со знанием и любовью.

— Так может писать лишь тот, для кого на всю жизнь самые яркие и незабываемые впечатления оставило деревенское детство...

— Так было и со мной. Где бы я ни путешествовал, по нашей стране или за рубежом, всегда приходит на память мое родное село Бугры, что находится в Горьковской области. Обыкновенное среднее село, каких в России тысячи. А мне оно дорого.

У каждого, наверное, бывает в жизни такое: возникнет вдруг перед глазами милое детство и так всколыхнет, так растревожит, такую сладкую боль разбудит в душе, что ходишь потом сам не свой. И все тебе жалко чего-то, терзаешься и думаешь, что вот годы проходят, а ты в родных местах, где родился и вырос, давно уже не был, не радовался встречам, не стоял у дорогих могил... Нечто подобное я испытал однажды по дороге от Суры в сторону Горького. Взволновался, когда на дорожных указателях замелькали знакомые названия. Где-то там, за лесами,— наши Бугры, родное село, в котором я не был почти двадцать лет. На двадцать пятом километре от Горького, на отшибе, на стыке районов находятся Бугры. Вот и бросают их из района в район: раньше были они Богородского района, потом Кстовского, еще раз Богородского, а сейчас Дальне-Константиновского.

Так волновался, что остановил машину, вышел и зашагал по обочине навстречу летнему ветерку. Захотелось мне пройти до села пешком, чтобы все вспомнить, вернуться к далекому прошлому...

Сколько хожено-перехожено по этой дороге! И не просто так, не ради прогулки, а всегда только по делу. Отец и мать частенько брали нас, ребятишек, с собой. Поклажа, конечно, была у нас полегче, но обязательно, как и взрослые, мы что-то несли.

— Ваш отец был коренным сельским жителем...

— Да, так. Но вот, что было дальше. В Бугры я пришел затемно. Зашел к Клавдии Страховой, поскольку родных в селе никого не осталось. Когда-то мы были соседями. Наши дома стояли рядом. И семьи у нас были одинаковые: у них шестеро и у нас шестеро. Давно погасили свет, наговорились, но не спалось. Двери и окна раскрыты настежь. «Думаешь? — спрашивает Клавдия Васильевна.— Милее родных мест, поди, ничего и нет...» Она задает мне разные вопросы, вспоминает мою мать, отца и те годы, когда рядом жили. «Иваныч-то, отец твой, пол-Бугров срубил,— говорит она.— Золотые руки... Валенки всем валял, угли жег, игрушки делал...»

И будто про себя, а не про отца я слушаю. Будто я сам эти дома построил. Давно уже нет на земле человека, а память о нем и труд живы. Гордость за предков своих—какое это хорошее чувство!

— В вашем очерке «Бугры— село мое» рассказано и о сегодняшнем дне земляков, о молодежи, сильных, здоровых парнях, которые после армии, учебы вернулись на землю отцов механизаторами, агрономами, животноводами. Какую профессию и должность ни возьми— все свои, бугровские, освоили, все им под силу оказалось. А мне особенно запал в душу образ Лидии Ивановны Флорентьевой— настоящей русской крестьянки. Видимо, на таких вот людях держалось и держится село.

— Да... Лидия Ивановна Флорентьева. Смекалистее, упорнее и прилежнее, помню, не было у нас в Буграх женщины. Все она умела делать: и верхом ездил, и с конной жаткой управлялась, и сеяла, и стога метала, и пчел разводила. Невысокая, круглолицая, стройная, в белой кофточке, носилась она по селу, готовая помочь любому словом и делом, ругала лентяев и пьяниц на собраниях, красиво и душевно пела на праздниках, плясала под балалайку и гармонь. За бескорыстие, прямоту и сердечность звали ее ласково— Лидеюшка.

С мужем у Лидеюшки получился раздор, и она одна троих вырастила: Леонида, Бориса и Людмилу. Леонид Яковлевич Флорентьев, закончив институт, звал мать к себе, в район. Но она не поехала. Отказалась Лидия Ивановна от городской квартиры и тогда, когда сын ее стал кандидатом наук, первым секретарем Костромского обкома партии, министром сельского хозяйства России. «Нельзя, сынок, родную землю бросать,— говорила она, подавая на стол деревенские угощения.— Сам, чай, агитацию в деревнях проводишь, чтобы народ поле свое не забывал, а меня сорвать хочешь. Люди-то что скажут? Стыдно людей-то будет...»

Так она никуда и не поехала, умерла семидесяти с лишним лет в своем домишке с палисадником перед окнами, до последних дней работая молоковозом в колхозе...

— С тех далеких пор изменилась жизнь не только в Буграх. А в вашем творчестве прочно осталась тема сельского двора. Даже книге очерков вы дали такое название. Почему?

— Сделал я это не случайно. «Сельский двор»— емкое понятие. Какова на селе семья, какой сельский двор, такова работа и жизнь. Если колхозник трудолюбив, держит корову, поросенка, кур, уток, если у него есть садик, огород, несколько ульев, то все это не только дает немалый прибавок к его столу, а излишек—рынку, но и детей его воспитывает трудом. А настоящая работа действует как вакцина против иждивенчества.

Сельский двор— как бы ячейка большого деревенского хозяйства. Сейчас в передовые колхозы и совхозы, где быт налажен и устроен, будут приходить люди из городов, возвращаться те, кто когда-то покинул деревню. Бытовые условия на селе не должны уступать городским.

— В вашу книгу «Сельский двор» вошла небольшая документальная повесть «С протянутой рукой». Вещь критическая, актуальная — об отстающих хозяйствах. Два колхоза расположены рядом, разделены буквально междой, дорогой. На них и «дождь из одной тучи капает». В одном, независимо от дождей или засухи, — урожаи высокие, устойчивые, под сорок центнеров с гектара, и люди высокие, и коллектив стабильный. А в другом все наоборот: урожаи низкие, корова дает молока не больше, чем коза, нет заработков, и люди уходят из деревни в поисках лучшей жизни. Что вас больше всего тревожит при разработке темы сельского двора?

— Сейчас на селе должен быть в ответе каждый человек-труженик. И очень важно, как сумеют его воспитать партийные, комсомольские, хозяйственные и профсоюзные организации, как направят в нужное русло. Передовой опыт есть, он расписан, иногда даже разрекламирован, есть нужные толковые рекомендации и помощь государства. И если современный наш крестьянин — колхозник, работник совхоза — все это использует и добросовестно потрудится, то обеспечит должную эффективность своей работы. Сейчас нужна хорошая, дружная работа во всех отраслях. Конкретные результаты Продовольственной программы скажутся уже в ближайшие годы. От года к году будет улучшаться качество и увеличиваться ассортимент продуктов в магазинах, станут обильными и дешевыми колхозные рынки.

Бывая в хлебных регионах страны — на Тамбовщине, в Краснодарском или Ставропольском краях, — обязательно встречаюсь с хлеборобами, беседую с партийными работниками, председателями колхозов, директорами совхозов. Они делятся своими мыслями о Продовольственной программе, обращают внимание не только на качество работы, но и на борьбу с потерями. Это пока бич нашего хозяйства. Сохранить все до зернышка, до соломинки — вот сегодняшняя задача. Терять то, что дала земля, что добыто огромным, нелегким трудом людей, недопустимо, бесхозяйственно, безнравственно. Материальный ущерб оборачивается при этом ущербом моральным. Больно смотреть, как сахарная свекла, картофель, зерно, втоптанное в грязь, валяются у дороги. И это видят дети, молодежь. Ведь можно сколько угодно говорить об уважении к труду и любви к земле, но рядом с такой бесхозяйственностью все эти слова — не более чем пустой звук. Так что борьба за бережливость — одна из главных наших задач.

— Вы сказали, что сейчас на селе все будут решать сами труженики. Там сейчас значительная прослойка интеллигенции: врачи, учителя, агрономы, инженеры. Сознают ли они себя пропагандистами культуры, книги? В одной из телевизионных

передач «Лица друзей» вы вспомнили своего сельского учителя Африкана Ивановича Слинякова. Что он значил для деревни?

— Такие люди, как Африкан Иванович, помнятся... Это теперь в Буграх автоматическая телефонная станция, почти в каждом доме и радиоприемник, и телевизор. На разные лады из всех окон доносятся по вечерам музыка, песни. Сидят старухи на лужайке, рядом транзистор заливается, диктор сообщает последние известия. А в 1939 году на все село был один самодельный приемник, установленный Африканом Ивановичем Слиняковым. Талантливый педагог и воспитатель, коренной бугровский житель, Африкан Иванович поставил приемник не у себя в комнате, а в палисаднике, и все приходили слушать «сделанное его руками радио». Идут, бывало, с лугов бабы, останутся на тропинке и слушают. У некоторых старух в уме не укладывалось, как это так — в Москве говорят, а в Буграх слышно?

— Надо понимать так: каждый сельский интеллигент должен быть просветителем?

— Сельский интеллигент всегда на виду. В нашем селе Бугры было сто двадцать дворов и на всю местную детвору лишь два учителя — Мария Ивановна Рязанова и Африкан Иванович Слиняков. Истинные интеллигенты. Всегда спокойны, вежливы, внимательны, подтянуты. А каким ярким, образным был их язык! Именно они привили нам любовь к книге, научили ее уважать, бережно к ней относиться.

— Какие вы прочли первые в своей жизни книги? Нравились ли вам стихи?

— Начало моему «литературному образованию» положила сельская библиотека. Учился я в школе села Каменка, в пяти верстах от дома. Там и жил в снятой для нас, ребятишек, избе. Особенно нравились мне стихи. Помню, долго ходил под впечатлением строки: «Настурция огненный куст». В четвертом классе Африкан Иванович Слиняков предложил нам самим сочинить стихи, лучшие поместил в стенной газете. И мои тоже. Помню, как выглядели и учебник по литературе, и хрестоматия. Всегда бережно относился я к книгам, а читал в ту пору много. Особенно нравились книги о природе, о животных. Читал рассказы Чехова, Алексея Толстого, Горького, стихи Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Никитина.

— Ну что ж, вы приобщались к литературе, читая хорошие книги. И спасибо, что, став писателем, не забыли сегодняшних маленьких читателей — написали для них две книжки: одну — о селе, рассказав о дважды Герое Социалистического Труда Прасковье Андреевне Малининой, вторую — «Мой дедушка — егерь» — о природе.

Какие книги современных писателей особенно воздействова-

ли на ваше сердце, стали любимыми, необходимыми? Кто из их авторов вам особенно близок?

— С огромной симпатией я отношусь к творчеству Михаила Александровича Шолохова. Многие куски из «Тихого Дона» помню наизусть. Часто перечитываю Алексея Толстого, особенно «Хождение по мукам». Нравится Георгий Марков — за размах темы, жизненную правду, основательность, размеренность, философские раздумья, за умение мастерски подать героев. В творчестве Юрия Бондарева ценю мастерство и отточенность. С удовольствием читаю Василия Белова, Виктора Астафьева, Евгения Носова, Григория Бакланова, Чингиза Айтматова. Люблю Владимира Солоухина-очеркиста. Все, что он пишет, мне близко, понятно. Еще во время службы в армии я написал ему восторженное письмо по поводу «Капель росы». Будто он подглядел жизнь нашего села, хотя писал о своей деревне. Василий Песков дорог мне за умение влиять на читателей. Подумать только, на протяжении долгих лет Василий Михайлович воспитывает миллионы читателей «Комсомольской правды»!

— И тем не менее, с давних-давних пор вашим любимым писателем остается Чехов. Не случайно на вашем письменном столе — бюст Антона Павловича, его портрет. Вот о чем хочется спросить вас, Юрий Тарасович: не угадывается ли связь между его книгами и вашими путешествиями по чеховским местам, между «Островом Сахалином» и вашей поездкой на остров Сахалин?

— В самую точку попали. С каким наслаждением я перечитываю письма Антона Павловича! Большинство его рассказов помню наизусть. Давно, еще в юности, я дал себе слово: непременно посетить места, связанные с его именем. Съездил в Мелихово, побывал в Таганроге. Обошел весь остров Сахалин. «Остров Сахалин» считаю непревзойденным до сих пор образцом художественного очерка. Книги выше чеховского «Острова Сахалина» в отечественной документалистике я не знаю. Удалось мне побывать даже в Шварцвальде, где умер Антон Павлович, пришел туда поклониться памяти великого писателя.

— Юрий Тарасович, много ли времени вы отдаете чтению?

— Редакторская служба отнимает почти все свободное время. Но, разумеется, внимательно слежу за периодикой, просматриваю все свежие вещи, публикуемые в толстых журналах. Перечитываю классику.

— Как постоянный читатель «Литературной России» я заметила, что на протяжении девяти лет, когда были главным редактором еженедельника, вы открывали для массового читателя много новых имен. Достаточно вспомнить, что в «Литературной России» опубликованы многие рассказы Васи-

лия Шукшина, Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Чивилихина, Ивана Уханова, стихи Ольги Фокиной, Евдокима Русакова. Теперь вы продолжаете эту линию в «Неделе». Читатели замечают, что на литературных страницах «Недели» стали появляться новые авторы. Как важно молодому писателю, чтобы его вовремя поддержали, напечатали, поверили в его талант...

— Первые рассказы Василия Шукшина мы печатали еще в газете «Советская Россия», где я был членом редколлегии, редактором по отделу литературы и искусства. Хорошо помню, как Василий Макарович приносил свои короткие, на пять-шесть страничек рассказы. Продолжаю следить за творчеством Распутина и Белова. Радуюсь успехам и популярности Виктора Потанина, Виктора Лихоносова, Владимира Крупина. Союз писателей СССР совместно с «Неделей» проводит конкурс на тему «Советский характер». Лучшие рассказы премируются.

— Сегодня издается очень много книг, среди которых немало умных, интересных, захватывающих — откроешь первую страницу — не оторвешься. А бывают книги равнодушные, без искры что ли... По роду службы вы должны быть придирчивым человеком, имея дело с новыми публикациями. Как выявляете вы молодые таланты?

— Довольно часто я езжу по стране. Бываю в областных и районных центрах. По возможности захожу в тамошние писательские организации, знакомлюсь с книжными новинками, слежу за тем, что печатается в местных газетах. Несколько лет назад в Иванове я заметил молодого поэта Александра Хромова. Его стихи о хлебе мы напечатали в «Неделе». Так имя малоизвестного поэта появилось на страницах нашего еженедельника рядом с именем Сергея Викулова. Там же, в Иванове, я открыл для себя поэтессу Ларису Щасную, а в Горьком — поэта Валерия Шамшурина.

— Вот вы вспомнили поэта Сергея Викулова, которому часто предоставляете место на страницах «Недели». Вы оба — люди одного поколения, оказавшегося на войне, можно сказать, со школьной скамьи. Чем вас привлекает его творчество?

— Стихи и поэмы Сергея Викулова не могут не привлекать к себе внимание такими качествами, как гражданственность и душевность, кроме того, они доходчивы. Об этом можно судить даже по читательской почте.

— Юрий Тарасович, вы сами работаете в малом жанре, пишете художественные очерки, новеллы, рассказы. Судя по вашим многочисленным поездкам, по вашим публикациям в периодике, материалов у вас скопилось предостаточно и для

большого полотна. Не испытываете ли вы желания взяться за роман?

— Нет, не собираюсь. Не мое это дело. Роман писать долго, да когда еще он выйдет... А публицист должен, если он увидел то, отчего болит сердце, сделать это немедленно достоянием гласности. В таких случаях я выступаю на газетной полосе.

Героя будущего произведения писатель должен искать в жизни, а взрастить его в своей душе помогает широта кругозора, образованность. Очерками увлекаюсь давно. Начинал как военный журналист в одной из армейских газет, разъезжал по дальним гарнизонам, а после демобилизации работал в областной, республиканских газетах, печатался в журналах.

— Ваши очерки с художественной точки зрения интересно выстроены — злободневность сочетается в них с вниманием к человеку, его облику, его внутреннему миру.

— Не люблю голых проблем. Обязательно ставлю перед собой такие задачи: очерк должен быть не только документальным (то есть привязанным к конкретному месту и существующим в действительности людям), но и близок к рассказу, а значит, иметь художественную форму. Вот и стараюсь так писать, чтобы очерк, если в нем изменить фамилии, мог стать рассказом.

— Не считаете ли вы, что у профессиональных писателей очерк недостаточно в чести?

— Конечно, обидно, когда в толстых журналах набирают его мелким шрифтом да ставят куда-нибудь на задворки. Место очерку должно быть в красном углу. Я могу привести немало примеров, когда на страницах периодики родились целые книги. Так было у Сергея Крутилина: в основе его документальных произведений личные впечатления о своем родном селе. Или лучшая вещь Владимира Солоухина «Владимирские проселки».

— Юрий Тарасович, вы уже лет пятнадцать активно сотрудничаете в «Правде». Читатель привык к вашему имени под «трехколонниками». В чем вы видите связь литературы и журналистики?

— В газете был опубликован мой документальный очерк «Тайна старой мельницы», посвященный псковским партизанам. Материал собрался интересный, невыдуманный — о партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны, о стойкости и мужестве советских бойцов, о чистой, светлой любви. Посыпались письма от читателей: что да как? Пришлось снова взяться за перо. Так родилась повесть «Тайна старой мельницы», выпущенная Воениздатом.

— Кстати, в эту книгу вошла и вторая документальная повесть — «Мужество» — о лейтенанте Алексее Четвергове.

— В Костроме я познакомился с Алексеем Четвертных.

Биография — интереснее не придумаешь. В прошлом он военный летчик. Его самолет подбили вражеские зенитки. Оглушенный, контуженный, Алексей упал без парашюта, пробив сугроб снега на склоне оврага. И остался жив!

Познакомился я с ним поближе, расспросил подробнее, как он летчиком стал, как выжил. В повести «Мужество», которая сложилась из очерка «Сильнее смерти», фамилию Четвертных я заменил на Четвергов.

— Помню ваш очерк «Маринка» о сельской библиотекарше, опубликованный в газете «Сельская жизнь». Не он ли положил начало повести «Контеевские вечера»?

— Тема сельского библиотекаря меня волновала давно. Бывая в селах, первым делом захожу в библиотеку, куда стекаются самые разные читатели. За вечер чего только там не услышишь, всю жизнь села узнаешь. Библиотека мне за то и нравится, что люди там душой отходят, отдыхают. Написал я «Маринку», а чувствую, что не досказал. Слово камень какой ношу... Меж тем материал накапливался. И вот решил на повесть «Контеевские вечера».

— Итак, Галя Бурьгина — собирательный образ сельской библиотекарши. Выпускница культпросветучилища, она подняла культурную жизнь села на новый уровень, сделав долгие зимние вечера содержательнее, радостнее. Жители, и что особенно важно, молодежь, с нетерпением ждали, когда же в библиотеке на взгорке появится огонек. Они ждали встречи с Галиной Кимовой, которая продолжит чтение вслух нового романа. Потом она отложит книгу, и начнется задушевный разговор о сегодняшнем дне деревни. Неохотно станут расходиться люди из библиотеки, прощаться у крыльца до завтрашнего дня.

Если бы вашу героиню спросили, каков сегодняшний сельский читатель, что бы она ответила?

— Пожалуй, она бы сказала, что настоящий книголюб и в городе и в деревне одинаков. И все-таки в глубинке читатель более жаден на хорошую книгу, с большей непосредственностью, всем сердцем откликается на мысли и чувства писателя. Такой читатель покупает далеко не всякую книгу, а только ту, что созвучна его жизненным устремлениям, необходима как надежный советчик.

— А по какому принципу вы, Юрий Тарасович, подбираете личную библиотеку? Как она складывается? Собрались на одной полке книги случайные или тематические? Кстати, у вас, вижу, много книг с автографами. Что это — подарки коллег и друзей-товарищей?

— Не библиотека у меня, а несколько полок. Иногда домашние упрекают меня за «нетоварный» вид потрепанных старень-

ких томиков, корешки которых не смотрятся. А эти книги с автографами от симпатичных мне людей как раз и дороги. Я не сторонник создания больших домашних библиотек. По-моему, они вообще не нужны. Иное дело — классика, словари, справочники, любимые книги стихов — все необходимое для работы и отдыха. Не для того собираются книги на полке, чтобы пыль копиться...

Зато к собирателям редких книг я отношусь с почтением. Когда-то знал Ульриха Рихардовича Фохта, преподавателя Литературного института имени А. М. Горького, большого знатока и ценителя книги, обладателя редкой библиотеки.

— *Вот вижу на полке книги в скромных обложках: «На родной ниве» и «Линия жизни» Алексея Ивановича Колосова. Расскажите, пожалуйста, о своих встречах с этим писателем.*

— Писатели не всегда с охотой выступают в газетах. Бывает даже так, что некого послать в командировку для написания очерка. Иной еще вчера был журналистом, а написал книгу и сразу отошел от газеты... Но Алексей Иванович, будучи писателем, работал в газете «Правда». Писал документальные очерки, художественно писал.

Встретиться с ним мне довелось на Костромской земле. Я в ту пору работал в областной газете. Слышим, что из Москвы приехал корреспондент «Правды». Все местные газетчики к нему: «Алексей Иванович, пожалуйста, научите писать». А он был очень скромный человек: «Мне бы,—говорит,—самому у кого поучиться».

Мне хотелось выведать у Алексея Ивановича его профессиональные тайны. Ну, думаю, поеду с ним в район, посмотрю, как он собирает материал. Приехали в село Красное, потом в знаменитое Караваево. Колосов ходит везде, встречается с людьми, со всеми общий язык находит. То с доярками посидит, чаю с ними попьет, то с бригадиром поговорит, то со сторожем покурит. Слово к слову — беседа душевная. Поговорили — разошлись. Он даже блокнота не вынимал. Я поначалу не понял, зачем он приезжал. А потом в «Правде» появились его очерки о знакомых мне местах и людях. Оказывается, Алексей Иванович собирал материал везде и всегда, был им насыщен, как аккумулятор энергией. С этим писателем приятно было пообщаться — интеллигентный, талантливый, очень скромный. Подзабыли, думаю, его несправедливо, надо бы переиздать его книги...

— *А вот «Районные будни» Валентина Овечкина. Какой след оставил в вашей душе этот писатель?*

— Скажу о нем коротко: в молодости я учился у него прямоте и правдолюбию. Валентин Овечкин одним из первых поставил проблемы села — как хозяйственные, так и нравственные. Публицистика, художественная литература могут по-прежнему ориентироваться на опыт этого писателя.

— Юрий Тарасович, вы много путешествуете по нашей стране, бываете за рубежом, но наиболее часто и охотно возвращаетесь в любимое Верхневолжье. В повести «Контеевские вечера» у вас есть такое признание: «Российское Нечерноземье... Люблю я его неизбывной любовью. Особенно края Верхневолжские, северо-запад, центр России со старинными памятниками, с маковками колоколен, с проселочными дорогами, с обновленными селами, где аккуратные удобные дома уютно вписались в березовые перелески. А сколько в этих местах работающих, добрых людей!»

Какие же места у вас наиболее любимые, где вы отдыхаете душой?

— Никогда не забуду речушку с необычным названием — Княгиня. Протекает она между Костромой и Ярославлем, у старинного села Левашово. Подъезжая к этому месту и увидев информационно-указательный знак, люди начинают пристально оглядываться вокруг, выискивая взором что-то особенное, редкие какие-то красоты: «Эка, название-то какое!» Но все тут примерно так же, как во всей округе. Небольшая луговинка, на которой пасется привязанный к колышку теленок, переходит в бугор, побуревший от августовского зноя, а за бугром видны плетни огорода, крыши домов, тонкий шпиль колокольни. Незаметна и сама речка. Заросшая тальником и осокой, она словно бы стыдливо прячется. Скорее уж не княгиня, а сиротинка деревенская... Встреча с этой речкой для меня всегда радость. Она как бы вобрала в себя всю скромность, красоту российского нашего центра. И равнины тут есть, и увалы, задумчивые еловые урочища, где даже в солнечный полдень держится сумрачная прохлада. Славится речка еще родниками, бурлят и бьют они, не утихая, и благодаря их живому кипению в некоторых местах не замерзает вода, и женщины прибрежных деревень всю зиму полощут в Княгине белье.

— Большинство ваших книг о войне, о селе, о природе. В рассказе, новелле и даже очерке непременно ощущается присутствие природы, человек словно сливается с ней и оттого становится добрее, отзывчивее. Она вроде успокаивает, как хорошее лекарство, приносит радость.

— В середине прошлого лета что-то разладилось у меня настроение, не шла как надо работа, и решил я на выходные дни махнуть в те края. Прошли теплые грозовые дожди, и травы стояли по пояс. Прихватывая рукой шершавые маковки конского щавеля, тихо шагал я вдоль реки к лесу. Ветерок весело играл листьями молодых осин. Увязался было за мной в низинке чибис, пожаловался, что пить хочет, и улетел к болоту. Голубые головки колокольчиков словно кланялись солнцу. Буйное ароматное раз-

нотравье пестрым ковром покрывало все равнины, склоны оврагов и перелески. Тяжелые пчелы деловито гудели над лепестками ярких цветов. Мне казалось, что луга уже перестояли и пора бы их косить, но встретившийся за старой вырубкой пастух пояснил: «Подождать надо с недельку, семена-то, вишь, не осыпались с травостоя...»

Перед опушкой ольховника, раздвигая руками густую непролазь, спустился я к реке. В лицо пахло прокладой, запах черной смородины и багульника забивал все другие запахи. Дно тут было устлано отполированной галькой, и журчала, струилась по камням хрустально-чистая вода. Я разулся и перешел речку. Глубина на этом перекате и до колена не доходила. Возле тропы, пробитой копытами коров, чернели остатки костра. Кто-то недавно отдыхал здесь или мальчишки ночью пасли коней. Я присел на поваленное дерево и снял рубашку. Тишина звенела в ушах.

Я слушал тишину и ощущал благодатное успокоение. Оно, как воздух, вливалось мне в душу. И отпадало все мелкое, наносное, стихали несправедливые обиды. Отсюда, с этой маленькой речушки, как бы по-другому все выглядело: значительнее, чище и глубже. Это — чувство Родины. Святое оно и великое. Трудно без него по-настоящему жить.

— В газетах я встречала стихи за подписью Юрия Грибова. Ваши стихи? Не собираетесь ли издать их отдельным сборником?

— Стихи мои. Больше писал для души. Издавать их не буду. Стихи очень слабые.

— Уже стал, пожалуй, библиографической редкостью сборник ваших сатирических рассказов «Дуплетом огонь», изданный в Костроме более двадцати лет назад. Едкая, кое-кому неприятная книжица! Напомним некоторых ее «героев»: зоотехника Рубашкина, который показывал делегации свою ферму, приговаривая: «Сытые у нас коровы, шоколаду дай — морду отворотят», — а в это время корова слизнула с головы Рубашкина соломенную шляпу и тут же сжевала на глазах удивленных гостей; или — бригадира-очковтирателя Коровина, который в пять раз увеличил в колхозе плантации кукурузы, ради чего отказались от овса, а травы «выжгли из севооборота каленым железом»; или — большого грешника отца Алексея; и профсоюзного болтуна Валуевича; и главбуха комбината бытового обслуживания Вовнушова; и начальника СМУ Стенолобова — словом, целую галерею сатирических образов. Не перевелись еще в нашей жизни, к сожалению, такие типы. Не «выжжены каленым железом» из нашей действительности порожденные ими явления...

Как писатель-сатирик вы пока неизвестны широкому кругу читателей. Не собираетесь ли вернуться к жанру сатиры?

— После демобилизации из армии приехал я в Кострому, работал в редакции «Северной правды». Запомнил слова первого секретаря обкома партии Леонида Яковлевича Флорентьева: «Хочешь узнать деревню—походи по земле-то в кирзовых сапогах».

Кирзовых сапог у меня тогда не было, а хромовые, офицерские, быстро смолот. Будучи спецкором, много ездил по области. Искал хороших людей, но и плохих без внимания не оставлял. Писал фельетоны, сатирические рассказы. Один из опубликованных в областной газете фельетонов перепечатал и отметил журнал «Крокодил». Позднее много моих фельетонов публиковалось в газете «Советская Россия». Я старался писать их живо, художественно. Теперь такого материала много накопилось. Возможно, подготовлю книгу рассказов для «Крокодила».

— География ваших поездок подсказывает: вам нравится путешествовать по старым адресам своих героев. Посчастливилось ли самому видеть, как действуют ваши книги на читателя?

— Самые желанные письма — от читателей тех областей, где живут мои герои, то есть из Верхневолжья, со Средней Волги. Хотя я немало писал о хлеборобах Ставрополя, Краснодарского края, Тамбовской и Смоленской областей. Мои герои живут в Азербайджане и Грузии, в Армении и Казахстане. Приглашают выступить на читательских конференциях. Встречи с партийными работниками, с местной интеллигенцией, с хлеборобами меня обогащают, подсказывают новые адреса героев, актуальные темы и проблемы, приносят свежий поток писем.

— Одна из таких, подсказанных во время командировки, тем — «Арзамасский лук»? Так называлась ваша новелла в газете «Правда».

— Не собирался я тогда писать никакой новеллы. Ехал с группой писателей в Болдино, на Пушкинский праздник. Дорога дальняя, утомительная. Вот и остановились на полчаса в Арзамасе. Показали нам плантации лука. Местные жители нам рассказали, что лук здесь разводят с незапамятных времен. Вспомнили, чем еще славился их край. Оказалось — знаменитым арзамасским гусем, который совсем исчез... Вот и проблема. А были времена, когда гусей гнали на базар большими стаями! На обратном пути состоялась еще одна короткая встреча с арзамасцами. Я даже блокнота не доставал. А вернулся домой — на душе тревожно: появилась потребность высказаться. Позвонил в Арзамас, уточнил фамилии, цифры, перспективы. Не успокоился, пока не поставил последнюю точку.

— В вашей писательской и журналистской практике случаются поездки и по старым заграничным адресам. Я имею в виду не столько ваши встречи с Жоржем Сименоном, с Жаном Эффелем, сколько встречи с простыми людьми... Что дали вам поездки в Германскую Демократическую Республику спустя столько лет после победы?

— Великую Отечественную войну я закончил двадцатилетним командиром пулеметной роты. Наравне с бывалыми солдатами прошел со своей 185-й стрелковой дивизией в составе 1-го Белорусского фронта путь от Одера до Эльбы, принимал участие в штурме Берлина. Мы теряли боевых друзей, терпели невзгоды, ночевали на земле, в окопах. Все это вспомнилось, когда вновь я прошел по пути своей дивизии. Удалось разыскать хозяйку дома, у которой мы квартировали. Она узнала меня. Ее внучка, в то время маленькая девочка, стала взрослой и, как ее бабушка, говорила о самой большой своей мечте — растить своих детей под мирным небом. В результате поездок по местам моей службы родилась повесть «Путешествие в молодость», которая была опубликована в журнале «Наш современник». Переведенная на немецкий язык, она издана в ГДР.

— «Неделя» гостеприимно предоставляет свои страницы «Альманху библиофила». Что вы, Юрий Тарасович, можете сказать о дальнейшем содружестве еженедельника с Обществом любителей книги?

— С уважением отношусь к деятельности Общества любителей книги, выступаю по его приглашению перед читателями. Считаю, что оставлять книгу на полке мертвым грузом — значит изымать из себя частицу души. Лично в моей библиотеке нет лишних, не нужных мне книг.

Думается, Всесоюзному добровольному обществу любителей книги надо решительнее бороться с книголюбями-обывателями. У этого уважаемого Общества много работы: воспитывать культуру чтения, помогать формировать библиотеки крупных строек и отдаленных сельских районов, чаще организовывать встречи с писателями. А возможно — и заняться изучением такого вопроса: почему издаются плохие книги, уяснить причины их появления. Сделать это необходимо, ведь читатель у нас понимающий. С какой радостью он принимает каждое заметное произведение нашей литературы, каждую хорошую книгу.

Миллионный читатель «Недели» привык к тому, что не реже одного раза в квартал на страницах еженедельника появляется «Клуб книголюбов».

Мы продолжим эту традицию и впредь.

И. В. Петрянов-Соколов

ОБЩЕСТВУ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ—10 ЛЕТ

Всесоюзное добровольное общество любителей книги отмечает свое десятилетие. Всей своей деятельностью оно наглядно демонстрирует глубокую связь нашей литературы, нашей культуры с самой широкой народной массой. Ниже публикуется статья Председателя Центрального правления ВОК, академика, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий Игоря Васильевича Петрянова-Соколова, в основе которой лежит его выступление в Центральном доме литераторов им. А. А. Фадеева на устном выпуске «Альманаха библиофила».

Рождение Всесоюзного добровольного общества любителей книги — своего рода феномен. Появление его — результат великих достижений развитого социализма, неуклонного роста материальной и духовной культуры советского народа.

В нашей стране, после основания Общества, по справедливому замечанию талантливого поэта, руководителя Российского общества книголюбов, депутата Верховного Совета СССР Егора Исаева, теперь существует не только Союз советских писателей, но и Союз советских читателей. На первый взгляд это может показаться простой метафорой. На самом же деле в определении, которое дал поэт, содержится глубокий, я бы сказал, диалектический смысл. В старые годы бытовало утверждение: «Писатель пописывает, читатель почитывает». Вся наша действительность — опровержение этого утверждения. Ныне мы стали свидетелями принципиально новых взаимоотношений писателя и читателя. Сегодня, можно сказать, книги создаются не только писателями, но и читателями. Об этом свидетельствуют замечательные традиции советской социалистической действительности. И не случайно писатели едут к своим героям на новостройки, живут среди них, работают с ними. Читатели, таким образом, становятся соавторами многих книг.

Эту-то благородную миссию содружества писателя и читателя, книги и человека призвано выполнить шестнадцатимиллионное Всесоюзное добровольное общество любителей книги.

К своему десятилетию Общество пришло организационно окрепшим, накопившим определенный опыт совместной работы с Госкомиздатом СССР, Министерством культуры СССР, другими организациями-учредителями, партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями многих предприятий и учреждений. Накоплен хороший опыт в деле пропаганды, распространения и, главное—эффективного использования книжных богатств страны.

Глубокий жизненный урок могут преподать книги людям. И нет на земле более надежной нити, соединяющей прошлое и настоящее, отошедшие поколения и события с нынешними, чем книга.

Нам близка, глубоко понятна небольшая трогательная фраза из письма В. И. Ленина к Максиму Горькому— «Без книг тяжело». В. И. Ленин был страстным книголюбом. Книга для него никогда не была фетишем. Она была для Владимира Ильича верным помощником, оружием в борьбе за светлые идеалы. Владимир Ильич брал с собой «Фауста» Гёте в ссылку и за границу как самую необходимую вещь. Книга Н. Г. Чернышевского «Что делать?», о которой Ленин сказал, что роман его «всега глубоко перепахал», был любимым чтением вождя.

Мысли, высказанные В. И. Лениным о развитии книгоиздательского дела, о пропаганде книги, о работе библиотек, о распространении книжной продукции, его известный призыв «сделать книгу летучей» — остаются и сейчас живым источником наших дел. Идеи и решения Ленинского Центрального Комитета КПСС лежат в основе жизни и деятельности Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

Сколько работает в нем настоящих энтузиастов! Приведу лишь два примера.

В нашей стране широко известна трудовая и общественная деятельность токаря Ленинградского завода строительных машин, члена Центрального правления ВОК Евгения Николаевича Морякова. Вырос он на Волге. Первые книги ему прочитал дед. Юношей приехал вместе с родителями в Ленинград, стал рабочим. Теперь он Герой Социалистического Труда, автор четырех книг. Первая его книга так и называлась: «Я б в рабочие пошел». В Политиздате намечена к выходу новая его книга «Поле памяти». Организации Общества часто приглашают его для выступлений. Он принимал участие в Дне книголюба на Московской международной книжной выставке-ярмарке— 83. Евгений Николаевич стал инициатором создания цикла передач «Живи, книга» на Ленинградском телевидении и являлся ее ведущим, не один раз выступал и по Центральному телевидению. Сколько сокровенных, волнующих вопросов о работе с книгой поднял Е. Н. Моряков на встречах с читателями.

Героя Социалистического Труда Федора Тимофеевича Моргуну знают в нашей стране не только как покорителя целины, видного партийного работника, но и как активного участника движения книголюбов, автора книг «Хлеб и люди», «Расскажи, поле», «Поле без плуга».

Десять лет — срок сравнительно небольшой. И сегодня мы можем определенно сказать, что книголюбское движение в стране за эти годы стало по своему характеру явлением общественным, приобрело форму творческой деятельности народа в области культуры. В стране работают 13 тысяч клубов книголюбов, 30 тысяч школьных книжных кооперативов, 11 тысяч народных книжных магазинов и один миллион общественных распространителей книг.

Решения июньского (1983), апрельского (1984) Пленумов ЦК КПСС, Первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва дали Всесоюзному обществу книголюбов новый импульс в работе по пропаганде книги. Мы стараемся эффективнее использовать фонды государственных и общественных библиотек, в которых находятся пять миллиардов книг. Примерно в семь раз больше книг — в домашних библиотеках. 90 процентов семей имеют домашние библиотеки. Среди этих библиотечек есть настолько уникальные, что представляют национальную гордость, их охрана обеспечивается государством. Хочется отметить, что в розыск, открытии, пропаганду интересных книжных собраний заметный вклад внес «Альманах библиофила», издание нашего Общества.

Общество книголюбов призвано совместно с библиотеками и энтузиастами книги правильно, по-хозяйски использовать несметные духовные богатства. И, можно сказать, организации Общества нашли верный ключ к решению этой большой государственной проблемы. Обращение к владельцам домашних библиотек открыть свои сокровища для общественного пользования нашло горячий отклик в сердцах активистов нашего движения. Сегодня можно смело сказать: на смену библиофилу-отшельнику былых времен пришел любитель книги нового типа. У него развита потребность общения. Он хочет поделиться с товарищами по работе, с друзьями своими книгами, своими знаниями о книжном богатстве, он открывает доступ к своему книжному миру.

Таким образом, с появлением нашего Общества в стране родилось новое замечательное движение, новая форма использования книги. И это движение — примечательная черта нашего советского образа жизни.

Наряду с «Альманахом библиофила», такие центральные газеты, как «Правда», «Известия», «Советская культура», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Книжное обзоре-

ние», специализированные журналы «В мире книг» и «Библиотекарь», а также Центральное телевидение и Всесоюзное радио за последние годы сумели широко показать и раскрыть деятельность книголюбских организаций. Картина получается впечатляющая. Нельзя не быть благодарным работникам средств массовой информации за внимание к Обществу, к его организациям, ко всем любителям книги. Хочется верить, что наше сотрудничество будет плодотворным и впредь. Великое творение человеческого гения — Книга — заслуживает всеобщего к себе внимания.

На страницах печати, на ежегодных пленумах, заседаниях президиума Общества рассказывалось о пропаганде материалов съездов нашей партии, Пленумов ЦК КПСС, об изучении ленинского наследия и книг о В. И. Ленине, о военно-патриотической роли книги, о проведении смотров-конкурсов и праздников научно-технической, сельскохозяйственной и художественной литературы. На семинарах и совещаниях мы делились опытом выполнения решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС, на них обсуждались новые формы пропаганды книги, появившиеся после Пленума. Опыт проведения праздников книги и других массовых мероприятий по пропаганде книги накопился во многих областях РСФСР, Украины, Узбекистана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, в Прибалтийских и Закавказских союзных республиках. Книголюбы стали инициаторами проведения книжных выставок из личных собраний. Я побывал на открытии книжной выставки в МГУ, посвященной 400-летию со дня смерти Ивана Федорова. Скажу откровенно: выставка, созданная книголюбам в Музее книги Московского государственного университета, оставила неизгладимое впечатление.

Таких — ретроспективных, целевых, локальных — выставок по стране проведено десятки тысяч. Самые дорогие, самые редкие книги, а подчас книги, существующие в единственном экземпляре, книголюбы демонстрируют на этих выставках. Думается, что «Альманах библиофила», телевидение и радио должны шире пропагандировать подвижничество владельцев библиотек.

Полюбились читателям и наши клубы. Они самым удачным образом отвечают их возрастным, профессиональным интересам и вкусам. В работе клубов принимают участие, и убежденные седины ученые, актеры, рабочие, колхозники и юные книголюбы школ и ПТУ, студенты. Именно в клубах книголюбов начинается изучение книги как общественного явления, как искусства. Эта форма общения с книгой таит в себе еще много неизведанного, и возможности здесь поистине неисчерпаемы. Важной формой пропаганды знаний о книге являются университеты «Книга», циклы специальных лекций по определенным

программам, публичные лекции, выступления писателей, читательские конференции.

Много славных дел на счету книголюбов страны. Вместе с тем, подводя итоги к своему десятилетию, можно сказать, что Обществу предстоит сделать значительно больше. Здесь необходимо напомнить указание Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Константина Устиновича Черненко, который на апрельском (1984) Пленуме ЦК КПСС напомнил, что нам надо внимательно посмотреть, как выполняются решения XXVI съезда КПСС во всех областях. К работе ВОК это имеет прямое отношение. В свете этого указания проходила и подготовка к нашему III съезду.

III съезд ВОК наметил новые, важные рубежи в движении книголюбов. Их выполнение будет связано с дальнейшим совершенствованием всех форм нашей работы, расширением связей со всеми слоями читателей.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ НАШЕГО ДЕТСТВА

Каждый взрослый был когда-то маленьким, а это значит, что ни одного из нас не минула пора особой, детской любознательности, отмеченная сотнями «отчего?» и «почему?», стремлением немедленно разобраться во всем происходящем вокруг — в природе и среди людей. Так было и будет всегда. Не только нынешние дети, но и юные Пушкин, Герцен и Пирогов, Суворов и Семенов-Тянь-Шанский, Ломоносов и Чайковский, да и жившие задолго до них другие молодые российские граждане с настойчивостью вопрошали и жаждали получить ответы. А кто мог просветить? Родители и педагоги, как, впрочем, и друзья родителей и начитанные сверстники помогали постичь многое из окружающего мира. Но был в ту пору и еще один наставник и просветитель — детская энциклопедия. Герцен вспоминал, что он так долго смотрел энциклопедию «Свет зримый в лицах», которая ему очень нравилась, «что даже кожаный переплет не вынес»...

«Свет зримый в лицах» нельзя, однако, назвать первым энциклопедическим изданием для детей и юношества, появившимся в России. Какое же было первым? Ответить на этот вопрос пытались советские исследователи еще в начале двадцатых годов, когда при Институте детского чтения начала работать Комиссия по истории русской детской литературы под председательством профессора Н. В. Чехова. Сделано было немало, но исследователь той поры находился в трудном положении: он знал по библиографическим источникам авторов и их сочинения, но не мог найти сами книги. Приходилось довольствоваться изданиями, которые случайно попадали в государственные библиотеки или хранились у частных лиц, и по ним составлять характеристики произведения, автора и целого направления.

Очевидно, по той же причине вопрос о времени появления первой энциклопедической книги в дореволюционной России, адресованной подрастающему поколению, длительное время оставался малоизученным. По одним данным, первая детская энцик-

лопедия в России была издана в 1802 году, а по другим — значительно раньше: таким было «Краткое понятие о всех науках», выпущенное в 1764 году. Причем издавались не только модернизированные переводные книги, но и оригинальные русские, такие, как «Письмовник» Николая Гавриловича Курганова, где впервые был разработан полный круг детского чтения. Книга эта была выпущена в 1769 году в виде грамматики с прибавлением материала для чтения...

Противоречивость в определении времени выхода первого русского издания такого типа происходила, очевидно, и потому, что исследователи детской дореволюционной литературы придерживались субъективных взглядов при оценке того или иного произведения как «энциклопедического». Для одних энциклопедической книгой была та, в которой содержалось прямое указание на принадлежность к такому типу: «Детская энциклопедия, или Сокращение всех наук» (1835), «Энциклопедия для юношества» (1899) и т. п. Часть же исследователей шла значительно дальше, относя к детским энциклопедиям большое число книг, авторы которых привнесли в них огромный фактологический материал из самых различных областей знания. Не случайно в список дореволюционной детской литературы попали многочисленные энциклопедические альманахи, музеумы, наставления, «отчего и почему», беседы — вроде книг: «Начальное руководство к наставлению юношества» (1793), «Детский музеум» (1815), «Отчего и почему маленькой Сусанны» (1907) и др. Кроме того, сложность состояла в том, чтобы не только установить саму принадлежность изданий к энциклопедическому типу, но и определить их право называться детскими или юношескими. Здесь важно учитывать особенности времени, когда создавались эти книги. Так, во второй половине XVIII века, когда появились первые из них, дети рано становились взрослыми. Был ли смысл готовить для таких «детей» специальные книги или ограничивать их в чтении?

И все-таки, несмотря на всю сложность установления «дня рождения» энциклопедических детских изданий, задача эта — крайне важная.

По нашему мнению, зарождение энциклопедических изданий для детей и юношества началось во второй половине XVIII века. Это не означает, конечно, что раньше не выходили подобные книги. Известно, что на Руси словари «непонятных слов» появились уже в XIII веке, а с XVI века они перешли на алфавитное расположение материала и получили название азбуковников. Они содержали сведения по разным наукам и близки по типу к изданиям энциклопедическим. Кроме того, в XVII веке значительную роль в детском чтении играли буквари,

знакомившие юных граждан с предметами окружающего мира и рядом понятий. «Жезл, житница, журавль, жребий, жила, жених, жена...» — вот далеко не полный перечень понятий и предметов, помещенных на букву «Ж» в букваре для детей, автор которого — Карион Истомин, монах Чудова монастыря в Москве...

Однако у анонимных рукописных сборников — азбуковников, букварей — значительно больше родства с толковыми и терминологическими словарями, чем с книгой энциклопедической. До шестидесятых годов XVIII века в России не было выпущено сколь-нибудь значительного издания, которое можно было бы назвать энциклопедической книгой для подрастающего поколения. Следует согласиться с мнением Н. В. Чехова о взаимосвязи новых педагогических идей, возникавших на Западе в конце XVII — первой половине XVIII века, и появлением детской литературы в России, в частности, первых энциклопедических изданий, учитывающих и детские интересы. Конечно, выход энциклопедических книг — одного из важнейших типов детской литературы — обусловлен не только новыми педагогическими веяниями. Их появления потребовала и нарождающаяся буржуазия, она не признавала превосходства «породы» перед личностью, а наоборот, подчеркивала значение личной инициативы, конкретной полезной деятельности. Борясь за свои интересы, предприимчивые деловые люди пытались овладеть всеми знаниями, которыми уже располагала эпоха, использовать их для себя и своих детей.

Ценность энциклопедических книг возрастала в связи с тем, что образование в России находилось в плачевном состоянии. Современники отмечали, что «нигде почти по городам или губерниям порядочных школ нет, в которых бы юношество могло обучаться благопристойным для каждого звания наукам или художествам». Не могло полностью удовлетворить и привлечение воспитателей-иностранцев. А если говорить о беднейших дворянах или городских обывателях, то образование их детей находилось на еще более низком уровне. Не случайно поэтому все большее значение приобретают книги, чьи авторы стремятся вооружить юных граждан знаниями из многих областей науки и практической деятельности. Только за период с 1747 по 1799 год было зарегистрировано 76 детских научно-популярных книг. XVIII век — век просвещения — был отмечен книгой, с которой и следует вести родословную энциклопедических изданий для детей и юношества в России. Это — «Мир чувственных вещей в картинках» великого чешского педагога и мыслителя Яна Амоса Коменского. Книга была издана Московским университетом в 1768 году под названием «Видимый свет». Инициатором издания был М. В. Ломоносов.

Почему именно эту книгу мы считаем родоначальницей? Дело в том, что, созданная автором в 1654 году, она использовалась в Петербургской академической гимназии и других российских учебных заведениях в качестве учебника по латинскому и немецкому языкам. Известны также и рукописные переводы «Мира в картинках» начала XVIII века. Автором одного из первых был лифляндский пастор Э. Глюк, приглашенный Петром I руководить созданной в Москве школой. И что особенно важно, «Мир в картинках» выдержал проверку временем, стал тем изданием, на которое оглядывались авторы многих последующих книг данного типа.

Разумеется, нельзя механически сопоставлять характеристики книги Я. А. Коменского и современных детских энциклопедий. И внешне, и по содержанию расхождения весьма значительные. Тоненькая книжица «Мир в картинках» с ее рисунками и лаконичными пояснениями не идет ни в какое сравнение с солидными красочными многотомниками наших дней. Сходство обнаруживается в ином. По словам самого автора «Мира в картинках», его книга «содержит краткий обзор всего мира и всего языка и наполнена рисунками, наименованиями и описаниями предметов». Знания, собранные в ней, расположены по схеме, непосредственно примыкающей к аристотелевой,— быть, жить, чувствовать, понимать: от неодушевленной природы к одушевленной. Неодушевленному миру отведены первые девять статей, по шесть — растительному и животному миру, все остальные — человеку: его происхождению, деятельности и моральным качествам. Надо указать особо, что строгая систематизация материала по различным областям знаний — одно из основных условий при создании энциклопедической книги.

«Родоначальницу детских энциклопедических книг» Я. А. Коменского называют еще и «венцом знаменитого цикла учебников». Есть ли здесь противоречие? Энциклопедия и — учебник? До настоящего времени еще не создана работа по истории возникновения учебной книги как типа издания. Но можно сделать предположение, что первые учебники создавались как детские энциклопедии — издания, содержащие определенную совокупность знаний, которыми должен был обладать каждый «человек, вступающий в жизнь». Обращаясь к самым давним энциклопедическим книгам, уходящим в глубокую древность и средневековье (первый энциклопедический труд приписывается греческому мыслителю Спевсиппу, ученику Платона), следует признать, что они «предназначались по преимуществу для школьных целей». К такому выводу пришли авторы статьи «Энциклопедия» из «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

Известно также, что в древней Элладе «энциклопедией» назывался ряд наук, которые входили в систему обучения юношей, буквально — «обучение по всему кругу знаний». Иными словами, первоначально «энциклопедией» называли определенный круг общеобразовательных предметов. Это были известные семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Прочие знания относились к практическим сведениям и в область высокой науки не входили. Таким образом, существует историческая взаимосвязь между учебником и энциклопедией для детей и юношества, а «Мир в картинках» являлся не только «первым учебником в собственном педагогическом смысле этого слова», но и первой русской дореволюционной энциклопедической книгой, адресованной непосредственно подрастающему поколению, главным образом дошкольникам и младшим школьникам.

Успех «Мира в картинках» был столь велик, что спустя двадцать лет после появления первого издания в России (к сожалению, без иллюстраций, что значительно нарушало замысел автора) в Московском университете снова вышла книга Я. А. Коменского (1788) под названием «Видимый свет». В том же году в С.-Петербурге она опять была издана и называлась «Зрелище вселенной». Книга выпускалась затем в 1793, 1808 и 1822 годах, неоднократно выходила она и в советский период.

К первым энциклопедическим книгам для детей и юношества можно отнести также «Краткое понятие о всех науках для употребления юношества» (1764), выпущенное «при императорском университете», и «Энциклопедию, или Краткое начертание наук и всех частей учености» (1781), изданную в типографии Московского университета (перевод с немецкого) Н. И. Новиковым. С именем последнего связан в это время выпуск еще ряда энциклопедических книг для детей. Вклад Н. И. Новикова в развитие изданий данного типа особенно велик. До конца XVIII века вышла и книга «Свет зримый в лицах», о которой вспоминал юный Герцен. Первое издание появилось в 1773 году. Необходимо заметить, что книга не предназначалась специально детям или юношеству. В ее развернутом названии лишь содержалось указание на то, что она адресована «наипаче молодым витиям» наряду с иными читателями. На возможность использования этой энциклопедии юными обращено внимание в ее предисловии.

Книга представляет большой интерес для исследователей энциклопедических изданий, так как содержит образцы статей, которые получили затем дальнейшее распространение. Она продолжает традиции «Мира в картинках».

Разные по содержанию, объему, формату энциклопедические

книги для детей и юношества продолжали выходить в дореволюционной России. Их особенность — обилие рисунков, часто цветных. Создатели этих книг стремятся придать и тексту, и иллюстрациям характер детской забавы. «Картинная галерея для детей к распространению их познания и удовлетворению их любопытства» (1798—1802), «Детский кабинет» (1800), «Детская энциклопедия, или Друг детского чтения» (1808), «Зримый свет в стихах, или Возникающая Аврора в пользу обучающихся юношей и всех, вообще любителей стихотворений» (1805), «Сокращение всех наук для детей от шести до двенадцати лет» (1769) — книги с такими названиями открывали путь для изданий нового типа.

Как и о чем информируют энциклопедии юных российских граждан? Откроем «Краткое понятие о всех науках для употребления юношества». Авторы использовали статьи, построенные по принципу: вопрос — ответ. Такая сюжетно-композиционная структура дает возможность вести с читателем непрерывный диалог, беседовать, словно родители с ребенком или учитель с учеником, на самые разные темы. Как и «Мир в картинках», эта книга не претендовала на роль только справочного издания. «Краткое понятие» — книга для чтения. Использованный в ней тип энциклопедической статьи положен в основу и других первых русских дореволюционных изданий для детей и юношества, например «Сокращения всех наук для детей от шести до двенадцати лет». Но в отличие от «Краткого понятия» текст помещен на двух языках: слева — на французском, справа — на русском (начало такому распределению материала положил автор «Мира в картинках»). Сама же статья-диалог не претерпела изменений.

Статью-диалог наблюдаем и в двух изданиях «Детской энциклопедии, или Новейшего понятия о всех науках», выпущенных в Петербурге на французском и русском языках сначала в 1811-м, а затем, в исправленном и дополненном виде, в 1816 году. В обоих изданиях немало полезных сведений о науках и художествах, языках, письме, геометрии, архитектуре, физике, астрономии. В ряде статей авторы отходят от лаконичной манеры изложения, прибегают к рассуждениям, насыщают текст разговорными формами языка, художественными образами. Это объясняется их стремлением облегчить восприятие текста детьми. Статьи уже значительно больше по размеру, повествование реже прерывается вопросами.

Постепенно краткий диалог исчезает из энциклопедических изданий, уступает место статьям, тип которых был предложен в книге «Мир в картинках». Но если в книге Я. А. Коменского до художественного звучания поднимаются лишь статьи, посвященные морально-этическим проблемам, то, например, в энциклопедии «Свет зримый в лицах» делается попытка придать

художественно-эмоциональную окраску чуть ли не каждой из ста статей — независимо от того, солнцу, радуге, звездам или огню они посвящены.

Отмечая художественную природу этой энциклопедии, нельзя не указать на ее недостаточно высокий научный уровень. Так, рассуждения о солнце не могли заменить юному читателю конкретных сведений об устройстве Вселенной, роли и месте планет солнечной системы. Они не делали читателей обладателями знаний, которыми уже располагала эпоха.

Полемичность, высокая эмоциональность, стремление войти в контакт с читателем — эти и многие другие черты начинают все больше отличать энциклопедические книги для детей и юношества, особенно в XIX веке. Вот книга — «Новое зрелище вселенной, представленное из царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для обоюго пола детей, приятному и полезному их упражнению» (1804). Принцип распределения материала близок к «Миру в картинках»: юному читателю предлагается визуальная и текстуальная информация, которые взаимно дополняют друг друга. Но что особенно заметно — авторы критически высказываются по многим важнейшим общественно-политическим вопросам своего времени, таким, например, как положение крестьянства: «Простой народ, особливо крестьяне, живут почти в варварстве и в грубейшем невежестве. Сие есть естественное следствие жестокого ига оных». Характеризуя крестьянскую долю, они пишут: «Состояние их не много лучше было лошадей и волов, которыми они управляли. Они продаваемы были, как сии, да и господа, рассердившись, лишали их иногда жизни... Судьба их всегда достойна сожаления».

Характерное энциклопедическое издание представлял собой «Детский музей, или Собрание изображений животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежд разных народов, древностей и других предметов, служащих для наставлений и забавы юношества, составленное и гравированное по лучшим образцам, с кратким изъяснением, соответственным понятию детей» (1815). И здесь рисунки поясняют статьи, текст дается параллельно на трех языках: французском, русском и немецком. Сами статьи отличаются краткостью, информативностью. Таково и другое издание — «Детская энциклопедия, или Сокращение всех наук», выпущенное при Московской медико-хирургической академии в 1835 году. Однако в нем рядом со статьями, вкратце поясняющими иллюстрации, соседствуют и такие, которые можно было бы отнести к жанру научно-художественного рассказа. К этому жанру примыкают статьи другого энциклопедического издания — «Музеума для юношества, или Изложения различных предметов из области человеческого знания», выпущенного в Петербурге в

1863 году. Эту книгу нельзя полностью отнести к детским энциклопедиям, поскольку сведения, содержащиеся в ней, не систематизированы и, будучи рассмотрены в целом, не составляют того круга знаний, который был присущ в то время энциклопедическим книгам для подрастающего поколения. Однако «Музеум для юношества» — характерный пример поисков создателей книг, которые стремились соединить элементы энциклопедичности с повествовательной манерой изложения, подготовить сугубо детскую, как им казалось, книгу.

Необходимо отметить, что во второй половине XIX века издатели начинают серьезно задумываться над своеобразием своих книг, стремятся обосновывать их право называться «энциклопедиями»: «Цель настоящего издания,— указывает создатель „Энциклопедии для юношества“ А. Л. Соколовский,— дать систематически составленную, научную библиотеку для чтения русскому юношеству того возраста, когда пылливый, молодой ум, не довольствуясь уже простыми, отрывочными ответами на единичные вопросы, какие задают дети, начинает чувствовать потребность в более систематическом и более связном объяснении причин и следствий окружающих нас явлений жизни...» Кроме того, издателя беспокоило, что большинство книг данного типа — переводы с иностранного. Он стремился создать для юных читателей свою, российскую энциклопедию.

Заметим, что «Энциклопедия для юношества» (1899) вместе с «Детской энциклопедией» (1912—1914) И. Д. Сытина вобрали все лучшее, что было достигнуто к тому времени в этой области. К сожалению, многотомное издание Соколовского не было завершено: вышли в свет всего два тома — «Астрономия» и «Геология». Автор и издатель, он хотел выпустить еще несколько книг, посвященных физической географии, физике, минералогии, биологии, ботанике, зоологии, антропологии, которыми и заканчивался бы цикл по естественным наукам. Во вторую группу должны были войти тома по наукам, изучающим то, что создано на земле человеком «для благоустройства своей жизни», а также «для удовлетворения желаний и требований умственных». Эти науки были разбиты на два отдела. В первом — «науки прикладные»: агрономия, механика, технология. Во втором — «науки социальные»: этнография, политическая география, право, история. Историей и планировалось закончить энциклопедию.

Анализ двух вышедших в свет томов свидетельствует о том, что российское юношество могло бы получить одно из лучших энциклопедических изданий, будь оно завершено. Но то, что не успел довести до конца А. Л. Соколовский, сделал известный русский книгоиздатель И. Д. Сытин, осуществивший с группой русских ученых подготовку десяти томной «Детской энциклопе-

дии». «Цели этого издания,— писал И. Д. Сытин,— были самые широкие: дать ответы на все запросы пытливого детского ума и в то же время дать большой научный материал родителям и воспитателям для бесед и занятий с детьми». Высокий уровень подготовки отличает энциклопедию И. Д. Сытина. «Она,— говорится в обращении к читателям,— знакомит детей с мирозданием, с явлениями природы, с живыми существами, обитающими на земле, с жизнью современного человека и его исторических предков, с изобретениями человеческого ума и т. д.». Указывая на особенности «Детской энциклопедии», ее создатели подчеркивали: «Было бы ошибочно думать, что „Детская энциклопедия“ преследует исключительно познавательные цели, что она стремится только развивать пыливость ума в ущерб прочим способностям и запросам детской души. Опыт показывает, что дети нередко скучают над теми книгами, которые не дают пищи их фантазии, их своеобразным эстетическим потребностям, их детской вере в добро, в возможность героических подвигов, в нравственную силу единичной личности. Поэтому в „Детскую энциклопедию“ входит также описание жизни великих людей, корифеев науки и искусства...» Сравнительная полнота отделов «Детской энциклопедии», подготовленной И. Д. Сытиным и его помощниками, и должна была дать богатую пищу для ума ребенка.

Раскроем ее тома, и мы узнаем, как и о чем говорят с юными российскими гражданами авторы статей. «Вселенная», «Из истории земли», «О веществе», «О жизни», «Живая природа», «Страны и народы», «Великие люди», «Что окружает нас», «Почему так бывает», «Чем и как себя занять» — таковы названия десяти основных разделов энциклопедии. По сути, каждый из них мог стать томом, если бы создатели книги разбили тома по тематическому принципу. Но они пошли по другому пути — поместили в каждом из томов сведения из нескольких названных разделов. Так, читателю первого тома предлагалось познакомиться и с явлениями живой природы, и с разными странами, и с устройством Вселенной...

Таким образом, по мысли авторов, должен был даваться познавательный материал по широкому кругу знаний. Ну, а статьи? «Согласно принципу современной педагогики,— пишут создатели энциклопедии,— многим статьям предпосылается краткий обзор того, о чем в них будет говориться. Пусть читателя не удивляет, что объяснение многих важных явлений часто повторяется трижды. Авторы имели в виду следующее: в начале главы дается в кратких, ясных выражениях общее объяснение явления, так сказать, принцип его, что важно также и для педагога. Затем следует текст, описание или объяснение, иллюстрированное

многочисленными рисунками, доступное пониманию детей старшего и среднего возраста. Для детей младшего возраста, которым, может быть, трудно читать весь текст, вполне достаточно прочесть текст под каждым рисунком: в большинстве случаев по этому тексту ребенок сразу уясняет себе данное явление, предмет или прибор».

Создатели книги стремились изложить всю сумму человеческих знаний понятным, безыскусным языком, сохраняя при этом научность и точность объяснений. Задача весьма трудная и сложная, так как «простота и ясность никак не должна сводиться (как это думают многие) к устранению установившихся в науке терминов, к переделке научных слов латинского и греческого происхождения, сделавшихся международными, на вновь придуманные русские. Это было бы прямо вредно для нашей цели, состоящей между прочим и в том, чтобы обогатить язык юного читателя в том возрасте, когда особенно легко запоминаются новые слова, и незаметно для него привести его к знакомству с научной терминологией. А без нее ведь невозможно серьезное знание науки и правильное научное мышление».

Создатели «Детской энциклопедии» сделали все для того, чтобы реализовать свой замысел по всем намеченным направлениям. Основные статьи удачно дополнены небольшими заметками; они напоминают статьи-диалоги из самых ранних детских энциклопедических книг. Только в отличие от них вопросом в сытинской энциклопедии служит сам заголовок. В этой увлекательной книге юный читатель находил множество рисунков и цветных таблиц, существенно дополнявших рассказ, а нередко выступавших наравне с текстом — так они выделялись по силе воздействия и информативной насыщенности...

О десятитомнике И. Д. Сытина можно говорить как об издании, завершающем вереницу из более чем 100 энциклопедических книг для детей и юношества, которые вышли в дореволюционной России за 150 лет. В его основу положено английское издание, нашедшее в ту пору широкое распространение в Западной Европе. Однако следует отметить, что, в отличие от ряда других дореволюционных книг данного типа, «Детская энциклопедия» И. Д. Сытина не была простым переводом с английского. Сами создатели подчеркивали, что «все отделы русского издания вновь переработаны и дополнены русскими учеными применительно к русской жизни, к русской флоре и фауне, к русской промышленности и к производствам в России». Многие отделы составлены заново, как, например, «Наша Родина». В отдел «Что окружает нас?» внесен ряд глав, повествующих о наиболее распространенных в России пищевых продуктах, предметах производства, «вывоза и ввоза». В отделе «Великие

люди» читатель находит рядом со знаменитыми западноевропейскими учеными и изобретателями великих деятелей России.

С большой теплотой вспоминает о сытинской энциклопедии Герой Социалистического Труда, академик Игорь Васильевич Петрянов-Соколов, который принимал участие в создании советских энциклопедических изданий для юных читателей. Поддерживая наиболее удачные принципы подачи материала в подобных изданиях, советские ученые никак не могли принять их научно-познавательные и идейно-воспитательные характеристики. Ни одна из русских дореволюционных энциклопедий не могла стать в этом плане образцом для составления энциклопедии нового типа, призванной осветить круг знаний гражданам первой в мире социалистической страны, освободившейся от капиталистической эксплуатации.

На первых порах попытки подготовить советское издание подобного типа сводились к стремлению приспособить к новым условиям прежнюю, сытинскую энциклопедию. Не по содержанию, конечно, а по форме, структуре — основным литературным признакам.

«Очень нужны детские энциклопедии», — упорно писала Н. К. Крупская в письме к А. М. Горькому. Эти слова лучше всего характеризуют отношение к таким изданиям. «Для нас, — говорила Н. К. Крупская, — неприемлема литература, проповедующая пассивность, примирение со злом, долготерпение, преклонение перед богатством, внешностью, силой. Неприемлема книга, пропитанная рабской или господской моралью... Детская книга должна давать яркие образы, быть для ребенка источником радости, помогать ему осмысливать окружающую жизнь, явления природы и отношения между людьми». В статьях и высказываниях Н. К. Крупской детские энциклопедии занимают особое место. Уже в 1926 году, выступая на первой Всероссийской конференции по современной детской и учебной книге, Надежда Константиновна говорила о том, как нуждаются ребята в таких книгах, и упоминала о начале работы над первой «Детской школьной энциклопедией», словник которой и часть статей, правда, в незавершенном виде, ей показывал автор. Работа, судя по всему, не увенчалась успехом. «Сама идея эта чрезвычайно интересная, — говорила Н. К. Крупская. — Она не выполнена только потому, что была слишком трудна для одного человека... надо, чтобы была... разработана эта идея всесторонне и чтобы был выработан общий план дальнейшей работы в этом направлении».

Вспомним и мнение великого Дидро, который еще в своей знаменитой «Энциклопедии», в статье «Редактор», написал: «Есть произведения, для редактирования которых больше требуется знаний, чем можно предполагать у одного человека. К числу

таких произведений в особенности относится „Энциклопедия“». Вот почему в 20-е годы попытку создания таких произведений для детей предпринимают уже не одиночки, а коллективы авторов, принявших за основу десяти томную сытинскую энциклопедию. Работу возглавило издательство «Молодая гвардия», но вскоре дело затихло.

В середине тридцатых годов осуществить десяти томное издание детской энциклопедии взялся Детиздат. Она должна была строиться «на марксистско-ленинской основе, с широким охватом итогов научно-технического развития, культуры, искусства, в увлекательном изложении, доступном для ребят среднего и старшего возраста (примерно двенадцати-шестнадцати лет), с большим количеством иллюстраций». Предвидя возможные трудности, Надежда Константиновна писала в Детиздат: «Надо издавать не десяти томную, а двух томную (энциклопедию.— В. К.). Десяти томник будет долго писаться, увязать в мелочах, будет дорого стоить. План десяти томной энциклопедии, как он задуман, угрожает обратиться в сумму учебников в объеме десятилетки, что никуда не годится. По плану выходит, что в „Энциклопедии“ даются вопросы в отрыве от жизни, от соцстройки и чрезвычайно суживаются вопросы обществоведческие».

Планируемое издание так и не вышло. Только в 1954 году был выпущен первый том советской «Детской энциклопедии». Она явилась своего рода пробой, подготовленной издательством Академии педагогических наук РСФСР тиражом в десять тысяч экземпляров. На титульном листе в правом углу указано: «Напечатано для обсуждения». После учета всех замечаний в 1958 году был изготовлен массовый тираж. С этой даты ведется родословная советской «Детской энциклопедии» в нашей стране, да и всей системы советских энциклопедических изданий для детей и юношества. Авторами и редакторами стали видные советские ученые, известные деятели науки, культуры, искусства: академик А. М. Панкратова (история); члены-корреспонденты АН СССР Д. Д. Благой (русская литература), М. В. Нечкина (история), С. Д. Сказкин (история), Т. С. Хачатуров (экономика транспорта); действительные члены АПН РСФСР А. Г. Калашников (физика), А. Н. Леонтьев (психология), В. Ф. Натали (биология), Б. П. Орлов (география), Ф. Д. Сказкин (биология), В. Н. Шацкая (педагогика); члены-корреспонденты АПН РСФСР В. А. Варсанюфьева (геология), Б. А. Воронцов-Вельяминов (астрономия), А. А. Маркосян (физиология), А. И. Соловьев (география), Ю. В. Ходаков (химия).

Возглавил редакционную коллегию действительный член АПН РСФСР Александр Иванович Маркушевич. С его именем связана вся последующая работа над тремя изданиями «Детской

энциклопедии». Страстный ценитель книги, большой знаток детской души, талантливый ученый-математик А. И. Маркушевич сумел привлечь к ее созданию не просто ученых-популяризаторов, а людей заинтересованных, как и он сам, в подготовке энциклопедической книги, адресованной юному читателю. Назовем некоторых из них: Г. Кржижановский, В. Обручев, К. Скрябин, А. Опарин, Г. Байдуков, И. Папанин, С. Маршак, К. Чуковский, Л. Кассиль, К. Паустовский, И. Андроников, Г. Рошаль, В. Каверин, С. Коненков, С. Образцов, В. Фаворский, Д. Шмаринов...— более тысячи имен ученых, педагогов, писателей, космонавтов, художников, актеров, журналистов. Это лишь те, кто писал, составлял, редактировал статьи. А можно ли подчитать всех людей, принимавших участие в рецензировании материалов будущего издания, кто обсуждал тома по мере их выпуска? Родители, школьники, педагоги, библиотекари активно откликались, вносили сотни предложений, высказывали свое мнение.

Какие знания давала первая «Детская энциклопедия»? По какому принципу разместили ее создатели материалы? Сразу нужно отметить, что единодушно был избран систематический порядок расположения статей, прошедший проверку еще в сытинской энциклопедии. Но в отличие от нее каждый из новых томов содержал сведения по теме, обозначенной в названии. Так, 1-й том («Земля») рассказывал о географии; 2-й том знакомил ребят с астрономией и геологией («Земная кора и недра Земли. Мир небесных тел»); 3—5-й тома охватывали предметы, составляющие основной научный фундамент политехнического обучения: математику, физику, химию, биологию, технику («Числа и фигуры. Вещество и энергия» — 3-й, «Растения и животные» — 4-й, «Техника» — 5-й); 6-й том рассказывал об анатомии и физиологии человека, о его происхождении, нравственном мире, содержал советы о том, как развивать память, укреплять характер, сохранять здоровье и бороться с болезнями («Человек»); последние четыре тома, с 7-го по 10-й, отводились наукам гуманитарного цикла («Из прошлого человечества» — 7-й, «Наша Советская Родина» — 8-й, «Зарубежные страны» — 9-й, «Литература и искусство» — 10-й). Неотъемлемой частью издания стали разнообразные иллюстрации. Тома сопровождались справочным аппаратом, облегчавшим поиск нужного термина или темы.

К просчетам первого издания «Детской энциклопедии» относили недостаточную, по словам рецензентов, полноту. Указывали, в частности, на то, что из поля зрения составителей выпало языкознание. сетовали, что мало места отведено физическому воспитанию и литературе, которая всегда интересует школьника, фантастике, приключенческим книгам. Предъявлялись претен-

зии к справочному аппарату. И наконец — проблема доступности и занимательности книги. Она продолжает и поныне волновать создателей энциклопедических изданий для подрастающего поколения.

Несмотря на отдельные замечания, выход первого издания «Детской энциклопедии» явился событием большой важности в культурной жизни нашей страны. Показателем успеха продланной работы стало увеличение тиража до 500 тысяч экземпляров, перевод на языки народов Советского Союза, приобретение права на переиздание в Греции, Японии, Чехословакии и других странах. Зарубежные читатели дали высокую оценку работе, продланной советскими учеными. Педагог и писательница, активная общественная деятельница Греции Роза Имвриоти, обращаясь к молодежи своей страны, писала: «„Детская энциклопедия“ раскрывает перед вами поступательное развитие человечества со всей прямоотой, без предвзятых мнений и суеверий. Реализм прежде всего... В этот труд, который вы сейчас держите в своих руках, занесено объективно и научно обоснованно все, чего добились до сих пор предыдущие поколения людей. Этот труд раскрывает перед вами великие мечты о завтрашнем дне и... указывает дорогу, по которой вам следует идти... Мы бы сказали, что этот труд вошел в детскую душу, написан согласно детскому настроению. Вы жаждете знаний, и энциклопедия рассказывает вам о „чудесах“ природы, об открытиях, изобретениях, о космосе и пробуждает в вас интерес к человеку и человеческим отношениям... „Детская энциклопедия“, изданная в Советском Союзе, действительно является замечательным осведомителем и интересным рассказчиком».

В предисловии к шести выпущенным в Японии томам советской энциклопедии для детей указывается, что «благодаря доступности изложения, свежести и глубине» это издание «является прекрасным учебным курсом, который можно использовать непосредственно как учебное пособие в системе научного образования». «Современную эпоху, — отмечается далее, — называют эрой науки и веком Вселенной, но... нашу эпоху можно назвать также веком народного образования, поскольку для всех ясно, что развитие интеллекта, образования и культуры становится наиболее важной задачей. Естественно, настало время и для новой „эпохи энциклопедий“».

И эту «эпоху энциклопедий» японские издатели отметили выпуском советской книги. Почему ее, а не какой-либо другой, подготовленной, скажем, в Америке или Англии, где широко известны, например, двадцатидвухтомная «Новая книга знаний» (США) или шестнадцатитомная «Научная юношеская энциклопедия» (Англия)? «В Советском Союзе, — заявляют японские издате-

ли,—создана книга, потребность в которой ощущалась во всех странах... „Детская энциклопедия“ предназначена для молодого поколения, которому предстоит строить завтрашний день... Она представляет собой издание, где прекрасно систематизированы знания, которые должны войти в плоть и кровь современного человека». С этими словами трудно не согласиться.

Японское издание «Детской энциклопедии» прекрасно выпущено, в дополнение к иллюстрациям советского оригинала помещены японские, посвященные жизни этой страны.

В отличие от первого издания энциклопедии второе содержало двенадцать томов. Увеличение на два тома было вызвано тем, что составители выделили в отдельные тома вопросы литературы и искусства, ранее объединенные в одной книге. Кроме того, отдельный том был отведен проблемам сельского хозяйства. Незначительные изменения произошли внутри некоторых томов: в 1-й том, помимо географии, была включена геология, перенесенная из 2-го тома, а во 2-й том вместо геологии вошла математика, ранее размещавшаяся в 3-м томе.

В 1970 году был выпущен дополнительный том — «Познание продолжается», который по замыслу редакционной коллегии должен был содержать последние сведения по всему кругу знаний, охваченному «Детской энциклопедией».

Редколлегия в полном составе возглавила работу над двухтомной книгой «Что такое? Кто такой?» — своеобразной энциклопедией для самых маленьких. Она появилась в 1968 году. Теперь уже смело можно было говорить о том, что наметился дифференцированный подход к разработке изданий с учетом возрастных особенностей читателей. Младшим школьникам подробно объяснялось, что за книгу взяли они в руки, какие сведения могут они в ней найти, чем отличается энциклопедическая книга от обычной. Сообщалось, что есть книги, которые называются мудреным словом — «энциклопедия». Энциклопедическая статья в виде научно-художественного рассказа заняла отныне прочное место в книгах этого типа. Написать ее нелегко не только из-за ограниченного объема, характерного для энциклопедии, но также из-за специфических требований издания: писать эмоционально и вместе с тем добиваться научности, точности, сообщать о самом главном. А что оно — самое главное? Определить это может только автор, хорошо понимающий детские запросы, детские нужды. Заметим, однако, что ни два издания «Детской энциклопедии», ни выпуск двухтомника «Что такое? Кто такой?» не удовлетворили спроса на энциклопедические книги. Вот почему было принято решение о подготовке третьего издания «Детской энциклопедии» и трехтомника «Что такое. Кто такой» — название утратило вопросительные знаки.

И снова — работа над очень сложными книгами, снова — двенадцать томов. Расположение материалов осталось прежним, почти не претерпели изменений названия томов.

Редакционная коллегия пополнилась новыми членами из числа крупнейших ученых, деятелей литературы и искусства. Всего в ее составе насчитывалось сорок человек: академики И. И. Артоболевский, Н. П. Дубинин, И. В. Петрянов-Соколов, писатель С. В. Михалков, композитор Д. Б. Кабалевский, кинорежиссер С. А. Герасимов, актер М. И. Царев и другие.

Очень многие, как уже говорилось, заинтересованно высказывались о достоинствах и недостатках «Детской энциклопедии». Нельзя не отметить в этой связи роли Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, которое обратилось ко всем организациям книголюбов с предложением принять участие в обсуждении издания. Статья, помещенная в «Книжном обозрении» в 1978 году, так и называлась: «Слово за читателем». Читателю предлагалось высказаться, и он охотно откликнулся. Одинаково заинтересованно звучали на состоявшемся обсуждении в Государственной научной педагогической библиотеке имени К. Д. Ушинского голоса академиков, преподавателей школ, родителей, школьников, активистов ВОК. В их выступлениях подчеркивались главные достоинства энциклопедии: огромный объем знаний подан в живой, увлекательной форме, она помогает школьникам в выборе профессии, готовит их к труду, творчеству, способствует идейному воспитанию, повышению общеобразовательного уровня...

«Детская энциклопедия», универсальная, многотомная, породила и другие энциклопедические издания, которые вобрали ее опыт. От «Детской энциклопедии» повели свою родословную энциклопедические словари новой серии, адресованные школьникам среднего и старшего возраста. Сбылась мечта Н. К. Крупской, которая предлагала издавать не только универсальную многотомную энциклопедию, но и энциклопедические книги по отраслям знаний. Огромными тиражами разошлись по стране «Энциклопедический словарь юного спортсмена» (1979), «Энциклопедический словарь юного астронома» (1980), «Энциклопедический словарь юного техника» (1980). Такие книги вышли и для юных географов-краеведов, натуралистов, химиков, художников, филологов, физиков. А впереди — издания для тех, кто интересуется математикой и музыкой, биологией и историей, литературоведением... Как и в полубившейся всем многотомной энциклопедии, возглавляют издание словарей редакционные коллегии, в состав которых входят корифеи науки, культуры, искусства. Это — академики А. Б. Мигдал, Т. С. Хачатуров, композитор Т. Н. Хренников и многие другие.

И все же, как ни велика роль энциклопедических словарей, они — лишь помощники «Детской энциклопедии», четвертое издание которой ждут юные читатели. Продолжить ли начатую четверть века назад линию или разработать нечто принципиально новое? — вот вопрос, который невольно волнует и требует ответа. Сомнение такого рода можно понять — ведь жизнь не стоит на месте.

Раздумья не означают, однако, простаивания на месте. О том, каким быть новому изданию энциклопедии для детей, уже высказались многие авторитетные люди, общественные организации. Нет нужды их называть — один лишь список занял бы немало страниц. Скажу только, что подавляющее большинство считает необходимым сохранить традиции трех предыдущих изданий и прежде всего — систематический принцип расположения материала; обеспечить доступность изложения; расширить и разнообразить справочный аппарат; сократить сроки подготовки; увеличить тираж. Прослеживается и еще одна тенденция: почти каждый из тех, кто высказался о новом издании, хотел бы расширить его научно-познавательное содержание, а значит, увеличить печатный объем томов...

Вопросов, связанных с развитием системы советских детских энциклопедических книг, великое множество. Они затрагивают чуть ли не каждую семью, где есть ребенок, педагогов, журналистов, издателей. Это естественно. Это объективный процесс. Не случайно говорят, что по количеству и качеству энциклопедической литературы, выпускаемой в стране, можно судить о состоянии ее науки, культуры, искусства. Вот почему нужно сделать все, чтобы такие книги, обращенные к детям и юношеству, были достойны своей страны и своего времени.

Е. Немировский

СЛОВО О КНИГЕ

В самом конце двадцатых годов киевское издательство «Культура» выпустило в свет примечательный труд, называвшийся «О книге» и имевший подзаголовок «Опыт анализа понятия „книга“». Его автор украинский книговед М. Ф. Яновский собрал и проанализировал 51 дефиницию, все их посчитал неудовлетворительными и в заключение предложил свое определение, не очень удачное и малопонятное.

При всей огромной изыскательской работе, проведенной М. Ф. Яновским, все же нельзя признать собранные им материалы исчерпывающими. Многое он пропустил. И конечно, десятки, а может быть и сотни новых определений появились за прошедшие с того времени годы.

Как разобраться в потоке определений?

Если сгруппировать дефиниции, станет ясно, что многие из них с незначительными и непринципиальными отличиями повторяют друг друга. Попытаемся в первом приближении выявить наиболее характерные классы дефиниций понятия «книга». Классов таких три.

Для первого из них характерен сугубо описательный аспект — к книге подходят как к знакомому всем предмету и описывают его чисто внешне. В определениях второго класса делается попытка отразить содержание книги, а точнее — сущность этого содержания. Определения третьего класса представляют собой комбинацию дефиниций, связанных с внешними признаками книги, и дефиниций, пытающихся отразить ее содержание, классовый характер, читательское назначение и т. п.

Сколько книг издается в мире? Ответ на этот вопрос — и сравнительно точный — нам помогут дать статистические издания ЮНЕСКО.

В нашей стране регулярная публикация статистических данных о печатной продукции в виде отдельных сборников

началась в 1924 году, когда вышел в свет сборник «Печать РСФСР в 1922 г.». Ныне Всесоюзная книжная палата ежегодно выпускает сборники «Печать СССР в ... году».

Попытки наладить международную статистику печати предпринимались еще в прошлом веке. В 1886 году такие сведения начал публиковать французский журнал «Le droit d'auteur». Первые попытки ЮНЕСКО в этой области относятся к началу 50-х годов. С 1952 года эта организация выпускала ежегодник «Основные факты и цифры. Международная статистика образования, культуры и средств массовой коммуникации».

Подвести первые итоги было поручено английскому писателю, специалисту по авторскому праву Рональду Баркеру (1920—1976). Именно он и столкнулся с тем фактом, что понятие «книга» всюду трактовалось по-своему. В Италии и Ирландии, например, считали, что в книге должно быть не менее 100 страниц. Издания меньшего объема статистикой не учитывались. В Дании «книжную» норму страниц снижали до 60, в Финляндии и Норвегии — до 49, в Чехословакии — до 33, в Исландии — до 17. Статистика в Великобритании исходила совсем из другого принципа. Она признавала книгой всякое издание, которое находилось в свободной продаже и цена которого была не ниже шести пенсов.

Легко понять, что при таких условиях не так-то просто было привести столь различные статистические данные к «одному знаменателю».

Р. Баркер предпринял такую попытку. В 1956 году в Париже ЮНЕСКО выпускает в свет его труд «Книги для всех. Исследование международной книжной торговли». Здесь были приведены сведения о книгоиздании 60 стран, сведения интересные и поучительные. Р. Баркер, во всеоружии собранных к тому времени статистических данных, попытался разобраться в процессах, происходящих в мире книг. Не будет преувеличением, если мы скажем, что его труд знаменовал начало нового этапа в истории социолого-книговедческих исследований, получивших столь широкое распространение в наши дни.

Количество изданных в 1954 году во всем мире книг Р. Баркер ориентировочно определил в 270 тысяч названий, а их общей тираж в пять миллиардов.

Из года в год, из десятилетия в десятилетие в мире выпускалось все больше и больше печатных изданий. Статистические сведения о них, которыми мы располагаем сегодня, стали более достоверными. Этому способствовали и четкое — с точки зрения статистики — определение понятия «книга», и регулярная публикация соответствующих данных на страницах «Статистического ежегодника ЮНЕСКО», выпускаемого с 1963 года.

В 1955 году на всем земном шаре было выпущено 269 тысяч названий книг, в 1960-м — 332 тысячи, в 1965-м — 426 тысяч, в 1970-м — 521 тысяча. За 15 лет выпуск почти удвоился!

Тенденция эта была пугающей...

Библиотекари и специалисты по научной информации с тревогой подсчитывали, сколько книг будет издаваться в XXI столетии и какой величины книгохранилища для них понадобятся.

Скептики заговорили об «информационной смерти» человечества. Она, утверждали, наступит тогда, когда люди не смогут переработать и усвоить то количество информации, которое производится на ЗЕМЛЕ.

Рост выпуска книг продолжается и в дальнейшем, хотя и несколько замедлился. В 1975 году было издано 568 тысяч названий, в 1980 году — 726,5 тысячи.

Но об «информационной смерти» говорить перестали. Человечество поняло, что не так уж страшен черт, как его малюют, и что новейшие достижения науки и техники помогут людям справиться с книжной лавиной.

И все же, если принять средний тираж названий в 15 тысяч экземпляров, получится, что в мире ежегодно издается свыше 10 миллиардов книг и брошюр.

* * *

Определения понятия «книга», авторы которых шли не от формы и не от количественной оценки, а от содержания книги, появились еще в XVIII столетии. В прославленной «Энциклопедии искусств и ремесел» французских просветителей Дени Дидро и Жана Д'Аламбера дано следующее определение: «Книга — сочинение умного человека по какой-нибудь отрасли знания для образования и развлечения читателя. Можно еще определить книгу как сочинение литературно образованного человека, написанное для того, чтобы сообщить обществу и потомству нечто им изобретенное, испытанное и собранное; оно должно иметь достаточный объем, чтобы составить том».

Похожие определения были широко распространены в XVIII и в первой половине XIX века. Характеризуя их, известный русский библиограф и библиотековед К. Н. Дерунов (1866—1929) не без остроумия спрашивал, следует ли отказать в наименовании книги псевдонародной поделке «Как черт сапоги шил в Замоскворечье» или же считать ее «сочинением умного человека»...

Шли годы, десятилетия. Стали говорить о произведениях печати как хранилище человеческого опыта. В 1923 году бельгийский библиограф Поль Отле (1868—1944), один из зачи-

нателей современной документалистики, подчеркнул, что задача книг не только и не столько хранить, сколько распространять, передавать информацию; книги, по его мнению, «являются в одно и то же времяместилищем идей и средством их передачи».

Эта лаконичная дефиниция была развернута советским историком книги М. И. Щелкуновым (1884—1938): «Книга есть продукт и орудие материальной культуры, назначение которого — непосредственная и точная передача фактов и мыслей автора в виде писем и изображений максимальному числу людей с затратой минимальных усилий с их стороны».

Важность «передачи фактов» особенно подчеркивают современные исследователи. «Существо книги — в ее распространении», — утверждает французский социолог Робер Эскарпи, о котором пойдет речь далее.

В первые послереволюционные годы в нашей стране была сделана попытка выявить в определении классовое лицо книги. Н. М. Пакуль, автор небольшой монографии «Книга», писал: «Характер книги, ее содержание, ее элементы (письмена, материал, внешний вид) зависят от того, какой класс или какие классы преимущественно пользуются книгой».

Эта точка зрения в начале тридцатых годов была развита теоретиками Института книги, документа и письма Академии наук СССР, созданного в Ленинграде в 1930 году и просуществовавшего до 1936 года, когда он вошел в состав Института истории.

* * *

«Революция в мире книг» — таково название книговедческого и социологического исследования Р. Эскарпи, которое увидело свет в Париже в 1965 году. Создан он был по инициативе ЮНЕСКО и мыслился как продолжение работы Р. Баркера. Впоследствии книгу не раз переиздавали и переводили на другие языки. В 1972 году появилось и русское издание, к которому автор написал специальное предисловие.

О какой «революции в мире книг» писал Эскарпи?

В течение нескольких десятилетий столбики количественных показателей на диаграммах книжной продукции крупнейших капиталистических стран как бы замерли на месте. В США, например, в 1928 году было издано 10 354 книги, а в 1950 году — 11 022; во Франции в те же годы соответственно — 11 548 и 9993.

Стабилизация, а иногда и спад продолжались до начала шестидесятых годов. А затем, вроде бы неожиданно, столбики диаграмм стремительно поползли вверх. В США в 1960 году было

издано 15 012 названий книг, а в 1964-м — почти вдвое больше — 28 451 название.

Тенденция эта продолжалась и после выхода в свет труда Р. Эскарпи. В 1970 году статистика зарегистрировала уже 79 530 названий книг, изданных в США. В этом случае, правда, на рост количественных показателей повлияло включение в их число правительственных официальных изданий, а также бесплатных публикаций университетов (тезисов диссертаций), что ранее не делалось. Резкий рост количества выпускаемых печатных изданий Р. Эскарпи и посчитал «революцией в мире книг».

Труд Р. Эскарпи содержал исключительно богатый фактический материал о состоянии современного зарубежного издательского дела. Интересны мысли французского социолога о роли книги, о путях развития книжной торговли. Однако его объяснение причин издательского бума шестидесятых-семидесятых годов мы принять не можем.

Робер Эскарпи утверждал, что книга в своем развитии прошла пять этапов, или «сдвигов». Первый этап — это свиток, древнейшая форма книги. Второй этап — пришедший на смену свитку кодекс, который изготовлялся сначала из пергамента, а затем из бумаги. Третий этап начинается с изобретения книгопечатания в XV веке замечательным немецким новатором Иоганном Гутенбергом, четвертый — с появления в XIX веке машинной полиграфической техники. Наконец, пятый этап, по мнению Эскарпи, связан с появлением дешевой книги в бумажной обложке, получившей за рубежом название «пейпербэкс». Именно этот этап, утверждал французский социолог, и вызвал «революцию в мире книг», значительный количественный рост печатной продукции.

Все в этой схеме спутано. В один ряд поставлены, например, развитие формы книги (от свитка к кодексу) и техническое совершенствование полиграфии (от ручного печатного станка к современной печатной машине).

Замена свитка кодексом произошла примерно в IV веке нашей эры. Связано это было с появлением нового писчего материала. Древнейший писчий материал, папирус, был ломок, складывать его, фальцевать было нельзя. Это стало возможным лишь с появлением пергамента.

Создание массовой книги в бумажной обложке Робер Эскарпи поставил в заслугу английскому издательству «Пингвин», основанному Алленом Лейном в 1935 году. На самом же деле история «пейпербэкс» началась значительно раньше. В XVIII столетии издательского переплета практически не существовало. Книги выпускались в бумажных обложках, несли в переплет их сами читатели. Что же касается дешевой книги, то ее история

началась в ноябре 1867 года, когда лейпцигский книготорговец и типограф А. Ф. Реклам (1807—1896) выпустил первые томики «Универсальной библиотеки», каждый из которых стоил два серебряных гроша. К 1929 году появилось уже семь тысяч таких выпусков общим тиражом в 273 миллиона экземпляров. «Универсальная библиотека „Реклам“» по сей день выпускается в Германской Демократической Республике. В 1967 году торжественно отмечалось ее столетие.

Отметим попутно, что популярностью «Универсальной библиотеки» в свое время пользовались антифашисты, которые маскировали серийными обложками направленную против нацистского режима литературу. Так, под обложкой томика Гёте, выпущенного «Универсальной библиотекой», на самом деле скрывалась книга о поджоге рейхстага и о гитлеровском терроре.

* * *

В 1968 году в Федеративной Республике Германии был выпущен сборник статей, который назывался «В конце книжной эры?». И хотя в названии поставлен вопросительный знак, заголовки помещенных здесь социологических и книговедческих исследований недвусмысленно определяли направленность сборника. Вот некоторые из этих заголовков: «Низведение книги с престола», «Имеет ли научная книга будущее в век автоматике и документации», «Художественная литература в эпоху техники»...

Авторы западногерманского сборника не одиноки в своем стремлении доказать обреченность книги в условиях научно-технической революции, лишить это «чудо из чудес» ореола, создававшегося столетиями.

О конце «галактики Гутенберга» настойчиво говорил, как известно, Маршалл Мак-Люэн, канадский профессор, директор Центра по изучению культуры и технологии при Торонтском университете. Мак-Люэн пророчит гибель книги. Одновременно он утверждает, что изменения в средствах информации вызывают изменения в социальном строе общества. Советские ученые А. И. Михайлов, А. И. Черный и Р. С. Гиляровский, анализировавшие взгляды Маршалла Мак-Люэна на страницах известного труда «Научные коммуникации и информатика» (М., 1976), отмечали, что он считает средства коммуникации определяющим фактором в развитии человеческого общества.

Основоположники марксизма-ленинизма убедительно доказали, что движущей силой развития человеческого общества является классовая борьба, в ходе которой устраняются противоречия между новыми производительными силами и сковывающими их устаревшими производственными отношениями.

В нацумевших трудах М. Мак-Люэна «Галактика Гутенбер-

га» (1962) и «Средства понимания: расширение возможностей человека» (1964) канадский профессор говорил не только об «упадке печатного слова», но и о предпочтительности новых электронных и аудиовизуальных средств массовой информации. Поясним последний термин. «Аудио» по-латыни означает «слышу», а «визуалис» — «зрительный». Аудиовизуальные средства информации воспринимаются одновременно зрением и слухом. Наиболее характерный их пример — телевидение.

Аргументация более поздних выступлений М. Мак-Люэна граничит с парадоксом. В опубликованной в 1972 году журналом «Курьер ЮНЕСКО» статье «Прошлобудущее книги» он утверждает, что электроника создает условия для возврата к устному слову, бытовавшему до возникновения книги. «Устная культура, — пишет Мак-Люэн, — устойчива и неизменна, в то время как написанное слово переменчиво и неустойчиво».

Любопытно, что журнал «Курьер ЮНЕСКО» посчитал необходимым напечатать в том же номере статью советского книговеда Л. И. Владимирова, который убедительно критикует взгляды ниспровергателей книги.

Откуда же пошли разговоры о конце книжной эры? Каким образом печатное слово, активно служившее человечеству в течение пяти столетий, перестало соответствовать задачам века?

Словосочетания «информационный взрыв» и «информационный кризис» давно уже стали общим местом на страницах научно-популярных изданий. Их повторяют, часто не заботясь о содержании, которое вкладывается в эти понятия.

Читатель знает, что речь идет о резком количественном росте научно-технических публикаций, печатных изданий вообще в шестидесятых годах нынешнего столетия. Рост был столь значителен, а для многих и столь внезапен, что научные организации и библиотеки не сразу сумели приспособиться к нему. Создалось положение, когда, по словам английского историка науки Джона Бернала, «легче открыть новый факт или создать новую теорию, чем удостовериться, что они еще не были созданы или выведены». Американский социолог Дирек де Солла Прайс установил, что нарастание лавины публикаций идет по так называемому экспоненциальному закону — количество публикаций удваивается каждые десять-пятнадцать лет. Выводы Прайса повергли в уныние прежде всего библиотекарей — где найти такие книгохранилища, чтобы уместить в них Гималаи книг?

Тогда-то и раздались первые голоса против исторически сложившейся системы научных публикаций. Джон Бернал предложил отказаться от научных журналов и публиковать статьи отдельными оттисками — в виде тонких брошюр, «препринтов».

Их и хранить легче, и печатать можно быстрее, да и поиск их облегчается.

Вскоре стали поговаривать, что книга устарела. Критики книги рассуждали следующим образом. Нам даны две реальности—с одной стороны информация, а с другой—потребитель этой информации. Каждый потребитель должен в возможно короткий срок получить именно ту информацию, которая ему необходима. Информация должна быть полной и, как нередко говорят, релевантной (полностью соответствующей) запросу.

Библиотекари и библиографы предлагали для этого традиционные средства—каталоги, картотеки и библиографические указатели, формы и методы составления которых с годами совершенствовались, приспособляясь к новым условиям, к запросам науки и общества. Появились десятки новых видов указателей—указатели цитированных публикаций или, например, пермутационные указатели, в которых дается алфавитный список так называемых ключевых слов из заглавий публикаций. Вскоре, однако, объемы библиографических и реферативных изданий выросли до такой степени, что ученым стало не хватать времени оперативно и регулярно следить за ними.

Будущее научной литературы авторам сборника «В конце книжной эры?» и ему подобных работ представляется так. Никаких журналов, никаких книг! Существует всемирный информационный центр с системой всемогущих компьютеров. Информация о новых научных открытиях и исследовательских разработках вводится в память электронных вычислительных машин вместе с набором опознавательных ключевых слов—дескрипторов (от латинского «дескрибо», что значит «описываю»).

Ученый, интересующийся, допустим, изучением в СССР жизни и деятельности Ивана Федорова, великого русского первопечатника, и работами о нем, появившимися в последние 10—15 лет, вводит в компьютер запрос с поисковым образом, представленным дескрипторами «Иван Федоров», «Начало книгопечатания», «Историография», «СССР» и «1970—1984»... И тут же получает резюме того, что писалось и говорилось по этому вопросу.

Пусть читатель простит автора за упрощенное изложение сущности современных дескрипторных информационно-поисковых систем. Нас в настоящий момент интересует другое—являются ли эти системы соперниками книги и могут ли они ее полностью заменить?

* * *

Внешний вид книги, искусство, с которым она сделана, играют большую роль в восприятии литературного произведения.

Это превосходно чувствовали такие мастера книги, как В. А. Фаворский, А. Д. Гончаров, С. Б. Телингатер, работы которых по сей день восхищают нас. Спор, например, о том, нужны ли иллюстрации в книгах, кажется автору настоящей статьи беспредметным. Нужны, если они конгениальны произведению, сопоставимы с ним по силе эстетического воздействия, если они помогают читателю открыть для себя какие-либо новые стороны произведения.

Но как быть с научной литературой? Может быть, ее удел уступить место компьютеру? Однако и здесь далеко не все так просто и гладко, как это подчас кажется сторонникам поголовной механизации культуры. Наука — это ведь не только новые открытия, новые наблюдения и результаты. Это и сугубо теоретические, иногда абстрактные построения. Это гипотезы, а их жизнеспособность далеко не очевидна. Это аналитико-синтетическая стадия, в процессе которой «перевариваются» источники и создается теория, связанная с внешним миром посредством абстрактных, теоретических объектов.

Комплексное изучение проблемы во всем обилии связей и аспектов возможно лишь на страницах монографии. Книжная форма и тут представляется оптимальной и единственно возможной.

Пусть не покажется читателю, что автор этих строк ретроград, отрицающий все новое и прогрессивное. Нет сомнения, что со временем книге придется уступить компьютеру позиции в некоторых областях. Одна из них — справочная литература. Информационный центр, с которым в любой момент можно связаться по телефону, конечно, предпочтительнее многотомных энциклопедических словарей и справочников.

* * *

Взаимопроникновение наук — знамение времени. Характерный для эпохи научно-технической революции процесс взаимного обогащения научных дисциплин затронул и книговедение. Не обошлось здесь, к сожалению, без некоторых издержек. Бывает, что заемная терминология, вводимая в книговедческое исследование, так и остается чужеродной, выглядит этаким модным привеском, не раскрывающим, а лишь затемняющим суть дела.

Впрочем и терминология, в глазах семиотики*, не более, чем знаковая система. Нужно, однако, пояснить, что это такое. Советский лингвист Ю. С. Степанов говорит, что знаковая система — это материальный посредник, служащий обмену информацией между двумя другими материальными системами. Это

* Семиотика — наука, изучающая свойства знаков и знаковых систем.

определение дано на страницах книги «Семиотика», вышедшей в свет в 1971 году в научно-популярной серии Академии наук СССР.

Знаковой системой является человеческий язык. Наши слова — не более чем условные знаки для обозначения предметов и явлений реально существующего мира. С самими предметами и явлениями они органично не связаны. Француз говорит «ливр», англичанин — «бук», русский — «книга». Что общего между этими столь различно звучащими словами? А обозначают они одно и то же понятие!

Писатель Л. В. Успенский в увлекательной книге «Слово о словах» (М., 1957) рассказал, что даже петушинный крик различные народы передают по-разному. Там, где мы слышим «ку-каре-ку», француз различает «кирико», а англичанин — «кок-э-дудл-ду».

Знаковой системой является и письмо. Одни и те же знаки алфавита, как это хорошо известно, изображают разные звуки — в зависимости от языка или же от места знака в слове и в сочетаниях с другими знаками. Один язык может пользоваться различными алфавитами. В древности у славян было две системы письма — кирилловская и глаголическая. Знаки их совершенно различны. А обозначались ими сходные звуки, которые складывались в одинаково звучащие слова.

Знаковой системой является и книга в целом. Так утверждает, например, современный польский исследователь Теодор Зберский. Труд его «Семиотика книги» вышел в свет в 1978 году. Советские читатели могут познакомиться с ним по русскому переводу, выпущенному издательством «Книга» в 1981 году.

Даже внешние признаки книги служат для читателя опознавательными знаками. Принимается во внимание все. Так, формат книги, утверждает Т. Зберский, знак читательского предназначения. Иногда же он свидетельствует о содержании книги. Скажем, произведения поэзии чаще всего издают в небольшом карманном формате. Если же формат книги большой, то это обычно издание по искусству или детская книга. Сигнальную знаковую нагрузку несут издательские марки, типовые обложки серий, окраска переплета, всевозможные оформительские компоненты книги.

У истоков семиотического рассмотрения произведения печати лежит понятие о нем как об источнике информации и инструменте коммуникации. Автор, по Т. Зберскому, — это творец, создатель сообщения-коммуниката, редактор — создатель редакторского коммуниката и в полной мере соавтор книги, полиграфист — создатель полиграфического коммуниката...

Автор этих строк в свое время предложил еще одно определе-

ние понятия «книга». В моем определении родовым, более широким понятием является «знаковая система». В отличие от других знаковых систем, таких, например, как язык или письмо, книга характеризуется наличием материального посредника, с помощью которого осуществляется обмен информацией. Таким посредником служит совокупность визуально воспринимаемых шрифтовых изображений, воспроизведенных на листе бумаги от руки или полиграфическим способом.

* * *

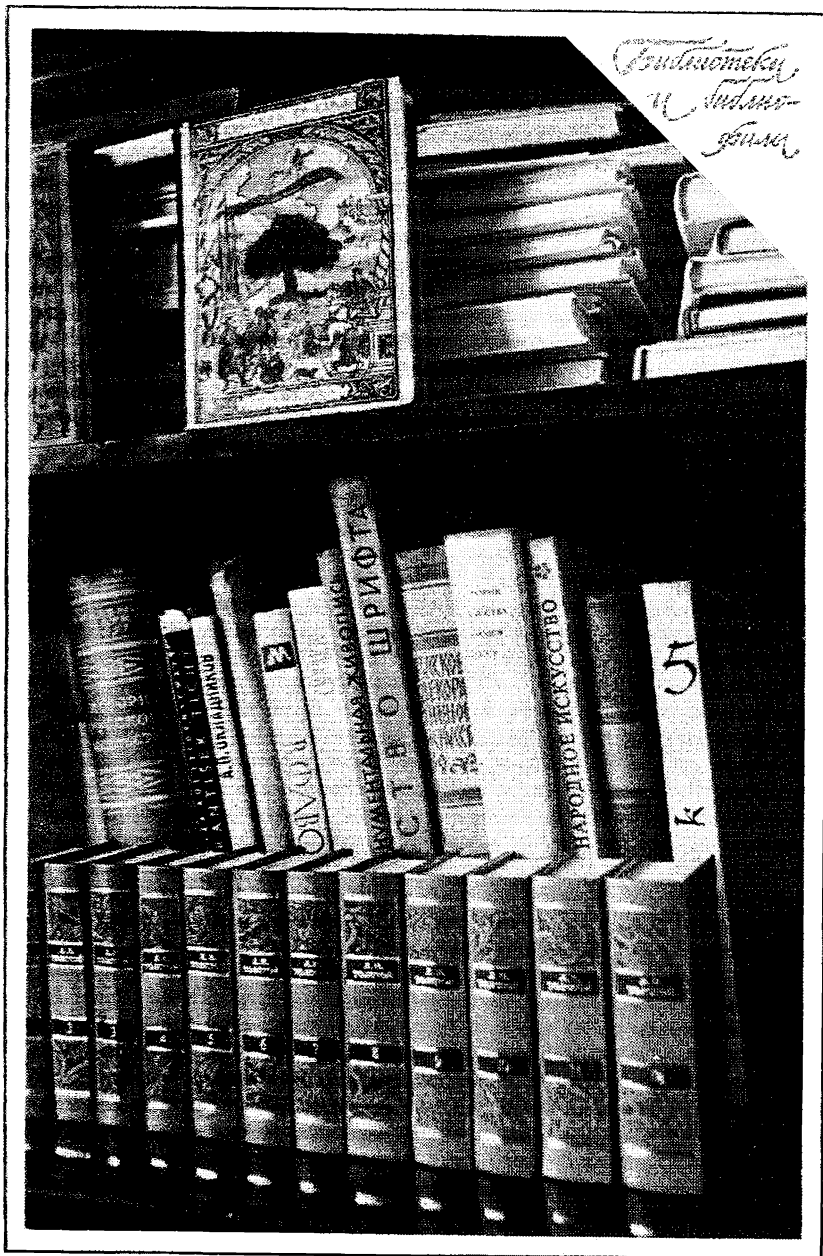
Те величайшие произведения, с которыми нас познакомила книга, способствовали возникновению своеобразного культа печатного слова. Но вспомним, что книга на протяжении своей многовековой истории бесстрастно регистрировала и распространяла, увы, и человеконенавистнические идеи, и воинственный бред полуграмотных маньяков, и ничемные рассуждения невежд.

И все же книга, без сомнения, остается чудом, достойным поклонения и любви, заслуживающим самых теплых и возвышенных слов. Начнем с того, что она является блестящим в своем единстве и целостности примером синтеза слова и письма, воплощенных в гениально простую форму.

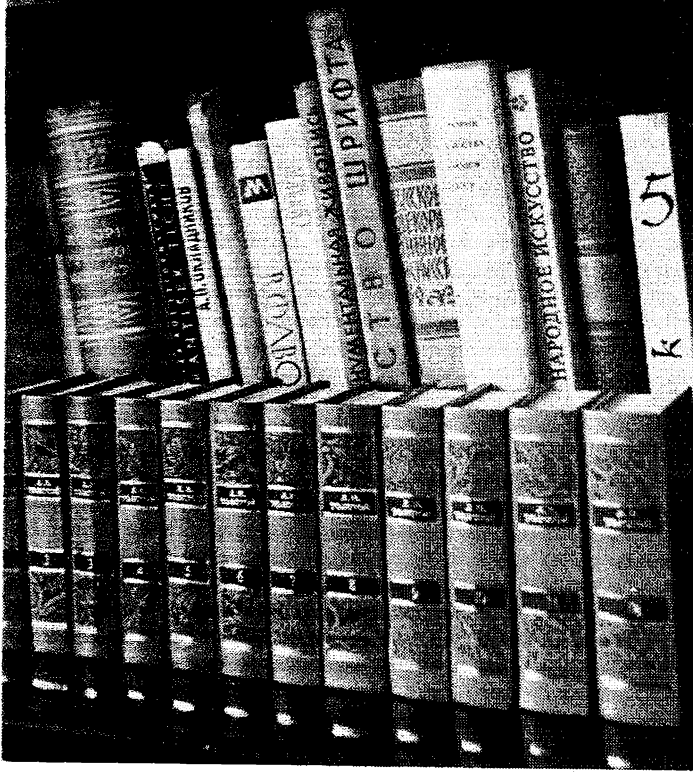
«История ума представляет две главные эпохи,—говорил русский писатель и историограф Н. М. Карамзин,—изобретение букв и типографии; все другие были их следствием. Чтение и письмо открывают человеку новый мир...»

Чтение и письмо в нашем представлении неразрывно связаны с книгой!

Это было совсем непросто—создать книгу. Мы называем ее великим изобретением, но назвать здесь имя изобретателя не можем. Ибо изобретатель книги—все человечество! Да и точной даты в нашем распоряжении нет и быть не может. Книга зарождалась, возникала, совершенствовалась на протяжении значительной части истории человечества. Этот непрерывный изобретательский процесс, процесс ее совершенствования, продолжается по сей день.

*Состаномелья
и Сутаномелья*

5
к

Лучшие сыны человечества те, кто боролся в прошлом и борется в настоящем за счастье трудящихся во всем мире, с детских лет шли к познанию жизни, общаясь с книгой.

М. А. ШОЛОХОВ

ЕЩЕ РАЗ О ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ А. М. ГОРЬКОГО

Вышло в свет издание «Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание» (М.: Наука, 1981). В нем описано более десяти тысяч книг, принадлежавших Горькому. Это замечательный подарок не только специалистам-горьковедом, но и книголюбам. Об этом говорит перечень разделов: «Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина», «История революционного движения», «История России», «История философии», «Естественные науки», «История искусств», «Сельское хозяйство» и др.

В общем составе библиотеки писателя главное место занимают художественные произведения, литературная критика, литературоведение. Книги значатся под рубриками, в большинстве озаглавленными самим Горьким («История литературы», «Фольклор. Языкознание», «Русская и советская литература», «Зарубежная литература» и др.). Особенность коллекции Горького состояла в том, что многие книги находились вместе с газетными вырезками или журнальными отрывками, на которых часто не были проставлены ни точная дата, ни фамилия автора, ни название издания. Благодаря тщательным и труднейшим разысканиям составителей «Описания» теперь большинство из этих «анонимных» изданий расшифровано! Вступительная статья А. Д. Смирновой «Горький — читатель» интересно раскрывает содержание книжных шкафов горьковской библиотеки, обстоятельно рассказывает о ее уникальности.

Являясь ценным вкладом в советскую библиографию, издание служит богатым источником для исследователей жизни, творчества, деятельности Горького. В настоящих заметках, не вдаваясь в чисто библиографический анализ «Описания» (его достоинства в этой части уже отмечались в печати), коснемся, главным образом, вопросов о том, как оно способствует более глубокому проникновению в тайны творческой лаборатории Горького, как, в ряде случаев, помогает уточнить и дополнить наши знания о его взглядах, его оценках тех или иных книг,

общественных и литературных явлений, а иногда существенно дополняет наши представления о его жизни. В этом плане интересны публикации записок Горького, вложенных в некоторые издания. Так, в книгу И. Сахарова «Словари русского народа» (1849, т. 2) между десятой и одиннадцатой страницами вложен составленный Горьким список литературы к задуманному им сериям «История городов» и «История русского быта» (кн. 1, с. 46). Этот список показывает, с какой тщательностью готовился писатель к осуществлению творческих планов. В воспоминания И. И. Попова «Минувшее и пережитое» (1933) вложена такая записка: «Ник<олай> Мих<айлович> Флеров как член подготовит<ельной> группы „Нар<одной> воли“... Его рассказы о Желябове, Франжоли, Перовской. Началось с Франжоли. Мой визит к нему в Вятке» (кн. 1, с. 286). Эта записка дополняет новыми фактами известные воспоминания писателя о встречах с народовольцем, впоследствии большевиком Н. М. Флеровым.

В «Описании» опубликовано около тысячи надписей на книгах, подаренных разными авторами Горькому. В личной библиотеке писателя среди многочисленных ленинских работ находилась и книга «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» с дарственной надписью В. И. Ленина: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому 18/VI 1920 от автора» (книга передана в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Многие из дарственных надписей стали ценным дополнительным источником для исследования связей Горького с широкими культурными и литературными кругами. Среди авторов, подаривших свои книги Горькому,—видные революционные деятели, ученые, художники, артисты, целые коллективы разных издательств, редакций и др. Вот только некоторые из авторов: Е. Д. Стасова, В. В. Куйбышев, М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Г. М. Кржижановский, Е. М. Ярославский, Н. И. Вавилов, А. Д. Сперанский, Д. Д. Благой, Кукрыниксы. В большинстве надписей выражено не только глубокое уважение, но также и сердечная благодарность писателю за его помощь в том или ином начинании. Е. Стасова, посылая Горькому в 1932 году свою брошюру «МОПР накануне десятилетия Всемирного конгресса», писала: «Старому и вечно юному другу от „арателя“ привет» (кн. 2, с. 81). В 1933 году Горький получил «Проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» с предисловием В. В. Куйбышева и его дарственной надписью: «Соратнику в борьбе за зажиточную и культурную жизнь трудящихся. Дорогой Алексей Максимович! Направляю труд многих дней и... ночей большого коллектива работников Госплана» (кн. 2, с. 79). Г. М. Кржижановский на своем труде «Электроэнергетика» (1933) написал: «Дорогому и любимому писателю, неоднок-

ратно вдохновлявшему и автора настоящей книги» (кн. 2, с. 33). С. М. Познер на книге «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания и документы» (1934) вывел: «Дорогому товарищу Алексею Максимовичу Горькому с чувством глубокой благодарности за сердечное отношение к этой работе» (кн. 2, с. 27). В 1934 году коллектив ученых Всесоюзного института экспериментальной медицины (в создании которого Горький принимал горячее участие), посылая ему труд «Нервная трофика в теории и практике медицины», писал: «Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу Горькому, благодетелю дома сего. ВИЭМ» (кн. 1, с. 327).

Самую значительную часть библиотечного фонда Горького, имеющего дарственные надписи, составляют книги писателей разных поколений и художественных школ. Если бы мы не знали по другим источникам о связях Горького с литературным миром его эпохи, то уже по одним дарственным надписям писателей, опубликованным в «Описании», можно было бы составить яркое представление о литературном окружении Горького, о том, какой любовью, каким огромным авторитетом пользовался он среди своих собратьев по перу. А. П. Чехов, посылая свои книги, в начале девятисотых годов писал: «Алексею Максимовичу Пешкову... в знак дружеского расположения и на добрую память», «Милому другу... на память об ялтинском житии в 1901—1902 г.» (кн. 1, с. 107). На «добрую память» посылал Горькому свои книги В. Г. Короленко (кн. 1, с. 80). М. Коцюбинский в своей надписи назвал Горького «добрым, хорошим человеком» и «чудным художником» (кн. 2, с. 50). А. Н. Толстой, посылая Горькому свои сочинения, на романе «Аэлита» оставил автограф: «Алексей Максимович, спасибо Вам за Вашу доброту, за Ваше горячее сердце» (кн. 1, с. 100). Янка Купала в 1934 году на своих «Избранных стихах» написал: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому, любимому трудящимися всего необъятного Советского Союза» (кн. 2, с. 43). Очень выразительна надпись грузинского писателя М. С. Джавахишвили на книге рассказов «Ламбало и Коша» (1927): «Максиму Горькому. Северному великану и лучшему гражданину новой России, вечному искателю правды и борцу за человечность—от автора, который многому от Вас научился» (кн. 2, с. 70). Некоторые надписи—это целые страницы своеобразной исповеди писателей, пожелавших высказать Горькому свои сокровенные мысли. Так, например, Л. Андреев в 1915 году на одном из томов своего полного собрания сочинений оставил такие строки: «Начиная с курьерского „Баргамота“ здесь все писалось и прошло на твоих глазах, Алексей; и во многом это—история наших отношений. Мне здесь многое противно, и доволен я очень мало; как цена всей жизни—это пустяки.

Пожалуй, это даже не литература. Но все печальное, что здесь сказано о жизни человеческой, пережито мною; и, конечно, я счастлив, что удалось сказать, а не в молчании исчезнуть. И, конечно, я всегда был искренен. Но какие мы старые товарищи!» (кн. 1, с. 62). На книге своих «Рассказов», изданных в 1901 году, Л. Андреев писал, что в своем творчестве пытался подражать Горькому: «Не твоим писаниям, а твоему смелому и благородному духу, твоему прекрасному сердцу, в котором живет ненависть к злему,— это лучшая форма любви к доброму. И самое горячее мое желание — всегда сохранить за собою твою любовь...» (кн. 2, с. 62—63). К такого рода автографам (иногда в стихотворной форме), освещающим взаимоотношения литераторов, относятся и дарственные надписи С. Г. Скитальца, М. Зошенко, М. Чумандрина, А. К. Виноградова и др.

В сотнях автографов советских писателей в лаконичной форме выражены чувства уважения, любви, благодарности за внимательное отношение Горького к ним, к их произведениям, за большую роль, которую он сыграл в их творческой судьбе. Об этом писали С. Есенин, В. Маяковский, А. Блок, В. Инбер, О. Берггольц, М. Шолохов, К. Федин, Н. Тихонов, а также Л. Леонов, В. Катаев... Огромный отряд начинающих, или, как выразился Иосиф Уткин, «безусых литераторов», посылал свои «юношески-зеленые дары» (Н. С. Тихонов) Горькому в надежде на его внимание и помощь. Здесь нет возможности даже перечислить всех писателей, книги которых с их надписями хранятся в библиотеке Горького (читатель легко может познакомиться с ними в особом указателе, во второй книге «Описания» на 219—227 страницах). Хотелось бы только рассказать о дарственных надписях Ф. Сологуба, С. Городецкого, А. Ремизова, А. Белого, А. Чеботаревской, Л. Зиновьевой-Аннибал и некоторых других представителей символистского лагеря. Известно, что многие из них «не принимали» Горького. И, тем не менее, они присылали Горькому свои сочинения. Их надписи, большей частью, носят сухой характер («На память от автора» или просто «Максиму Горькому. Автор»). Но есть надписи исповедального и полемического свойства (А. Ремизов) и надписи, свидетельствующие о «глубоком уважении» (Андрей Белый), о «знаке почитания», как писала Л. Зиновьева-Аннибал в 1907 году, посылая свой сборник рассказов «Трагический зверинец» (кн. 1, с. 75). Некоторые автографы дают основание утверждать, что самые разные авторы постоянно и жадно тянулись к А. М. Горькому, пытаясь найти у него поддержку и совет в своих творческих исканиях. Подтверждением этому могут служить надписи А. Вербицкой на нескольких ее романах и повестях, подаренных Горькому. На романе «Ключи счастья» (1913) она написала: «Максиму Горькому, истинному

победителю жизни,—душу отдавшему высокому и неумирающему,—с любовью и глубоким уважением дарю эту гонимую, мало кем понятую, но для меня дорогую книгу» (кн. 2, с. 67). А. И. Цветаева в 1926 году на своих «Королевских размышлениях» оставила запись: «Дорогому Алексею Максимовичу с просьбой о неосуждении—мою давнюю книжку», а в 1927 году на книге «Дым, дым и дым» значится: «Дорогому Алексею Максимовичу—мою дурную книжку, которую и не люблю, и люблю» (кн. 1, с. 106, 167).

В московской библиотеке писателя хранится около двухсот книг с дарственными надписями иностранных авторов. В них также лейтмотивом звучат слова о почитании, любви, преклонении, восхищении Горьким—человеком и писателем. Но, к сожалению, составители «Описания» не дали перевода на русский язык этих надписей. Хорошо было бы ознакомить читателей и с многочисленными пометами Горького на книгах его библиотеки.

О большом значении изучения помет Горького, как дополнительного источника сведений о его жизни, свидетельствуют многие факты. Сошлюсь на примеры из собственного опыта работы в личной библиотеке писателя—еще в ту пору, когда она не входила в состав Музея А. М. Горького. Благодаря отзывчивому и теплomu отношению Надежды Алексеевны Пешковой (она тогда была хозяйкой квартиры и библиотеки) мне посчастливилось познакомиться с содержанием многих помет Горького на ряде книг. Знакомство с ними помогло мне в исследовании некоторых вопросов, связанных с изучением жизни и творчества писателя. Так, например, чрезвычайно ценными явились для меня пометы Горького на четырех томах «Материалов по истории революционного движения в Нижегородской губернии, под ред. В. Т. Илларионова» (Н. Новгород, 1920—1922). На шестнадцатой странице четвертого тома на статье А. Пискунова «Социал-демократическая организация в Нижнем Новгороде за 1900—1903 гг.», к словам: «Большим умением в деле связей отличался Григорий Яковлевич Козин, котельщик с Курбатовского завода», Горький приписал: «Его работа на льнопрядильном и на Выксе». На двадцать четвертой странице А. Пискунов отметил: «При обыске у Сени (Баранов—член социал-демократической организации Н. Новгорода, в 1903 году при перевозке нелегальной литературы в Сормово был схвачен жандармами.—В. М.) в одном из карманов нашли адрес одного товарища из Лыскова: эта записочка как-то завалилась и сам Сеня забыл о ней. По этому следу арестовали Лысковского товарища». Горький не только уточняет фамилию этого товарища, но напоминает об аресте и других лысковских партийцев.

После слов «Лысковского товарища» он ставит черту и пишет: «Митягина, Семена, Морозова и Грехова, смазчика, матрос». А к воспоминаниям Е. Цветковой, там, где она писала: «Возвращаясь из Астрахани в Нижний в 1902 г. ...я работала по технике... Пишущая машинка была на бору у рабочего (фамилию не помню)...», А. М. Горький, особенно подчеркнув слова, взятые в скобки, добавил: «Грехов, Лысковский, утонул в Воложне у Моховых гор».

Скупые строки о наличии в библиотеке Горького пяти томов «Исторических монографий» В. А. Бильбасова (Спб., 1901—1907) привели к интересным изысканиям. Заметки писателя на «Монографиях» прежде всего показывают, как тщательно готовился он к своим лекциям в партийной школе на Капри (в этих лекциях есть несколько ссылок на фактический материал «Монографий»), с каким тщанием подбирал литературу. Удалось также установить интересную историю приобретения писателем книг Бильбасова, благодаря чему стали известны новые сведения о тесной связи Горького с такими партийными учреждениями большевиков, как женевская «Библиотека и Архив РСДРП» и «Библиотека РСДРП им. Г. А. Куклина». Связи Горького с этими библиотеками и его активное участие в их создании — особая тема. Здесь же только отметим то, что имеет непосредственное отношение к книгам Бильбасова. В фондах «Библиотеки им. Г. А. Куклина» (находящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) сохранилась переписка Горького с заведующим библиотекой В. А. Карпинским, а также абонемент этой библиотеки под № 951, принадлежавший Горькому в 1909 году. Просматривая каталоги Куклинской библиотеки, Горький, в числе других книг, отметил и монографии Бильбасова (значащиеся под № 225, 1412—1416). В связи с этим он писал летом 1909 года В. А. Карпинскому: «Я прошу Вас, не сможете ли Вы прислать мне эти книги на продолжительное время: месяцев на 5—6? Если возможно — Вы меня очень обяжете». Как свидетельствует абонемент Горького, В. А. Карпинский выслал Горькому книги 25 июня 1909 года и здесь же отметил, что они «высланы на 6 месяцев с правом потребовать возвращения раньше этого срока в случае требования». Издания оставались у Горького дольше указанного срока, и, в конце концов, по просьбе Горького, перешли в его собственность. 16 декабря 1910 года М. Ф. Андреева писала В. А. Карпинскому: «Уважаемый товарищ — Алексей Максимович очень извиняется, что... занятый спешной работой, не может ответить лично и поручил мне просить Вас: не может ли он приобрести в собственность сочинения Бильбасова... т. к. эти книги ему чрезвычайно необходимы для его работы?»

Исполнением этой просьбы библиотека крайне обязала бы Алексея Максимовича.

Библиотека пошла навстречу писателю. На абонементе Горького 20 декабря 1910 года сделана надпись: «Сочинения Бильбасова отправлены в собственность т. Горькому. Вместо них получено 50 ф. и выписаны новые экземпляры».

Такова история приобретения Горьким книг Бильбасова и их творческого использования писателем. Это только один пример, но он будет значительно приумножен, когда читатели получат сведения не только о наличии таких помет (что уже сделано в «Описании»), но и познакомятся с их содержанием.

Хочется отметить большую работу составителей «Описания» Р. Г. Бейслехем, М. М. Пешковой, А. Д. Смирновой и редакторов Л. П. Быковцевой, А. М. Крюковой, результаты которой необходимы не только исследователям жизни и творчества Горького, но и широким кругам читателей.

П. Балмуш, Н. Романенко

СОБРАНИЕ АЛЕКСАНДРА ХИЖДЕУ

В середине прошлого столетия библиотека, собранная известным молдавским просветителем Александром Хиждеу (1811—1872), была самой крупной частной библиотекой в Бессарабии. По своему профилю она соответствовала научным интересам ее владельца. Филолог, историк, юрист, владевший латынью, древнегреческим и многими европейскими языками, Александр Хиждеу поставил перед собой цель сосредоточить в своей библиотеке труды по гуманитарным дисциплинам, издававшиеся в крупнейших культурных центрах Европы начиная с XV века.

Это уникальное собрание сослужило впоследствии добрую службу и сыну Александра Хиждеу — Богдану Петричейку Хашдеу (1836—1907)¹, который, не получив законченного образования, только благодаря самостоятельным занятиям стал крупнейшим ученым-филологом с мировым именем. «Лингвист и этнограф, историк и археограф, драматург и поэт, философ и сатирик, политик и публицист — в каждой из этих областей Хашдеу является специалистом и новатором»².

Как же комплектовалась научная библиотека знаменитого семейства Хиждеу, каким был ее состав и какова ее роль в научной и педагогической деятельности ее создателей? За последнее десятилетие нами выявлен ряд новых интереснейших данных, с которыми мы и хотим познакомить читателей «Альманаха библиофила».

Рано пристрастившись к самостоятельному чтению, Александр Хиждеу проявил склонность к собиранию книг еще в гимназические годы. Будучи учеником кишиневского Благородного пансиона при духовной семинарии (1823—1829), он имел доступ к библиотеке, которой в те годы заведовал известный ученый-болгаровед Юрий Венелин. Последний, в обход начальствующим инструкциям, считал необходимым пополнять школьную библиотеку и текущими периодическими изданиями, такими, как «Северный архив», «Сын отечества», «Вестник Европы»,

«Русский инвалид», «Одесский вестник» и др. Молодой Александр Хиждеу тщательно штудировал эти издания, проявляя особый интерес к публикациям, связанным с историей, культурой и экономикой родного края. Из хранящихся в его рукописном фонде заметок того периода видно, что внимание юноши среди других привлекли статьи: «Сокращенная история Молдавии» Н. Карпова; «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии и Валахии» В. Вилькенсона; «Взгляд на Южную часть Бессарабии» А. Мартоса; «Предисловие» бессарабского филолога С. Марцеллы к его грамматике; «Письмо к издателю» декабриста П. Муханова, в котором описываются поверья молдаван, а также работы К. Цертелева, М. Максимовича, И. Снегирева и Д. Зубрицкого о поэтическом народном творчестве, народных обычаях и верованиях.

Страсть к чтению и самостоятельные занятия в школьной библиотеке способствовали тому, что, закончив с отличием Благородный пансион, Александр Хиждеу осенью 1829 года с успехом сдает вступительные экзамены в Харьковский университет. Его отец, Фаддей Хиждеу, известный в свое время литератор, внимательно следивший за образованием сына, писал по этому поводу: «Отправляя сына моего Александра из этой юной школы в Харьковский университет, я опасался за успех благополучного поступления туда. Но какова же была моя радость, когда сын мой не только выдержал экзамен в университет, но и удостоился следующих слов экзаменаторов: „Поздравляем Бессарабию, если завсегда нам присылать будет из своей семинарии студентов, как сей первый“». Слова эти так сильно наполнили сердце мое благодарностью, что я их вырезал на дощечке и повесил на видном месте у себя»³.

В конце 1828 года при Харьковском университете учреждается специальная студенческая библиотека, которая, согласно уставу, была призвана «предоставить казеннокоштным студентам возможность пользоваться учебными пособиями, поддерживать в них охоту к чтению и дать им занятие во время промежуточных часов между лекциями». Рекомендации для самостоятельного чтения студенты получали от таких высокообразованных профессоров, как Е. М. Филомафитский, П. П. Гулак-Артемовский, А. И. Дудрович, В. Ф. Цых. Пространные выписки и комментарии, ныне хранящиеся в рукописном фонде Александра Хиждеу, свидетельствуют о том, что именно в студенческие годы он прочитывает огромное количество книг и журналов на различных языках, изучая в оригинале труды Лейбница, Вольфа, Гегеля, Геерена, Гердера, Гаммера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и многих других. Начинаящий одаренный писатель и ученый, он подготавливает к печати ряд самостоятельных исследований,

публикует повесть о молдавском господаре Дуке — и все это в возрасте 18—19 лет⁴.

Студенческая библиотека дала возможность молодому А. Хиждеу поближе познакомиться с литературой, издававшейся в самом Харькове. Он с пером в руках изучал материалы, публиковавшиеся на страницах «Украинского вестника» и «Украинского журнала». Эти и другие публикации местных исследователей, видимо, и пробудили в нем интерес к выдающемуся украинскому философу Г. С. Сковороде (1722—1794), о котором он вскоре сам написал и частично опубликовал ряд обстоятельных исследований⁵.

Обладая блестящими способностями, А. Хиждеу, по свидетельству ректора Харьковского университета Д. И. Багалея, посещал лекции на многих факультетах, подготовил в виде кандидатской диссертации не одну, как полагалось, а пять работ по разным отраслям — юридической, политической, философской (на латинском языке), богословской и исторической. В аттестате об окончании Александром Хиждеу Харьковского университета говорится, что он выдержал испытание в «богопознании и христианском учении, философии, математике, физике, словесности, всеобщей и российской истории, статистике и географии, праве: естественном, частном, публичном и народном; дипломатике, праве римском и истории оного, праве российском: публичном, гражданском, уголовном и полицейском; российском практическом судопроизводстве, политической экономии и науках финансов»; что он «знает, кроме русского языка, древний греческий, латинский, немецкий, французский, итальянский, чешский, польский и молдавский»; что «за лучшее решение в представленных сочинениях» на заданные темы был награжден медалями по словесному отделению — в 1830 году, по отделению физико-математическому — в 1831 году⁶. Таковы успехи первого студента-бессарабца, получившего высшее гуманитарное образование в университете города Харькова, этого крупнейшего в то время в России культурного и научного центра.

Из недавно найденной среди рукописей Александра Хиждеу небольшой заметки явствует, что в 1834 году, по возвращении в Бессарабию из Харькова, он энергично приступает к созданию семейной библиотеки. Работая некоторое время в канцелярии бессарабского генерал-губернатора, он продолжает начатые в студенческие годы научные исследования, наезжает в Одессу, славившуюся своими книжными развалами, а также в Мюнхен и Гейдельберг, где слушает лекции известных немецких профессоров Шеллинга, Гёрреса и Аста. Он пишет на немецком языке свою основную работу о Сковороде в виде писем к профессору Мюнхенского университета И.-И. Гёрресу, усиленно занимается приобретением книг, в основном на немецком языке.

Рукопись труда А. Хиждеу о Сковороде, к сожалению, до сих пор не обнаружена, а ведь именно по ней можно было бы восстановить круг использованных им в то время книг. В кратком извлечении из этой рукописи, историко-критическом очерке о выдающемся украинском философе-просветителе, опубликованном в 1835 году в «Телескопе», имеются ссылки на труды Платона (по изданию Аста), Джамбаттиста Вико (в оригинале, на итальянском языке, издание 1817 года), Савиньи, Нибура, Жан Поля Рихтера, Шафарика, Эртеля и других. Цитаты из исследований своих профессоров, Шеллинга, Гёрреса и Аста, молодой ученый использовал несколько позже в виде эниграфов ко второй своей работе о Сковороде «Задача нашего времени», сохранившейся в рукописи до наших дней.

Необходимо отметить, что научные изыскания об украинском энциклопедисте Александр Хиждеу мыслил как часть задуманного им многопланового труда по славяноведению, в процессе подготовки которого он с присущей ему настойчивостью и целеустремленностью приобретал для своей библиотеки книги, издаваемые в Европе, по истории, филологии, юриспруденции, а также книжные раритеты.

Вот что писал он в декабре 1834 года из Бессарабии известному польскому ученому В. А. Мацеевскому, многотомный труд которого — «История славянских законодательств» — готовил к изданию в русском переводе: «Около семи лет я занимаюсь изысканиями, относящимися к истории верований, знаний и законодательств народов славянских, ибо я твердо решился писать Историю славянской народности в полном ее объеме и развитии, сосредоточивая в одном взгляде все основные составы образования и гражданственности славянских народов, исторически преследуя целый круг времени и целое пространство местностей и критически отличая общее от частного, самородное от чуждого, дух народа от духа обстоятельств. Подвиг огромный, — добавляет он, осознавая необъятность поставленной перед собой задачи, — и даже, может быть, не по моим силам»⁷.

Естественно, что прежде чем приступить вплотную к написанию такой грандиозной работы, Александр Хиждеу стремился прочесть и осмыслить все, что было написано в этой области его предшественниками; отсюда и необходимость искать и приобретать все новые и новые книги. Не обходилось и без «инцидентов». Об одном из них мы узнаем из переписки гражданского губернатора Бессарабии П. И. Аверина с наместником Бессарабской области генерал-лейтенантом И. Н. Инзовым. 13 марта 1834 года Аверин пишет из Кишинева в Одессу: «На почетное письмо Вашего превосходительства от 6 сего марта имею честь уведомить, что... Александр Хиждеу, на коего одесский книгопродавец

Сорон жалуется за неудовлетворение его деньгами за книги, из магазина его в долг забранные, из канцелярии моей уволен и в оной более не служит»⁸. В свою очередь в письме от 28 марта того же года Инзов советует губернатору обратиться по этому вопросу к отцу Александра Хиждеу, Фаддею Ивановичу, который, видимо, и удовлетворил злополучный иск одесского книгопродавца.

Александр Хиждеу как ученый формировался в атмосфере 30-х годов XIX века, когда идеи Вико и Гердера о национальной сущности культуры получали в России все большее распространение. Отсюда особый интерес к фольклору, восприятие его как выражение национального самосознания, что нашло отражение в русской периодике тех лет. Еще в студенческие годы молодой Хиждеу увлекается собиранием народных песен — украинских, молдавских, валашских. Он публикует несколько своих исследований о поэтическом народном творчестве в центральных журналах. Свое понимание задач, стоящих перед исследователями фольклорных ценностей, Александр Хиждеу высказал в 1833 году в письме к редактору журнала «Телескоп» Н. И. Надеждину: «Только современное просвещение умело вполне указать предположительное достоинство изучения народности, отражающейся в мифах, песнях и пословицах каждого простого народа»⁹. Многочисленные записи Александра Хиждеу, сохранившиеся в его рукописном фонде, огромное количество выписок и комментариев к ним отражают большую работу, проделанную им в этой области.

Среди фольклорных записей Александра Хиждеу особое внимание привлекают выписки о русском фольклоре из трудов немецких ученых. Одна из таких записей под общим названием «Круг сказок» содержит выдержки из труда по истории северного язычества профессора истории и статистики Гейдельбергского университета Франца Иозефа Моне.

Основное место в «Круге сказок» занимают восемь «богатырских рассказов» в изложении Александра Хиждеу на русском языке, заимствованных из первого тома «Северного язычества» Моне. Среди них рассказы, посвященные Владимирову дяде — Добрыне, богатырю Илье, Кащею, победителю Змея Чуриле, славному витязю Рогдаю, Василию — Буслаеву сыну, солнечному государю Владимиру и прекрасной Рогнеде, гордой дочери нормандского Рогволода.

Фундаментальная работа Моне по истории северного язычества, а также ряд других работ немецких ученых в этой области пробуждают у Александра Хиждеу интерес к сравнительному исследованию немецкого и славянского героического эпоса. В начале XIX века ученых-фольклористов особенно заинтересовали

подвиги легендарного героя Зигфрида из песен о Нибелунгах. Ссылаясь на работу профессора Берлинского университета, специалиста по древнегерманской поэзии Фридриха Гагена о Нибелунгах, Александр Хиждеу сопровождает выписки из нее рядом соображений. Затем следует ряд выдержек из книги Гагена в переводе на русский язык, имеющих непосредственное отношение к славянской мифологии. Собирая материалы для своего «Круга сказок», Александр Хиждеу, как следует из его рукописей, изучает труды братьев Гримм, Антона Ткани, мифологический словарь Вульпиуса и словарь по скандинавской мифологии Фридриха Рюккерта.

В 1835 году, после смерти отца, Александр Хиждеу переезжает из Кишинева в Хотинский уезд, в небольшое имение в селе Кристницы. Туда он и перевозит все собранные им к тому времени книги, журналы и рукописи. В ноябре 1836 года он получает назначение на должность почетного смотрителя училищ Хотинского уезда, которую он и занимает в течение почти четырех лет. Именно на этот период, 1835—1840 годы, прикладываются наибольшие усилия по комплектованию семейной библиотеки. Воспринимая свою домашнюю библиотеку как библиотеку научную, он основательно изучает печатные и рукописные библиотечные каталоги, различного рода библиографические материалы, делая из них многочисленные выписки, используя для этого каждую выпавшую ему свободную минуту и подвернувшийся под руку клочок бумаги. В его рукописном фонде мы находим немало записей, сделанных им на бланках его учреждения, находящегося в ведении Одесского учебного округа министерства народного просвещения.

Особый интерес представляют в этом плане выписки Александра Хиждеу из первого русского библиографического справочника в пяти томах, составленного известным библиографом Василием Сопиковым. О характере этого издания, досконально изученного Александром Хиждеу, говорит само его пространное заглавие: «Опыт Российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках, от начала заведений типографий до 1813 г., с предисловием, служащим введением в сию Науку, совершенно новую в России, и историею о началах и успехах книгопечатания, как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

Такой обобщающий справочник явился для Александра Хиждеу настоящим кладом, который и вдохновил его на строго научный подход к приобретаемой литературе, к ведению катало-

га и указателей. Александру Хиждеу пришлось, видимо, по душе и некоторые общие высказывания Сопикова об отношении человека к печатному слову, как, например: «Собирать книги без всякого разбора, не значит любить их», а также цитаты из Пифагора, взятые Сопиковым эпиграфами ко второму и третьему томам справочника: «Более примечай и наблюдай, нежели читай: кто читает много, тот читает худо», «Одну каплю здравого смысла предпочитай целому кладезю учености».

Александр Хиждеу внимательно изучил все пять томов справочника, выписав при этом названия книг, так или иначе относящихся к истории и культуре молдавского народа, отмечая, какие издания уже имеются в его библиотеке и какие необходимо приобрести. Книг на русском языке о Молдавии, появившихся до 1813 года, оказалось не так уж много. Большинство из них связано с русско-турецкими войнами на Балканах в XVIII—начале XIX века.

Благодаря Сопикову Александру Хиждеу выявил произведения на древнеславянском языке, печатавшиеся в Молдавии начиная с XVI века, а также книги, написанные на древнеславянском языке или переведенные на него выходцами из Молдавии и изданные в типографиях России. Впоследствии он дополнил эти списки сведениями о книгах как оригинальных, так и переводных, печатавшихся на молдавском языке.

Таким образом, Александру Хиждеу удалось восстановить общую картину издательской деятельности в Молдавии до начала XIX века, которую он обрисовал впервые в 1837 году в «актовой речи», обращенной к выпускникам Хотинского училища. Текст этой речи под заглавием «Воспоминание о прежней славе Молдавии» сохранился среди рукописей Александра Хиждеу и представляет несомненный интерес для исследователей истории русско-молдавских культурных связей¹⁰.

По своему содержанию «актовая речь» Александра Хиждеу весьма характерна для прогрессивных литераторов и ученых России 30—40-х годов XIX века, когда осмысление истории своего отечества стало важнейшим средством патриотического воспитания молодого поколения. Свою речь Хиждеу заключил следующими словами: «Я почту себя счастливым, благородные дети земли молдавской, если речь моя западет в душу вашу и сумеет оставить в уме и сердце вашем верное и прочное впечатление, если она возбудит в вас пламенное соревнование к народной славе нашей, а воспоминание о деяниях предков наших укрепит вас в духе».

Подчеркивая в своей речи традиционные культурные и политические связи Молдавского княжества с Россией, Александр Хиждеу утверждал: «И история наша доказывает, что Молдавия

со времен господаря Стефана Великого, которого дочь, прекрасная Елена, была супругой наследника царя Иоанна Васильевича, всегда и постоянно, до нашей эпохи, искала для себя протектора в государях российских». Но и Россия «просвещением своим обязана отчасти нашему народу; свет образования, который она теперь разливает на него, это не есть дар, либо пожертвование, а только признательный возврат старого долга». Для доказательств этого Александр Хиждеу указывает «на некоторых из соотечественников наших, примечательных на поприще просвещения в России». Речь идет о Петре Могиле, сыне молдавского господаря Симеона Могилы; о Памве Берынде, сочинителе «Лексикона славяно-росского...»; о Спафарии Милеску, редком в свое время полиготе, одном из воспитателей Петра Великого; о Дмитрие Кантемире, известном своими учеными трудами, достоинство которых признано «целою просвещенною Европою»; об Антиохе Кантемире, «первом поэте своего времени», «глубочайшем знатоке славянской письменности»; о поэте Хераскове, первом кураторе Московского университета.

В целях комплектования библиотеки Александр Хиждеу, кроме пятитомника Сопикова, внимательно изучил и другие библиографические справочники, изданные к тому времени в России.

Некоторые из них ему удалось приобрести. В рукописях имеются ссылки на работы Павла и Сергея Строевых, П. Соколова, В. Ундольского, А. Черткова, на «Вивлиофику» Н. Новикова, «Библиографические листы» П. Кеппена и др. Он регулярно следил также за библиографическими справками и обзорами, которые, начиная с тридцатых годов, появлялись на страницах «Журнала министерства народного просвещения», «Московского телеграфа», «Отечественных записок», «Современника» и других периодических изданий. Он следил и за научной литературой, вышедшей в Западной Европе, о чем свидетельствуют обнаруженные в его рукописном фонде списки книг на немецком, французском, итальянском, польском, сербском, латинском языках.

По примеру «Древней российской Вивлиофики» Н. И. Новикова А. Хиждеу задумал составить «Историко-критический словарь» Молдавии и начал собирать для него материалы. Обвиняя молдавских ученых и литераторов в том, что они больше интересуются историей западноевропейских стран, чем историей своей родины, А. Хиждеу опирается на программный тезис Н. И. Новикова в его предисловии к «Вивлиофике»: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным,

но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче гнушаться оными»¹¹.

А. Хиждеу осознал необходимость непосредственного обращения к документальным источникам при изучении истории и культуры своего края, разделяя интерес русских ученых-славистов того времени к подлинным историческим и литературным памятникам прошлого. В частности, он обнаруживает доскональное знание и глубокое понимание сущности полемики, разгоревшейся в ученом мире вокруг «Слова о полку Игореве». В его заметке, озаглавленной «О песне Игоревой», говорится: «Граф А. И. Мусин-Пушкин открыл ее (1795); Н. М. Карамзин (<1797>) положил начало исторической, К. Ф. Калайдович (1817) — филологической критике этой песни. С новыми видами об исторической верности ее и с новым уразумением народно-поэтического ее свойства начали писать о ней в духе веры Н. А. Полевой (1830), Г. А. Глаголев (1834) и М. Максимович (1835). Но в то же время, в духе ученого сомнения, заподозрили ее подлинность то на основаниях исторических М. Т. Каченовский (1830), то на основаниях филологических И. И. Давыдов (1834). Без жару дефедентов, без холоду оппонентов, я заодно с П. М. Строевым зову ее „проблемой русской словесности XII века“. Шлецер сначала усумнился было (1801) в ее древности, но скоро (1802) сознался в грехе своем, и общее внимание на нее выразилось более восхищением, нежели ученым исследованием».

Год от года росло число книг в библиотеке Александра Хиждеу, и как обычно он шел «на все тяжкие», дабы добыть очередную необходимую для его научных изысканий книгу, тем более библиографическую редкость. Он всегда с благодарностью вспоминал отца, который ежегодно откладывал «на подобный предмет немаловажную сумму». «Как трудно заниматься в такой стране, — писал он Мацеевскому, — где, как в Бессарабии, нет библиотек, и нужно самому выписывать из-за границы книги... На сих днях я ознакомился с некоторыми творениями, важными и для Ваших исследований, ибо недавно достал оные через выписку от книгопродавца»¹². И тут же он перечисляет авторов «некоторых книг», находящихся у него «теперь под рукою», таких, как Берман, Фейер, Стенцель и Цшоппе, Полевой, Данковский, Венелин, Керештури, Майлат, Верезебе, Шнабель.

Чтобы доставать нужные книги, А. Хиждеу постоянно поддерживал связь со многими книгопродавцами не только России, но и Западной Европы. Случайно при «особых обстоятельствах» (обыске) было установлено, что «Хиждеу ведет переписку с лембергским книгопродавцем Меликовским». Меликовский, опытный книгопродавец, был хорошо известен в научных кругах России. «Вот если бы у нас показались такие книгопродавцы!

Какое содействие, пособие могли бы они сделать литературе, просвещению. Меликовский приготовился к своему званию, путешествовал по Европе с этой целью, знает коротко весь механизм книжной торговли в Германии, Франции, Англии, у славян, имеет связи со всеми главными книгопродавцами европейскими», — писал М. П. Погодин С. П. Уварову в 1835 году. О нем же вспоминает И. И. Срезневский в письме к Погодину из Харькова (1843): «Я все же остался жив и почти без долгов, по крайней мере теперь нет на плечах ничего кроме того, что придется платить Меликовскому за три ящика книг, им высланные»¹³.

Все же жандармы не случайно поставили Александру Хиждеу в вину, что он «ведет переписку с лембергским книгопродавцем Меликовским». Недавно обнаруженное донесение (под грифом «секретно») от 10 декабря 1836 года Варшавского военного губернатора Е. А. Головина министру просвещения С. П. Уварову приоткрывает причины «сомнительной благонадежности» этого пользовавшегося столь широкой популярностью книгопродавца: «В девятом номере „Журнала министерства народного просвещения“ на нынешний год помещена выписка из письма к Вашему превосходительству от путешествовавшего по Германии ординарного профессора Московского университета Погодина, в котором, между прочим, г. Погодин отзывается с большой похвалой о лембергском книгопродавце Меликовском... Между тем, из полученных здесь от австрийского правительства в начале истекшего года официальных сведений видно, что, по произведенному в Лемберге следствию, тамошние книгопродавцы Меликовский и Кун уличены в торговле запрещенными книгами и в тайных сношениях по сему предмету как с книгопродавцами Царства Польского, так и с заграничными. По этому поводу захвачены были их купеческие книги и переписка, а сами они стоят на виду местной власти, как люди сомнительной благонадежности. Полагая, что могут встретиться также обстоятельства, при которых Вашему превосходительству не без пользы будет иметь сведение о подобных действиях книгопродавца Меликовского, я счел обязанностью сообщение о сем...»¹⁴ Из протокола, составленного жандармами при обыске, следует, что предупреждение Варшавского военного губернатора было принято во внимание, и Меликовский «стоял на виду» у царской администрации.

К 1838 году библиотека Александра Хиждеу до того разрослась, что назрел вопрос о ее основательной систематизации. Об этом говорят его заметки, датированные 18 января 1838 года. Для учета имеющихся книг было предусмотрено ведение алфавитного каталога, а также систематического, географического и хронологического указателей. Литература по вопросам славянове-

дения составляла особый отдел библиотеки, в котором книги располагались по тематическому и национальному признакам. В отношении научных дисциплин имелось три подраздела: славянская филология и лингвистика; славянская история и этнография; славянская юриспруденция и политика. Что касается распределения книг по национальному признаку, то они делились на две категории: сравнительные исследования, касающиеся славянских народов вообще; монографические исследования по истории и культуре отдельных народов: русского, польского и других, а также малых народностей.

В ноябре 1840 года, в связи с назначением Александра Хиждеу преподавателем в Винницкую мужскую гимназию, в своем рапорте директору гимназии А. А. Яковлеву он просит уточнить, какие предметы ему предстоит вести, чтобы захватить с собой необходимые книги из своей «частной библиотеки, неудобной к перевозу зимней порой по ее немалозначительности числом книг».

Случилось так, что именно «немалозначительность» семейной библиотеки сыграла роковую роль в учительской карьере Александра Хиждеу. В сентябре 1842 года он переезжает в Каменец-Подольск, получив назначение на должность старшего учителя русской словесности и логики в гимназии. Год спустя его преподавательская деятельность неожиданно прерывается в результате доноса попечителю Киевского учебного округа. В доносе, в частности, говорилось, что некоторые учителя Каменец-Подольской гимназии «дозволяют себе в чтении лекций значительные отклонения от предписанных руководств и, увлекаясь собственными, иногда недовольно зрелыми, мнениями, заставляют учащихся, к их обретению, учиться по собственным запискам, без существенной в том надобности»¹⁵. В объяснительной записке А. Хиждеу, защищая свою методику преподавания, критикует существующие «предписанные руководства», из-за неполноценности которых и приходится предлагать ученикам свои «записки», «делая изустные дополнения по Надеждину, Розбергу, Бутырскому, Никитенко, Шевыреву и Асту», когда речь идет о поэтике; а историю русской литературы преподавать с «дополнениями из Шафарика, Линде, Каченовского, Кеппена и др.». Доводы А. Хиждеу показались начальству неубедительными, и ему пришлось уйти в отставку якобы по собственному желанию.

В последующие годы Александр Хиждеу занимался в основном адвокатской деятельностью и продолжал начатые ранее научные исследования, широко используя растущие книжные фонды семейной библиотеки. О том, насколько богатой была к началу пятидесятых годов эта библиотека, говорят многочисленные ссылки на литературные источники, которые сопровождают

как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях историко-филологические исследования Александра Хиждеу — большинство из них, к сожалению, остались незавершенными.

Много времени уделял Александр Хиждеу переводам на русский язык научных трудов крупных западноевропейских ученых. Кроме упомянутой «Истории славянских законодательств» польского филолога Мацевского он планировал перевести следующие книги: «История римского права в средние века» и «Право владения» Савиньи, «История славянского языка и письменности» Шафарика, «История славянского язычества» Моне, «Сравнительная грамматика санскритского, зендского и других языков» Боппа, «Славянская сравнительная грамматика» Геркеля, «Основания новой науки» Вико, «Римская история» Нибура, «Мифическая история Азийского мира» Герреса, «Опыт об истории Франции» Гизо, «Опыт о римских плебейх древнейшего времени» Стрессера, «История англо-саксонского права» Филиппа, «Наследственное право во всемирно-историческом развитии» Ганса.

Работая над переводом капитальных трудов, «отличающихся универсальностью воззрения на славянственность», Александр Хиждеу готовил для издания на русском языке и так называемые «аналекты», которые, как следует из упомянутого выше письма к Мацевскому, должны были представлять собою «выписки, отрывки и заметки из разных сочинений и книг древних или редких, или неизвестных в России, из хроник и грамот разных славянских племен», то есть из печатных и рукописных источников, имевшихся в его библиотеке. В рукописном фонде Александра Хиждеу хранятся тысячи такого рода «аналектов», предназначенных для исследователей, не владевших иностранными языками.

К середине пятидесятых годов общее количество печатных изданий и рукописей в семейной библиотеке насчитывало около четырех тысяч названий. Полного ее каталога не сохранилось, но в значительной мере его можно было бы восстановить по имеющимся в рукописном фонде спискам, а также по ссылкам на литературные источники, которые использовались Александром Хиждеу и его сыном Богданом в их историко-филологических исследованиях. Первая работа в этом направлении была недавно проделана Литературным музеем Молдавской ССР.

Учитывая особенность этой научной библиотеки, ее специфику, одно только восстановление ее полного списочного состава представляло бы несомненный интерес для современных славистов и балканистов. Их внимание могли бы привлечь и «аналекты», хранящиеся в большом количестве в рукописном фонде основателя библиотеки — Александра Хиждеу, поскольку они

представляют собой выдержки из ценных научных трудов, утерявшихся или ставших библиографической редкостью.

Будучи полиглотом, Александр Хиждеу предпочитал знакомиться с трудами выдающихся ученых всех времен в оригинале. Среди его рукописей мы находим выписки из сочинений Полибия, Аврелия Августина и Джамбаттиста Вико. Особую роль в формировании философских и эстетических взглядов Хиждеу сыграл основной труд Вико «Принципы новой науки», с которым он, в отличие от многих своих современников, познакомился по итальянскому оригиналу, а не по французскому переводу Жюль Мишле. Этим и можно объяснить, что Александр Хиждеу точнее других воспринял теорию общественного круговорота итальянского философа. Следует отметить, что труд Вико был настольной книгой в семье Хиждеу.

В заключение отметим, что сын Александра Хиждеу, Богдан Петричейку Хашдеу, приступивший по примеру отца к самостоятельным научным исследованиям еще в гимназические годы, а к концу жизни состоявший членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности Российской академии наук, а также Лингвистического общества в Париже, Королевской академии в Белграде, Академического общества в Софии, Общества греческой филологии в Константинополе, Неолингвистического общества в Балтиморе и других, многим обязан семейной библиотеке, созданной его отцом.

Такой успех Богдана Хашдеу на научном поприще можно объяснить крайне благоприятными для умственного развития условиями (наличие богатейшей семейной библиотеки), в которых оказался с самого детства будущий ученый. Формированием же прогрессивных взглядов Хашдеу обязан не только книгам, но и живому общению со средой харьковского студенчества, находившегося под влиянием идей русских революционеро-демократов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сын Александра Хиждеу, Богдан, в зрелые годы изменил транскрипцию своей фамилии на Хашдеу,— так он и известен в литературном и научном мире.
- ² Кондаков Н. П. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук за 1907 г. Спб., 1907, с. 3.
- ³ Кишиневские епархиальные ведомости, 1895, № 24, с. 915—916.
- ⁴ Хиждеу А. О достоинстве божественной поэзии.—Вестник Европы, 1830, № 13, с. 22—31; О цели философии.—Там же, № 21—22, с. 45, 46; Дука: Молдавское предание.—Там же, с. 181—207.
- ⁵ Хиждеу А. Сократ и Сковорода.—Одесский вестник, 1833, № 57, с. 146; Григорий Саввич Сковорода: Историко-критический очерк.—Телескоп, 1835, № 5, с. 3—42; № 6, с. 151—178; Задача нашего времени. Рукопись. (Литературный музей Молдавской ССР, ед. хр. № 7123.)
- ⁶ Госархив Винницкой области, ф. 14, оп. 2, ед. хр. 679—681, л. 320.
- ⁷ Францев В. А. Из переписки В. А. Мацеевского с русскими учеными. М., 1901, с. 7—18.

- ⁸ Госархив Одесской обл., ф. 6, оп. 1, ед. хр. 3333, л. 1—3.
- ⁹ Телескоп, 1833, № 8, с. 491.
- ¹⁰ Литературный музей Молдавской ССР, ед. хр. 7122.
- ¹¹ Новиков Н. И. Древняя российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства и другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев. Спб., 1773—1775.
- ¹² Францев В. А. Из переписки В. А. Мацеевского с русскими учеными, с. 17.
- ¹³ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1891, кн. 4, с. 328; 1892, кн. 6, с. 385.
- ¹⁴ ЦГИА в Ленинграде, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 930.
- ¹⁵ Госархив Хмельницкой обл., ф. 67, оп. 1, № 47, л. 62; № 68, л. 88 и 89.

Юрий Закревский

ИВАН РОЗАНОВ И ЕГО КНИГИ

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ

«Мой прадед, по имени Федор, в молодости значился в числе дворовых графа Головкина и был садовником. Он хорошо умел акклиматизировать впервые ввезенные в Россию китайские розы, за что и сам был прозван Розаном»¹.

Иван Никанорович Розанов родился 22 августа 1874 года в Москве, в семье нотариуса. Был последним — четырнадцатым ребенком. Еще не научившись читать, рифмовал стихи. В девять лет начал «издавать» домашние рукописные журналы, увлекся сочинениями Виссариона Белинского.

В одиннадцать лет Иван Розанов поступает в Четвертую Московскую гимназию — бывший университетский Благородный пансион. В свое время его воспитанниками были Дмитрий Дашков, братья Тургеневы, Василий Жуковский, Владимир Одоевский, Михаил Лермонтов. «Каждый день я дважды проходил по коридору, где висели золотые доски с рядом прославленных в литературе имен», — вспоминал Розанов.

В 1895 году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

«Это был год замечательный во многих отношениях. 7 мая А. С. Попов сделал великое открытие: изобрел беспроволочный телеграф, или радио. В июньской книжке журнала „Русское богатство“ появилась повесть А. М. Горького „Челкаш“... Осенью этого года В. И. Ульянов организовал в Петербурге „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“... В кругах, близких к правительству, университеты давно уже считались „очагами революции“... Большую роль сыграла студенческая демонстрация по случаю полугодовщины ходынской коронационной катастрофы. 18 ноября 1896 года я пошел в Университет и был поражен, почему на лекции так мало студентов. На Моховой я увидел, как полиция и жандармерия ведут в Манеж громадную толпу. Что делать?! Вдруг к нам подошел студент 3-го курса Валерий Брюсов и сказал: „Товарищи! Мы тоже должны присоединиться!“ Мы,

конечно же, присоединились... Позже я узнал, что организатором этой демонстрации был студент Вацлав Воровский». (Из воспоминаний профессора И. Н. Розанова, опубликованных в 1957 году в многотиражке «Московский университет».)

Характерно, что во всех своих воспоминаниях, заметках и дневниках Иван Никанорович почти ничего не пишет о себе, но очень много интересного сообщает о людях, с которыми был знаком.

В 1899 году Розанов выдержал государственные экзамены, получил диплом первой степени и был оставлен при кафедре русской литературы Московского университета. В следующем году его работа — статья «Грибоедов и Пушкин», опубликованная в юбилейном «Пушкинском сборнике», — была удостоена медали. Одновременно с работой на кафедре Розанов преподавал на Высших женских курсах В. Полторацкой, в Народном университете имени А. Л. Шанявского, в гимназии Любови Федоровны Ржевской. Учившаяся в этой гимназии Мариэтта Шагиняня вспоминала:

«У Ржевской преподавание велось первоклассными педагогами... Ивану Никаноровичу Розанову я обязана первым знакомством с Чернышевским и Добролюбовым — запретное чтение, которым он, рискуя потерять место, снабжал нас тайком...»².

В 1907 году И. Н. Розанов работал над «Толковым указателем книг для чтения» (раздел «Словесность»). В 1911-м — занимался составлением книги «Рабство и воля. Крепостное право в русской литературе». В 1913-м — написал статьи о Катенине, Крылове и Кюхельбекере для «Энциклопедического словаря» братьев Гранат. И в эти же годы работал над историко-литературными очерками «Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца». Книга была издана прогрессивным кооперативным товариществом «Задруга» в 1914 году.

Здесь мы прервем на время хронологию биографии и попытаемся рассказать о своеобразии Розанова-литературоведа, проявившемся уже в первой его книге. Отличался он великолепным знанием материала, популярностью изложения и высокой культурой языка. Вот что писал в рецензии на книгу Валерий Брюсов: «Только история поэтических форм может дать истинную историю поэзии. До сих пор в этом направлении сделано еще очень мало. Мы еще не изучили стихотворной техники наших величайших поэтов, даже Пушкина... Как одна из первых попыток продолжить путь в этой области нам особенно дорога книга И. Розанова... Он подверг анализу форму стихов и сопоставил поэтическую технику отдельных поэтов. Этим работа И. Розанова решительно выделяется из числа других историко-литературных исследований»³.

И. Н. Розанов

В. Брюсов был скуп на похвалы и не очень-то благоволил к литературоведам, а к малознакомому И. Розанову отнесся с почтением и симпатией. Как, впрочем, отнеслось к нему и большинство других поэтов. Они видели в нем человека «своего», понимающего секреты их мастерства, соратника по поэтическому делу, хотя мало кто знал, что Иван Розанов и сам был автором двух поэтических сборников. Не знал, видимо, об этом и Валерий Брюсов. «Приходит в издательство и говорит: „Оказывается, не только поэты занимаются рифмами и ритмом. Я всегда думал, что господа-историки литературы не могут отличить ямба от хоря. Но есть Розанов — он занимается тем же, чем и мы, поэты“». (Из выступления литературоведа С. Н. Дурьлина в Доме литераторов в 1944 году.⁴)

Нечто подобное замечал еще Н. В. Гоголь: «Произнести суд окончательный и полный над поэтом может один тот, кто заключил в себе самом поэтическое существо и есть сам уже почти равный ему поэт»⁵.

Именно таким «существом» и был Иван Розанов. Потому-то он и имел право судить о поэтах.

В историко-литературных очерках «Русская лирика» широкий охват, анализ общих черт поэзии конца XVIII и начала XIX века сочетается с литературными портретами. Оживают и ведут спор Карамзин и Жуковский, Державин и Херасков.

Любопытны сами заголовки—то иронические, то строгие: «Певцы любви вздыхательной и нежной», «Поэзия небесных упований», «Поэзия земных утех», «Без руля и без ветрил», «Предтечи новой лирики», «Вослед Радищеву»... В книге проанализировано творчество поэтов-радищевцев, нашлось место и малоизвестным поэтам: Семену Боброву, Михаилу Милонову, Владимиру Филимонову...

Так И. Н. Розанов начал свое многолетнее путешествие в глубь материка Поэзии...

2. НЕИЗВЕДАНЫЕ МАТЕРИКИ И ОСТРОВА

Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Кольцов... А кто между ними, рядом с ними? История литературы не должна сводиться к изучению классиков,—понял Розанов. Того же Пушкина нельзя верно оценивать и знать, не зная его современников. Мысль для литературоведения начала века отнюдь не банальная.

Продолжение жизнеописания И. Н. Розанова.

В 1918 году избран профессором Московского университета.

В 1919 году назначен заведующим Отделом истории книги при библиотеке Государственного исторического музея. Отдел был создан по его инициативе и руководил он им до 1941 года.

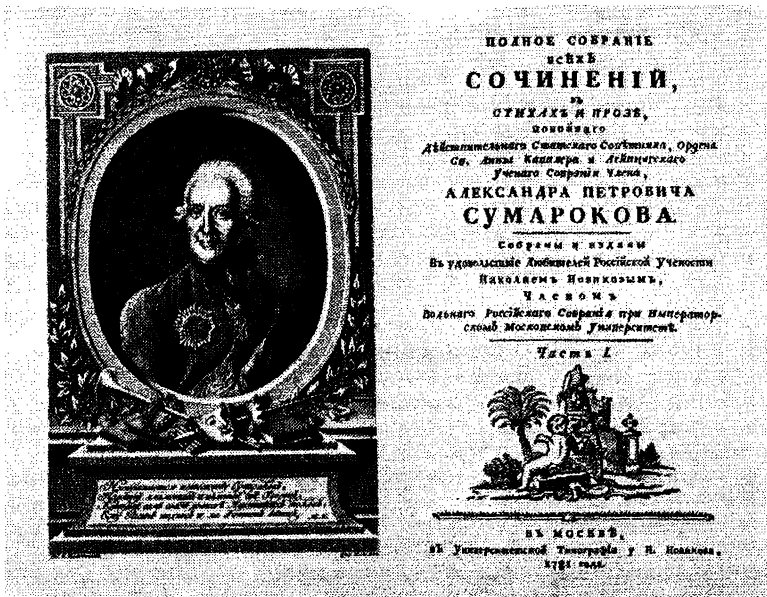
В 1923 году опубликованы книги «Некрасов. Жизнь и судьба» и «Пушкинская плеяда» (2-й том «Русской лирики»).

В 1925 году вышли в свет «Поэты двадцатых годов XIX века».

Дельвиг, Козлов, Денис Давыдов, Кондратий Рылеев... И. Н. Розанов хотел знать о русской поэзии как можно больше. Поэтому и появлялись на его полках книги меццианина Ермила Кострова и книжки Зинаиды Волконской, крестьянского сына Алексея Разоренова и краеведа Дмитрия Давыдова, оды Николая Николаева и лирические стихи Аполлона Григорьева...

Поэты разных школ и вкусов
Сошлись в мой тесный уголок...
И те, чье имя всем знакомо,
И те, кого не знает свет.
Все чувствуют себя как дома
И мертвых между ними нет.

Так писал о своей библиотеке сам Розанов.

Редкое издание сочинений А. П. Сумарокова

Он знал свои книги великолепно и многое из них — наизусть. Память была целенаправленная, а потому и цепкая...

С. Н. Дурьилин вспоминает: «В одном небольшом кружке собрались различные писатели и литературоведы. Внезапно возник вопрос, кто сказал: „Смеяться, право, не грешно над тем, что кажется смешно“. — Пушкин. — Где? — В „Евгении Онегине“... — Нет! — Грибоедов? — Нет.

Стали перебирать авторов... Факт был налицо: никто не знал, кому принадлежат эти, всем известные слова. Решили позвонить Сакулину.

— Не знаю. Тысячу раз повторял на лекциях, но не знаю.

Позвонили Розанову. Если он не скажет, значит, никто в Москве не сможет сказать.

— Кто сказал эту фразу, Иван Никанорович?

— Карамзин.

Удивились и не очень-то поверили. Но когда проверили — оказалось верно... Еще фраза: „С милым рай и в шалаше“ — у

всех на устах. Но даже сам Займовский, собиратель крылатых слов, не знал, откуда она. А Иван Никанорович сказал: „Из песни Ибрагимова“.

Вот, кстати говоря, эта строфа:

Не ищи меня, богатый:
Ты не мил моей душе.
Что мне, что твои палаты?
С милым рай и в шалаше.

В стихах Н. Ибрагимова нашлась и знаменитая песня «Во поле березонька стояла». Розанов постарался собрать сведения об авторе.

Николай Мисаилович Ибрагимов, татарин из Казани, родился в 1778 году. Учился в Московском университете. К этому периоду, видимо, и относятся его стихи. Вернулся в Казань — стал учителем, а потом профессором. Умер в 1818 году.

Поиски Ивана Розанова выводили из мрака забвения одно имя за другим.

Александр Николаевич Амосов (1823—1866) — автор юмористических стихотворений и «Элегии», ставшей популярнейшей песней «Хаз-Булат удалой».

Евгений Павлович Гребенка (1812—1848) — украинский и русский прозаик и поэт, современник Пушкина и Гоголя. На Украине пользовались успехом его «Байки» — басни и очень колоритные рассказы, а в России — песни: «Почтальон», «Молода

еще девица я была» («Помню, я еще молодушкой была») и «Очи черные, очи страстные». Вряд ли нужно доказывать, сколь популярны эти песни, написанные 140 лет назад!.

Дмитрий Павлович Давыдов (1811—после 1880)—геодезист, сибирский краевед и этнограф, автор «Поэтических картин» и особенно полюбившихся «Дум беглеца на Байкале» («Славное море, привольный Байкал...»).

Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830)—сын небогатого купца, профессор поэзии и красноречия Московского университета, переводчик древнегреческих поэтов. До поисков И. Розанова вряд ли кто знал, что народная песня «Среди долины ровныя» принадлежит Мерзлякову; также мало кому было известно, что «Шумел, горел пожар Московский» принадлежит Н. С. Соколову, цыганский романс «Мой костер в тумане светит»—Я. П. Полонскому, «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная!»—Аполлону Григорьеву, а мужественный «Крейсер „Варяг“» («Наверх, о товарищи, все по местам!») написала дочь профессора Военно-медицинской Академии Евгения Шершевская-Студенская.

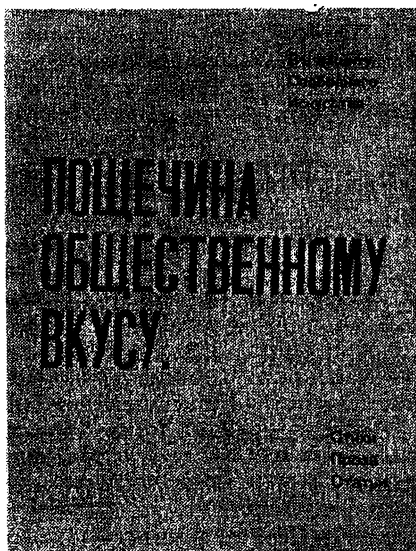
Стихи известных, неизвестных и, казалось бы, даже случайных в поэзии людей благодаря песне остались в памяти народной на многие десятилетия.

3. ПЕСНЯ ДАЛЕКАЯ—ПЕСНЯ ВЛИЗКАЯ

Еще в XVIII веке литераторы собирали и записывали народные песни. М. Д. Чулков издал четыре томика таких песен. Известен и «Песенник» Львова и Прача. Песни А. П. Сумарокова и Михаила Попова слагались на основе поэтического фольклора. В начале XIX века появился даже термин—«русская песня». Создателем этого жанра можно считать А. Ф. Мерзлякова. Он первым стал широко пользоваться приемами устной лирики, а иногда и прямо заимствовал строки песен.

Еще теснее с фольклором был связан Николай Цыганов. Его песни, передаваясь из уст в уста, правились народом и закреплялись в его сознании. И если в книжной поэзии достоинство произведения прямо связывалось с именем автора, то в народе все зависело от достоинства самого стихотворения.

«Одной из привлекательнейших особенностей устной поэзии,—писал И. Н. Розанов,—является то соотношение, которое существует здесь между творцом и его творением... в поэзии книжной каждый спешит заявить „это мое“... в поэзии устной нет никакой заботы о сохранении своего имени. В результате каждый из нас может привести длинный ряд авторов, которых знает только по имени. Произведения их наглухо забыты. А с

Книги из собрания И. Н. Розанова

другой стороны, мы не знаем имен тех первоклассных наших лириков, которые создали перлы нашей устной поэзии».

Большинство статей и книг Розанова не переиздавалось, и стали они библиографической редкостью. Поэтому представляется резонным процитировать хотя бы несколько наблюдений И. Розанова — историка литературы:

«...Совсем освободиться от подражания и литературных традиций никогда и никому еще не удавалось, даже, пожалуй, и не нужно».

«Переходные эпохи — это буфера: они ослабляют удар при отталкивании. Державин отталкивается от Ломоносова. „Главным моим старанием было писать не так, как писал Ломоносов“, — говорил он... Символисты отталкивались от Некрасова, футуристы от символистов».

Продолжаем жизнеописание И. Н. Розанова.

В 1936 году под редакцией И. Н. Розанова вышел большой сборник песен русских поэтов.

В 1941 году он возглавил секцию народного творчества при Союзе писателей.

В 1944 году награжден орденом Трудового Красного Знамени.

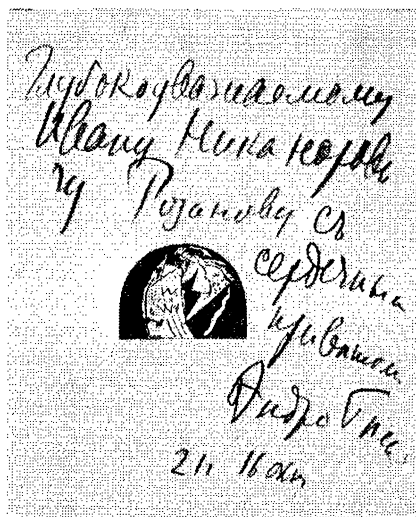
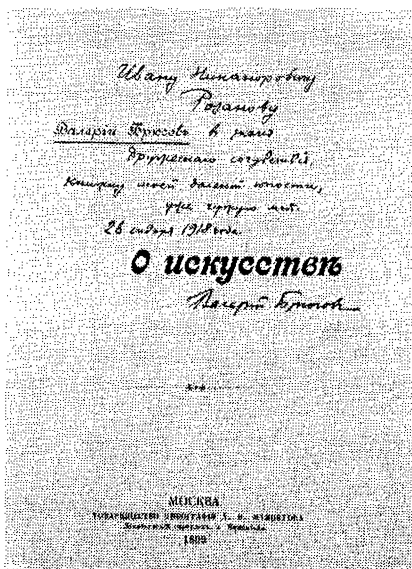
Книга из собрания
И. Н. Розанова

«Когда гремят пушки, музы молчат»,—говорили древние римляне. Так ли это?

Листая библиографическое описание «Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова», воочию убеждаешься, сколь ложна эта мысль. Кроме стихотворений, почти ежедневно появлявшихся в газетах и журналах в суровые военные годы, было издано удивительно много поэтических сборников Константина Симонова и Алексея Суркова, Ольги Берггольц и Веры Инбер, Николая Тихонова, Евгения Долматовского, Сергея Михалкова... В самом тревожном и трудном для страны 1942 году вышли массовыми тиражами «Английские баллады и песни» в переводе Самуила Маршака, «Ромео и Джульетта» и «Гамлет» в переводе Бориса Пастернака, книжки начинающих фронтовых поэтов. В годы войны появился «Василий Теркин» Александра Твардовского.

В одном ряду с поэтами был и И. Н. Розанов. В 1942 году вышло его исследование «Лермонтов—мастер стиха», в 1944 году—сборник «Русские песни XIX в.». В суровую годину стихи и песни оказались насущно необходимыми. Были они тем живым звеном, которое еще теснее связывало война с Родиной, с ее природой, с ее славным прошлым.

Дарственные надписи В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, С. Есенина на книгах из собрания И. Н. Розанова (с. 119—120)

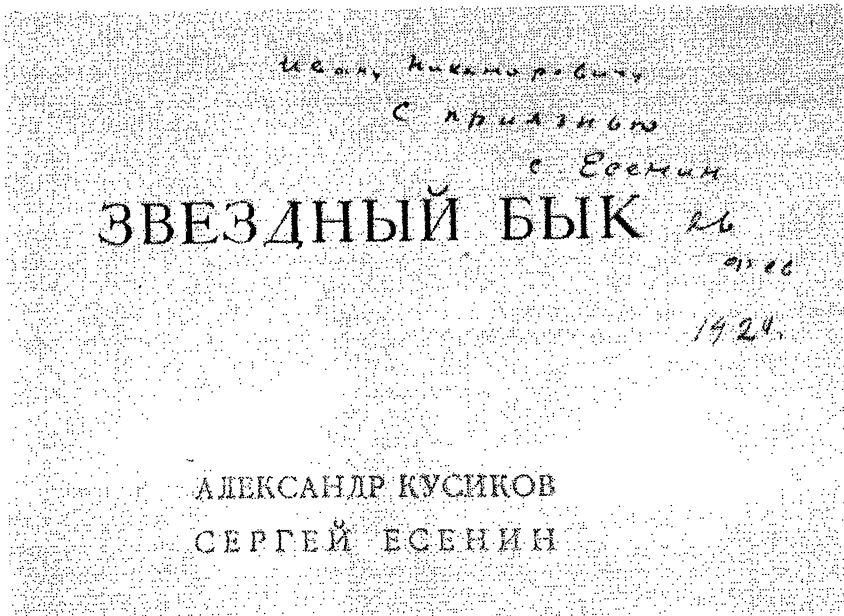
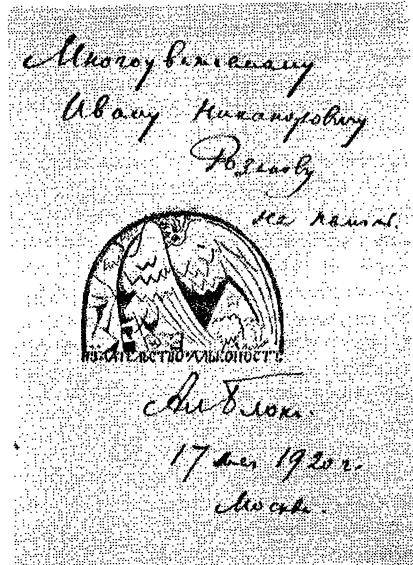
В 50-е годы была опубликована статья И. Розанова «Песни о Катюше как новый тип народного творчества».

Песня на стихи Михаила Исаковского «Катюша» еще до войны воспринималась как народная. Со временем стали появляться новые «Катюши». Их авторами были пограничники, артиллеристы и танкисты, пехотинцы и партизаны. Тексты нигде не печатались — песни передавались изустно. И записывались потом чаще всего не автором и не от автора, а от людей, запомнивших песню. «Катюш» становилось все больше. Причем тексты, их эмоциональный строй и содержание прямо зависели от событий, волновавших страну, от обстановки, в которой находился сочинитель.

Появилось немало «писем Катюше» и ее «ответов». Например:

Я теперь, — Катюша пишет другу, —
Не хожу на берег, где туман,
Темной ночью, взяв винтовку в руки,
Я ушла с отрядом партизан.

.....
Будет день, и розовой порошей
Ветки яблонь снова зашумят,
Будет враг раздавлен и отброшен,
И победу трубы протрубят.

К 1945 году Розанову удалось собрать около ста песен на мотив «Катюши» — огромный поэтический цикл неизвестных авторов! «Такого явления никогда не было ни с одним русским стихотворением, ни с одной песней», — записал он в статье.

4. ПРЕЗИРАЯ ВОЗРАСТА ВЕРИГИ

В 1944 году отмечалось его 70-летие. Было получено около ста приветствий: от Союза писателей, институтов, других различных учреждений и отдельных лиц. Друзья-поэты читали стихи, к этому случаю написанные...

Затем наступило 75-летие.

«Старость для меня не наказание, а награда, — говорил И. Н. Розанов. — У меня сильное тяготение к завтрашнему дню — я не чувствую себя „на склоне лет“... То, что я делал, — это только восхождение на гору, но моя работа еще не закончена, и я думаю сейчас не о том, что сделал, а о том, что я не сделал».

А вот что говорили о нем его друзья:

«...Мое внимание прежде всего привлекла его совершенно необычайная улыбка. Это не улыбка человека просто общительного, который обязательно улыбается в беседе с вами... Улыбка Ивана Никаноровича дана ему внутренней жизнью, тем, что самое главное в жизни человеческой — поэзией». (Из выступления И. Анисимова на юбилее И. Розанова в 1944 году.)

Поэт Лев Озеров записал в розановский альбом:

Порой на душе горечь:
Тягостно, тяжело,
Но встретишь Вас, Никанорыч,
И сразу станет тепло.
Если б владел я кистью,
Я б, этим теплом согрет,
Изобразил бескорытье,
Ваш написав портрет.

Альбомы, сделанные руками И. Н. Розанова... Когда-то считалось, что альбомной страстью были одержимы только восторженные барышни. Но ведь и Пушкин, и Лермонтов, и Тютчев писали в альбомы... И благодаря этим записям сохранилось немало жемчужин русской лирики. Розановские альбомы являют собой логическое продолжение его исследовательских интересов. Они пестрят именами наших литераторов. Рядом с автографами — фотографии, любительские, либо уже известные по журналам и книгам: П. Антокольский и С. Михалков, О. Берггольц и И. Сельвинский, С. Кирсанов и С. Щипачев, В. Луговской и А. Тарковский, С. Наровчатов и Н. Старшинов... И не только поэты, но и прозаики и критики писали в «переделкинские», «малеевские» альбомы И. Н. Розанова свои поэтические опусы.

Иван Никанорович был убежден, что любой человек может и должен писать стихи. Ему, человеку весьма любознательному и общительному, удавалось вовлечь в составление альбомов даже мимолетных знакомых.

Есть в альбоме строки татарского прозаика Гумера Баширова, песня Кави Наджми, рисунки великолепного мастера книжной графики Николая Кузьмина и акварель Татьяны Мавриной. Вот запись, сделанная легендарным панфиловцем — полковником и казахским писателем Баурджаном Момыш-улы: «Поэт должен быть старше отца на сто лет и младше сына на век...»

На первый взгляд эти коллективные иллюстрированные альбомы-дневники могут показаться забавой в часы досуга. Но чем внимательнее читаешь и рассматриваешь их, тем яснее понимаешь их ценность. Ведь в них — множество штрихов к портретам людей, к картине времени.

В двух розановских альбомах только стихи. С 1927 по 1952 год друзья-поэты записывали по одному стихотворению или отрывку из поэмы. (Сейчас эти альбомы переданы К. А. Марцишевской в Музей А. С. Пушкина.)

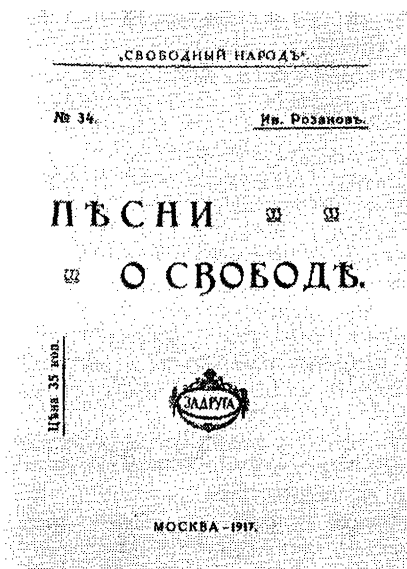
Мы сидим у вдовы И. Розанова Ксении Александровны. Невольно осматриваю ее рабочую комнату в небольшой квартирке. Как и при первой встрече, удивляет то, что в квартире совсем немного книг: словари — детище Ксении Александровны, пять-шесть собраний сочинений русских писателей, три полочки с работами Розанова... А вся его библиотека еще в 1965 году переехала с улицы Герцена, где безвыездно жил Иван Никанорович, на улицу Кропоткина (угол Хрущевского переулка) в Государственный музей А. С. Пушкина. О безвозмездной передаче книжных сокровищ, унаследованных К. А. Марцишевской, писалось уже немало.

Ее подарок государству, конечно же, ценнейший. А поступок К. А. Марцишевской — проявление высокой гражданственности. Но ведь и не так уж он удивителен этот поступок. В нем — логичное продолжение ее и И. Н. Розанова жизни. И не случайно Ксения Александровна повторяет: «Я правильно сделала», «Мне и в голову не приходило продавать книги», «Мне повезло — библиотека попала в хорошие руки».

Как же собирал книги сам Розанов и как живет его библиотека теперь?

5. ЕСТЬ ТАКАЯ БИБЛИОТЕКА!

За многие годы собралось в его домашней библиотеке около десяти тысяч книг русских поэтов, коллективных поэтических сборников, альманахов и журналов XVIII, XIX, XX веков. Пер-

Титульные листы книг И. Н. Розанова

вые издания В. Третьяковского, М. Ломоносова, В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, басен И. Крылова, поэм А. Блока. Сборники стихов художника Николая Рериха, писателя Алексея Толстого, актера Павла Гайдебурова — основателя первых народных театров. Многие книги с дарственными надписями и пометами авторов. Словом, уникального в этом собрании немало.

Иметь прижизненные издания, книги с автографами, раритеты, конечно, приятно любому книголюбу-собирателю. Но, по признанию самого Ивана Никаноровича, он не страдал жадой собирательства. Зачем же были нужны прижизненные издания и книги с пометами авторов Розанову?

Забывая о своей репутации, поэт отбирает свои творения для сборника очень требовательно. Во всем этом волей-неволей отражаются характер автора, его мировоззрение, его взгляды на поэзию. Кажется ему произведение слабым или подражательным — в книгу не включает.

А. Пушкин, например, ни разу не вставлял в собрания своих стихотворений «Воспоминаний в Царском Селе». «И был прав, — писал Розанов, — они слишком были в духе Державина, отчасти в

духе Жуковского... Пушкинская ода имела частный успех только в литературных кругах, но не в русской поэзии».

Н. Некрасов, считая подражательными и весьма незрелыми свои «Мечты и звуки», после публикации старался уничтожить их. А в сборнике стихотворений 1859 года, наоборот, восстанавливал строки, изъятые цензурой. В розановской библиотеке есть этот экземпляр «Стихотворений Н. Некрасова», изданный в Лейпциге, с вписанными авторским карандашом строками. Тем и дороги исследователю прижизненные издания.

Для И. Н. Розанова, занимавшегося историей книги, были важны и обложка, и заглавный лист, и гравюры, и виньетки, и заставки — ведь в них отражается не только автор, но и вкус эпохи. Вот третье издание «Евгения Онегина», вышедшее за несколько дней до смерти поэта. Переплет-марокен с золотым тиснением, в фигурной рамке, по углам цветы. Книга стояла недешево, но разошлась за три дня.

А вот первое издание «Мертвых душ» с обложкой, сделанной по рисунку самого Гоголя. Крупными буквами «ПОЭМА» — автор считал важным подчеркнуть жанр произведения.

«Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева», изданное его сыновьями в 1807 году.

«Русская потаенная литература XIX столетия» — редчайшее собрание стихотворений, изданное Н. Огаревым в Лондоне, в 1868 году.

Журналы XVIII века: новиковский «Живописец»; «Куриер из ада с письмами» — сочинение Федора Эмина; «Не то ни сию в прозе и стихах» — ежесубботное издание 1769 года.

«Вот три кумушки кумы. Современная песенка, сочинение 10-летней девицы Елизаветы Зубовой. Спб., 1854 г.». Неизвестно, была ли автором этой брошюры «10-летняя девица», но очевидно, что под кумушками подразумеваются воевавшие против России страны: Турция, Франция и Англия...

А это — одна из первых книг футуристов «Садок судей», напечатана на обоях разных цветов и без указания места издания...

Книги собраны редчайшие. 49 поэтов XVIII века, 535 — XIX, 973 — первой половины нашего столетия. И, конечно же, особое место занимает А. С. Пушкин. 31 прижизненное издание, 40 книг, изданных после смерти поэта, почти все собрания сочинений, огромное количество стихов, посвященных великому поэту... Среди частных собраний розановская Пушкиниана, пожалуй, самая полная.

Библиотека была доступной для многих. В ней занимались студенты и аспиранты, известные филологи. Ею восхищались К. Чуковский, С. Маршак, К. Федин, В. Шолоховский, И. Андроников, поэты разных поколений.

Не лежат книги мертвым грузом и теперь — почти ежедневно в библиотеку приходят люди разных возрастов и профессий. Изданное при активном участии К. А. Марцишевской «Библиографическое описание» дает полное представление о библиотеке. В описании 478 страниц. И читаются они как увлекательный роман. «Библиографическое описание» было издано в 1975 году и так быстро разошлось, что само стало библиографической редкостью.

Недавно я услышал слово «Розановка» — так уже называют розановскую библиотеку. И в этом тоже признание заслуг Ивана Никаноровича Розанова и Ксении Александровны Марцишевской.

«Какое удивительное собрание — просто университет русской поэзии!» — из записей в книге отзывов.

«Соприкосновение с личностью профессора Розанова, его трудами и его библиотекой приносит радость. Спасибо ему от всех и навсегда!» — написали учителя из города Обнинска.

«Большое вам спасибо, продолжатели дела И. Розанова», — пишут ленинградцы.

К этим словам вряд ли нужно что-нибудь добавлять. Разве только свою глубокую благодарность К. А. Марцишевской за всемерное содействие в работе над этими заметками...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Розанова В. С. Семейная хроника. Хранится в домашнем архиве К. А. Марцишевской.
- ² Советские писатели: Автобиографии. В 2-х т. М.: Гослитиздат, 1959, т. 2, с. 641.
- ³ Брюсов В. Заметки. Русская лирика. — Альманах «София», № 6, с. 85—86.
- ⁴ Стенограмма хранится в архиве К. А. Марцишевской.
- ⁵ Гоголь Н. В. Сочинения. Спб., 1900, т. 7, с. 67.

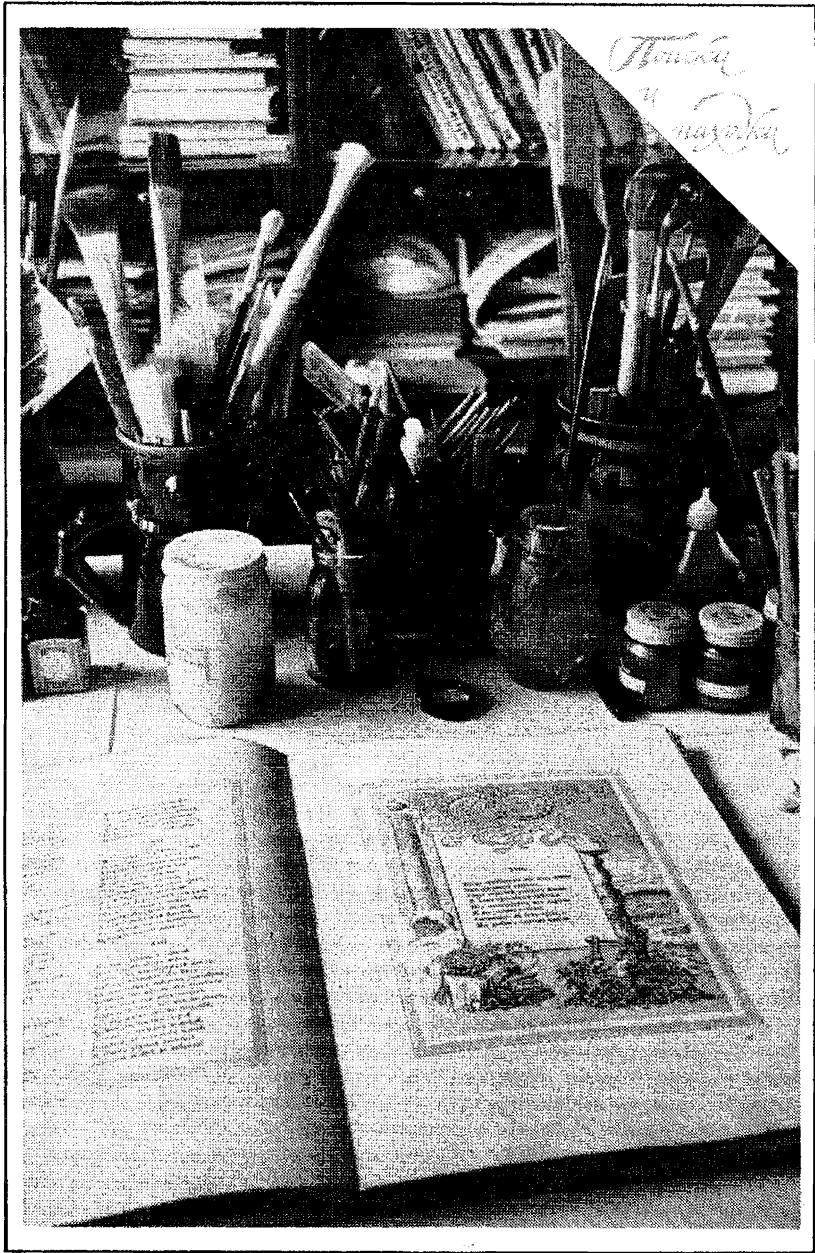
Леонид Вышеславский

КОС-АРАЛ

ПАМЯТИ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Был на Арале остров. Плоский остров.
Безлюдный остров ссылки и тоски.
Безжизненный. Казавшийся погостом.
Сухие ветры. И пески. Пески.
Но там росло и зеленело Слово.
Живые корни сквозь пласты песка
там добрались до самого живого,
таящего бессмертье родника.
Прошедший век переминался грузно,
и подымал, и мучил, и карал..
Река в песках переменяла русло.
Косой столетья скошен Кос-Арал.

А голос правды так же свеж и нов,—
он долговечней рек и островов.

Мир слишком велик. Своими глазами вы увидите ничтожно малую долю. Поэтому ищите факты в книгах. Собирайте их ежедневно.

В. А. ОБРУЧЕВ

Ал. Романов

ДВЕСТИ ЛЕТ СПУСТЯ

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И внемля им, вздохнет о славе младость,
Утепится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.
А. Пушкин. «К портрету Жуковского»

I

На просторах России существуют такие селения, одно упоминание которых вызывает в памяти имена всемирно известных русских поэтов, чье творчество вдохновлялось сыновней любовью к родной природе, ее цветущим лугам и нивам, небыстрым голубым рекам, светлым березовым перелескам и непроходимым лесным чащобам.

Михайловское — это Пушкин, Тарханы — Лермонтов, Шахматово — Блок, Константиново — Есенин. Но до последнего времени напрасно, однако, было бы искать в этом списке, который можно удвоить и утроить, Мишенское — родину великого русского поэта Василия Андреевича Жуковского. Село с таким названием стоит в трех километрах от Белева, древнего русского города — ровесника Москвы, первое упоминание о котором встречается в Ипатьевской летописи под 1147 годом, а в наши дни — районного центра Тульской области. И Мишенское, и Белев, раскинувшийся на высоком левом берегу Оки, — места оживленные, живописные, связанные с многими историческими событиями.

Василий Андреевич Жуковский родился именно здесь, в Мишенском, 29 января (9 февраля) 1783 года — в просторном помещичьем доме, окруженном множеством пристроек — людской, сараем с сеновалом и погребницей, хлебным амбаром, конюшней, каретной и помещением для дворни. Усадьба стояла на вершине зеленого холма и господствовала над местностью. Слева от нее, если смотреть с равнины, зеленел сосновый парк, а справа, на крутом откосе, стояла каменная церквушка с голубым куполом под золоченым крестом и белой колоколенкой, украшенной синими изразцами над узкими проемами звонницы. Крутые ступеньки из белого камня вели на панерть сельского храма. И отсюда далеко-далеко виднелись и безбрежные луга, и озеро, образованное небольшой запрудой, и водяная мельница с тяжелым замшевым колесом, набухшим от воды.

Живописное это поместье принадлежало Афанасию Ивановичу

чу Бунину—отцу поэта. Матерью Василия Андреевича была пленная турчанка Сальха, привезенная в подарок барину из-под Бендер мишенскими крестьянами-маркитантами и названная при крещении Елизаветой Дементьевной. Живший в бунинском доме разорившийся помещик Андрей Григорьевич Жуковский, по желанию Афанасия Ивановича, дал мальчику и отчество, и фамилию, и принадлежность к дворянству.

В поместье отца прошло детство Жуковского. Здесь получил он первые поэтические представления о неотразимой красоте русской природы. Здесь возникли сопровождавшие его всю жизнь идеалы служения добру и морального самосовершенствования. Здесь он жил уже после получения образования в Московском университете, с 1802 по 1815 год, с небольшими разве перерывами. Об этом периоде мы находим у поэта такие строки:

...Живу в селе,
Земном раю,
И жизнь мою
В труде, во сне
И в тишине
Таясь, веду...

В Мишенском написал он первые свои поэтические произведения, включая и элегию «Сельское кладбище» — вольный перевод произведения английского поэта XVIII века Грея, опубликованную в журнале «Вестник Европы» и принесшую ему первое признание. Здесь же он создает первые свои баллады «Людмила», «Светлана», знаменитое стихотворение «Певец во стане русских воинов», в котором воспевает любовь русских к родной земле и их воинскую доблесть. Видимо, в Мишенском начал он и переводить из Гете, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта...

В 1804 году в Белеве, на Ершовской улице, поэт построил дом и вскоре поселился в нем вместе с матерью. Многие сохранившиеся от того времени письма, вошедшие в четвертый том Собрания его сочинений (1960), помечены Белевом.

Осенью 1980 года мне довелось побывать в Мишенском, где в последний раз я был перед Великой Отечественной войной, сорок лет назад, если не больше. В довоенное время, как мне представляется теперь, здесь все напоминало о великом поэте, учеником которого считал себя Пушкин и который всегда, во всех учебниках литературы по праву именовался «основоположником русского сентиментализма», «отцом русского романтизма». Сюда в любое время года, в особенности в благодатные весенние и летние дни, говорливыми стайками шли белевские школьники, у «бунинской» мельницы молодежь любила купаться, комсомольцы устраивали веселые молодежные праздники, в сосновом бору

возле старого барского дома постоянно звучали голоса, а в самом этом доме с первых же лет революции работала сельская школа, располагавшая музейным уголком, посвященным молодым годам поэта и его произведениям.

В Белеве еще в 1859 году почитателями поэтического таланта Жуковского на средства, собранные по подписному листу, была открыта библиотека, носившая его имя. Накануне Октября в фондах библиотеки насчитывалось 13 тысяч томов, среди них хранились книги с автографами столичных писателей и издателей. В 1940 году в доме Жуковского на Ершовской улице был открыт мемориальный музей, располагавший уникальными первыми изданиями его произведений, рукописями, письмами, рисунками поэта и его сына Павла Васильевича, личными вещами поэта. Все это унесла война, кратковременная, но страшная немецко-фашистская оккупация.

В Мишенском, на месте дома, где родился и жил Жуковский, в ту пору чернело пепелище. Только оно и осталось от усадьбы. От церкви сохранился фундамент, да и тот был скрыт густой травой. На месте сгоревшего в войну соснового парка поднялась густая березовая роща, по гребню холма рассеченная линией бывшей немецко-фашистской обороны, остатками глубоких окопов и землянок, пулеметных гнезд и артиллерийских блиндажей, заросших кустарником и чертополохом. Заглох пруд, основательной была искверкана дорога, ведущая на холм.

На территории усадьбы, в стороне от пепелища, вырос сельский Дом культуры. Давно уже шел разговор о том, чтобы в сельской школе создать хотя бы небольшой музей, да, видно, руки не дошли. И только в зарослях персидской сирени, кусты которой когда-то плотной стеной окружали исторический дом, стоял скромный обелиск с надписью, что здесь родился и провел многие годы Василий Андреевич Жуковский.

Белевский же Дом-музей поэта, на стене которого в прошлом издалека виднелась мемориальная доска, в 1941 году был разграблен и дотла сожжен оккупантами. Ничего не осталось от его богатых фондов, их не удалось спасти от огня. Общественность города и области не раз поднимала вопрос о восстановлении дома поэта на Ершовской улице и мемориального музея в нем, да дело с места не сдвигалось. Но память великого поэта должна была быть увековечена достойно...

II

В феврале 1933 года в древнем русском городке Белеве местные краеведы отмечали 150-летие со дня рождения Василия Андреевича Жуковского.

В селе Мишенском, где поэт родился и вырос, тогда еще стоял серый одноэтажный барский дом с узкими окнами и широким, как ворота, парадным входом. За домом виднелись заброшенные дворовые службы. А в Белеве на окском откосе стоял, как уже было сказано, двухэтажный деревянный дом, выстроенный поэтом по собственному проекту для себя и своей матери.

В Белеве в пору моего детства существовал своего рода культ Жуковского: иные местные жители, даже не умевшие читать и писать, знали на память его стихи и поэмы и охотно пересказывали их своим детям и внукам. Стихи «Птичка», «Котик и козлик», «Жаворонок», посвященные поэтом сыну Павлу и дочери Александре, звучали в каждом доме, где росли мальши.

Мы, белевские школьники, частенько, особенно весной и летом, бывали в Мишенском. Школа, в которой мы учились, в первые годы революции именовалась городским реальным училищем имени В. А. Жуковского, а затем была преобразована в «единую трудовую школу первой и второй ступени». Директор школы Дмитрий Федорович Введенский, преподававший русский язык и литературу, был глубочайше влюблен в Жуковского, о нем и его творчестве мог говорить часами. С особым душевным подъемом, передававшимися и нам, мальшам, он читал наизусть его лирические стихи и баллады — «Людмила», «Светлану», «Эолову арфу», «Двенадцать спящих дев». Впрочем, «Сельское кладбище» знал наизусть едва ли не каждый из моих одноклассников: для нас это был не вольный перевод элегии Т. Грея, а поэтический рассказ Жуковского о мишенском кладбище, о наших дедах — «праотцах села», крепостных крестьянах, чьи серпы «златую ниву жали», чей плуг «побеждал упорные поля», но для кого «был затворен просвещения храм», кого «рок обременил убожества цепями», чей гений был «строгую нуждою умерщвлен».

Все это объясняет, почему Белев и белевцы были столь внимательны к 150-летию со дня рождения своего земляка — знаменитого русского поэта и мыслителя. Их покораил присущий творениям Жуковского высокий гуманизм, сосредоточенность на внутренних мотивах поведения человека, его глубоко личных переживаниях, стремление к нравственному самосовершенствованию, наконец, лирическое восприятие картин природы, бьющая ключом эмоциональность.

Хорошо известно, что личная жизнь Жуковского была исполнена не только творческих взлетов, признания и славы, но и многих душевных мук, невзгод и утрат. Не так уж редко ему сопутствовало и отчаяние. Но даже в самые трудные часы он искал утешение в романтическом понимании мира и человека.

Он искал гармонии в самых, казалось бы, несовместимых жизненных явлениях, стремился опоэтизировать действительность в любых ее проявлениях, найти элементы вечной красоты даже там, где их найти невозможно. Отсюда его увлечение немецкими романтиками, в особенности Шиллером и Гете, мистические мотивы. Отсюда его постоянное обращение к минувшему, чаще всего к средневековью.

Чтец при императрице Марии Федоровне, затем учитель русского языка принцессы Шарлотты — Александры Федоровны, наконец, воспитатель наследника престола, Жуковский единственно, чего желал, так это «духовного развития царской души». Обучение царского наследника он рассматривал именно с этих позиций, как нечто необычайно важное в плане «совершенствования» самых основ царского единовластия. Тем не менее, в его набросках по русской истории мы находим утверждение, что у русских правителей отсутствует понятие народного блага и что он желает России «твердой законности, спокойного приобретения всех истинных сокровищ гражданской жизни». Такие свои взгляды, весьма далекие от официальных взглядов его времени, он, несомненно, внушал и наследнику престола и его окружению, чем вызывал резкое недовольство императора. Следовательно, придворную службу Жуковского, его близость ко двору нам нужно рассматривать в плане историческом, искать объяснение его мировоззренческих принципов в условиях русской политической жизни и русской действительности того времени.

В посвященных Жуковскому историко-биографических и литературоведческих исследованиях П. А. Ефремова, И. М. Семенко, М. Я. Бессараб, П. Н. Сакулина, В. В. Виноградова, Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, М. В. Нечкиной, Н. В. Измайлова, Н. В. Соловьева, Н. Дубровина, в забытых ныне книгах К. К. Зейдлица «Жизнь и поэзия Жуковского» (1883), А. Н. Веселовского «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения“» (1904) мы находим подтверждение высказанных выше положений.

Разве в творчестве Жуковского и, в особенности, в его дневниках, в письмах друзьям мы не находим указаний на то, что он, воспитатель наследника престола, возлагавший поначалу надежды на «просвещенного монарха», в конце концов в полной мере ощутил закономерный крах своих просветительских иллюзий, наблюдая за палацеской деятельностью царя Николая I? Его «дворцовый романтизм», который, как известно, осуждал не только А. С. Пушкин, выглядел по тем временам весьма своеобразно. Бывало, что поэт смело обращался и к царствующим особам с напоминанием о справедливости, гуманности, долге. «Поверь народу, царь, им будешь счастлив ты» — строка из его

послания императору Александру I. Для поэта человек — «святейшее из званий». «Вот как русский поэт говорит русскому царю!» — восхищался этими напоминаниями Пушкин. И наше литературоведение многое делает для более глубокого изучения и более правильного понимания идейного, социального, эстетического генезиса творчества Жуковского, его общественно-политических взглядов, его места в общественной жизни и литературной борьбе первой половины прошлого века.

В самом деле, разве в условиях царского деспотизма и произвола его проповедь личной добродетели не была проявлением гражданской активности? Вспомним, что он был редактором «Вестника Европы» как раз в то время, когда в этом журнале публиковались весьма острые для того времени статьи о роли писателя в общественной жизни и о воспитании читателя, о месте сатиры в литературно-художественном творчестве, о назначении искусства. О многом говорит и его активнейшее участие в литературных схватках того времени в качестве организатора, секретаря и идейного вдохновителя общества «Арзамас», когда с особой силой он проявил себя как острый полемист. Широко известны его выступления против официальной, охранительной идеологии «шишковистов», входивших в общество «Беседа любителей русского слова», его смелые указания на полнейшее непонимание ими задач развития национальной культуры.

Биографы Жуковского справедливо утверждают, что он не был равнодушен к политике. Так, он безусловно знал о существовании тайных обществ среди офицерства, хотя бы из уст С. П. Трубецкого, но никому не раскрыл этой тайны, несмотря на то, что наотрез отказался примкнуть к тайному обществу, к чему его склонял Трубецкой. Позднее, однако, он никогда не скрывал своего сочувствия судьбам декабристов, и Николай I, как передают современники, упрекал Жуковского в том, что его называют «защитником всех тех, кто только худ с правительством».

Когда был запрещен издававшийся И. В. Киреевским журнал «Европеец» и это грозило его издателю большой бедой, Жуковский сказал царю, что ручается за Киреевского. «А за тебя кто поручится?» — задал ему вопрос Николай I.

Отнюдь не случайно современники называли Василия Андреевича «ангелом-хранителем русской поэзии». Именно так первым назвал Жуковского Александр Сергеевич Пушкин. Жуковский, как известно, хлопотал перед царем о смягчении участи Пушкина, которому грозила ссылка в Сибирь или Соловецкий монастырь за оду «Вольность».

По ходатайству поэта из вятской ссылки во Владимир был переведен А. И. Герцен. И Николай I впоследствии говорил, что этого Жуковскому он «никогда не забудет».

Широко известны исключительные усилия, которые поэт приложил к тому, чтобы выволить из крепостной зависимости Т. Г. Шевченко. Помещик Павел Энгельгардт, которому принадлежал крепостной художник Тарас Шевченко, назначил за него «выкуп» в 2500 рублей. Знаменитый Карл Брюллов написал портрет Жуковского. Портрет был продан на аукционе. Так были добыты деньги, получив которые, крепостник подписал «вольную» Шевченко. Она была подписана 22 апреля 1838 года. Своей поэме «Катерина» Шевченко предпослал такое посвящение: «Василию Андреевичу Жуковскому — в память 22 апреля 1838 года».

И в творческих вопросах Жуковскому не раз доводилось испытывать охранительные рогатки царской цензуры и связанные с этим мытарства. «Орлеанская дева», хотя и напечатанная, была запрещена к постановке. «Баллада о старушке» и «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» также испытали цензурные препоны. А переведенное им стихотворение Шиллера «Три слова веры», в котором содержались вычеркнутые цензурой, несомненно, автобиографические для поэта строки: «Человек создан свободным, и он свободен, даже если он родился в цепях», поэт демонстративно отказался исправить и в исправленном виде опубликовать.

Да и мало ли еще фактов прогрессивной общественной деятельности Жуковского можно было бы привести, если поглубже вникнуть в его биографию.

Невольно возникает мысль: не следует ли объяснить и то обстоятельство, что последние двенадцать лет жизни он провел не в Петербурге и Москве, а в Дюссельдорфе и Дерпте, не в России, а в Германии не только его болезнью, болезнью жены и ее длительным лечением на тамошних курортах, но и условиями политической и литературной жизни России. А Россию он любил искренне и беззаветно, сердцем осознал ее социальные невзгоды...

Василий Андреевич Жуковский — великий русский поэт, «отец русского романтизма». Он был и прогрессивным общественным деятелем своего времени.

Таким мы его знаем.

Таким он стоит перед нами во весь свой исполинский рост в истории нашей литературы, нашей русской культуры.

III

Книга «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» (1978 г.), выпущенная издательством Томского университета тиражом 2500 экземпляров, стала поистине неоценимой библиографической

редкостью. Изданная столь незначительным тиражом, книга эта интересует не только специалистов-литературоведов, но и самые широкие круги читателей русской литературной классики. Интерес к жизни, творчеству, общественной деятельности знаменитого русского поэта и выдающегося по мастерству переводчика произведений крупнейших немецких, французских, английских поэтов, несомненно, вырос необычайно, особенно в последние годы.

Авторы книги «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» В. В. Лобанов, Ф. З. Канунова, А. С. Янушкевич, Э. М. Жиликова, Н. Б. Реморова, О. Б. Лебедева провели огромную работу по изучению ранее неизвестных документов библиотеки поэта, его архива и неопубликованных произведений. Каталог книжного собрания поэта в процессе десятилетнего напряженного труда составил В. В. Лобанов и сделал это на уровне современного библиографоведения.

Библиотека В. А. Жуковского, которую он собирал с юных лет, состояла из 4674 книг. Ее приобрел за две тысячи рублей у сына поэта — П. В. Жуковского — и передал в дар только что открытому Томскому (тогда — Сибирскому) университету известный меценат А. М. Сибиряков. С течением времени книжное собрание знаменитого поэта потеряло здесь былую компактность, растворилось в трехмиллионном фонде университетской библиотеки, целиком не сохранилось. Ко времени издания рассматриваемой нами книги было «выявлено и описано» 3100 томов. Не было найдено свыше полутора тысяч книг. Сообщается, что в каталог, составленный В. В. Лобановым, вошли 3080 томов, выявленных к настоящему времени в Томске, и 600 томов, которые были подарены сыном поэта известному поклоннику Пушкина и книголюбу А. Ф. Онегину-Отто, а затем переданы в Пушкинский Дом Академии наук СССР в Ленинграде.

Исследователи библиотеки В. А. Жуковского особо отмечают: у него «не было ненужных книг». Они подчеркивают, что в его собрании первое место занимает изящная словесность — собрания сочинений и поэтические сборники русских и иностранных авторов, греческие и римские классики, древние сказания, а также книги по экономике и праву, по теории и истории литературы, эстетике, риторике, фольклору, труды по языкознанию.

Круг чтения поэта отличался поистине энциклопедической широтой. В поле его пристального внимания находились экономические учения, история и философия, естествознание и теология, география и искусствоведение. Все было тщательно отобрано. И почти все хранит следы его карандаша, о чем, кстати, свидетельствуют и помещенные в книге репродукции.

Каждая из частей и глав рассматриваемой нами книги (530 страниц часто весьма убогистого текста), которую ее авторы назвали «коллективной монографией», строится на материалах, извлеченных из многих книг библиотеки Жуковского, хранящейся в Томске и Ленинграде. Эти материалы исследуются в тесной связи с художественным наследием Жуковского, биографическими данными и важнейшими событиями общественной истории его времени. Книга состоит из трех частей.

Первая часть посвящена русским книгам в библиотеке поэта и его взглядам на отечественную литературу. Здесь произведения почти всех русских поэтов и писателей от Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Фонвизина, Державина до современников Жуковского — Муравьева-Апостола, Гнедича, Греча, Дельвига, Баратынского, Вяземского, Гоголя, Крылова, Пушкина. Литературоведческие, критические и исторические сочинения, труды по истории и экономике.

Вторая часть, содержащая анализ, в частности, вновь открытых переводов Жуковского с европейских языков, посвящена его взглядам на западноевропейскую литературу, философию и историю. Здесь широко представлены (в том числе многотомными собраниями) сочинения выдающихся философов и историков, писателей и поэтов Запада, в особенности — новая немецкая литература, в меньшей мере — французская, английская и итальянская, а также книги датских, чешских, польских, испанских авторов. Греческие и римские классики собраны большей частью в переводах на немецкий и французский языки, иногда — с параллельными оригинальными текстами. Сообщается, например, что произведения Гомера хранились у Жуковского в двадцати различных изданиях.

И наконец, в третьей части коллективной монографии авторы, основываясь на представленной в библиотеке поэта литературе, рассматривают общественно-политические, исторические и эстетические взгляды Жуковского. Вызывает особый интерес живое внимание поэта к проблемам новейшей истории. В библиотеке исследователями обнаружены такие уникальные произведения, как «Заметки о важнейших событиях французской революции» мадам де Сталь, книги «О происхождении и развитии революционного духа» Г. Капелля, «О демократии во Франции» Гизо, «Конституционный вопрос» де Баранта. Сочинение Л. Штейна «Социализм и коммунизм в современной Франции» (2 тома) хранит следы самого внимательного его прочтения. Были у Жуковского и три тома Л. Рейбо «Этюды о реформаторах или современных социалистах». Книги эти вышли в 1820—1849 годах в Париже, Гааге, Лейпциге, Брюсселе и, следовательно, тогда же были приобретены поэтом для своей библиотеки.

В книге «Библиотека В. А. Жуковского в Томске» важны все разделы, но особенно интересной и значительной по своим выводам и заключениям представляется нам третья часть, озаглавленная «Вопросы мировоззрения В. А. Жуковского». Состав библиотеки, подбор авторов, глубокое изучение поэтом многочисленных произведений виднейших русских и европейских мыслителей, разрабатывавших вопросы политической экономии, государственного права или общественно-политическую проблематику, его интерес к истории политических учений, суждения и отзывы о прочитанном в письмах и дневниках, многочисленные надписи на страницах и форзацах прочитанных книг, отчеркивания и подчеркивания — все это дает дополнительные представления о философских взглядах и общественных позициях Жуковского. Самый процесс чтения был для него всегда связан с выработкой собственной позиции. Именно поэтому детальное изучение библиотеки поэта, как справедливо замечают томские ученые, позволяет внести определенные коррективы в понимание общественно-эстетических позиций и роли В. А. Жуковского в литературном движении первой трети XIX века.

Как пишут исследователи библиотеки поэта, книги были немудрыми собеседниками Жуковского, свидетелями его горестных раздумий. На форзаце «Пространной русской грамматики» Н. Греча, например, была обнаружена следующая надпись, сделанная поэтом в минуты таких раздумий: «Я бы сказал государю: если тебя не спасет твоя любовь к народу и твое царствование, то надзор и усиленное шпионство еще менее спасут...»

Нотки несогласия, а то и недовольства палаческими действиями Николая I проскальзывают у него едва ли не с первых же дней его двадцатилетней службы при дворе. Даже в переводах из античной, немецкой, французской и английской лирики «сквозь довольно обильные романтические символы, — так говорится в книге, — отчетливо проступает глубоко личное, трагическое мироощущение поэта». Он постоянно размышляет об абсолютизме, о деспотии, о проблемах государственного устройства, об освобождении крестьян от крепостного рабства, о личных потерях, о трагической гибели Пушкина, о судьбах Киреевского, Чаадаева, о декабристах, сосланных на каторжные работы. Он все глубже осознает крушение своих наивно-просветительских идеалов. Его все чаще охватывает разочарование в возможности воспитать достойного правителя. Картины шпионства, низкопоклонства, несправедливости, возникающие перед ним повседневно, выливаются в горькое заключение: «Между царем и Россией будет бездна, огороженная забором из наушников».

«Что же остается делать честному человеку и где может

найти он убежище?» — вот вопрос, пишут исследователи его библиотеки, который явственно вставал перед поэтом в особенности в последний период его службы при дворе.

Приводимые томскими исследователями многочисленные, большей частью впервые обнародованные надписи и пометки поэта на страницах многих книг его библиотеки свидетельствуют не только о его глубоких раздумьях о судьбах России, о неудовлетворенности российской действительностью, но и о вполне объяснимой, обусловленной временем противоречивости его общественной позиции, его философских и политических взглядов.

Эти раздумья, говорится в заключительной части книги, не прошли для поэта бесследно. Все его поведение уже в сороковые годы говорит о принципиальном развитии его общественных убеждений, что нашло предметное отражение и в его библиотеке. В этой связи нельзя не согласиться с важнейшим выводом авторов исследования, что ныне «назрела потребность более диалектической оценки общественного облика В. А. Жуковского». Выпущенная Томским университетом книга накануне знаменательной даты — 200-летия со дня рождения поэта — дает этому весьма веские основания.

IV

«Если хочешь понять поэта, отправляйся на его родину» — так в феврале 1983 года, предваряя этими словами Гете множество статей, корреспонденций, поэтических произведений и иллюстраций, посвященных 200-летию со дня рождения Василия Андреевича Жуковского, тульская областная газета «Коммунар» напоминала, что всегда и всего дороже поэту был «родного неба милый свет...»

В юбилейные дни нам довелось вновь побывать на его родине, в местах, запечатленных в его творчестве. Делегация советских писателей, возглавляемая секретарем Правления Союза писателей РСФСР Михаилом Шевченко, посетила Тулу, Белёв, село Мишенское и приняла участие в проходивших здесь юбилейных торжествах.

Нам пришлось по сердцу та истинно патриотическая гордость, с какой говорят о Жуковском его земляки, с какой любовью облагораживают связанные с ним места, с какой лаской произносятся его имя и как выразительно и в наши дни читают все, что было им создано уже многие десятилетия тому назад.

Секретарь Белевского райкома партии Иван Иванович Маркин, отнюдь не литературовед, выступая в Туле, напомнил участникам торжественного собрания, посвященного 200-летию со

дня рождения поэта, что муза Жуковского, по словам В. Г. Белинского, дала русской поэзии его времени душу и сердце. «Без Жуковского,— писал Белинский,— Пушкин был бы невозможен и не был бы понят».

Имя Василия Андреевича Жуковского присвоено одной из белевских улиц, городской школе № 1, где установлен бюст поэта, и мишенской сельской восьмилетней школе. В Мишенском на месте сгоревшего в войну барского дома оборудована площадка для проведения больших праздников поэзии. Здесь со временем установят обелиск, который будет напоминать о том, что именно тут родился Василий Андреевич Жуковский. В белевском историко-краеведческом и художественном музее значительно обновлены и расширены экспозиции, посвященные жизни и творчеству поэта. Для гостей здешних мест, почитателей музыки Жуковского, из Белева в Мишенское проложена отличная асфальтированная дорога. Заснеженные русские равнины и холмы, березовые и хвойные леса и перелески, широкая окская пойма поистине приковывают взоры всех, кто посещает эти места.

И вот простая хроника того, как отмечалась знаменательная для нашей литературы юбилейная дата.

В Белеве в канун юбилея в трудовых коллективах прошли литературные чтения, читательские конференции и вечера поэзии, в которых участвовали тульские и московские писатели. В местном Доме культуры состоялся запоминающийся концерт фольклорных коллективов четырех районов — Белевского, Одоевского, Дубенского и Арсеньевского. Одна из фольклорных групп показала красочную сцену святочного гадания, чудесно описанную поэтом; другая группа разыграла свадебный обряд; еще одна — исполнила величальные песни, нашедшие отражение в истинно народных произведениях поэта.

В канун праздника в актовом зале Тульского государственного педагогического института состоялась научная конференция на тему «Творчество В. А. Жуковского и его влияние на развитие русской литературы». К конференции преподаватели и студенты старших курсов института, работники областного краеведческого музея и библиографы областной библиотеки имени В. И. Ленина подготовили четырнадцать научных докладов. Особенно интересным, содержательным и истинно поэтическим был основной доклад кандидата филологических наук Н. Милонова. Интересными были доклады директора областного краеведческого музея В. Боты «В. А. Жуковский в Отечественной войне 1812 года», кандидата филологических наук З. Митяевой «В. А. Жуковский и его современники», кандидата педагогических наук А. Сергеевой «В. А. Жуковский и Т. Г. Шевченко», старшего научного сотрудника областного краеведческого музея Л. Кузнецовой «Ро-

дина Жуковского в его произведениях». Все выступления были хорошо подготовлены, основаны на глубоком исследовании литературных и историко-краеведческих данных и выслушаны аудиторией с нескрываемым интересом.

В Белеве, на площади Революции, был открыт памятник-бюст В. А. Жуковского. Его открытие сопровождалось большим митингом, на котором присутствовало свыше четырех тысяч жителей города и окрестных селений.

Сооруженный по проекту скульптора А. Чернопятава и архитектора П. Шатохина простой и выразительный скульптурный портрет великого поэта, отлично передающий его вдохновенный образ, высится на мраморном постаменте. Открытие памятника стало поистине крупным событием в культурной жизни не только Белева, но и всего тульского края. О значении творчества Жуковского, о том, что его произведения любимы многими поколениями русских людей, говорили все выступавшие на митинге. Председатель областной юбилейной комиссии, заместитель председателя Тульского облисполкома Н. Абрамкин, выступая, напомнил, что уже в 1918 году, когда страна испытывала крайнюю нужду, разруху, голод, правительство приняло решение об издании собрания сочинений поэта в трех томах. В Кремлевской библиотеке В. И. Ленина, где не было случайных книг, стояли томики произведений Жуковского. За годы Советской власти сочинения В. А. Жуковского издавались у нас более 130 раз, их тираж составил около 26 миллионов экземпляров.

9 февраля Тульская областная юбилейная комиссия пригласила представителей общественности в Колонный зал Дома офицеров на торжественное собрание, посвященное 200-летию со дня рождения поэта. Это было необычное собрание. Я словно бы вновь присутствовал на литературном вечере, что полвека тому назад устраивали мы, учащиеся старших классов белевских школ, для которых даже символические образы стихов Жуковского находили реальное отражение в окружающих наш городок лугах, богатых яблоневых садах, в голубизне Оки и Вырки.

Теплым был и торжественный вечер в Москве, в Концертном зале имени П. И. Чайковского. Уже в речи поэта Сергея Михалкова, открывшего вечер, прозвучали слова, в которых содержалось глубочайшее уважение к памяти знаменитого поэта. Выступивший с докладом профессор Московского государственного университета В. Кулешов, как и другие московские литераторы, с искренней убежденностью говорил о непреходящем значении творчества Жуковского, проникнутого живым чувством Родины и окрыляющей любовью к человеку.

Вячеслав Кабанов

ЖИЗНЬ, ЛЕГЕНДОЙ НЕ СТАВШАЯ

Быть может, некий книжник
Вдруг вспомнит обо мне...
Е. Кульман

28 января 1835 года, на девятом году заключения, декабрист Вильгельм Кюхельбекер, находившийся в Свеаборгской крепости, записал в дневнике: «Елизавета Кульман,— что за необыкновенное, восхитительное существо! Стихи ее лучше всех дамских стихов, какие мне случалось читать на русском языке; но сама она еще не в пример лучше своих стихов. Сколько дарований, сколько души, какое воображение!.. Как жаль, что я ее не знал!»¹

Имя Елизаветы Кульман давно забыто. Между тем судьба ее не похожа на взлеты и падения кумиров времени, таких, как Бенедиктов или Надсон. Взлет не состоялся, падения не было. Литературным событием стихи Е. Кульман не стали, хотя были они известны Белинскому, ее творчество знал Гете, а видный литератор, профессор А. В. Никитенко написал о ней книгу².

Род Кульманов в России ведет начало от выходца из Эльзаса, еще при царе Михаиле Федоровиче вступившего в военную службу. Начиная с него все Кульманы были военными. И отец Елизаветы—Борис Федорович—служил под началом Румянцева-Задунайского и Суворова, имел множество ранений, а ко времени рождения дочери вышел в отставку, получил гражданский чин коллежского советника, но вскоре умер, оставив жену, трехлетнюю дочь и грудного ребенка—седьмого в семье сына. Шесть старших сыновей были военными. Четверо из них погибли в 1812 году.

В традицию семьи вошел ратный подвиг.

Лишь два пути ко славе:
Иль принеси на жертву
Младую жизнь защите
Отечества драгого;
Иль проживи весь век свой
В служеньи чистым Музам...

Второй путь открылся Елизавете.

После смерти Бориса Федоровича семья осталась без опоры и почти без средств. Отец был в чинах небольших и не оставил ни наследства, ни пенсии. Кульманы поселились в Петербурге, на Васильевском острове, в доме торговца-англичанина.

Мать Елизаветы была женщиной образованной, знала немецкий и французский, но более, чем о развитии способностей дочери, принуждена была заботиться о насущном хлебе для детей. А способности и своеобразие девочки бросались в глаза всем, кто ее знал. И время показало, что яркие эпизоды в жизни маленькой Елизаветы были не случайны.

В небольшом саду возле дома, где жили Кульманы, росло много цветов, два жасминных куста и несколько молодых тополей. Однажды, гуляя с матерью, пятилетняя Лиза показала ей паутину с пауком и мертвыми мухами. Как же маленькая девочка воспринимала страшилище-паука?

— Паук уложил их спать.

— Как?

— Да ведь паук няня мух. Я видела, как он сперва уложит муху, потом качает ее в сеточке своей паутины, пока она не уснет, а там сидит над ней долго-долго, чтобы с ней не случилось чего худого.

Как-то в сильную непогоду осенью Лиза сидела у окошка, смотрела в сад. Вдруг она подбежала к матери и настойчиво стала просить ее тотчас же пойти с нею к тополю. Мать возразила: ведь идет дождь, и они промокнут, на что Лиза сказала:

— Нет, маменька, мне непременно надо пойти вот к этому тополю; он кивает мне головою и шепчет, но отсюда ничего не слышно. Верно, ему хочется что-нибудь сказать мне. Может быть, и мое жасминное дерево, которого я не видела уже целый день, просило его поговорить со мною, потому что он большой и ему легче меня увидеть.

Чтобы рассеять фантазию девочки, мать согласилась. Они оделись и вышли под дождь. Тополь молчал. Но Лиза объяснила это так:

— Ну что же, ему хотелось пошутить со мною— вот и все тут.

Природа удивительно действовала на воображение ребенка. Девочка мыслила поэтически. Для нее не было мира реального и мира воображаемого. Мир был един. И все в этом мире— живое и мыслящее. Ее занимала луна, которая воспринималась ею как живое существо. Лиза часто смотрела на луну и однажды рассказала:

— У одного крестьянина была собака, которая охраняла его

дом от воров и которую он за то очень любил. Вдруг эта собака пропала. Бедный человек горько плакал, лилась верного стража и друга. Луна увидела его горесть и слезы, улыбнулась и сказала ему: «Перестань горевать, добрый человек: ведь твоя собака у меня; иди ко мне, я дам тебе хижину и хлеба; тебе будет у меня очень весело». Крестьянин послушался, и теперь ему уже не о чем плакать, так ему хорошо у луны.

Сколько поэзии в этой странной, ни на одну не похожей сказке!

Старый друг отца, доктор прав Карл Гроссгейнрих, практиковал в Петербурге частными уроками. Семью Кульмана он не забывал, помогал, чем мог, а заметив способности Лизы, вызвался быть ее наставником. С пяти лет развитие девочки проходило под чутким, опытным и внимательным надзором Гроссгейнриха³. Он учил Лизу языкам, литературе, истории, отдавая ей много времени и искренней привязанности. На шестом году ученица легко говорила по-немецки. К девяти научилась французскому. В десять лет начала изучать итальянский и к одиннадцати читала наизусть Торквато Тассо.

Жизнь была нелегка. Елизавета помогала матери, хлопотала на кухне, топила печь и писала стихи.

Держа в одной руке кухонную ложку, а в другой перо, она говорила учителю:

— Вот символы моей власти над царствами кухни и поэзии.

Был еще один человек, принявший участие в судьбе Елизаветы. Из Перми приехал добрый знакомый Б. Ф. Кульмана по тамошней жизни статский советник Петр Иванович Медер. Он был назначен директором Горного корпуса в Петербурге. Кульманы стали бывать в его доме и там познакомились с священником Горного корпуса Петром Авраамовичем Абрамовым. У него незадолго до этого умерли жена и дочь, и он предложил Кульманам поселиться у него в свободной комнате «с отоплением и освещением».

На средства Медера Елизавета вместе с его дочерьми училась рисованию, музыке, ботанике, минералогии, физике и математике. Но любимыми ею по-прежнему оставались языки, литература и история. Тринадцати лет она сама попросила Гроссгейнриха преподавать ей латынь и через четыре месяца приветствовала Абрамова в день его именин на языке Горация.

Однажды наставник явился на урок с подарком — прекрасным изданием Гомера на древнегреческом языке. Через полгода Кульман знала древнегреческий. Язык открыл ей Гомера, который ввел ее в обитель высокой красоты и гармонии. Она коснулась истоков Поэзии. Труден и сложен был этот путь. Изучение Гомера сопровождалось проникновением в самый дух

Древней Эллады, ее историю, географию, этнографию, культуру и искусство. Настольной книгой стало «Павсаниево описание Эллады, то есть Греции, переложенное с греческого языка на русский священником Иоанном Сидоровским и коллежским ассессором Матфием Пахомовым...», изданное в 1788 году в Санкт-Петербурге при императорской Академии наук. В «предупреждении» к книге переводчики представляют автора (II век нашей эры) и так говорят о достоинствах его описаний Эллады: «...Описывает он ее с точностью, с подробностью, с достоверностью, будучи совершенно известен о всем принадлежавшем разным народам, о коих повествует; поелику имел с ними один язык, ему природный, знал... законы их, обыкновения, нравы. Он также читал стихотворцев их, бытописателей, родословов... летописи и видел памятники древнейшие, тогда еще в целости находившиеся...».

Кстати сказать, эта книга, в последующих переводах снабженная научным аппаратом, служила одним из основных источников для исследователей Древней Греции.

Античный мир и его искусство стали для Кульман своими, понятными и близкими. Она жила в этом мире, и великий Гомер был для нее не загадкой, не предметом абстрактного поклонения, а собеседником, учителем, другом. Гроссгейнрих записывал разговоры с ученицей, и некоторые суждения ее о Гомере могут дать представление о том, как близка была Кульман к пониманию мастерства «великого старца», к самой технологии его творений:

— Я уже так знакома с привычками Гомера, что часто за несколько сот стихов вперед угадываю, зачем он в каком-нибудь месте включил одно или два словечка, которые могли бы быть и упущены без нарушения смысла. Гомер великий искусник в приготовлении, и, по мне, приготовление есть одна из самых необходимых и самых трудных уловок искусства...

Елизавета читает не только Гомера. Образы древнегреческой поэзии захватили ее воображение. Необходимо было как-то воплотить мир внутренних ощущений. Собственное понимание можно передать в переводе. Она переводит песни Анакреонта на русский язык. Затем на немецкий, итальянский, французский и на латынь.

Зачем я не зеркало,
Встречаемо тобою?
Зачем я не одежда,
Всегда тобой носима?
Желал бы быть рекою,
Купаться в коей любишь;
Желал бы быть духами,
Текущими по кудрям;
Иль поясом подгрудным,

Иль перлами на шею,
Иль плесницею, нежны
Объемлющею ноги...

Может показаться странным, что четырнадцатилетняя Елизавета Кульман взялась за перевод таких стихов. Какие отклики в ее душе могли породить приведенные строки? Волнений любви она еще не знала. Но с каким спокойным изяществом переданы эти слова! А верно ли это для пафоса Анакреонта?

Возьмем первое вспомнившееся по ассоциации пушкинское лицейское стихотворение «Красавице, которая нюхала табак».

...Ах! если, превращенный в прах,
И в табакерке, в заточенье,
Я в персты нежные твои попасться мог,
Тогда б я в сладком восхищенье
Рассыпался на грудь под шелковый платок
И даже... может быть... Но что! мечта пустая.
Не будет этого никак.
Судьба завистливая, алая!
Ах, отчего я не табак!..

Это — «бесовские» стихи. Так может, это ближе к Анакреонту? Вряд ли. Думается, что это — чисто пушкинское. Анакреонтические мотивы — молодость Пушкина. Есть существенная разница между человеком, страдающим от дряхлости, ставшей преградой любви, и человеком, сказавшим:

Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.

Поэтому молодой Пушкин — кипение, блеск, «сатанинство», игра с огнем, фривольность на грани! Анакреонт — сладостное растворение в блаженстве, отдача ему всего себя и на всю жизнь... Страсть неведома Елизавете Кульман, но поэзия любви захватывает ее целиком. Спокойное отношение к стороне чувственной позволило просто и изящно перевести Анакреонта, и этот «спокойный» перевод оказывается ему созвучен.

Конечно, Кульман понимала, что всякий, а тем более собственный ее перевод, несовершенен. В стихотворении, открывающем вторую книгу переводов, она обращается к Анакреонту с просьбой простить ее дерзость и стремится умиловить сладостлюбца:

...Ужели ты, беспечный
Витатель Элизея,
Услышишь равнодушно,
Что мощныя России,
Владеющей полсветом,
Прелестны жены, девы
Твои читают песни?
Узнай, что ахейнкам,
Прославленным толпико
Омиром и тобою,

Они не уступают
Ни прелестью,
Ни вкусом,
Ни разумом, ни сердцем,
Хоть в темноте родились
Полугодичной ноши
И выросли при свете
Туманистого солнца...

Кульман много работала, изучала одновременно испанский, португальский и новогреческий, переводила с английского на немецкий Мильтона, с испанского басни Ириарте, с португальского оды Манозля. Она настолько овладела новогреческим языком, что грек-иммигрант, с которым она встретилась однажды в доме Медера, принял ее за гречанку, тем более, что она имела и внешнее сходство.

Гроссгейнриху не только не терпелось показать всему свету способности своей ученицы, но, видимо, нужно было проверить верность своих суждений о ее поэтическом даре. С литературными кругами Петербурга он, очевидно, не был связан, зато в Веймаре у него был приятель, входящий в дом Гете. Гроссгейнрих подробно написал ему о Кульман, приложил переводы Анакреонта на латинский, немецкий, французский и итальянский и просил непременно показать все это Гете. Пришел ответ, но письмо не вскрывали до дня рождения Елизаветы. Гроссгейнрих был уверен в успехе и жаждал сделать сюрприз. Наконец, конверт разрезан и Кульман по настоянию учителя читает вслух всем собравшимся: «...тогда, обратившись ко мне, он сказал: „Объявите молодой писательнице от моего имени, от имени Гете, что я пророчу ей со временем почетное место в литературе, на каком бы из известных ей языков она ни вздумала писать“».

У древнегреческого писателя и путешественника Павсания, упоминавшегося выше, Кульман прочитала о Коринне, жившей в V веке до нашей эры. Легендарный Пиндар пять раз был побежден ею в поэтических состязаниях.

— Как жаль,—говорила Елизавета,—что мы не знаем ее стихов!

Наставник посоветовал ей самой написать стихи за Коринну, будто бы переводы древней поэтессы. В результате появился целый сборник «Песни Коринны», в одном из стихотворений которого как раз воссоздается картина победы над Пиндаром:

...Прими венец победы
Из рук моих, Коринна!
И будь отчизны милой
Веселием и славой,
Как некогда был Пиндар...

Гроссгейнрих послал «Песни Коринны» на отзыв известному немецкому писателю, знатоку древнего искусства, переводчику «Илиады» и «Одиссеи» Иоганну Генриху Фоссу. Ответ не заставил себя ждать: «Эти стихотворения можно почесть мастерским переводом творений какого-нибудь поэта блистательных времен греческой литературы, о котором мы до сих пор не знали, до такой степени писательница умела вникнуть в свой предмет. Нет слова, которое могло бы нас разубедить, что мы читаем творение древности. Трудно понять, как столь молодая девушка могла уже приобрести такие глубокие и обширные познания в искусстве и древности».

Что же, однако, поэтический интерес юной Кульман ограничен переводами и древностью? Нет, она писала и лирические стихи, но они длинные, сентиментальны и малоинтересны. Гроссгейнрих записал разговор с шестнадцатилетней Кульман, начатый ею:

— Мне кажется, что предметом поэзии могут быть только мир и люди.

— Да.

— Но чтобы изображать мир и людей, надо знать их.

— Конечно.

— Но у меня весь мир составляют: небо, сколько его вижу над собою, оба сада, двор и улица; а людей я знаю только по тем тридцати человекам, с которыми маменька и я знакомы.

Учитель предложил ей описывать этот мир и этих людей. Но это не решало проблемы. Замкнутость жизни и полное отсутствие литературного общения — не лучшие условия для развития поэта. В 1841 году, когда Кульман уже не было в живых, В. Г. Белинский написал рецензию на второе издание «Поэтических опытов Елизаветы Кульман»⁴. В рецензии говорится: «Бесспорно, Елизавета Кульман была чудным и прекрасным явлением жизни, но нисколько не была поэтом. Сильная способность понимать и чувствовать изящное — совсем не одно и то же, что способность творить изящное»⁵.

Звучит как приговор. Мнения Белинского и Гете вступают, казалось бы, в полное противоречие. Но противоречие их суждений кажущееся. Гете предсказывал будущее Кульман, Белинский писал о ее творчестве как о явлении завершенном. Правда, известно, что Белинский уже по ранним произведениям угадывал будущего писателя, но так было не всегда. Первый сборник Некрасова «Мечты и звуки» он посчитал не просто слабым и неудачным — поэту было отказано в способности творческой фантазии. Заключительная фраза рецензии на этот сборник — «...посредственность в стихах нестерпима» — звучит не менее определенно, чем сказанное о Кульман. Если Некрасов в

«Мечтах и звуках» не нашел себя и свою поэтическую тему, то разве не это же мы видим у Кульман? Не это ли волновало ее, когда она говорила с наставником о предмете поэзии? Оторванность от живого и многообразного мира, книжность воспитания Кульман оставили на ее поэзии отпечаток литературности, надуманности, которую Белинский расценил как отсутствие таланта. Тем более, что «Поэтические опыты» — слишком обширный для молодого поэта сборник, включивший в себя массу совсем еще детских стихов, беспомощных и многословных. Сама Кульман в издании участия не принимала.

Но если не вполне прав Белинский, то и предсказание Гете не сбылось: у Елизаветы Кульман не было будущего.

Наводнение 1824 года, погубившее бедного Евгения из петербургской повести Пушкина «Медный всадник», стало роковым и для Кульман. Она промокла, простудилась, простуда осложнилась чахоткой. Проболев год, 19 ноября 1825 года Елизавета Кульман умерла. Ей было семнадцать лет.

В 1884 году журнал «Русская старина» (№ 41, 2) поместил стихотворение Кюхельбекера «Елизавета Кульман», написанное в 1835 году в крепости. Стихотворение, большое, несколько неуклюжее, пыльное и возвышенное, как сам Вильгельм Карлович, интересно по заключенной в нем мысли. В волшебной стране гармонии и счастья, где обретают вечный покой поэты, мы видим Гомера, Эсхила, Данте, Тассо, Шекспира, Камознса, Державина... И вот появляется она, восхитительное и как бы неземное создание, но увенчанный славой «бард Фелицы» провозглашает ее равной среди избранных, дочь русской земли:

Колыбелью ей служило
Не далекое светило,
Нет! — моя родная Русь.

Однако великий Тассо уступает ее России «не без спора», Шиллер называет «нашей девой» и даже сам Гомер восклицает: «Я ей предок!..».

Действительно, поэтические опыты Кульман на многих языках делали ее творчество в какой-то мере межнациональным: ее оригинальные стихи на немецком увидели свет в Германии (1846), выдержали три издания на итальянском в Милане (3-е издание — 1847). И все же, будь судьба счастливей, Елизавета Кульман стала бы явлением русской литературы.

В последний год жизни у Кульман появился интерес к русскому фольклору. Она написала две сказки в стихах — «Василий Богуславич» и «Добрыня Никитич». Летом 1836 года Гроссгейрих показал эти сказки Пушкину (они были соседями по даче). У Пушкина упоминания о Кульман мы не найдем, однако Гроссгейрих подробно излагает произошедший между

ними разговор об этих сказках. Гроссгейнрих отметил, что его бывшая ученица находила в сказках Пушкина один недостаток: то, что после него невозможно следовать этим путем. На другой день, возвращая рукопись сказок, Пушкин, как передает Гроссгейнрих, сказал: «...Я тоже нахожу только один недостаток в этих сказках, и то не я, а наша публика: что они написаны не в рифмах. Мы живем в такое время, когда рифма кажется еще необходимою в повествовательной поэзии».

За свою короткую жизнь Елизавета Кульман сделала чрезвычайно много. Ведь одно только освоение Гомера требовало колоссального труда. А изучение языков! Глубокое познание почти всех европейских культур! И сколько написанного! Хотя поэтом (в этом Белинский прав) она стать и не успела... Все было бы еще только впереди.

Однако даже Белинский написал о Кульман: «Девушка, которой вся кратковременная жизнь была посвящена служению музам, которая постигла мир греческой красоты и наслаждалась его сокровищами в божественных звуках его собственного языка,—какое редкое, какое дивное явление нравственного мира!»⁶

Похоронили Кульман в Петербурге на Смоленском кладбище. На постаменте памятника, выполненного итальянским скульптором Трескорни, есть надпись на русском языке:

Елизавета Кульман род. 1808 года 5 июля,
сконч. 1825 года 19 ноября

С другой стороны—на латыни:

Prima Russicarum operam dedit
idiomati greco, undecim novit
linguas, loquebatur octo...⁷

Такова была жизнь Елизаветы Кульман, удивительно одаренного человека, жизнь, отданная искусству, забытая в стремительном беге времени, жизнь, легендой не ставшая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дневник В. К. Кюхельбекера. Л.: Прибой, 1929, с. 227—228.

² Никитенко А. Жизнеописание девицы Кульман. Спб., 1835.

³ Эпизоды из жизни маленькой Кульман приведены в книге: Гроссгейнрих К. Елизавета Кульман и ее стихотворения/Пер. с нем. СПб., 1849.

⁴ В 1833 году в Петербурге изданы в двух частях ее «Пиитические опыты»; в 1839 г. вышло 2-е издание в трех частях.

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 4, с. 570.

⁶ Там же, с. 571.

⁷ «Первая русская, учившаяся по-гречески, знавшая одиннадцать языков, говорившая на восьми...»

СВОЕ, РОДНОЕ...

Особняк со стрельчатыми башенками по углам, который мы заняли под временное жилье неподалеку от нашего нового аэродрома базирования, напоминал готический замок, затерянный в старинном лесопарке. Окна и двери были распахнуты. В коридорах и комнатах гулял ветер. Всюду — следы разора и поспешного бегства. И не мудрено: владелец замка, богатый помещик, якшался с фашистами и торопился скрыться от гневного правосудия новой Польши.

В одной из комнат я увидел книги. Они беспорядочно лежали на полу, на полуопустошенных полках шкафов. Книги на немецком языке. Переплеты — в обильной символике гитлеровского рейха.

Наугад из кучи вытащил одну. Еще одну. Еще... Так хотелось найти что-нибудь свое, родное. И мне повезло: среди книг на польском, которые я обнаружил в одном из шкафов, попался небольшой коричневый томик. С виду невзрачный: корешок надорван, сафьяновая обложка изрядно потерта. Выдавленные буквы имени автора и заголовка утратили рельефность. О рисунке и говорить не приходилось...

Но во всем облике книжки было что-то старинное, притягательное. Я поднес к глазам обложку, и знакомая российская вяз сложилась в дорогое имя: Пушкин...

Не помню точно год издания. (Не понимал тогда, что значат выходные данные...) Приблизительно последняя треть прошлого столетия. В томике были и «Борис Годунов», и «Русалка», и «Медный всадник», и «Полтава», и сказки, и множество с детства любимых стихотворений... Да, не помню точно год издания томика. Но помню, какой радостью зажглись глаза моих товарищей, соратников, когда я им показал книгу. Ведь Пушкин шел с нами на Берлин! Его Слово зазвучало далеко от Родины. Как Слово самой России.

После победы я долго служил в группе советских войск в

Германии. И библиотека была нашей общей заботой. Мы собирали ее, как могли. Чаще всего получали книги из дома, если дом не был razoren войной. Еще тогда я понял, что Пушкин не может принадлежать одному человеку. Он принадлежит всем. И потому, как ни трудно было мне расставаться с томиком любимого поэта (я хранил книгу в вещмешке, вместе с автоматными патронами и гранатами: штурмовой и истребительной авиации приходилось воевать и на земле — вырываясь из окружения, пехота и танки гитлеровцев подчас выходили на прифронтовые аэродромы), я отдал его в нашу общую солдатскую библиотеку.

Позже, в 1960 году, родилось стихотворение. Вот оно:

Я томик Пушкина с собою
Возил в солдатском вещмешке.
Стихи читали перед боем,
В тени крыла, накоротке.

Тумана солнечная роздымь
Плыла над самой головой...
С собой мы уносили в воздух
Самой России дух живой.

Стальной крылатою волною,
Винтами-дисками горя,
Мы уходили в пекло боя,
Как тридцать три богатыря!

...Он стал далеким, сорок пятый.
Хранят высоты нашу честь.
А я все помню вас, ребята,—
В вас что-то пушкинское есть.

И пусть за дальнею границей
Тех лет остыла полоса...
Листаю Пушкина страницы
И слышу ваши голоса.

БАЛЛАДА О КОМЕНДОРЕ

В Музее-квартире Николая Островского мое внимание привала книга на стене под стеклом. Это был экземпляр романа «Как закалялась сталь». Экземпляр, меченный войной: густое бурое пятно залило его страницы. Кровь старшины-комендора с пограничного катера... Книга воевала на Черном море.

Еще в детстве, когда я читал и перечитывал этот роман, меня заряжала огромной энергией, придавала духовные силы судьба Павки Корчагина. Хотелось такой же дороги, как и у него. И теплой волной накатывала на сердце хорошая, здоровая зависть к делам комсомольцев гражданской.

Мы — подростки — пристально следили и горячо принимали к сердцу события в республиканской Испании. В нашу жизнь прочно вошли волнующие и влекущие географические названия из страны Риего и Сервантеса — Мадрид, Гвадалахара, Барселона, Тахо, Эбро... — как и глаза испанских ребятшек. Многих из них тогда приютила наша страна. Мы с гордостью носили «испанки». Мне и теперь кажется, что наши пилотки с ними в прямом родстве.

Наше детство омрачилось войной. У каждого она была своя. И одна — Великая Отечественная — на всех. Мы не представляли себе меру утрат, горечей и лишений, которые обрушатся буквально на каждую семью, но твердо верили в Победу.

Мы вместе с отцами и старшими братьями освободили советскую территорию и избавили человечество от фашистских агрессоров. Многие из нас навсегда остались на полях сражений...

Я закончил училище, служил в Прибалтике, на Украине, на Дальнем Востоке, на Сахалине. И на восьмом году нашей победы стал слушателем Академии имени В. И. Ленина. И вот я впервые здесь, на улице Горького, в Музее-квартире Островского, оглядываю даль времени его воюющей книги. Даль эта измерима вглубь: год рождения романа — начало отсчета боевого пути. И необозримо безмерна в грядущем. Ведь эта книга благодаря жизненному и творческому подвигу писателя-воина воодушевляет на борьбу за свободу молодость всех национально-освободительных движений мира. Книга о том, как закалялась сталь Октября, победоносно восходит по вертикали времен к новым и новым поколениям комсомольцев, помогая строить новую справедливую жизнь...

*Герою Советского Союза,
старшине-пограничнику Г. Куропятникову,
который хранил в бою эту великую книгу,
посвящаю*

Разорвана бомбами синяя гладь.
Зенитки режут над волной.
Нет «юнкерсам» счета, но надо стоять,
Держаться лобою ценой.

Ребята, как дьяволы, приняли бой,
Друзья на подмогу спешат...
Носил Куропятников книгу с собой,
Упрятав ее под бушлат.

Ту книгу матросам Островского мать
Вручила пред самой войной,—
И молодость Павки пошла воевать,
Сроднившись с матросской душой.

Ту книгу берег экипаж пуце глаз:
По ней выверяли дела,
Мечтали над ней. Как отцовский наказ,
Та книга в походах жила...

А немцы по катеру бьют с высоты,
Его потопить норовят.
И нет уже многих,
Таких молодых,
Таких простодушных ребят.

На пушку бессильно поник старшина,
Сечет ему ноги волна:
Глубинные бомбы...
Корма зажжена...
Не медли, спеши, старина!..

А палуба в пропасть идет из-под ног,
И море, и небо—в дыму.
Он встал,
Он поднялся,
Он боль превозмог—
И в шлема шагнул на корму.

На нем окровавленный тлеет бушлат,
Но боли не чувствует он,
И за борт глубинные бомбы летят,
От гибели катер спасен.

Друзей эскадрилья на помощь пришла,
Смолк пушек раскатистый рев.
Рука побратима его подняла,
Бушлат расстегнули без слов.

И все увидали, склонясь к старшине:
С обложки—Корчагин
с клинком на коне!..

«КОСТРЫ ГОРЯТ ДАЛЕКИЕ...»

Иван Шамов—это человек неба, воли, мужества. Когда после тяжелой аварии неизлечимый недуг уложил его в постель, летчик не пал духом. Поэзия незримо и давно шла с ним рядом: ведь каждый старт сродни творческому взлету. Небу, как и сердцу, солгать нельзя... И он взялся за книги. Учился упорно. Много читал.

У него был яркий, убедительный пример—Николай Островский. И была Наташа, жена и друг, друг самоотверженный, преданный. Из двух с половиной лет пребывания в больнице год и семь месяцев (а потом и всю жизнь) с ним рядом была она, сыгравшая, пожалуй, главную роль в его выздоровлении...

Были и друзья. Много друзей. Они помогли ему «набрать

высоту», обрести поэтический голос. В октябре 1949 года газета «Тревога» Московского округа ПВО (ныне газета «На боевом посту») опубликовала его первые литературные опыты: «Стихи лейтенанта Ивана Шамова». В феврале 1951 года журнал «Советский воин» дал большую подборку стихотворений Ивана Шамова. Публикацию предваряла статья Михаила Васильевича Исаковского.

И «небо» не оставляло своего поэта без внимания. Авиаторы приняли близко к сердцу его судьбу. Друзья часто навещали поэта в маленькой комнатке в Измайлово, а позже — на квартире в Малом Тишинском переулке.

Среди добрых, дорогих товарищей были Григорий Устинович Дольников — человек-легенда, Герой Советского Союза (в авиашколе он старшинствовал в звене, в котором «начинался» летчик Шамов), Герой Советского Союза летчик-североморец Захар Артемович Сорокин, раньше Маресьева совершивший такой же подвиг. (Благодаря поддержке М. В. Водопьянова Сорокин добился осуществления своей мечты — вернулся в «семью крылатых». И, прикрывая караваны союзников, следовавшие в Мурманск, уничтожил над студеным морем еще более десятка вражеских самолетов.)

На своем «Москвиче» с ручным управлением З. А. Сорокин не раз возил Ивана Васильевича Шамова по людным улицам и площадям столицы, заботясь о своем пассажире, который, устроясь на заднем сиденье и поддерживая себя сильными руками, вглядывался в меняющуюся жизнь, вслушивался в голоса родного города.

Однажды соратники-однополчане обратились к композитору Борису Андреевичу Мокроусову с просьбой навестить их товарища. В итоге этой встречи родилась песня «Костры горят далекие...».

Бывал Иван Шамов и на творческих встречах с авиаторами в боевых частях, в клубах и Дворцах культуры, на заседаниях литературных объединений в редакциях окружных газет «Тревога» и «Красный воин», хотя такие выступления давались ему нелегко. Но радость общения с читателями окупала все: она грела душу, давала пищу сердцу и уму, укрепляла потребность писать. И символично, что литобъединение при газете «На боевом посту» носит имя поэта Ивана Шамова...

Я тоже дружил с Иваном Васильевичем, нередко бывал у него. Помню, как-то пришел к нему с сыновьями: обещал познакомить с дядей Ваней, необыкновенным человеком. Они быстро нашли общий язык, и вскоре квартира наполнилась веселым смехом...

В «Советском воине» мне доводилось готовить стихи Ивана

Шамова к печати, писать о нем на страницах журнала. Был я и редактором его сборников, выходивших в литературном приложении...

И теперь, едва только зазвучит песня «Костры горят далекие...» — нестареющая, популярная, полная чистого неба и неизбывного чувства счастливого полета в жизнь,— тотчас вижу лицо поэта, невзирая ни на что задорное, озаренное улыбкой и духовным здоровьем. Глаза полны щедрой добротой к людям... Такой он всегда передо мной...

Ударился о камни «ястребок».
Планета грузно притянула тело,
И небо помешать ей не успело—
Напротив сердца лопнул позвонок.

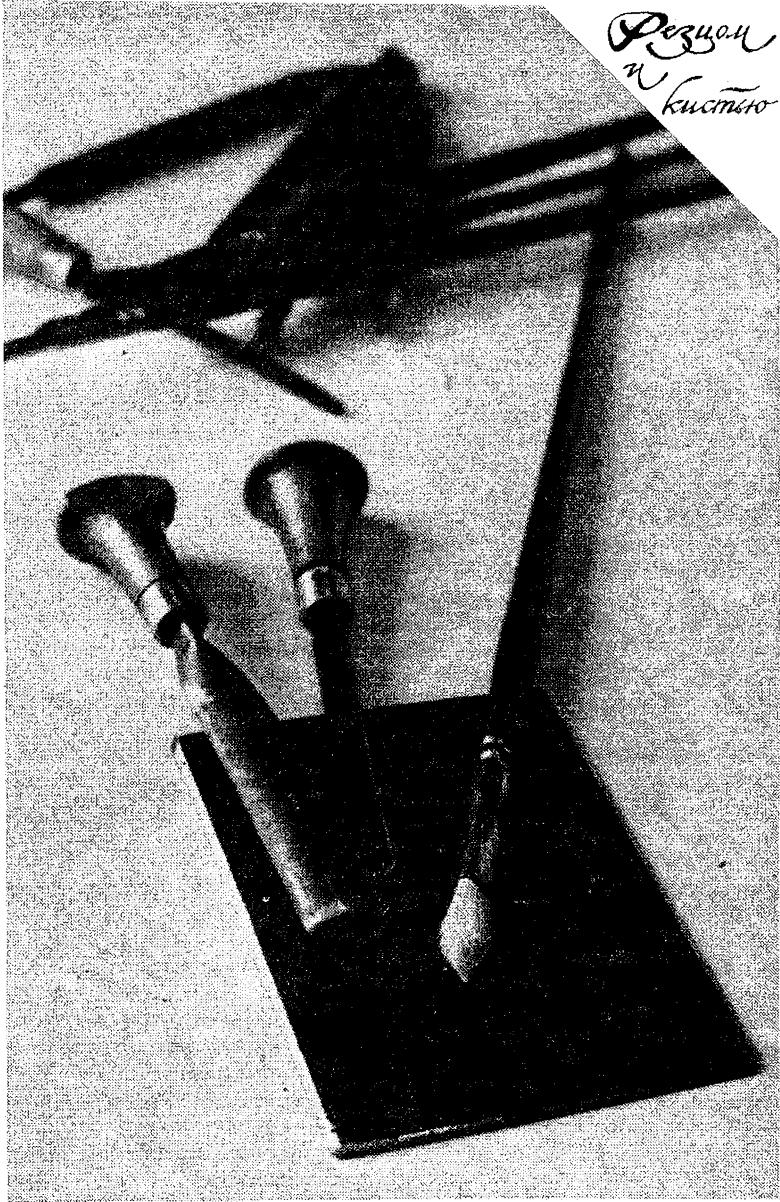
И за тебя врачи вступили в бой
И проявили мужества немало.
Не сломленная выпавшей судьбой,
Жена твоя тебя не оставляла.

И ты окреп,
Недуг свой превозмог
И постепенно подружился с музой.
Ты Родине своей не стал обузой,
Хотя с постели встать уже не мог.

С Корчагиным шагать не так-то просто,
Но ты не гнулсЯ в признанном строю:
Ты был у самой смерти на краю,
Но шел поэтом вместе с нами — к звездам.

И вечно на ветрах любых дорог,
Куда нас только ни зашлют тревоги,
Гореть, гореть кострам твоим далеким,
Что по-солдатски ты в сердцах зажег...

Резьба
и
Кустарство

...Всякая книга, напечатанная у Гари, Любия и Попова гутенберговскими буквами, в кожаном переплете, порыжелом от времени, возбуждает все мое любопытство...

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Искусство выполняет работу памяти; оно выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает его в кристаллах книг.

А. Н. ТОЛСТОЙ

Людмила Скорино
ОРУЖИЕМ СКАЗКИ
ПЛАКАТ, ЛУБОК, КНИГА

История книжных изданий времен Великой Отечественной войны еще ждет своих летописцев, исследователей, которые откроют новые, славные страницы борьбы с фашизмом оружием слова, сатирическим рисунком, остротой художественной выдумки. Важным эпизодом, несомненно, предстанет здесь рассказ о возрождении народного лубка — этой настенной книги, происшедшем в первые же военные дни.

Советский сказочник, писатель Виктор Важдаев, вспоминая о той огненной поре, говорил: «Поэты, очеркисты, сатирики владели мобильным жанром: стихи, очерки, карикатуры давали в газету — тут же, сегодня, немедленно. А прозаики? Да еще сказка. Казалось бы, мирный жанр, неторопливый разговор... Но ведь она — о борьбе Света и Тьмы. Когда-то сказкой шла по миру весть, сказкой на нее откликался народ. Что если вернуть сказке ее актуальность, остроту, ярмарочную громогласность? Лубок на стене „работает“ не только, когда его читают, но когда видят. Лубок, как плакат. Он не только для индивидуального читателя — для всех. Для дома. Для улицы. Для площади!»

Сама жизнь требовала появления нового лубка, боевого, антифашистского.

Плакаты первых месяцев войны — это поистине неповторимая страница истории.

Возникали они на улицах городов и на сельских перекрестках, вблизи линии фронта и в тылу, не раз под завывание сирен, грохот канонад и вражеских бомбежек. Говорили о боевом единстве народов нашей страны и звали к беспощадной борьбе с фашизмом. Плакаты разные — и сатирический стихотворный раешник, и хроника боевых событий в рисунках, и острый антифашистский лубок. Многообразие жанров сразу же проявилось в плакатах военных дней. В первые месяцы 1941 года Виктор Важдаев собрал многие их образцы, и сегодня они

впечатляюще рассказывают о творческих исканиях их создателей, а также о новой жизни сказочного лубка.

Стоит лишь просмотреть первые военные плакаты, как становится очевидным деление их на различные группы. Первыми появились плакаты-призывы: изображение бойца и лозунг. Коротко, мужественно, точно. Таковы были первые же, изданные сто- и двухсоттысячными тиражами плакаты Н. Долгорукова «Сметем с лица земли фашистских варваров» (подписан к печати 23 июня 1941 года); В. Иванова «За Родину, за честь, за свободу!» (24 июня 1941 года); П. Соколова-Скали «На земле и над землей мы зажмем врага петлей» (1 июля 1941 года); а также плакат В. Корецкого «Будь героем!» (подписан в печать 30 июня 1941 года), где сцена расставания бойцов с близкими была глубоко психологична, передавала всю внутреннюю силу и мужество тех, кто готовился к воинскому подвигу.

И, конечно, плакат «Родина-мать зовет!» художника И. Тоидзе (4 июля 1941 года), воспринимаемый нами подобно песне «Идет война народная, священная война...», как неотъемлемый элемент духовной жизни страны первых военных месяцев.

Все помнят и работу Кукрыниксов: на плакате советские воины, за ними — силуэты великих русских полководцев. И четверостишие Маршака, то самое, что стало крылатым: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно, — внуки Суворова, дети Чапаева» (вышел 10 июля 1941 года, тираж — 150 тысяч экземпляров).

Еще одна группа плакатов — сатирических, с насмешливыми, броскими характеристиками врага в рисунке и слове. Таков, хотя бы, плакат «На чужой каравай рот не разевай!» (25 июля 1941 года) художника А. Каневского с текстом поэта-сатирика А. Арго. Авторы беспощадно осмеивали фашистских вояк, уже принявшихся грабить захваченные территории:

...тары он припас немало:
Тюки, цистерны и мешки
Предназначались для муки,
Для нефти, для колбас и сала!

Плакат сатирическим рисунком и острым стихом беспощадно напоминал захватчикам об ожидающей их расплате. Подчас на плакатах изображались «боевые эпизоды», помещались рассказы о реальных подвигах реальных людей — на фронте, в тылу врага, у партизан. Например, в 1941 году в Москве был выпущен плакат о подвиге летчика Талалихина «Как я протаранил фашистский самолет».

И, наконец, плакат-лубок, как особый жанр, идущий от народной традиции. Примечательной его особенностью является развернутое сюжетное повествование, где рисунки и подписи представляют собой единое целое. Так, в стихотворении «Уро-

жай» Николай Тихонов предрек, какой смертный «урожай» — кресты да могилы — пожнут на нашей земле захватчики. Рисунок художника Н. Тырсы все договаривал. Плакат вышел в серии «Боевой карандаш», издававшейся во время блокады ленинградскими художниками.

Прочно вписан в этот боевой строй и антифашистский лубок писателя-сказочника Виктора Вахдаева. Его антифашистские сказки сразу же были приняты в работу издательством «Искусство», которым непосредственно руководило Политическое управление Наркомата обороны СССР. Ведь делу художественной агитации и пропаганды придавалось огромное значение. Сказочный лубок, становясь агитационным оружием, начал пролагать свой боевой путь. Но было это совсем не просто. Стихотворный сатирический плакат давно стал привычным, естественным, еще со времен окон РОСТА, с периода гражданской войны. А сказка-лубок представала новым и трудным жанром. Прозаический текст надо было дать такой, чтобы он заставил задержаться и задуматься над философским смыслом плаката, помог уловить и народную игру словом, и шутку, и острую бичующую иронию рассказчика. Виктор Вахдаев хорошо знал силу и возможности жанра, он твердо был убежден, что сказка — отнюдь не окаменевший историко-литературный памятник, сказка живет рядом с нами, развивается и так же, как в старину, сегодня воюет за народное счастье.

«Если бы не война, никогда бы мне не пришла в голову мысль о цикле „Сказки старые да на новый лад“, — признается В. Вахдаев. — Вот почему я взял самые распространенные, самые известные сказки, вернее, взял схемы их и наполнил содержанием новым, сегодняшним. О войне. О фашизме. О советском народе. О Победе, которая будет, обязательно будет...

Я ничего не изобрел. Просто нашел способ — вернуть сказке ее былую социальную остроту, действенность, актуальность.

В течение трех месяцев — июнь, июль, август 1941 года — я написал весь цикл антифашистских сказок».

В грозовой обстановке тех осенних дней, когда нацистские полчища были уже на подступах к Москве, сказку «Репка» в ее сатирическом антифашистском варианте 9 октября 1941 года напечатала газета «Советское искусство». Прозвучала сказка с уверенной силой: хотел Гитлер вытащить «репку» — победу, да весь советский народ «штыками оцетинился, пушками насушил, на грозный бой вышел... Драться, так драться. Что русскому здорово, то фашисту смерть». Сказки Виктора Вахдаева передавали и по радио. Тут снова «особенно повезло „Репке“, — вспоминал писатель, — ее включили в вечерний выпуск „Последних известий“, когда вся Москва сидела у репродукторов, а

гитлеровцы, как по расписанию, прилетали в 21 час 50 минут и начиналась воздушная тревога. Помню, что в „Последних известиях“ по радио тогда, осенью 1941 года, были переданы лишь три вещи: стихи Демьяна Бедного, фельетон Гр. Рыклина „Нервы“ и моя „Репка“».

В издательстве «Искусство» к работе над созданием антифашистского сказочного лубка привлекли известных советских художников. Плакат «Репка» сделал художник А. Каневский, «Золотую рыбку» — молодые художники, ученики прославленного Моора (один из них — это Виктор Цигаль). Плакат «Волк и семеро козлят» рисовал знаток лубка, тонко владевший цветом, Петр Алякринский. «Терем-Тюремок» — Кукрыниксы, как всегда блестяще.

«В последней сказке,—говорит В. Важдает,—вся фашистская банда была дана мной в образах зверей: Волк — Гитлер, Свинья — Геринг, Крыса — Гиммлер, а Геббельс сам напросился в Геббельзьяну. Впоследствии эта „персонификация“ их стала привычной. А ведь именно от плаката-сказки „Терем-Тюремок“ и пошло в дальнейшем сатирическое воплощение их всех в этих животных».

Сатирический лубок поистине утверждал себя в годы войны. Когда в Москве началась подготовка к эвакуации, издательство «Искусство» приступило к срочной ликвидации своих материалов. Судьба плакатов сложилась по-разному. Плакат «Репка» А. Каневского еще летом был сдан в типографию и очень быстро появился на улицах Москвы. Серию плакатов «Терем-Тюремок», как вспоминает автор сказки, Кукрыниксы, по счастью, взяли домой, в мастерскую, так как последний из рисунков — завершающий плакат — был таков: сокрушительный удар всей фашистской шайке наносит русский рабочий (портретно изображен был, как всегда в таких случаях, один из Кукрыниксов, а именно, — Н. А. Соколов). Но плакат нуждался в доработке: решено было главным персонажем его сделать не рабочего, а красноармейца. Необходимость внесения поправок спасла плакат от уничтожения.

Уцелевшие плакаты-сказки с рисунками Кукрыниксов и А. Каневского появлялись в пригородах, попадали в воинские части и после разгрома немцев под Москвой пошли вместе с бойцами по военным дорогам.

После тяжелой операции и пребывания в эвакогоспитале, были написаны Виктором Важдаетым новые антифашистские сказки: «Пузырь, соломинка и лапоть», «Лихо многоглазое», «Колобок» (последняя вышла в октябре 1943 года тиражом в 10 тысяч экземпляров). Изданные в Свердловске «Художественным фондом СССР» тремя многокрасочными плакатами, они тоже

стали настенными книжками. Рисунки к ним делал художник В. Таубер. «С плакатом „Колобок“,—вспоминал автор,—получилась удивительная история: в сказке рассказывается о том, как Советская Армия бьет фашистов и гонит их прочь с нашей земли все дальше и дальше. При этом, в финале перечислялись наиболее звонко звучащие освобожденные города. Так вот, пока плакат был в работе в типографии, трижды!—именно трижды, мне приходилось менять текст и вводить в него новые города и освобожденные области, так как, пока типография успевала выполнить набор—победный вал наступления Красной Армии обгонял написанное в сказке».

Сказка-лубок с плаката, с уличной стены, из оконной витрины все же вернулась на страницы книги. «Сказки старые да на новый лад» Виктора Важдая вышли в 1942 году тиражом 25 тысяч экземпляров в Красноуфимске Свердловской области, куда осенью 1941 года был эвакуирован из Москвы Гослитиздат. К тем четырем сказкам, которые уже начали свою боевую жизнь в виде плакатов, автор добавил пятую—«Мальчик с пальчик—партизан».

Интересен этот маленький сборник для библиофилов тем, что стал первой художественной книгой, выпущенной Гослитиздатом на Урале. В качестве иллюстраций были использованы имевшиеся у автора сказок одноцветные фотографии плаката «Терем-Тюремок», рисованного Кукрыниксами. Эти снимки были сделаны с оригинала, с его **первого варианта**,—Виктор Важдаев их вместе с плакатом «Репка» унес из Москвы в вещевом мешке. Только 12 мая 1942 года вышел в свет настенный лубок, доработанный Кукрыниксами. На нем был изображен боец Советской Армии с автоматом в руках.

В 1943 году в Челябинске вышли отдельными книжками две антифашистские сказки Виктора Важдая—«Терем-Тюремок» и «Лихо многоглазое». И в их основу легли ранее изданные плакаты.

«Терем-Тюремок» появился через год после плаката Кукрыниксов, книжка была подписана в печать 18 мая 1943 года. В ней издательство учло поправки художников: герой представлен фронтовиком.

В Челябинске полиграфическая база тогда была слабее, чем в Красноуфимске, а тем более в Свердловске, где, кроме собственной типографии, находилась в эвакуации знаменитая Первая Образцовая типография из Москвы, и потому обе книжки Челябингиз напечатал именно в Первой Образцовой. «Однажды вечером,—вспоминал Виктор Важдаев,—можно было наблюдать удивительную картину. Как по темным улицам города Свердловска двое каких-то неведомых мужчин с натугой волокли

санки, тяжело нагруженные странными, большущими свертками, в непонятной упаковке. Свертки эти были... бумагой для типографии, а мужчины — директор Челябинска Федор Федорович Майский и автор будущих книжек Виктор Важдаев. Директор раздобыл где-то взаимобразно эту бумагу для Издательства, а на перевозку ее в типографию денег не имел, и пришлось нам двоим, на себе перевозить этот нелегкий груз. Вот уж поистине: „Любишь печататься — любви и саночки возить!“».

Свердловск в годы войны был центром издательской деятельности на Урале. Здесь обосновалось отделение Гослитиздата, находился, как уже было сказано, коллектив Первой Образцовой типографии. Все мы — «приезжие» — жили и работали в Доме печати, где размещались и редакция крупной местной газеты «Уральский рабочий», и свердловское областное книжное издательство, и мощная здешняя типография. Из хозяев города, москвичей, вырвавшихся из блокадного кольца ленинградцев, киевлян в Свердловске сложился большой дружный коллектив, насчитывающий свыше шестидесяти человек. Во главе писательской организации тогда стоял П. П. Бажов.

Свердловчане постарались разместить, накормить, а зачистую и одеть-обуть эвакуированных писателей, их семьи. Но самое главное — людей не оставили наедине с их личными бедами и горестями. И это было огромной заслугой П. П. Бажова, опиравшегося на «старую гвардию», — ведь плечом к плечу с ним в Свердловске работали в военные годы Федор Гладков, Анна Караваяева, Николай Ляшко, Ольга Форш, Маризетта Шагинян, Илья Садофьев и даже последний из символистов — старый поэт Юрий Верховский, который опубликовал на Урале книжку героико-патриотических сонетов «Будет так!» (Свердлгиз, 1943). Писательская организация сразу же превратилась в сплоченный боевой агитотряд: развернули широкую идейно-пропагандистскую работу, регулярно выезжали на заводы, в ближайшие колхозы, воинские части, в разные уральские города — и по газетным заданиям, и с художественно-агитационными выступлениями. Но надо было издавать и книги — люди не хотели отрываться от основного дела жизни, стремились оружием пера работать на оборону.

Решить этот вопрос было совсем не просто, это понимали все. Первая Образцовая типография вместе с местным издательством и типографией «Уральский рабочий» выполняли заказы в помощь фронту — печатали красноармейские книжки, разного рода фронтную документацию, медицинскую литературу. Сюда поступали из Москвы матрицы, печатались «Правда», «Известия» и другие центральные газеты. «Гражданской продукцией» были только учебники. На другие книги уже не хватало бумаги, — шла тяжкая война. П. П. Бажов решил посоветоваться с работниками

этих типографий, надеясь вместе с ними найти выход из трудного положения. Заведующая производственным отделом Первой Образцовой типографии Ева Абрамовна Фильцер, человек с большим партийным стажем, все основательно обдумав, предложила новшество, по крайней мере для того времени,— использовать бумажные отходы для издания «книжек-малышек».

Дело в том, что при фальцовке печатавшегося в две краски Первой Образцовой календаря оставалась полоска шириной в девять-десять сантиметров,—ее отрезали, и бумага эта, по сути, пропадала, шла в «бумажную лапшу». На этих «припусках» и решено было печатать миниатюрную печатную продукцию.

Союз писателей поддержал это начинание, издательство «Уральский рабочий» дало свою «фирму». Тираж определили в 100 тысяч экземпляров. «Книжки-малышки», печатавшиеся в одну или в две краски, как правило, выполняли «ширмой», то есть не разрезая страниц, но часть все-таки брошюровали книжечкой.

И сказочный лубок оказался наиболее пригодным для книжек этого типа. Первыми вышли в свет сказки В. Важдая «Золотая рыбка» и «Пузырь, соломинка и лапоть» с рисунками В. Таубера. Обе разошлись мгновенно. Дополнительно к первому тиражу было выпущено еще 160 тысяч экземпляров. Отпечатанные черной краской книги учащиеся ремесленных училищ, работающие в одном из цехов типографии, вручную раскрашивали в четыре цвета (красный, зеленый, желтый и голубой). Так ими было сделано пять тысяч экземпляров красочных «книжек-малышек».

Вслед за важдаевскими сказками в этой серии были напечатаны сатирический сказ П. П. Бажова «Тараканье мыло», сюжетные стихи Агнии Барто — «Наташа» о девушке-санитарке, «Друзья неразлучные» о юных ремесленниках, которые своим героическим трудом сравнились с опытными рабочими, и книжечка «Кусок рельса», написанная Сергеем Михалковым, когда поэт приезжал с фронта на побывку. Рисунки к ней сделал молодой художник Виктор Цигаль. В этой «малышке» рассказывалось, как уральские ребята подобрали обломок рельса, сдали в переплавку и он превратился в снаряд, разящий фашиста. Появились и другие «книжки-малышки». Они имели огромный успех у читателей. В общей сложности было выпущено свыше двух миллионов «книжек-малышек», что позволило перечислить в фонд обороны 1 300 000 рублей.

Антифашистская сказка продолжала сражаться, изданная и в виде плаката, и боевой «книжкой-малышкой». Значение этой формы идейной борьбы было в военные годы высоко оценено, о чем свидетельствует письмо, с которым в октябре 1942 года

центральное руководство Союза писателей обратилось к своим местным отделениям: «Одна из важнейших задач, какие сейчас стоят перед писательскими организациями,— дать фронту сказки, сказы, песни, частушки, поговорки и т. п., то есть наиболее доходчивые до широких масс бойцов жанры художественного творчества.

Президиум Союза советских писателей СССР поручает вам усилить работу в этой области. Активизируйте работу народных поэтов (сказителей, ашугов, акынов). Организуйте собрание фольклора Отечественной войны.

Кроме того, очень важно привлечь силы писателей к непосредственной творческой работе в жанрах народной поэзии и прозы на темы Отечественной войны (фронта и тыла)».

Письмо это пришло и в Свердловск, хранится оно в бажовском архиве (см. кн.: Батин М. Павел Бажов. М.: Современник, 1976, с. 174).

«Сказки старые да на новый лад» получили широкое распространение. «После войны,—вспоминал Виктор Важдаев,—многие фронтовые друзья привозили мне мои антифашистские сказки, перепечатанные в армейских или флотских газетах, в агитсборниках. Использовались они и для чтения с эстрады.

Случайно я узнал, что в 1943 году книжкой-малышкой в моем родном городе Иркутске вышла сказка „Лузьярь, соломинка и лапот“. Издал ее иркутский Союз художников».

А в 1944 году сказка «Терем-Тюремек» попала на Кубу, где была напечатана в газете. Автором ее по ошибке назвали Ольгу Берггольц, что вызвало шутовую переписку поэтессы и Виктора Важдаева. Но сказке не привыкать терять авторов, ведь она часто заслоняет сказителя. Там, на Кубе, «Терем-Тюремек» обрел самостоятельное бытие, сатирически убедительно зазвучав на испанском языке. Вновь проявилось своеобразие этого жанра: сказка преодолевает любые границы, говорит на языках разных наций, если несет людям правду. Сатирический сказочный лубок, возникший на нашей земле в дни войны, выразил понятный тогда всему миру гнев советских народов, ненависть их к фашизму, твердое стремление к победе.

...По окончании войны в стране начали печататься самые разнообразные книги. Однако опыт книжных изданий военного времени не был забыт и получил дальнейшее развитие. Не исчезли ни лубок, ни «книжки-малышки». Издательство «Детский мир» (позднее оно получило название «Малыш»), выпускавшее настольные игры для дошкольников и ребят младшего школьного возраста, в том числе книжки-игрушки, рисунки для раскрашивания и т. д., начало печатать на бумажных «припусках» книжки форматом 9×6 см. В этих крохотных изданиях

вновь появились сказки Виктора Важаева — «Перекасти-поле и яблоня», «Дворец трех тигров», а также с его предисловием и сказ П. П. Бажова «Богатырева рукавичка» (Детский мир, 1959). Затем размер «малышек» был несколько увеличен. Они стали выходить с иллюстрациями и притом многокрасочными. Так, книжки Виктора Важаева «Хитрый Иа и умный Ио» (1961) и его «Степные сказки» (1962) снабжены были прекрасными цветными рисунками художников Т. Шеваревой и В. Таубера.

Вновь родился и сказочный лубок, в котором слово сливалось с рисунком в единое сюжетное целое. Однако теперь уже лубок предстал не в виде плаката или книжки, а как цикл красочных открыток. Располагались они в четкой событийной последовательности, снабжены были подписями и имели общую обложку. Выходили эти серии в издательстве «Изобразительное искусство». Здесь был напечатан ряд сказок Виктора Важаева (например: Король подпасок. М., 1976; Хуан-медведь и великан. М., 1978). Сказки эти привлекли издательство «Изобразительное искусство» своим сюжетным динамизмом: каждая открытка превращалась в выразительную сценку с участием героев сказки — ярких, забавных персонажей.

Вскоре наряду с этими привычными уже формами сказочных изданий появилась и новая. По предложению Виктора Важаева, которого всегда волновала судьба любимого жанра, издательство «Малыш» начало выпуск сказочных серий — книжек, объединяемых общей темой. Возникла как бы новая структура, ее определяла цикличность сюжетов, дополнявших и развивавших основной замысел. В письме к Агнии Барто от 10 марта 1970 года Виктор Важаев так пояснял суть и направленность этих изданий: выбрав тему, составитель «придумывал затем речение, напоминающее пословицу, которое становилось девизом серии, и как „марочка“ помещалось на обложке и титуле». Каждая из сказок должна была не только соответствовать этой объединяющей весь цикл внутренней теме, но и сюжетно раскрывать все новые ее стороны, обогащая повествование.

К участию в этих сериях составитель деятельно привлекал писателей, тяготевших к сказочному жанру. Здесь вместе с ним выступили Б. Шергин, А. Саксе, Э. Межелайтис, С. Диковский, Е. Пермяк, А. Якобсон, Б. Заходер, А. Нечаев и другие советские литераторы.

Серийность сказок, по мысли Виктора Важаева, позволяла «научить ребенка ценить книги, осмысленно отбирать их, а следовательно, беречь — и еще в начале своего читательского пути».

В издательстве «Малыш» были выпущены составленные

Виктором Важдаевым сказочные серии: о труде — «Без труда — нет добра», пять книжек (1964—1965); на морально-этические темы — «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок», четыре книжки (1966—1967); на военно-патриотическую «Солдатом быть — Родине служить», пять книжек (1966—1968); о братстве трудовых людей — «Дружба и братство — сильнее богатства», пять книжек (1967—1969); о дружбе народов многонационального Советского государства — «Пятнадцать дружных сестер» (1969—1977).

Сказка продолжала свой боевой путь, обращаясь к юному современнику, говорила о том, что только человек труда может стать хозяином жизни, учила понимать духовное богатство народов. Особое значение Виктор Важдаев придавал серии на военно-патриотическую тему. Он тревожился: «...теме этой мы уделяем на практике удивительно мало внимания. А ведь в человеке надо с самого раннего детства воспитывать такое чувство, как патриотизм, и не только пассивную любовь к Родине, но и готовность делом доказать эту любовь». Пять книжечек серии «Солдатом быть — Родине служить» как бы рассказывали историю нашей армии, наших воинов, защитников родной земли. «Сказка о бывалом солдате» Виктора Важдаева обращалась к еще петровским временам. В духе фольклорной традиции в центре повествования был образ русского солдата — никогда не унывающего, стойкого, по-народному мудрого, способного и царя поучить уму-разуму. Сказка А. Нечаева «Петухан-Курыханьч» повествовала о русском солдате «пугачевского склада» — солдате-бунтаре, освободителе крестьян от ига помещиков. В серию входила и сказка «Слово о солдате, который помог народу свергнуть царя, свершить революцию». Написана она была двумя молодыми авторами, участниками Великой Отечественной войны, чьи судьбы рано и трагически оборвались. В упоминавшемся выше письме к Агнии Барто так рассказывает о них Виктор Важдаев: «Тут я должен... обратить Ваше внимание на особое обстоятельство: Миша Васильченко, автор этой сказки, сочинил ее, будучи пионером. Он погиб в бою, как командир взвода, в 1941 году. А Лена Ширман, руководитель литкружка, помогла ему до войны записать и обработать сказки. Она была замучена и расстреляна в 1942 году в гестапо. Посмотрите, — на последних страницах, заключающих эту книжку — „Слово“, я дал в георгиевской ленте их портреты и написал об этих замечательных людях, написал для маленьких читателей». Сказка «Сабля Чапая» принадлежит перу известного советского прозаика Сергея Диковского, погибшего в 1940 году во время боев с белофиннами. В ней поэтически раскрыта мальчишеская мечта повторить сегодня, сейчас подвиг героев гражданской войны. В финале

серии по праву заняла свое место антифашистская сказка Виктора Важдяева «Мальчик с пальчик — партизан». Радостно удивляются советские бойцы подвигам маленького партизана: «„Видом ты не видный, силой ты не сильный, как же ты так, а?“ Смеется Мальчик с пальчик, отвечает: „Куст зеленый видишь? А я — в нем. Канаву пустую?.. А я — там. Степь ровную приметил? А я — в ней. Сугроб гладкий?.. Я — под ним. Я везде, и меня нет нигде...“». В этом сказочном образе писателем была воплощена идея всенародного сопротивления захватчикам, когда сама земля горела у фашистов под ногами.

Федор Гладков, размышляя над современными судьбами сказки, писал: «Умение оживить сказки и легенды и возбудить ими горячий интерес и у детей, и у взрослых, чутко довести народную мудрость до сознания ребенка и удивить ею взрослого, для этого педагогического деяния нужно обладать талантом и любовью к людям». Идеино-эстетическое значение сказки, как жанра, сила ее воздействия на современников — всегда определялись твердым убеждением, что сказка отнюдь не реликвия прошлого, она не ушла в историю, но живет сегодня, среди нас, живет и развивается вместе с историей своего народа.

Андрей Котырев

ТАЛАНТ ДОБРОТЫ

КСИЛОГРАФИИ ЖЕРАРА ГОДАНА

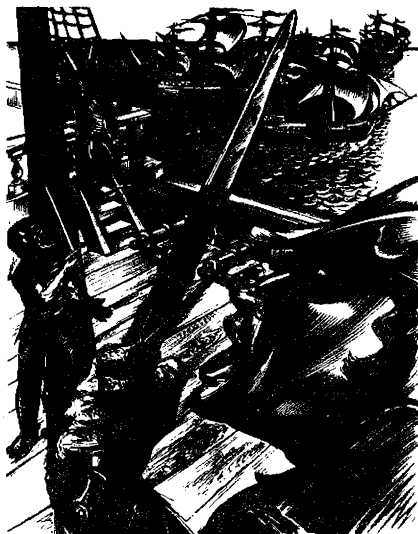
Современный известный художник Жерар Годан родился в 1927 году в Синт-Никласе (Бельгия). Одиннадцатилетним мальчиком после занятий в школе он вечерами учился в Академии художеств и в Королевском клубе гуманитарных наук. В Академии художеств его учителями были Мария де Кайзер и Виктор Стюарт, позднее, в Национальном институте изящных искусств в Антверпене,—Марк Северин и Ян Ваертен. После получения художественного образования Жерар Годан совмещает творческую деятельность с преподавательской работой в Королевском клубе гуманитарных наук Синт-Никласа. В 1956 и 1957 годах Жерар Годан за гравюры на дереве получает призы Национального банка Бельгии, в 1955 и 1958 годах—призы барона Броуэра, в 1961 году—приз Королевской академии Бельгии, в 1966 году—почетный приз Международной графики в Оломоуце (ЧССР), в 1967 году—стипендию фонда Евгения Бейе. В 1971 году Жерар Годан был удостоен высокого звания лауреата Королевской фламандской академии наук, литературы и изящных искусств и звания профессора Института печатных искусств и типографий. С 1983 года он—директор Академии изящных искусств в Антверпене.

Формирование художественного мировосприятия Жерара Годана проходило под влиянием его учителей Виктора Стюарта и Марка Северина, авторов поэтических иллюстраций к средневековым легендам. Поэтому гравюры художника к произведениям фламандских писателей и поэтов носят черты традиционнo-национального характера, не лишены добродушного юмора и гротеска.

Через все творчество Жерара Годана проходят вечные проблемы: добра и зла, альтруизма и эгоизма, любви и смерти, поиска смысла человеческой жизни. Каждая гравюра художника—это взволнованный рассказ большого мастера, сумевшего сказать новое слово своим индивидуальным почерком.

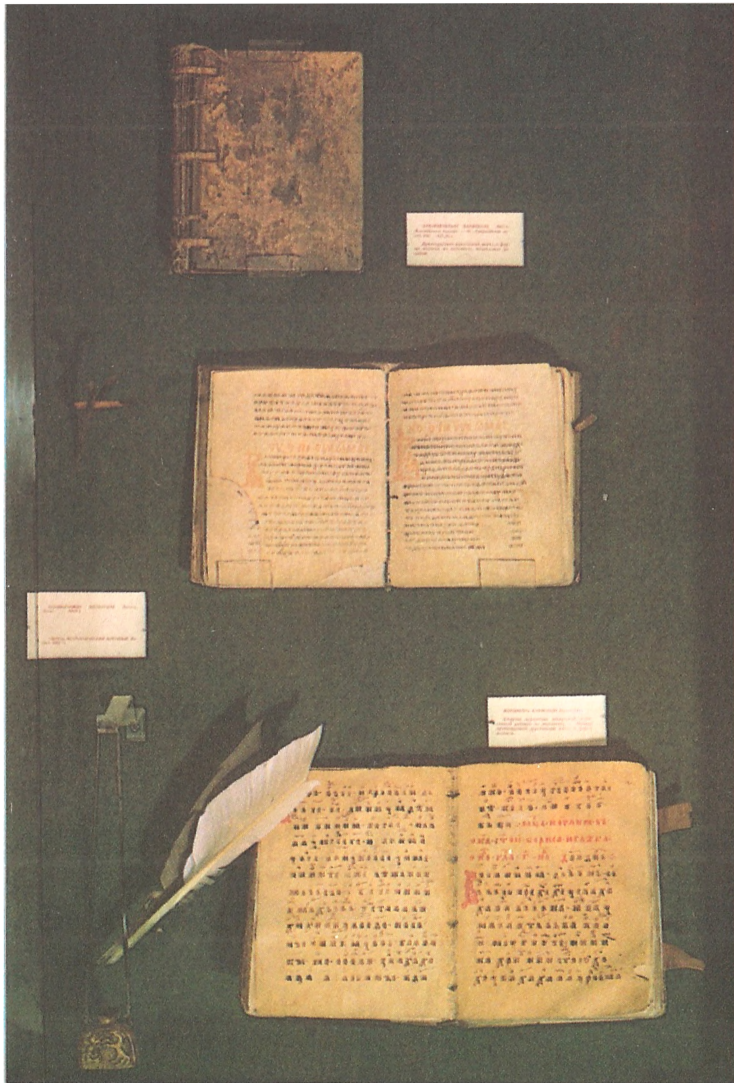
Ксилографии Жерара Годана к роману Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель»
(с. 171—173)

К СТАТЬЕ МИХАИЛА ГНЕДОВСКОГО «ЭКСКУРСИЯ В НЕОБЫЧНЫЙ МУЗЕЙ»

*Книги В. И. Ленина, подаренные им
Румянцевскому музею 20 марта 1919 г.*

Древнерусские рукописные книги XI—XII веков. Металлический святец XVI века и подвесная бронзовая чернильница XVII века

ВСТУПАЮЩИЙ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ПОСЛАНИЕ КЪ РИМЛЯНОМЪ
ИВАНЪ БОГОСЛОВЪ

«Апостол» (Львов, 1574). Типография Ивана Федорова

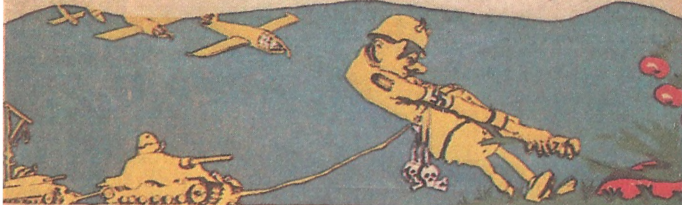
Образцы золотых обзоров и тисненых золотом переплетов

Образцы переплетов XIX века. Декоративные и иллюстрированные форзацы. Форзацная бумага. Штампы для переплетов

РЕПКА

СТАРАЯ СНАСНА НА НОВЫЙ ВАД

Ползает вперед репка. Ужасно долго башмаки-орудиями. Не чета другим. Ползет же табука Гитлера. Ужаснее за сплюснутую репку, толкатель, вылететь не может!

Что, дружок, тыи? В Прого вагоне—вылетели, в Пана вагоне—вылетели, в Вагоне вагоне—вылетели... В Репе, Дельтине и Буржесте репка сена в руки вылезла, а тут—шпан не вылетела!

Нашелся Гитлер Муссолини. Ужаснее—Муссолини за Гитлера, Гитлер за репку—позу-позитив, вылететь не может. Промыслил Гитлер на Муссолини. Да много ли от старика чвану? Что тут делать? Промыслил вынуть сумку. Завла один, а прибавил три: болгарская, финская и румынская.

Ужаснее—Министры за Хитра, Марта за Антониусу, Антониусу за Муссолини, Муссолину за Муссолини, Муссолини за Гитлера, Гитлер за репку—позу-позитив. Министры-мудры репка. — Хитра Гитлер!—принимает Гитлер. А „репка“ сена из земли вылезла, красноватый вагончик вылезла.

Гитлеру Филиппы и обидели: вагончик одну репку, а за ней—башмаки твои!—вагончик ограда—вагончик самовозит народ! Штыками сцепились, пулями наступили, на граный бой тыпили. Министры вагончик—вагончик застряли. Министры сцепились—вагончик застряли. Застряла репка от выстули русской. Застряла от сцепки народной Красной Армии из ладного сцепки репка идет.

А Гитлеру мало уж много, а у самого сена не убавил вагончик. А у нас сена вагончик: кто сена до упили—оруда бьет, а кто сена, да не упили—обучается. И сена и ладку вагончик берет, или башмаки разламывает: „Двадцатый бой, штыками вагончик, гранатой репка, минотой репка, минотой репка, минотой репка, минотой репка! Даться, так даться—что русскому здорово, то немцу смерть!“

Плакат «Репка»

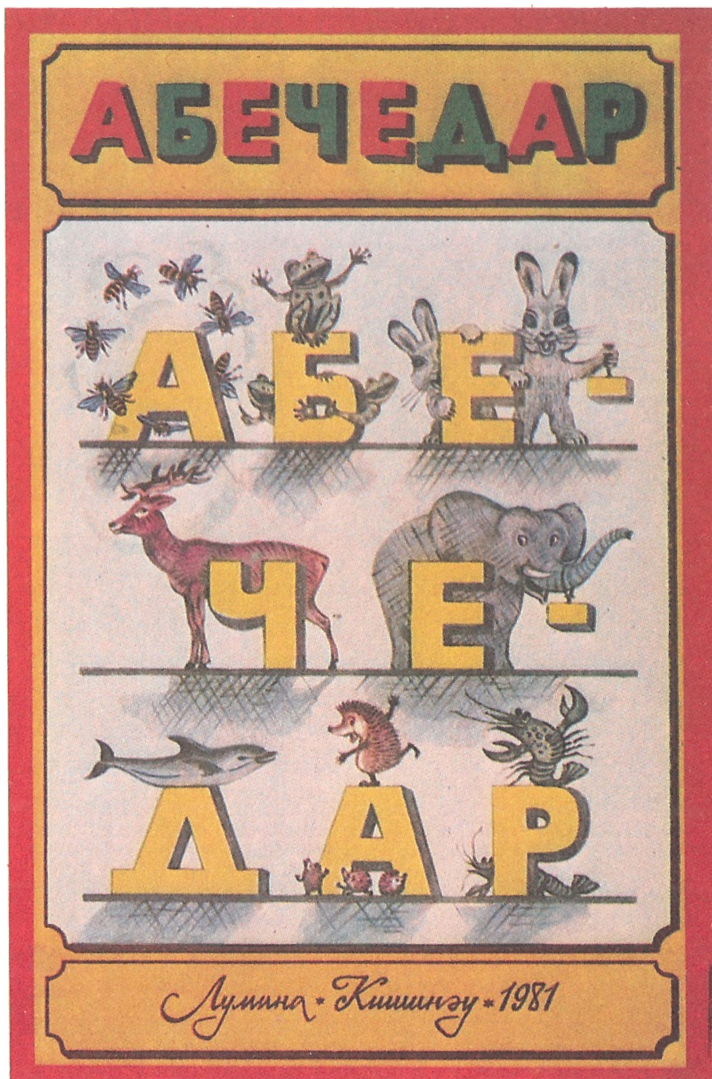
Иллюстрации Ю. Ганфа к книге В. Важаева «Мальчик с пальчик»

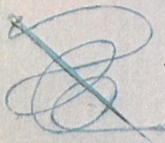
Книжки-малышки, издававшиеся во время войны и в первые послевоенные годы

Серия «Солдатом быть—Родине служить». Издательство «Малыш»

Обложка молдавского «Букваря», оформленного В. Вагиным

А-а-а-а

--	--

--	--	--	--

--	--	--	--	--	--

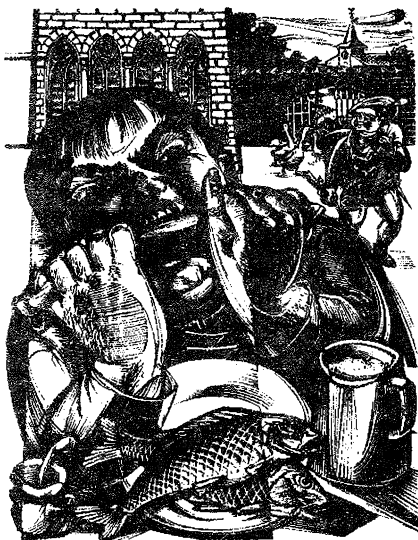

Иллюстрации В. Вагина к «Русским народным сказкам»

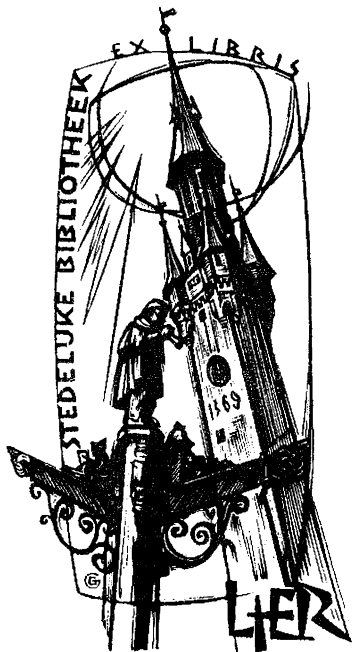
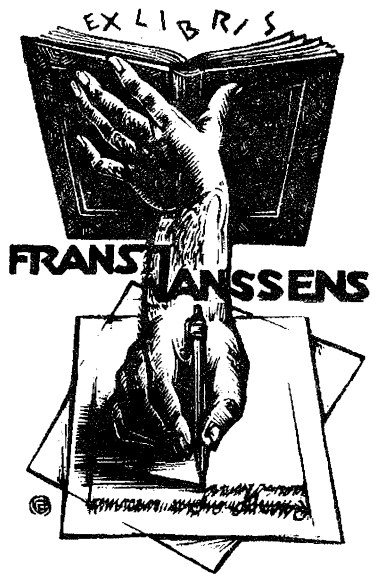

В искусстве Жерара Годана прослеживается совершенно новое качество, которое не выходит за пределы диалектического понимания идейно-эстетических основ реализма. Но вместе с тем нельзя забывать, что творческий метод художника обладает существенными особенностями. Можно предложить самые различные термины для определения его художественного кредо, но в настоящее время важно и нужно не подыскивать подобные определения, а исследовать новаторские черты многогранного творчества этого своеобразного художника.

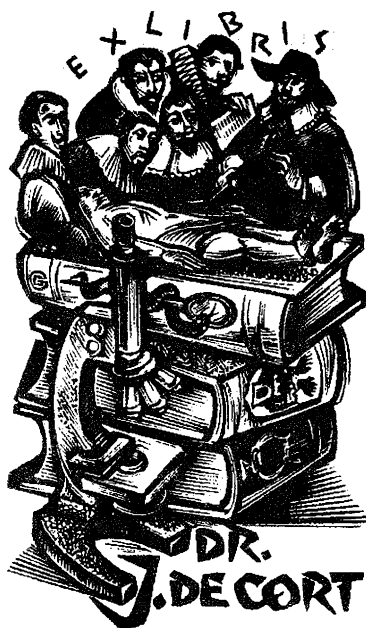
Если бы Жерар Годан выполнил только иллюстрации к «Легенде об Уленшпигеле и Ламме Гудзак» Шарля де Костера, его можно было бы назвать одним из лучших графиков нашего времени.

К иллюстрированию «Легенды об Уленшпигеле» обращались лучшие бельгийские художники, и не случайно, что Жерара Годана также вдохновило это произведение, к которому он выполнил десять гравюр на дереве. Художник смело решает задачи графической интерпретации образов и событий. Каждая гравюра классически строга и эмоциональна. Мастерство художника мы видим не только в виртуозном техническом исполнении, но и в поэтической реалистичности его работ.

Диапазон тем и сюжетов у Жерара Годана обширен: от прекрасно прорисованного обнаженного тела до политической

Экслибрисы работы Жерара Годана (с. 174—175)

сатиры, от трагедии смерти до красоты и радости жизни, от детской наивности и смешливости до загадочной символики. Им созданы станковые гравюры, иллюстрации, экслибрисы, поздравительные адреса.

В гравюре «Жизнь и смерть» контрастную по содержанию тему художник не объединяет формалистическими приемами, а находит графические закономерности в переходе тонких и упругих линий из одной формы в другую, подчиняя все единой композиции, в которой гармонично соединены безграничное счастье материнства молодой женщины, радость покоящегося на ладони ребенка и искаженные смертью лицо и рука старухи.

«Пробуждающаяся пустыня» — гравюра символическая. Холмы пустыни, переходя в женское тело, пробуждают землю — она преобразается, оживает. Женщина дает жизнь, от нее — все живое.

Изображение обнаженного тела в гравюрах Жерара Годана отличается большой выразительностью. Прекрасное знание анатомии и тонкое чувство художника заставляют зрителя не только увидеть физическую красоту женщины, но и поверить в ее духовное здоровье.

Необходимо отметить, что Жерар Годан иногда использует в своих работах ранее найденный им композиционный прием, мотив, деталь, и это не снижает впечатления новизны и оригинальности. Так, Годану свойственно передавать настроение через изображение человеческих рук. Все руки на его гравюрах разные. И по ним угадывается характер человека. В этом сила таланта художника: он заставляет нас только по рукам узнавать добро или зло, силу или нежность.

В гравюре «Семья» художник обращается к реальной жизненной теме, которую также раскрывает в композиционном решении рук: руки ребенка — беззащитные, руки женщины — ласковые, оберегающие сон ребенка, руки мужчины — трудовые и сильные, защищающие свою семью. На лице ребенка — спокойствие, женщины — нежность, мужчины — мужество. Второй план гравюры — радость семьи, идущей навстречу солнцу.

Игривую смешинку в изображении детей Жерар Годан, видимо, унаследовал от своих фламандских предков. Он нежно любит детей такими, какие они есть, и хочет, чтобы они были добрыми и справедливыми. С улыбкой наблюдает он за их озорством, беззаботностью и весельем. В альбоме «Детство» шесть гравюр, и каждая — лирический рассказ о детских играх и забавах. Видимо, очень хорошо надо знать душу ребенка, чтобы так остро почувствовать и тонко передать детскую наивность, шаловливость и мечтательность.

Поздравительные гравюры Жерара Годана разнообразны по темам и обращены главным образом к близким, друзьям, знакомым. Новогодние и юбилейные поздравления, поздравления ко дню рождения, приглашения на выставку или на новоселье — это не полный перечень добрых, игривых, забавных и лукавых миниатюр, которые художник щедро и от всего сердца дарит людям.

Особое место в творчестве Жерара Годана занимает экслибрис. Этот специфический для книжной графики жанр изобразительного искусства привлекает художника прежде всего тематическим разнообразием, широким диапазоном стиливых и сюжетных решений, а также приближением к иллюстрации и станковой гравюре.

Художником выполнено более трехсот книжных знаков, которые не только служат изящным украшением книг, но и являются одной из форм творческого общения с деятелями науки, искусства и культуры. Тематика экслибрисов Жерара Годана проста и доходчива: это миниатюры о труде, дружбе, детях, природе и животных, это зоркое наблюдение художника за окружающим его миром.

Экслибрис, выполненный для итальянского инженера и

архитектора Джанни Мантеро, одного из крупнейших в мире коллекционеров книжных знаков, композиционно построен из стилизованного шрифта. На другом экслибрисе Джанни Мантеро художник применяет тот же прием — центром композиции служит рисунок с тем же шрифтом. (Джанни Мантеро является Почетным президентом Международной ассоциации экслибрисистов. Художники всего мира выполнили для него около тысячи книжных знаков.)

Экслибрисы Отто Холла также имеют общие черты — их объединяют национальные мотивы и неизменная спутница многих книжных знаков художника Сова, символ мудрости.

Интересен по замыслу экслибрис доктора И. де Корта, в композиции которого художник использовал фрагмент известной картины Рембрандта «Урок анатомии доктора Тульпа».

Книжный знак Вацлава Кржупки, профессора, крупнейшего коллекционера Моравии, пропагандиста советской графики в Чехословакии, Жерар Годан решает как жанровую биографическую миниатюру.

Продолжая традиции мастеров старшего поколения, но не подражая им, Жерар Годан обогатил искусство экслибриса; задачу художника он не ограничивает однотипными сочетаниями символов, геральдикой и другими подсказанными заказчиком атрибутами, он придает книжному знаку свое, не только художественное, но и смысловое решение.

В наши дни экслибрис все шире становится предметом коллекционирования. Его можно считать самостоятельным маленьким эстампом. И не случайно, что советские художники и Жерар Годан обменялись экслибрисами — книжный знак стал символом дружбы художников двух стран.

Работы Жерара Годана экспонировались в Австрии, Венгрии, Нидерландах, Польше, СССР, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии и других странах. Его гравюры хранятся не только в музеях Бельгии, но и во многих музеях мира. По инициативе и при активном участии Жерара Годана на его родине, в Синт-Никласе, создан единственный в мире музей экслибриса.

Советским любителям графики знакомо творчество Жерара Годана. Он неоднократно посещал Советский Союз. Открытие первой выставки гравюр художника состоялось 20 сентября 1964 года в Вологодской картинной галерее, вторая выставка была организована в Череповце, третья — в Тюмени, четвертая (в 1981 году) — в Выставочном зале Союза художников РСФСР Челябинска.

Пятая выставка Жерара Годана в Москве в 1983 году состояла преимущественно из иллюстраций к произведениям фламандских писателей и поэтов, станковой гравюры и экслибри-

сов. Всю экспозицию гравюр, авторских оригиналов художник передал в фонды отдела изобразительного искусства Центральной городской публичной библиотеки имени Н. А. Некрасова.

Искусство Жерара Годана отражает его отношение к труду, природе, детям, женщине, семье. Свое внимание как человек и художник он обращает к простым людям, он страдает и радуется вместе с ними, он ненавидит несправедливость, насилие, милитаризм и фашизм. Своим резцом гравера Жерар Годан борется за мир на Земле.

Андрей БЕЛЫЙ

ПОД ОКНОМ

Взор убегает вдаль весной:
Лазоревые там высоты...

Но «Критики»* передо мной —
Их кожаные переплеты...

Вдали — иного бытия
Звездочитые убранства...

И, вздрогнув, вспоминаю я
Об иллюзорности пространства.

1908. Москва

*«Критики» — имеются в виду философские произведения И. Канта.

Н. Одноралов

МЕДАЛЬОН НА ПЕРЕПЛЕТЕ КНИГИ

Искусство оформления книги — многогранно. Один из составных элементов его — переплет. Часто он выполняет декоративную функцию, но и сам по себе бывает значительным произведением искусства. Над переплетом трудятся не только художники-графики, но и... скульпторы. Об этой своеобразной стороне искусства оформления книги рассказывает лауреат Государственной премии СССР, специалист в области технологии материалов в изобразительном искусстве.

Книжный переплет появился почти одновременно с переходом от рукописной книги — свитка к прямоугольной книге — кодексу.

В средние века книжные тетради прошивались ремнями и весь блок прикреплялся к деревянным доскам. Для сохранности книги ее переплет крепился кожаными или металлическими застежками, иногда завязками.

Известно, что еще в конце X — начале XI века на Руси церковнослужебные книги оформлялись филигранными серебряными накладками, перегородчатой эмалью, медальонами с расписной эмалью. Примером такой богато декорированной отделки переплета может служить Мстиславово Евангелие, исполненное для Киевской церкви Благовещения по заказу новгородского князя Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. Написано Евангелие было в 1125 году. Все ювелирные работы — украшение золотыми и серебряными орнаментальными накладками, отделку драгоценными камнями — сделали константинопольские мастера. О стоимости этих украшений говорится в их описании так: «...цену же Евангелия сего один Бог ведает».

Другим примером декоративного украшения древней книги может служить переплет с орнаментировкой по металлу Онежской псалтыри, хранящейся в Троице-Сергиевой лавре. Кстати, вот как описывал современник подобную книгу, написанную в XV веке: «На верхней доске средник и наугольники серебрянопозлащенные решетчатые, равно и два спяя и одна застежка; а на задней доске 16 жуков все серебряные позлащенные. Наклад-

ки по углам обеих досок, по закраям, тоже серебропозлащенные».

С конца XVII века вместо деревянных досок для переплета все чаще применяется картон, который в XVIII веке становится основным переплетным материалом. Как правило, картон обтягивали свиной или телячьей кожей, пергаменом, парчой, иногда какой-либо другой ценной тканью.

В арабских странах для переплетов употребляли цветной сафьян, изготовляемый из кож коз и овец.

Как же изящно отделывали переплеты, когда появился сафьян! Использовали тиснение сусальным золотом, кружевные орнаменты. Этот вид декоративной отделки книг быстро распространился и в странах Запада, где наряду с орнаментальными украшениями появляются тиснения барельефных портретов в форме медальонов. Так, например, сохранился замечательный переплет книги библиотеки Эббелевена, датируемый 1550 годом. На передней крышке сочинения Лютера вытиснен его рельефный портрет.

В Италии и Франции начинает развиваться техника плоскоуглубленного и выпуклого тиснения рельефа, которое в 1821 году усовершенствуется английским изобретателем Уильямом Конгревом. Конгревские (от имени Конгрева), то есть рельефные, оттиски портретных изображений на переплетах книг были тесно связаны с развитием медальерного искусства...

История изготовления первых медалей насчитывает многие столетия. Берущее начало в античности, это искусство получило наивысшее развитие в эпоху Возрождения.

С начала нашей эры до XIV века медальерные оттиски находили применение в основном в произведениях декоративно-прикладного искусства. Тогда же памятные медали, создаваемые в честь каких-либо знаменательных событий или выдающихся лиц, стали превращаться в медальоны, которыми пользовались для украшения своих изделий многие ювелиры. Например, выдающийся скульптор, медальер и ювелир Бенвенуто Челлини украсил ими вазы, чаши.

С самого начала медальоны, предназначенные для тиснения на книгах, полностью отвечали правилам построения скульптурного барельефа, но выполнялись они в несколько иных пластических формах, без острых углов, резких переходов, что органично соединяло медальон с переплетом.

Каковы же особенности медальерного оформления книг? Важную роль в конгревном тиснении играет то, что рельефное изображение на специальном бронзовом штампе не должно превышать 2—2,5 мм, иначе рельеф разорвет переплетный материал. В пределах указанной высоты мастер должен уметь

Медаль с изображением И. А. Крылова,
выполненная П. Уткиным

Медаль с изображением Г. Флобера,
выполненная Э. Шапо

создать скульптурный портрет и одновременно согласовать рельеф с толщиной картонного переплета. Кроме того, важной деталью портретного изображения является его обрамление в круге, овале, прямоугольнике, которые должны быть несколько выше скульптурного изображения, чтобы предохранить его от соприкосновения с рядом стоящими книгами на библиотечных полках. Композиционное решение завершается обрамлением портрета, называемым блинтовым основанием.

Интересным примером помещения портретных медальонов на переплетах книг могут служить три тома истории искусства, изданные в Париже в 1889, 1891 и 1895 годах. На них вытиснены покрытые сусальным золотом портреты великих художников Возрождения.

В России эта техника стала широко применяться в начале нашего столетия. Привлекает внимание конгревный медальон с изображением Ивана Грозного на переплете книги К. Валишевского «Иван Грозный», изданной в 1912 году. Рельеф этого медальона отличается высоким скульптурным мастерством. Любопытны портреты Н. В. Гоголя на переплетах томов полного собрания его сочинений, изданного в 1913 году, и Т. Г. Шевченко на восьмитомном собрании его сочинений, вышедшем в 1914 году.

Техника металлических медалей и миниатюрных барельефов использовалась издателем И. Д. Сытиным. Восьмитомное собрание сочинений Л. Н. Толстого Сытин украсил металлической прямоугольной медалью (плакеткой) с изображением автора. В

Медальерный портрет Т. Г. Шевченко

1912 году издательство И. Д. Сытина украсило первый том романа «Война и мир» накладным барельефом с фрагментом фриза храма Афины, изображающим эпизод Троянской войны. В нижней части переплета украшен бордюром из меди с растительным орнаментом.

На многих изданиях произведений А. С. Пушкина помещены медальоны с его изображением. Один из первых рельефных портретов поэта можно видеть на одностороннем издании Вольфа. Есть они также и на переплете издания Брокгауза—Ефрона 1911 года, на академическом юбилейном издании 1937 года, вышедшем к столетию со дня гибели поэта, и других.

Для этого издания было использовано одно из лучших медальерных изображений поэта—медаль работы художника монетного двора Михаила Афанасьевича Скуднова. (Оборотная сторона медали была выполнена по рисунку академика Михаила Яковлевича Вилле.) Этих медалей было выпущено пять тысяч, из них двадцать серебряных и пять золотых. Медаль отчеканена в 1899 году Академией наук по случаю сотой годовщины со дня рождения поэта.

(Такой перенос медали на переплет можно обнаружить и в первом томе собрания сочинений И. А. Крылова, изданном в 1945 году. Медальерное произведение в воске было создано выдающимся русским медальером Павлом Уткиным в 1838 году, к пятидесятилетию литературной деятельности поэта. Медаль не

переведена в металл и в восковом исполнении хранится в Русском музее. Но на книге она получила новую жизнь.)

В первые послереволюционные годы при остром недостатке бумаги и картона о конгревном украшении переплетов книг не могло быть и речи. С налаживанием производства бумаги и картона в двадцатых годах начинают появляться книги в твердых переплетах и даже с тисненными орнаментами.

Интересно выполнен портрет Анатоля Франса на переплетах двух томов, вышедших в издательстве «Academia» в 1937 году. Оттиск выполнен без блинтового основания, и изображение А. Франса как бы появляется из книги, оно органично слито со всем переплетом. Медальон исполнен в низком рельефе, и художник использовал графические средства для усиления светотеней. Портрет выполнен А. Д. Силиным.

Медальон, исполненный известным французским медальером Э. Шапю, с портретом Г. Флобера помещен на собрании его сочинений, вышедшем в 1938 году.

Постоянными стали изображения В. И. Ленина на переплетах собраний его сочинений. Следует сказать и о медальоне с изображением К. Маркса на издании «Капитала» (1954), а также о медальоне на переплете Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изданных в 1965 году.

Последовательное улучшение оформления советской книги привело ныне к тому, что для крышек переплетов стали широко применяться миткаль с покрытием непрозрачной нитроцеллюлозой, ледерин с полимерной бумажной подложкой, а также покрытие переплета синтетическим нитроцеллюлозным полиамидным лаком. Новые материалы, внедренные в переплетное дело, расширили возможности применения конгревного оформления книг. Однако, к сожалению, в последние годы техника рельефного медальона на переплете применяется крайне редко. А ведь сколько еще неиспользованных возможностей кроется в ней!

Искусство оформления книги многогранно. И, очевидно, в скором времени художники порадуют нас новыми находками в этом виде декоративного украшения переплетов.

Анатолий Королев

КРАСНОРЕЧИВАЯ ГРАФИКА

ЗАМЕТКИ О СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ
ХУДОЖНИКА КНИГИ

В только что организованное в 1970 году новое российское издательство «Современник» Владимир Вагин пришел сразу главным художником... Ему едва перевалило за тридцать, однако дела Вагина на этом непрестом поприще уже с первых шагов были отмечены размахом и профессионализмом. В его случае груз ответственности и молодость счастливо совпали. Впрочем, Вагин, по существу, никогда и не знал ученичества. В его молодости не было ничего от робости и неумения новичка, наоборот, ей была изначально присуща некая зрелая опытность души. Даже первый юношеский автопортрет, выполненный Вагиным маслом на холсте в далекие пятидесятые годы, написанный в строгой реалистической манере, нельзя назвать работой начинающего, настолько умело юный художник продемонстрировал владение живописью.

Реализм суров к своим ученикам. В этом стиле некуда спрятать собственное неумение. Краски требовательны, как музыканты к дирижеру, и без всяких скидок на возраст. Вот почему этот автопортрет, эта юная зрелость так удивляют.

Зрелость всегда опережала его возраст. Самая первая книжная работа Вагина — рисунки к повести о героине-партизанке Лизе Чайкиной, — исполненная наскоро девятнадцатилетним ретушером, принесла ему первую премию на конкурсе Калининского книжного издательства. Быть среди первых — состояние для Владимира Вагина в чем-то даже привычное. Это ощущение собственной силы позволяет ему с убедительной легкостью решать и творческие, и чисто производственные задачи.

Придя в новое издательство, главный художник энергично берется за работу. Первой книгой «Современника» была военная проза Михаила Шолохова. В сжатые до предела сроки Вагин решает ряд нелегких задач (хорошо издать заглавную книгу было делом чести для нового коллектива). Он уезжает в ленинградскую типографию, где печатается тираж, живет в гостинице, весь

рабочий день проводит с печатниками, придирчиво следит за работой полиграфистов, за качеством бумаги и, наконец, вытребовав у железнодорожников товарный вагон, привозит в нем свежееотпечатанные книжки в Москву. В этом профессиональном натиске весь Владимир Вагин.

Именно он стал первым советским художником, которому придирчивый Леонид Леонов (сам, кстати, в прошлом художник) разрешил проиллюстрировать свою повесть «Evgenia Ivanovna». До этого лет двадцать Леонид Максимович строго отвергал все работы иллюстраторов, и книги писателя выходили в свет без рисунков. Вагин прекрасно знал об этой неуступчивости и требовательности Леонова, но принял вызов обстоятельств и одержал победу. Его работа убедила писателя... Тревожные черно-белые рисунки, трепетные, как бы дождливые линии, очертившие фигуры и пейзажи леоновской повести, блестяще передают сам дух этого щемяще-пасмурного повествования. Иллюстрации Вагина придают листу взволнованную глубину. Его перо чертит нервные линии-зигзаги то тонко-тонко, то с явным нажимом. Эта сдержанная страстность сродни писательскому почерку Леонова. Линия как бы пульсирует на белом листе, а в сочетании с тончайшей штриховкой рисунки Вагина к книге «Evgenia Ivanovna» становятся словно «заплаканными». Так подрагивает перед нами зримый мир, когда мы, затаив дыхание, смотрим на него глазами, полными слез. Цель художником достигнута: мы видим героев леоновской повести особенным взглядом-воспоминанием, сквозь дымку времени, вглядываемся в лица за дождевой вуалью прошлого. Перед нами лики памяти... Книга, оформленная Владимиром Вагиным,— заметное явление в отечественной графике тех лет.

Творчество художника-графика по самой сути своей публично, оно тесно связано с массовым производством, с людьми. Это искусство индустриально, и в Вагине удачно сочетается таинство работы книжного мастера за столом с деловыми качествами крупного организатора. Может быть, истоки этого удачного равновесия в том, что его жизнь была с юности связана с ремеслом, с тем Ремеслом, которому синонимы и мастеровитость, и высокое искусство...

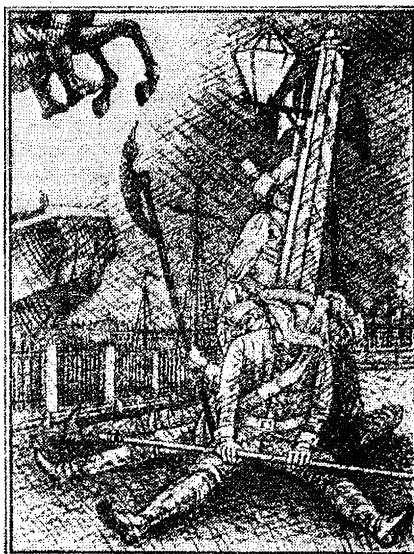
Училище, в которое он поступил в Калининне четырнадцатилетним подростком, называлось сокращенно ХРУ—художественно-ремесленное училище. Оно было создано на базе Калининского полиграфического комбината. В том, 1952 году ХРУ № 12 только открылось, и Володя Вагин стал учащимся-ремесленником начального набора. После окончания училища он должен был получить диплом ретушера-полиграфиста. В те годы Вагин и не думал всерьез о книжной графике (тогда она не была

«престижна», да и оформление книг было бедновато: послевоенная полиграфия еще только набирала силы). Как и многие его товарищи, он увлеченно мечтал о станковой живописи, готовился поступать в Академию художеств. Даже когда вчерашний ремесленник получил специальность и стал каждое утро вместе с рабочей сменой приходить на комбинат, он никак не связывал свое будущее с графикой книги, то есть с тем, чем занимался весь трудовой день. Приятно было шагать в толпе рабочих по утрам к проходной мимо заводской доски Почета, где первым (по алфавиту) висит его фотопортрет. Казалось, так будет всегда: первый... Удача на конкурсе местного книжного издательства, книжечка с собственными рисунками внутри — все это отступало тогда в тень по сравнению с его победой на Всесоюзном конкурсе творчества учащихся ремесленных училищ страны, где Вагину было присуждено первое место за серию пейзажей.

Жизнь начиналась интересно и многое обещала. Далекая ленинградская Академия внушала уважение, но не страх. Поэтому, когда декан живописного факультета Академии, просмотрев работы абитуриента Вагина, предложил ему поступать на отделение графики, он и слушать не стал. Молча собрал свои работы, расставленные вдоль стены, и вышел из кабинета. Подумаешь, графика!.. В тот драматический момент Вагин решил поступать в Академию на будущий год, так как заметил цепким взглядом, что здесь в чести раскованная живопись широкого открытого мазка, живописная размашистость, а не его традиционалистская и чуть провинциальная гладкопись.

И, возможно, он поступил бы в Академию (талант, помноженный на обиду, удесятерил его силы), если бы на производственной практике в Калининне, куда он вернулся после неудачного штурма, не оказались студенты Московского полиграфического института. Они тоже заметили явную одаренность молодого ретушера, подметили в его живописи природную графичность мышления. А увидев, с какой яростью Вагин готовится к поступлению в Академию (в мастерскую был переоборудован заводской Красный уголок), практиканты принялись горячо агитировать Вагина поступать только к ним, «на графику!». Вагин увлекся новыми перспективами, в результате чего и поступил в Московский полиграфический институт.

Его первыми учителями стали Андрей Дмитриевич Гончаров и Павел Григорьевич Захаров. Надо ли говорить о том, что поступить в институт в Москве было весьма и весьма нелегко, но Вагин, кажется, этого и не заметил. Его успешное зачисление в студенты весьма огорчило Калининский военкомат: ведь параллельно с конкурсом в полиграфический институт Вагин выдержал еще один придирчивый отбор кандидатов, его, красивого,

Суперобложка и иллюстрации В. Вагина к книге Ю. Тынянова
«Подпоручик Кижэ»

высокого парня, военкомат выбрал для службы в рядах кремлевских курсантов.

Но в жизни Вагина были не только удачи. Судьба не скупилась и на неудачи. Встреча с Леонидом Леоновым началась для Владимира Вагина точно так же, как и для всех его предшественников-художников: Леонид Максимович отверг его рисунки к своей повести «Евгения Ивановна», но Вагин был внутренне готов к такому повороту и постарался выяснить, а как самому писателю видится оформление книги. Что ж, художники уже не раз задавали такой вопрос автору,— Леонов ответил Вагину, и тот сумел его понять. Именно второй вариант оформления повести «Евгения Ивановна» увидел свет. Умение загореться от неудачи, собрать все силы на вторую попытку— характерная особенность вагинской души. Препятствие подстегивает его воображение. А преодоление самого себя порой самым неожиданным образом расширяет изобразительный круг художника, обогащает графическую палитру, помогает увидеть себя с неизвестной стороны.

С неудачи начались и иллюстрации к пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде». Цветной вариант «Балды» был сурово раскритикован коллегами Вагина. Но когда, подхлестнутый критикой, художник выбрал для работы над пушкинским текстом простой карандаш и заново нарисовал сказку, успех Вагина стал бесспорен...

Пушкин— заметная глава в истории нашей русской книжной графики. Может быть, даже самая заметная. Отечественная графическая пушкиниана насчитывает ряд блистательных удач, достаточно вспомнить хотя бы рисунки Ивана Билибина, Владимира Фаворского, Владимира Конашевича, Татьяны Мавриной, Николая Кузьмина. Груз достигнутого предшественниками невольно довлеет над художником, впервые взявшимся за пушкинские книги. Кроме того, сам великий поэт труден для нового художественного прочтения, он неуловим, загадочен. Блеск его имени увеличивает вес удачи, и наоборот.

Обращение Вагина к простому карандашу, к безыскусному рисунку при оформлении пушкинской сказки— принципиально. Действительно, в нашем сознании поэзия Пушкина чаще всего черно-белая, а не ярко раскрашенная, не пестрая, не цветная. Если сравнить цвета с метафорами, то сравнений, эпитетов, просто прилагательных у поэта явно меньше, чем глаголов и существительных. Цвет Пушкина— это свет петербургских белых ночей, когда краски, по существу, гаснут. Нельзя забывать и о том, что пушкинские рисунки на полях черновиков сделаны пером и чернилами, что его манера прочно живет в сознании русского читателя: белый лист, черная линия.

И все же перо не годилось для рисунков к народной сказке о Балде. Вагин это прекрасно понимал. След от пера слишком прихотлив, изящен... Нужно было как-то утяжелить невесомую линию, и карандаш хорошо подходил для этой цели. Кроме того, перо превращает смех в сарказм, улыбку в иронию, только карандашный грифель «хохочет». Этого и добился Вагин в своем «Балде»: его рисунок прост и весел, он и пышен чуть-чуть, он курится, как дымок, он к лицу смеховой стихии пушкинской сказки.

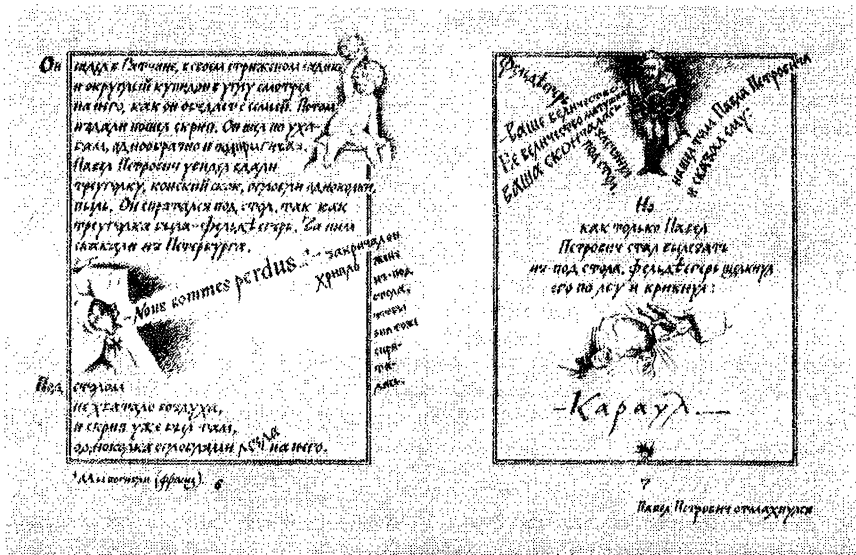
Работа Вагина, на мой взгляд, законно заняла место в ряду лучших книг нашей графической пушкинианы.

Но вернемся к его творческой судьбе.

Перед тем как возглавить общее оформление продукции целого издательства, которое выпускает в год до 330 книг общим тиражом свыше 15 миллионов экземпляров, Владимиру Вагину пришлось преодолеть, пожалуй, самый неожиданный поворот судьбы. Калининское книжное издательство, где он начал работать после окончания Московского полиграфического института, перестало существовать, и в поисках места Вагин оказался за сотни километров от центра России — на Урале, в Перми, в должности художественного редактора местного книжного издательства.

Город на берегу Камы... издательство в десять комнатшек... но полный простор для творческой работы... новые друзья... — все это было отмечено той необходимой провинциальной сосредоточенностью, в которой как-то отстоялась и созрела душа, в которой окончательно проявились творческие идеи. Много лет спустя, вспоминая Пермь, Вагин скажет, что здесь были созданы идеальные условия для художников. Именно здесь к Вагину пришла всесоюзная известность. Здесь он стал в 1967 году членом Союза художников СССР, здесь он нарисовал своего знаменитого «Козьму Пруткову» и оформил принципиально важные для себя «Русские народные потешки». Наконец, здесь, в Перми, сложилась его вполне зрелая концепция графического дизайна, концепция единой книги.

Наша отечественная книжная иллюстрация начиная с конца XIX века прочно занимает ведущее место в книжной графике мира. Изумительные рисунки, например, Ивана Билибина к русским сказкам, блистательная графика Дмитрия Митрохина и Георгия Нарбуга, шедевры Александра Бенуа и Льва Бакста, «Белые ночи» с гравюрами Мстислава Добужинского, «Хаджи-Мурат», оформленный Евгением Лансером, — все эти победы «мир-искусников» были продолжены не менее блистательной плеядой молодого поколения советских художников... От картинки-иллюстрации, при всем мастерстве исполнения все же живущей

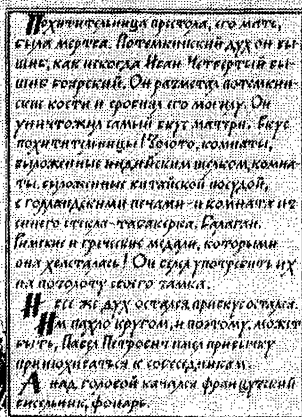
Страницы книги «Подпоручик Кижэ» (с. 190—191)

изолированно от книги и ее текста, такие мастера, как Эль Лисицкий, Александр Родченко (их влияние Вагин подчеркивает особо), стали создавать книгу по принципу единой художественной конструкции, где все элементы оформления — от обложки, форзаца, фронтисписа до шрифта — были жестко подчинены общему графическому замыслу. Книга стала «делаться» как единая конструкция. Такой энергичный подход был в духе того революционного времени, решительно рвавшего с традицией. Сам этот разрыв уже воспринимался как гарант нового качества и новой художественной ценности. На этом витке были безусловные удачи, но в конце концов увлечение чистой конструкцией стало подавлять собственное содержание книги, авторский текст оказался всего лишь поводом — пусть и для блистательных, но все же самых произвольных построений.

Конструкция, исчерпав себя в максимализме самовыражения, выродилась в холодные формальные эскизы на темы текстов. Преодолеть этот графический произвол было нелегко, в книжной графике наступил период пробелов. И только мощное творчество таких советских мастеров, как Владимир Фаворский, Алексей Кравченко, Владимир Конашевич, Юрий Васнецов, Владимир Лебедев, вернуло книге «книжность», иллюстрация

34

35

Иллюстрация стр. 34.

вновь стала служить литературе, смыслу, духу ее автора. Лучшие работы этих мастеров возвратили книге утерянную гармонию.

В послевоенный период в книге восторжествовала станковая иллюстрация. Самодовлеющая книжность была заметно ущемлена в своих правах. Чисто живописные задачи реалистического толка, портретный психологизм, колористические тонкости отгеснили единый художественный образ книги. И здесь, разумеется, было немало ярких достижений, достаточно назвать имена Дементия Шмаринова, Сергея Герасимова, Давида Дубинского, Евгения Кибрика, Ореста Верейского... Их работы могли украсить не только книжные страницы, но и стены выставочных залов. Так незаметно графики перешагнули некую заветную грань — иллюстрации могли успешно жить не только вне книги, но и вообще обойтись без нее. Первотолчок к их возникновению отныне лежал не в книге и авторе, а в художнике. Джинн был выпущен из бутылки; «станковизм» породил массу эпигонов, бойкая кисть которых отражала только внешние приметы мастерства, манера их была прежде всего удобна, а не индивидуальна, она была лишена подлинной глубины Мастеров, страдала хронической поверхностностью, выдавая за современность штамп и ложный пафос. Шедевры не «делали погоды», а технически

несовершенная полиграфия была только на руку серости. Впрочем, они даже нуждались друг в друге. Книга конца сороковых — первой половины пятидесятых превратилась в этакую помпезную графическую «лепнину». При этом под диктовку эпигонов были объявлены «упадочничеством» и свободный поиск выразительности, и личное видение художника, и драматизм прочтения книги, и индивидуальность. Острее всех это сложное время пережили, пожалуй, те графики, чье творчество сформировали двадцатые годы.

Это хорошо видно, например, на превращениях знаменитой детской книжечки «Багаж» Самуила Маршака, которую на протяжении двадцати лет несколько раз оформлял наш замечательный книжный график Владимир Лебедев. Если сравнить первый вариант «Багажа» 1926 года с последним, одиннадцатым выпуском образца 1955 года, то, при всем мастерстве оформления обеих книжек и великолепии лебедевского графического почерка, в глаза невольно бросится, что заключительный «Багаж» заметно поскуцнел, прежнюю игру пятен, этакий конструктивистский анекдот сменило добротное пособие; невероятному происшествию о сданной в багаж собачонке придана совсем не детская достоверность. Да, равенство мастерства двух книжек налицо, и все же что-то потеряно безвозвратно.

На рубеже пятидесятых-шестидесятых годов ситуация в книжной иллюстрации вновь изменилась: против псевдографики активно выступили так называемые «молодые книжники». Перед ними стояла нелегкая задача: найти утерянную было гармонию между смыслом и изображением. Владимир Вагин принадлежит к этому поколению. И надо подчеркнуть, что борьба тех лет шла не столько между «книжностью» и «станковизмом», сколько против косности, схематизма и лжи в искусстве. Оружием в этом столкновении стал прежде всего эксперимент.

Вагин начинал с поисков. Он искал единый графический и конструктивный образ книги. Пермское издательство поддержало его несомненный талант: эксперимент получил материальную базу, а на титульных листах замелькало непривычное тогда сочетание «художник-конструктор».

В творческих поисках тех лет ему было важно найти такие книги, таких авторов, в оформлении которых можно было бы с максимальной силой выразить свою индивидуальность, стиль собственного графического мышления. Как видим, Вагин предъявлял к себе требования, которые еще только временем намечались, носились в воздухе. Он мог бы с успехом лишь воевать против «станковизма», как это делали многие из «молодых книжников», но он, интуитивно предугадывая будущее и понимая (а может быть, только чувствуя), что вскоре и новая

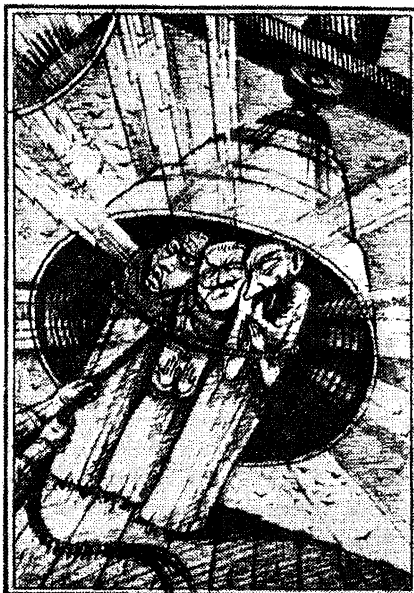
книжность станет раскожей монетой, утяжелил бремя своих творческих задач. Его кредо — не поиски как таковые, а проблема выражения личности. Его эксперимент был нацелен не во вне, а внутрь, на собственную индивидуальность.

Так вот, в поисках своего «автора» Вагин пришел к своему «тексту»... Его привлекала в первую очередь явная анонимность народного творчества, стихия потешек, частушек, прибауток, скороговорок, та красноречивая безымянность, где вместо самодовлеющего авторского «я» перед тобой распахнут простор, полная свобода для самовыражения, ничем не скованное право на сугубо личное прочтение, а значит на законный опыт. На обложке своих пермских «Скороговорок» Вагин так и написал: книжка-ярмарка. Действительно, если иллюстрирование произведений того или иного автора (Гоголя, Шекспира, Толстого) диктует художнику целый ряд изобразительных условий, то в оформлении тех же «потешек» или «скороговорок» над Вагиным довлела только одна единственная традиция. Да и не традиция даже, а художественная данность, изоструктура — русский народный лубок.

Именно лубок с его произвольными пропорциями, с его принципиальной немотивированностью способов изображения и был той самой заветной стихией, в которой формальное не нуждается в оправдании, а суверенно-личное имеет обязательное, абсолютное безусловное право на всю гамму чувств — от лирики до гротеска — в рамках одного и того же отрезка текста, где царствует принципиальная вседозволенность художника, а линия, цвет, шрифт и все прочее легко и органично подчиняются произволу игры. И Вагин убедительно использовал все возможности и регистры «анонимности». Его «Скороговорки» уморительно смешны, остроумны, невероятно цветасты. Чего стоит хотя бы разворот «Карл у Клары украл кораллы...». Перед нами два шаржированных, гротескных создания, две маленькие «жадности». Краски их одежд неправдоподобны и в то же время весьма точно передают ощущение этакой помпезной претенциозности мелких себялюбивых душонок. И цвет, и линия, и буффонадная композиция, и коверканые буквы на развороте маленькой книжки как бы гримасничают, подпрыгивают от смеха над этими карлами и кларами.

Может быть, гораздо труднее найти в себе такую вот свободу выражения, так раскрепостить выученную годами труда руку, чем нарисовать это.

Принципы народного лубка всегда влияли на вагинские иллюстрации. Художник учится черпать в его «беззаконии» собственную свободу. Многие книжные работы Вагина представляют своеобразное игровое пространство, где все элементы

Иллюстрации В. Вагина к эпиграммам А. С. Пушкина

графики вступают между собой то в забавную, то в печальную, то в зловещую взаимосвязь. При этом, казалось бы, анонимность «потешек», «скороговорок», «сказок», «басен» предполагает настолько вольное прочтение, что в этой вольности может исчезнуть и сама индивидуальность художника. Но как это ни парадоксально, маскарадная многоликость, мгновенная смена личин несет на себе оттиск именно его личности. Его ни с кем не спутать, он ни на кого не похож. Игра, бесстрашно нарисованная художником, явно самобытная, вагинская.

Экспериментируя на разных уровнях самовыражения, конструируя книгу, Вагин в конце концов вырвал у полиграфистов последнее, что еще оставалось за ними — шрифт. Написав от руки весь текст, он сделал книгу своим единоличным творением. Вещью в духе любимых двадцатых годов. Отныне его внимание больше всего будут привлекать книги, в которых он сможет сделать все только сам: от рисунков, макета, фронтисписа, форзаца, шмуцтитолов до переписанного собственноручно текста.

Эта тяга к рукотворности, желание проиллюстрировать книгу от начала до конца свободно, без жесткого подчинения тому или

иному литературному классику — одна из особенностей его вкуса, его симпатий и антипатий. Из писателей Вагину явно ближе те, кто чувствует вкус к формальным поискам, к игре со словом, к стилизаторству. Ему чужд обыденный быт или психологизм. Он любит, чтобы между ним и рисунками обозначилось расстояние, цезура, будь то конкретный исторический промежуток или бездна между вымыслом и реальностью. Согласитесь, что у таких разных произведений, как «Плоды раздумья» Козьмы Пруtkова, «Сказка о попе и о работнике его Балде» Пушкина и «Подпоручик Киже» Тынянова, есть общая атмосфера, созвучие блистательно стилизованных под «банальность», под «народ», под «чиновность» нравоучительных анекдотов.

Редкое чувство стилевой игры, авторской манеры и помогает Вагину так органично вживаться в эти столь разные и столь схожие стихии. Широкую известность в стране и за рубежом получил, например, вагинский «Козьма Пруtkов». Впервые эта книжка вышла в пермском книжном издательстве, и писали о ней не раз. Пожалуй, стоит добавить только одну, не замеченную критиками особенность этой графической сюиты — ее драматизм. Это совсем не веселая книга, даже не верится, что ее нарисовал тот самый художник-весельчак и пересмешник, который только что оформил «Скороговорки», «Русские народные потешки»... Афоризмы проиллюстрированы Вагиным не напрямую, а опосредованно. Это даже не иллюстрации, а скорее невеселый, порой весьма желчный изокомментарий к вечным превратностям и перипетиям человеческой судьбы. Ассоциации художника всегда неожиданны и глубоки, а коричневатый тон, нервное царапанье пера передают горький привкус вагинских раздумий над мыслями братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого. Графическим лейтмотивом «Козьмы», по Вагину, стали образы детства и смерти, свечи и ночи, лавров и терний, женщины и змеи, лица и маски, бога и черта. На ста шестидесяти страницах перед нами проходит жизнь человека во всем ее многообразии, порой кажется, что скепсис и насмешка изъели изображение коричневатой ржавчиной, но, вглядываясь, понимаешь: сочувствие к человеку преобладает над иронией...

В те дни, когда писались эти заметки, Владимир Вагин работал над иллюстрациями к «Русским народным сказкам».

Небольшая мастерская, комната с окном во всю стену. Отсюда, с четырнадцатого этажа, как на ладони виден центр Москвы: башни высотных зданий, «книжки» Калининского проспекта, облака над Кремлем, серебристая чешуя Москвы-реки... На пустом столе лист бумаги и подвижная линза на штативе...

Последняя работа для Вагина принципиальна, в ней — квинтэссенция его многолетних поисков.

Относительной простоте и плоскостности первых его сказочных иллюстраций пришли на смену глубина и даль особого фантазийного поля, где на листе офорта одновременно происходят сотни чудес не одной, а как бы сразу всей Русской сказки. И эта сказочная толща живет, буквально роится чудесами... Такой плотности изображения, такой всеохватности воображаемого мира наша «сказочная» графика, наверное, еще не знала.

Последняя законченная работа Владимира Вагина — тыняновский «Подпоручик Кижэ». Он и здесь переписал от руки весь текст повести — десятки тысяч знаков. И не просто переписал, а виртуозно воссоздал на листе спецификой почерка, всем начертанием буковок, их композицией, размером, наклоном бюрократический штиль павловской эпохи. Шрифт под пером Вагина стал своеобразным символическим лейтмотивом книги. Как и автор — Юрий Тынянов, художник Вагин сделал описку писаря действующим лицом изображения... Вагинские буковки-козявки дефилируют перед взглядом читателя, как солдатики на парадах Марсова поля. Художник тщательно и остроумно имитирует (пародируя) казенно-бюрократический писарский стиль, в котором, как в зеркале, отразилась эпоха: перед нами его величество государство Буква! Здесь цифры, параграфы, пометы на полях, запятые имеют поболее прав и сил, чем какой-то человек. Описка писаря после высочайшего утверждения монарха уже и не ошибка вовсе, а настоящий человек, вдобавок имеет и чин — подпоручик, и имя — Кижэ. Со страниц повести, офортмленной Вагиным, перед нами встает зловещий образ царской России, этакий необъятный белый бумажный лист, где на всем снежном пространстве мельтешат, маршируя стройными шеренгами, вымуштрованные человеко-буквы, солдатики-параграфы, граждане-нолики. Их жизнь — от начала строки до полей, их кровь — чернила, их судьба и рок — чиновничье перо, их бог — чернильница на казенном сукне, наконец, их смерть — пробел в строке.

Переписывать от руки весь текст будущей книги — характерная особенность Вагина. Он не может пройти равнодушно мимо основной графической массы книги — ее текста.

Большинство его книг рукописны. Хроника его творчества такова: «Русские народные потешки», «Скороговорки», «Козьма Прутков», «Evgenia Ivanovna», «Уральские частушки», «Сказка о попе и о работнике его Балде», молдавский «Букварь», «Басни» С. Михалкова, «Лирика» Гете.

Разумеется, здесь названы основные, наиболее принципиальные графические работы Владимира Вагина. Все они, кроме последней, отмечены призовыми дипломами и наградами на самых различных выставках как у нас в стране, так и за

И. В. Гёте. «Избранная лирика». Обложка издания на киргизском языке

рубежом. Счастье и удача по-прежнему верны ему. Например, не будучи художником-плакати́стом, Вагин завоевывает бронзовую медаль в Лейпциге за плакат «Ода книге» Пабло Неруды. А ведь ему пришлось выдержать соревнование с лучшими плакати́стами Европы.

Следует сказать несколько слов и о недостатках вагинской графики. Сначала о тех, что он отмечает и сам: неровность, незавершенность некоторых работ. Так, сегодня его не устраивает яркая броскость пермских «Скороговорок». «Сейчас бы я все сделал по-другому», — говорит он. Что ж, его недовольство вполне понятно. Действительно, порой яркость книжки-ярмарки становится кричащей, а прихотливость линий — самоудовлетворяющей. Теперь Вагину гораздо ближе более строгие «Потешки» или «Уральские частушки». Их сдержанность, «классичность» ныне больше по душе его зрелости. На его взгляд, получились далеко не все полосные иллюстрации к «Басням» Сергея Михалкова, некоторые ему хочется перерисовать... Впрочем, недовольство собой — одна из самых заметных черт его характера. Переделывать — его страсть.

Царапающая линия Вагина не знает преград, из штрихов

рождается все: лицо, облако, свеча, ночь, земля. Его графический космос буквально дышит, это стихия из росчерков, клякс, капель и зигзагов. Он не очерчивает контур предмета, а творит его с какой-то насуленной силой.

В известном смысле слова, Вагин — график для графиков, его рисунки требуют от зрителя активного соучастия, их сила, их изысканность рассчитаны на развитый вкус. Вагин никогда не подделывается под вкусы, не сюсюкает с читателем, не играет в поддавки. Его графика на фоне гладкописи, жеманной манерности, тщательности — ершиста, холодна, умна. Его иллюстрации никогда не облегчают чтения книги, а, наоборот, как бы «затрудняют» его, замедляют, вызывают к себе, тянут в глубь графического пространства. Его лучшие рисунки сродни незримо-му магниту, который вдруг стягивает железные опилки в мощные силовые линии... И все же, все же... Владимиру Вагину зачастую мешает собственная, блистательная... разносторонность.

Да, да, это тоже может стать минусом для творчества. Вагин иногда неузнаваем. Порой он слишком решительно и бесповоротно перестраивает собственную, счастливо найденную манеру, и хотя достигает определенных результатов, но что-то и теряет.

Как бы мы ни ждали новизны, все же художник должен, увы, быть всегда и везде самоповторяем в главной сути своего творчества. Гюстав Доре всегда Доре, Жан Гранвиль везде Гранвиль. Как часто мы наслаждаемся похожестью мастера на самого себя. Так трудно найти свою интонацию, как жаль, если она сменяется другой, пусть и не хуже, но не той, полюбившейся... Классика — это не поиск, а то, что решительно найдено. Кажется, Пикассо говорил, что поиски его абсолютно не интересуют, в искусстве важны только находки. Некоторые книги Вагина выпадают из единого графического облика, им же сотворенного.

Другим серьезным минусом его творчества, по-моему, стало неумение вовремя остановиться, оторваться от рисунка в тот момент, когда он еще хранит свежесть дыхания, непосредственность первого впечатления, своеобразную графическую «нервозность». Подчас иллюстрации Вагина слишком «сделаны», до вымороченности законченны, совершенны. Плоскость листа сверх меры насыщена штрихом, рисунок настолько уравновешен по всем графическим параметрам, что нет-нет, да и повеет от листа рассудочным холодком, а ведь чаши весов должны как бы покачиваться, иначе не возникнет сопереживания. Когда читателю явлен графический результат, места для эмоций практически не остается; в нем словно бы и нет нужды. Одним словом, иллюстрация должна дорисовываться в нашем живом воображении, читательское отношение к рисунку должно быть пристрастным (в лучшем смысле этого слова), вовлеченным. На мой

взгляд, задача не должна доводиться художником до логического завершения, в ней должны быть оставлены некоторые пустоты для нашего сотворчества. Важна недосказанность. Порой плотная океаническая толща вагинской графики выталкивает зрителя из листа, там нечем дышать.

И все же это издержки мастерства.

...После шестидесятих годов, отмеченных бурными поисками форм, и семидесятых, когда «станковизм» вновь закрепил утраченные позиции, однажды, вдруг, как-то неожиданно ушли в тень, на второй и даже на третий план разного рода «измы». На выставках графики ныне спокойно и на равных выступают мастера всех школ. Строгий реализм соседствует с формальными изысками. Принадлежность автора к тому или иному стилю перестала быть решающим аргументом критики, манера художника внезапно стала сугубо личным его делом. В современной советской книжной графике активно работают и признаны такие разные художники, как Д. Шмаринов и Кукрыниксы, Д. Бисти и В. Носков, Н. Попов и Б. Маркевич, М. Майофис и А. Костин, Т. Толстая и А. Кокорин, М. Митурич и В. Волович... В восьмидесятые годы главным стало другое — жажда индивидуальности, упор на личные открытия, на то, что художник представляет во всей массе художнического и человеческого своеобразие.

Вот что, по-моему, удалось почувствовать Владимиру Вагину еще в те далекие шестидесятые, когда он начал активные поиски собственного пути в искусстве. (А ведь именно самобытность всегда была драгоценной сутью русской графики.) Жажда индивидуальности сейчас изнурительна еще и потому, что бедой современной иллюстрации стала вторичность, похожесть, иногда чуть ли не на грани плагиата, свободное перетекание найденной манеры и стиля и даже самого видения от одного к другому. В этом смысле манеру Вагина трудно размножить, она не только супериндивидуальна, но еще и трудоемка. Иногда на один цветной офорт Вагин тратит месяц работы. Причем работы после напряженного трудового дня, долгими вечерами.

При всей формальной заостренности своих творческих задач Вагин исповедует неожиданный и глубоко традиционный взгляд на союз автора книги и ее художника. Последний, на его взгляд, не имеет права ни «улучшать» текст, ни раскрывать себя за счет и в ущерб писателю. Наоборот, художник-оформитель должен целиком и полностью подчинить себя природе и задачам литературного произведения, он обязан выразить только дух книги и время ее написания. По его убеждению, конструкция современной советской книги, ее иллюстративный текст должны быть не только равными сегодняшнему времени, а опережающими его. Графике следует предчувствовать облик завтрашнего дня, его

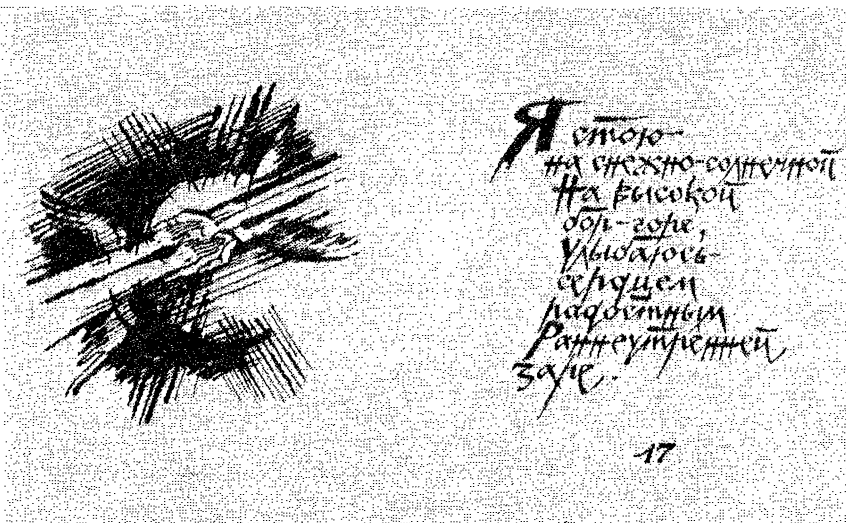
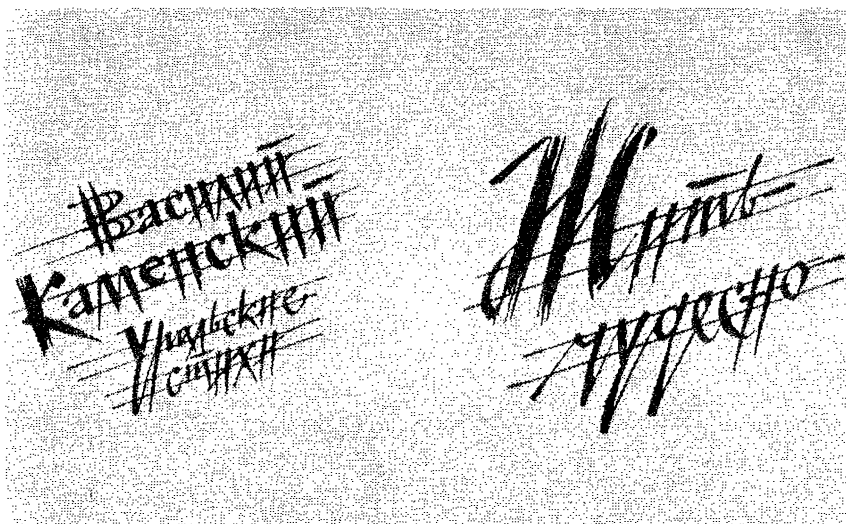
абрис, его дух и психологию, графика (и того больше) должна по-своему формировать этот облик. Что ж, книги «Современника» выделяются на полках, они не задерживаются на прилавках. А лучшие книги этого издательства по-настоящему современны.

При главном художнике Вагине в «Современнике» вышел в свет ряд книг, оформление которых стало заметным событием в нашей графике. Среди них рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека», оформленный Борисом Алимовым; сборник стихов Леонида Мартынова «Гиперболы» с рисунками Виктора Комарова и Валерия Толстоногова; поэма Гоголя «Мертвые души», проиллюстрированная Сергеем Алимовым; «Задонщина» с рисунками Алексея Шмаринова; поэмы Александра Твардовского с иллюстрациями Ивана Бруни; «Суд памяти» Егора Исаева, оформленный Дмитрием Бисти; сказы Павла Бажова с рисунками Бориса Диодорова; книга «Вся власть Советам!», нарисованная Александром Рюминым; серия миниатюрных изданий русской классики, оформленная Борисом Лавровым... Впрочем, список этот можно было бы и продолжить.

Нелегко писать о художнике-графике — слишком специфичен сам предмет, еще сложнее проанализировать «стиль», «почерк», «поиски» главного художника целого издательства. Порой «выбывание» лучшей бумаги или «пробивание» качественной полиграфии значит для будущей книги не меньше, чем мастерство того или иного художника. Плохое исполнение, некачественная печать могут погубить все... Нужно быть незаурядным администратором, чтобы нести на себе (вот уже тринадцать лет) эту тяжелую ответственность. Вагину чужды эгоизм и зависть. Он рад успеху своего коллеги, и художники эту искренность чувствуют. К Вагину идут. Творческая «палитра» его «Современника» весьма широка, поиски общей выразительности книжной продукции при Вагине стали нормой. В своей художественной стратегии Вагин находит полную поддержку руководства издательства.

Его рабочая манера — коллегиальность и открытость. Молодой художник встретит здесь интерес и понимание. Вагин прост в общении, терпелив и способен принять творчество самых разных и непохожих мастеров книжной графики.

В Перми Вагин, по существу, открыл знаменитую ныне серию малоформатных изданий. В Москве он блеснул сразу целой облоймой плодотворных издательских идей. С его легкой руки, например, увидела свет такая популярная серия, как «Библиотека поэзии России». Кроме чувства текста, у Вагина еще есть чувство человека и чувство времени, без которого ему было бы трудно на столь важном посту, на перекрестке индустрии и искусства, самолюбий и судеб. Недавно В. Вагину было присвоено звание «Заслуженный художник РСФСР».

Элементы оформления миниатюрного издания «Уральских стихов»
Василия Каменского

«Наша отечественная советская графика,— говорит Владимир Вагин,— на мой взгляд, по-прежнему удерживает ведущее положение в мире. Если западная книга зачастую пока и превосходит наши издания качеством полиграфии, то ей далеко до нас по тому духовному весу, по блеску и глубине графического замысла и исполнения, который налицо в работах наших лучших мастеров книги. Русская культура всегда была глубоко книжной в своей духовной основе. Многотысячные тиражи были привычны даже в начале века. Облик отечественной книги был всегда отражением духовного состояния общества, а художник — первым определял общественное отношение к произведению. Потому так важна его роль. Любовный культ печатной страницы по-прежнему делает нашу книгу уникальным и неповторимым явлением мировой культуры...»

С детского уважения к Книге начался долгий путь в искусство и самого Владимира Вагина. Было это в далеком военном детстве, на станции Котлас Архангельской области. И самой первой, поразившей воображение мальчика, стала книга русских народных сказок, где волшебник Юрий Васнецов нарисовал западающие в детские души картинки: зайчишку и лису, медведя с суковатой дубинкой, солнышко-каравай, сороку-воровку в пуховом платочке, избушку зверей под снежным одеялом на крыше, с ленивым дымком из трубы. Мы все их помним.

Эту книжку принес в дом отец — инженер-строитель. С нее-то и началось смутное желание научиться так рисовать и самому. А рисовал он в те годы в детском саду, как и все дети, только войну, только невиданные никогда танки и истребители, которые все рисовывали с неуклюжих рисунков из солдатских писем...

Поразителен, многообразен, сложен и прекрасен трудный и победный путь книги.

А. А. СИДОРОВ

Если вам удалось найти какие-либо действительно интересные и редкие издания, у вас не может не появиться желания показать их и рассказать о них другим. Иначе вы не настоящий книголюб, не настоящий «болельщик» книги.

Н. П. СМЕРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

ЭКСКУРСИЯ В НЕОБЫЧНЫЙ МУЗЕЙ

В апреле 1983 года в Москве, в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина открылся Музей книги.

Зал, в котором развернута экспозиция, был спроектирован для выставок отдела редких книг в период строительства нового здания библиотеки (1928—1940 годы, архитекторы В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейх). Интерьер его оставлен без изменений: массивные, удобные для обзора витрины как нельзя лучше подходят для музея.

Начало обзора. Первый экспозиционный комплекс «От свитка — к кодексу» — ряд витрин, объединенных общим замыслом.

Известная нам форма книги сложилась не сразу. Это — прописная истина, и каждый взрослый человек, наверное, может сказать, что когда-то люди писали на глиняных табличках, на шелке, на деревянных дощечках, на бересте, папирусе, пергамене. Дощечки складывались в стопу, мягкие материалы свертывались в свиток и помещались в особые круглые футляры. Это и были книги прошлого. Мы так или иначе их представляем, но вряд ли можно где-нибудь еще увидеть все это собранным вместе. А лучше, как говорится, один раз увидеть, чем сто раз услышать. Ведь за каждым из этих предметов стоит огромная культура, цивилизация, которая благодаря уже одной этой детали — иной форме книги — была совсем не похожа на нашу.

Между прочим, привычная нам форма книги в книговедении называется кодексом. Она тоже представлена в этом комплексе во всем спектре стандартных форматов, сложившихся в начале европейского книгопечатания — в одну вторую долю листа, в одну четвертую, в одну восьмую и т. д., вплоть до одной двадцать четвертой — книги карманного формата. Самая большая из представленных в витрине книг — «Всемирная хроника» Г. Шеделя, изданная в Нюрнберге в 1493 году. Кажется, не имеет предела и уменьшение формата. Так, «Басни» И. А. Крылова (СПб., 1855) имеют формат 27×18 мм, «Олимпийская клятва»

(Мюнхен, 1964)—6×6 мм. Рядом, в отдельной витрине, книга-гигант—Атлас мира XVII века. Оказывается, это не подлинник, а факсимильное издание, выполненное с уменьшением в два раза. Оригинал находится в ГДР; по своим размерам он приближается к человеческому росту.

Даже если допустить, что, сталкиваясь с этой своеобразной коллекцией, человек не узнает ничего для себя принципиально нового, с ним все же происходит нечто, что можно назвать осознанием феномена книги. А обратная сторона этого процесса—осознание себя как обитателя книжной цивилизации, цивилизации книг типа «кодекса». И где-то там, за ее границами—Ассирия, Вавилон, Египет, Персия, Древний Китай и Древняя Япония, Древняя Русь—иные культуры, иные книги.

Но и в рамках кодекса, в рамках собственно книги в наше время возникают порой весьма необычные формы. Уже в следующей витрине мы видим, как меняются сегодня книжные форматы, пропорции и даже конструкция книги. Вот—двухблочная переплетная конструкция—фактически две книги, объединенные в одну; вот—книги с добавлениями, например, книга «Янтарный сказ» (Калининград, 1981) с оригинальной вставкой—герметически закрытым аквариумом с плавающим в воде янтарем. Еще одна необычная форма, существование которой стало возможным сравнительно недавно,—книга с грампластинкой. Кто знает, какие еще трансформации ждут кодекс даже в ближайшее время?

Тут же представлена и последняя для нашего времени фаза эволюции книги—микрофильмы и микрофиши, на которых с различной степенью уменьшения воспроизведены книжные страницы. По форме они не имеют ничего общего с кодексом,—это фотопластинки, фотопленки. Но, может быть, они—зародыш нового типа книжной цивилизации? Неужели наши потомки будут лишены удовольствия снять книгу с полки, держать ее в руках, листать?

Прошлое книги и ее настоящее соединяются, сталкиваются в этом разделе экспозиции, а в результате рождается безмолвный вопрос: каково будущее книги? От свитка—к кодексу... А что дальше?

Таков первый шаг осознания книги. Здесь, в этих витринах, видна масштабная историческая перспектива, которая как бы разбивает привычное, обыденное представление о книге. Сопоставительные исторические ряды помогают определить книгу «извне», очертить границы книжной культуры, обратить внимание на переходные или пограничные формы книги.

Следующим шагом проникновения в смысл книжной культуры должна стать, по замыслу авторов экспозиции, демонстрация

книги «изнутри». В витринах, которые следуют дальше, раскрывается внутренняя структура, «анатомия» книги. Каждый элемент книги прослеживается здесь в его истории и в разнообразии его вариаций.

С обыденной точки зрения (все время приходится к ней апеллировать, поскольку именно с ней взаимодействует музейная экспозиция) книга устроена несложно: стопка страниц с текстом, обложка, иногда — иллюстрации. Но оказывается, что элементы книги этим далеко не исчерпываются: существуют еще суперобложка, форзац, титул, контртитул, авантитул, дублора, обрез, фронтиспис... Однако и в этом нет ничего неожиданного, мы просто не умеем видеть то, с чем сталкиваемся ежедневно.

Существует множество видов типографской бумаги, и далеко не безразлично, на какой именно бумаге печатается та или иная книга; это определяет не только полиграфическую технологию, но во многом облик, образ книги. Японская, веленевая, бибельдрук, бристольская, офсетная — вот лишь небольшая часть существующих видов бумаги, представленных в витрине «От папируса к синтетическим материалам». Здесь есть и диковинки: книга «Новеллы» М. Сервантеса (Барселона, 1933), в которой вместо бумаги использованы тонкие листы пробки (книга издана с целью рекламы пробки); несколько номеров дореволюционной русской газеты «Новости», напечатанных на атласной ткани; детские книжки, в которых бумага заменена полихлорвиниловой пленкой, — они прочны, не мнутся, их можно мыть.

Современный человек видит в жизни миллионы книжных переплетов, но здесь, в экспозиции, подобраны такие, о существовании которых он, может быть, даже не подозревал. Кожа, бархат, медь, вставки из слюды, из драгоценных камней, застежки, пряжки... Есть переплет с клапаном, переплет с завязкой, переплет с цепью, книга-мешок. Не меньшее впечатление производит и коллекция книжных обзоров — золотые, золотые с тиснением, с рисунком по трафарету — оказывается, это тоже особое искусство.

Невольно проникаешься пафосом создателей этого богатого книжного убранства: поистине, надо относиться к книге как к драгоценности, чтобы облекать ее в такие одежды.

Но неверно было бы полагать, что богатство убранства книги равносильно ее совершенству. Оказывается, например, что рукописные и первые печатные книги — инкунабулы — не имели титульного листа. Он был придуман не сразу; форма его долго развивалась.

Конечно, по мере того, как книга приобретала массовый характер, она что-то теряла. Но одновременно именно массовость приводила и к совершенствованию книгопечатания, заставляла

изобретать новые элементы конструкции книги, расширять многообразие ее типов. Этапы развития книгопечатания представлены в экспозиции на лучших образцах книги прошлого.

Один из наиболее ярких примеров совершенствования полиграфического искусства представляет книжная иллюстрация, становление и эволюция которой можно проследить в разделе «Из истории техники иллюстрирования». Первоначально иллюстрации—книжные миниатюры—просто врисовывались от руки в книгу, отпечатанную типографским способом. Затем они печатались с отдельных гравированных досок вместе с наборным текстом. В дальнейшем иллюстрации органически входят в технику типографского дела. Параллельно развиваются различные методы изготовления гравированных досок, нанесения на них изображения; для этой цели используются разные материалы, в том числе медь и цинк. Вначале появляется высокая печать, затем глубокая и плоская. Эти способы дифференцируются: возникает ксилография, резцовая гравюра, литография, офорт, автотипия, офсетная печать...

Это—один из самых впечатляющих разделов экспозиции. Здесь собраны не только выдающиеся образцы книжной графики, но и предметы, отражающие разные технологии и различные стадии работы над иллюстрацией—доски и резцы граверов, варианты разработки одного сюжета, результаты промежуточных этапов создания книжной иллюстрации.

Один из важнейших элементов искусства книги—шрифт. Он тоже имеет свою историю. Мы иногда ощущаем неуловимую странность текста книг прошлого, но не можем понять, в чем она заключается. Оказывается—в шрифте, которым они набраны. Различные гарнитуры—стандартные наборы типографского шрифта с определенными начертаниями каждой буквы—тоже своеобразные вехи в развитии книгопечатания. Вот гарнитура В. В. Лазурского. Она воспринимается нами как классическая (мы даже не замечаем особенностей этого шрифта)—в этом ее сила, совершенство. Рядом—гарнитура «Нева», созданная П. М. Кузаныном в 1970 году. Этот шрифт красив, пропорционален, в нем есть что-то парадное, но именно поэтому он подойдет не для всякого издания. В той же витрине можно познакомиться с процессом создания шрифта для фотонабора—последним словом типографской наборной техники. Завершается эта тема витриной с примерами необычного использования шрифта—книгами, в которых художник как бы играет со шрифтом, варьирует шрифты, заставляет буквы прыгать, танцевать по странице, пускает строки зигзагами и, наконец, рисует шрифтом, текстом причудливые картинки, своеобразные иллюстрации к написанному.

Следует отметить, что эти и другие диковинки — причудливые, необычные экспонаты — всюду выступают в тесной связи с содержанием, с той мыслью, которую авторы экспозиции проводят в ней в целом и в отдельных ее частях. Музей книги не стал книжной кунсткамерой: хотя оригинальных экспонатов здесь немало, — каждому отведена определенная роль, каждый оттеняет, подчеркивает какую-то мысль. А в совокупности они представляют различные грани книжной культуры, служат вехами развития книжной цивилизации.

Посетитель Музея книги совершает путешествие в область, казалось бы, знакомую ему как нельзя лучше. Но в ходе этого путешествия он вдруг сталкивается с поразительным явлением: экспозиция музея как будто разбивает сложившееся, привычное представление о книге. В самом деле, а что же такое книга? Этот вопрос неизбежно возникает у всякого, кто дошел примерно до середины экспозиции. Можно сказать, что вопрос этот — кульминация восприятия экспозиции; он стоит за всеми конкретными вопросами, задаваемыми экскурсоводу или самим себе людьми, пришедшими в музей.

И здесь же, в экспозиции музея, понятие «книга», которое приобрело вдруг такое острое, проблемное звучание, постепенно возвращается, но уже совсем иным — не обыденным, существующим где-то на периферии сознания, а новым, обогащенным, многоплановым.

В тот момент, когда осознание феномена книги приобретает эти черты целостности и многоплановости, экспозиция как бы подхватывает этот поворот в восприятии посетителя. Уже созревшее в нем ожидание разнообразия книги подкрепляется следующим разделом экспозиции — здесь представлены замечательные образцы книги разных времен и народов, лучшие советские издания, получившие награды и премии на отечественных и международных конкурсах искусства книги. Они как бы вобрали в себя многовековой опыт книгопечатания, и в то же время каждое из них является заявкой на какую-то новацию, содержит находки, обогащающие, продвигающие вперед полиграфическое искусство.

Показать современную полиграфию как огромную промышленную отрасль небольшому музею не под силу. Авторы экспозиции и не ставили перед собой такой задачи. Однако раздел «От произведения — к изданию» все же затрагивает эту сферу; он как бы указывает на нее, но опосредованно, через деятельность издательства. Раздел решен предельно конкретно: лаконичными, чисто музейными средствами здесь удается показать тот путь, который проходит книга с момента ее написания до выхода в свет. Это делается на примере сборника повестей «Белый

пароход» Ч. Айтматова (М., 1980), книги «Сказки и легенды Португалии» (М., 1980) и второго («восточного») тома «Библиотеки мировой литературы для детей» (М., 1982). Авторская рукопись, машинописная рукопись, редакторская правка, рецензия, разметка художественного и технического редакторов в оригинале, «техническая спецификация», содержащая указания для типографии, гранки, спецификация верстки, макет верстки, верстка — вот та приблизительная схема, которая определяет путь рукописи до издания. За этими рядами материалов, разложенных в музейной витрине, стоит труд десятков людей, работа издательств и полиграфических комбинатов. Здесь можно увидеть реальность, скрытую за словами «написать», «напечатать», «издать» книгу.

И вот, после того как мы познакомились с различными поворотами и перипетиями истории книжного дела, после встречи с прошлым книги и размышлений о ее будущем, после столкновения с книжными раритетами и оригинальными изданиями, знакомства с жемчужинами книжного фонда ГБЛ и с процессом их создания, мы, наконец, попадаем как бы на твердую почву, оказываемся в самом сердце привычного, хорошо знакомого нам мира книги. Все, что мы видим дальше, — это книги, только книги — старые и новые, большие и маленькие, иллюстрированные и неиллюстрированные, книги самого различного содержания — художественные, научные, справочные. Но это не просто книжный калейдоскоп. Все книги сгруппированы здесь по определенным принципам; каждая витрина представляет своеобразную коллекцию.

Вот раздел, посвященный издательской истории одного произведения — поэмы А. Блока «Двенадцать». Здесь собраны самые разнообразные издания этого произведения — начиная с наиболее ранних и вплоть до самых последних. Среди них — и скромные издания, в мягких обложках, без иллюстраций, и богато иллюстрированные подарочные издания; много переводных, вышедших за рубежом. Поэма А. Блока входила также и в различные серии: «Дешевая библиотека классиков», «Народная библиотека», «Школьная библиотека», «Библиотека всемирной литературы». И всюду она находила своего читателя.

Этот раздел является границей и одновременно связующим звеном между двумя частями экспозиции музея. Если до сих пор книга рассматривалась преимущественно как предмет материальной культуры, то вся последующая экспозиция посвящена книге как носителю идей, содержания, как воплощению мысли, духовных ценностей.

Далее следует целый ряд витрин, где собрана коллекция первых изданий выдающихся произведений мировой литерату-

ры. Здесь можно увидеть редчайшие экземпляры первых изданий ряда произведений Радищева, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Чехова, Горького, Маяковского и многих других авторов, хорошо знакомых нам по современным изданиям, тиражи которых исчисляются уже миллионами экземпляров. Многие из этих книг имеют автограф автора. Здесь же — первые или ранние издания произведений классиков зарубежной литературы: Гомера, Шекспира, Мольера, Вольтера, Гёте, Шиллера, Мицкевича...

А вот — первые издания научных трудов, ставших вехами в развитии мировой науки: Аристотель, Коперник, Дж. Бруно, Ломоносов, Менделеев, Циолковский, Фарадей, Павлов, Эйнштейн, Королев — сама история отечественной и зарубежной науки смотрит на нас со страниц этих книг.

Следующий раздел посвящен общественно-политической литературе. Здесь собраны прижизненные издания социалистов-утопистов и революционных демократов. В первых русских и в советских изданиях представлен «Манифест Коммунистической партии». Отдельная витрина посвящена изданиям «Капитала» К. Маркса. В ней экспонируется ряд прижизненных изданий, в том числе первый перевод на русский язык, вышедший в 1872 году, современные. В экспозиции представлены и первые издания работ В. И. Ленина о К. Марксе.

Еще один экспозиционный комплекс содержит первые издания документов Коммунистической партии и Советского правительства.

В витрине с сочинениями В. И. Ленина мы увидим, например, первые издания двух работ — «Государство и революция» и «Очередные задачи Советской власти». Скупое оформление, отпечатанные на плохой бумаге, эти книжки несли и несут в себе огромный заряд политической мысли, определившей пути развития нашего государства.

В экспозиции музея есть зал, целиком посвященный В. И. Ленину. Здесь перед нами — В. И. Ленин-читатель. Первые Владимир Ильич посетил Румянцевскую публичную библиотеку в 1893 году. В «Книге собственноручной записи лиц, желающих заниматься в читальном зале» мы видим запись, сделанную его рукой: «№ 236, Владимир Ульянов. Помощник присяжного поверенного. Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3». В этом зале собраны книги, которые В. И. Ленин заказывал в библиотеке (многие из них — те самые экземпляры, которыми он пользовался). Виден обширный круг его чтения: книги на многих языках, по самым различным вопросам и областям знания. Здесь же — последняя книга, заказанная В. И. Лениным в библиотеке — «Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, возвращенная в библиотеку после смерти Владимира Ильича.

Отдельный мемориальный комплекс—стол и стул из Стокгольмской королевской библиотеки. Именно за этим столом работал Владимир Ильич, находясь в эмиграции. Это—дар Библиотеке имени В. И. Ленина от крупнейшей библиотеки Швеции.

А вот—подарки В. И. Ленина Румянцевской библиотеке: собрание сочинений Г. Р. Державина, собственные работы.

В этом зале представлены также постановление о присвоении имени В. И. Ленина Румянцевской публичной библиотеке в 1925 году; постановление о награждении Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина орденом Ленина в 1945 году.

* * *

Музей, каким мы его видим сегодня,—только начало. Следующая большая задача, стоящая перед сотрудниками НИО истории книги Библиотеки имени В. И. Ленина,—создание экспозиции, посвященной истории русской и советской книги. Этот раздел откроется после завершения реставрационных работ в старом здании библиотеки—в доме Пашкова—одном из самых красивых архитектурных памятников Москвы, построенном по проекту архитектора В. И. Баженова в 1784—1786 годах.

Параллельно с работой над постоянной экспозицией планируется создание ряда выставок.

Сегодня перед сотрудниками Музея книги стоит множество разнообразных задач. Ведь музей—это постоянный контакт с посетителями, экскурсии, лекции, встречи, вечера. Для того, чтобы стать подлинным центром книжной культуры, он должен быть открыт для всех категорий посетителей; здесь нужен свой язык для общения со взрослыми и иной—для общения с детьми; все формы работы с посетителями должны быть интересны и полезны как для специалистов книжного дела, так и для самой широкой аудитории.

Уже сейчас в Музее книги рождаются новые формы научно-просветительской работы, которые могут сделать всю его деятельность гибкой и многогранной. Экспозиция является прекрасной базой для семинарских занятий учащих полиграфических, книготорговых, библиотечных вузов и техникумов, для занятий в системе повышения квалификации специалистов, так или иначе связанных с книжным делом. Сотрудники музея проводят и планируют проводить в будущем вечера, циклы встреч с авторами, с художниками книги, с представителями издательств. Темы для этих мероприятий искать не приходится: мир книги служит поистине неисчерпаемым источником организации самых разнообразных дискуссий, вечеров, клубов по интересам.

Каждый день приносит множество вопросов, проблем, нахо-

док. И это закономерно, потому что экспозиция музея построена проблемно, остро, и тот живой интерес, который она вызывает,— лучшая награда для ее создателей.

Деятельность Музея книги только начинается, и рано еще подводить итоги. Но одно несомненно: здесь зародилось живое, нужное дело, имеющее отношение в равной мере и к тем, кто пишет книги, и к тем, кто участвует в их создании, и к тем, кто их читает, иными словами — ко всем нам, причастным к современной книжной цивилизации.

Григорий Зобин

* * *

Как свиток разворачивался встарь,
Так заново открылся мне словарь.

И по складам осваиваю я
Грамматику земного бытия,

Дыханье голубиной глубины,
Нежданный смысл, которого полны

Слова, и нечем сердце уберечь —
Сплетаются корнями кровь и речь.

В ГОСТЯХ У БИБЛИОФИЛА-КУЛИНАРА

Знакомясь с библиотекой мастера-повара Валентина Гавриловича Житарева, я заинтересовался первым русским изданием, посвященным проблемам кулинарии и поварского искусства. «Поваренные записки» были изданы в 1779 году типографией Московского университета, которую тогда взял на откуп знаменитый русский просветитель Новиков. Эту удивительную книгу написал Сергей Друковцев, посвятив ее Наталии Михайловне Хрущовой. Книга небольшая— всего сорок четыре страницы. Раскрывая секреты русской кухни, Друковцев предупреждает: «Повар должен уметь читать и писать, дабы он разныя до его должности принадлежащая сочинения читать, а по крайней мере то записать мог, что от другаго повара увидит или услышит; он должен при трезвости быть чистоплотен и опрятен».

Владелец библиотеки, содержащей в основном книги по кулинарии и поварскому искусству, вполне отвечает всем требованиям, которые предъявляет к повару Друковцев. Более того, он является не только непревзойденным мастером, я бы осмелился сказать—художником, но и страстным библиофилом. В его коллекции мы встречаемся и со вторым изданием XVII века, посвященным проблемам поварского искусства, но уже переводным: «Кохмейстера Андрея Христиана Криста Новая поваренная книга» переведена на русский язык артиллерии капитаном Александром Соковниным. Это более солидное издание (в нем около трехсот страниц) выпущено той же типографией.

Переводчик сопроводил издание занимательным предисловием: «Латинская пословица хотя и говорит: „Голод в кушанье есть наилучшая приправа“; однако всегда стараются сыскивать способы, чтоб как возможно вкус оною разными вещами сделать приятнейшим; а как хозяина экономическая должность обязует входить во всякую подробность домашнего знания, то наипаче всего, что до составления собственной пищи, каким образом готовить, и из чего кушанье составлять, весьма кажется знать нужно».

Валентин Гаврилович Житарев, повар-библиофил, недавно отметивший свой пятидесятилетний юбилей, трудится у плиты с 1948 года, из пятидесяти прожитых лет — тридцать пять. Стаж немалый. Он принадлежит к тому уникальному роду людей, которые никогда не останавливаются на достигнутом, никогда не почитают себя на высшей ступени мастерства. И это еще одно качество, которое говорит о нем как о настоящем художнике.

Валентин Гаврилович всегда учится. А в этом деле немалую роль играют книги. Он обладатель уникальной библиотеки. Уникально и то, что библиотека не хранится дома — нет, она находится в рабочем кабинете Валентина Гавриловича. Такой подход объясняется просто — в любой момент может понадобиться добрый совет, и книги должны быть под рукой. На полках мы находим и издания XVIII века, и более многочисленные — XIX, и уж, конечно, разнообразные издания XX века. Среди них привлекает внимание рукописная книга императорского повара, в которую он неизменно вписывал своей рукой меню каждого дня. Среди книг есть и курьезы, подобные кулинарному руководству «Вегетарианка. Я никого не ем. 365 вегетарианских меню. 1000 рецептов», изданному в Петербурге в 1906 году. В этой библиотеке мы встречаемся и с пятнадцатитомным великолепно иллюстрированным изданием «Кухни мира», предпринятым американским издательством «Тайм-лайф букс». Это подарок издательства Валентину Гавриловичу, знак признания его высоких кулинарных заслуг.

Житареву не раз приходилось защищать честь русской кухни за рубежом. И всегда созданные им произведения кулинарного искусства завоевывали восхищение гурманов. Заголовки статей в иностранных газетах звучат весьма интригующе: «Когда обед готовит Валентин, можно есть маргаритки!» Изумленный корреспондент «Вашингтон пост» пишет: «Он заставляет верить, что нельзя сказать „Не ешьте маргаритки!“ Вы поедаете его маргаритки, розы и тюльпаны. Они сделаны из овощей. Он вырезает красные розы из свеклы, желтые тюльпаны из репы и маргаритки — с белыми лепестками из сельдерея и желтой серединкой из моркови...» Описывая русские пирожки, американский корреспондент называет Валентина Гавриловича «гением кухонного искусства». Многие из иностранных гостей, увидев необычные букеты цветов в центре стола, отказались их есть, а спрашивали разрешения взять с собой по цветку в качестве сувенира. Президент американского комитета Международного общества работников искусства Вильям Смит прислал Житареву благодарственное письмо, в котором, между прочим, есть следующие строки: «Некоторые дамы взяли домой как сувениры розы, маргаритки и другие цветы, которые Вы создали из кусочков

репы и моркови. А каждый, кто присутствовал там, унес домой память о замечательном вечере, и значительная заслуга в этом принадлежит Вам!»

Жизненный путь Валентина Гавриловича отнюдь не был усыпан розами и маргаритками. Он родился в Москве, в семье, где кроме него было еще семеро детей. Трудные военные годы семья Житаревых провела в Москве. После окончания семи классов Валентин поступил в школу кулинарного ученичества, затем окончил техникум общественного питания, а в 1955 году — высшие кулинарные курсы. Валентин Гаврилович с любовью и благодарностью вспоминает своих наставников, старых русских кулинаров, сумевших передать богатейший опыт своим ученикам: Парфеньева, Лебедева, Костина, братьев Чернышовых. Именно они сумели привить молодому Житареву трудолюбие и настойчивость, высокое мастерство и скромность, любовь к книге и стремление к совершенствованию.

С 1976 года Валентин Гаврилович, несмотря на большую загруженность, является наставником молодежи, которая готовится к работе за рубежом. Эту трудную и благородную миссию Житарев осуществляет на общественных началах. Насколько успешно он это делает, можно судить по письмам его воспитанников, разбросанных ныне по всему свету. Вот, к примеру, письмо из Индии: «Очень Вас благодарю за знания, полученные под Вашим руководством! Почти все необходимое узнал я у Вас, большое спасибо за это! Действительно, существует школа Житарева, и думаю, что все, кто прошел ее, вспоминают Вас с благодарностью».

Валентин Гаврилович протестует против такого, на его взгляд, преувеличения.

— На Руси всегда любили и умели вкусно поесть,— утверждает он.— Возьмите в руки томик Державина или Вяземского. Вы, конечно, помните державинские строки из послания «Евгению. Жизнь Званская»:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол—и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь—икра, и с голубым пером
Там щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здоровый...

— Мне кажется,— продолжает Житарев,— что Державин имел в домашней библиотеке книгу Друковцева. Вспомните требования, которые тот предъявляет к повару и столу. Для меня многие рецепты старой русской кухни не утратили своей актуальности, и я часто использую их. Несомненно, что многие издания, хранящиеся в моей библиотеке, имели честь украшать книжные полки образованнейших людей начала XIX века, друзей и современников А. С. Пушкина. Недавно, перечитывая Петра Вяземского, я обнаружил интересное стихотворение— «Послание к Тургеневу с пирогом»:

...Ты, ревностный наследник Эпикуру;
Ты, уголок между почетных книг
Оставивший поварни трубадуру,
Который нам за лакомым столом
Искусство есть преподавал стихом
И, своего исполненный предмета,
Похитил лавр обжоры и поэта...

Известно, что Александр Иванович Тургенев славился своим отменным аппетитом. Конечно же, Вяземский, описывая дружеские пиры, продолжает традицию восхваления в стихах застолий, идущую от французской поэзии XVIII века. Он вспоминает французского поэта Шарля Панара, написавшего известное стихотворение «Законы стола». Именно его он называет «оставившим поварни трубадуром».

История русской кухни необозрима. Вспомните хотя бы картину Константина Маковского «Боярская свадьба». Вы обращали внимание, как богато оформлен стол? Помните слугу, несущего на подносе целого лебедя?

С Валентином Гавриловичем трудно не согласиться. Действительно, традиции русской кухни отражены не только в кулинарных пособиях, но и в лучших произведениях русской поэзии. Житарев увлеченно продолжает:

— Вы не можете себе представить, как иногда, казалось бы, незначительная кулинарная деталь раскрывает перед тобой неизведанные миры. Вам, конечно, знакомо стихотворение А. Пушкина «Вертоград моей сестры...». Вспомните эти строки:

Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

Для меня еще с юношеских лет эти строки звучали неразрешимой загадкой. Действительно, что говорят нашему современнику эти давно забытые слова: «нард, алой и киннамон»? Сталкиваясь с проблемой специй, я уже в зрелом возрасте узнал, что киннамон— это устаревшее обозначение корицы, коричнеого

дерева. Мне показалось интересным, в какой связи Пушкин упомянул корицу в столь возвышенном стихотворении. Почему, задумался я, корица, можно сказать, принадлежность кулинара, попала в стихотворение? Во многом помогла мне уникальная книга В. В. Похлебкина «Все о пряностях». С изумлением узнал, что первые упоминания о пряностях появились около пяти тысяч лет тому назад.

И все-таки для меня оставалось непонятным упоминание Пушкиным корицы. Оказывается, что корица входила в состав многих ароматических веществ, из которых готовят мирро, особую мазь, изготовлявшуюся для помазания при коронации лица и рук королей, царей, императоров. В состав этой мази входило первоначально свыше пятидесяти, а с 1853 года — тридцать пряностей. Они образуют настолько прочный, стойкий аромат, что он сохраняется десятилетиями.

Меня часто упрекают в том, что я злоупотребляю пряностями. Это особый вопрос. Изучая историю, я задумался над тем, почему в жизни наших предков столь большое место занимали пряности. Задумайтесь — в Москве конца XVI — начала XVII века килограмм черного перца стоил примерно 25 рублей (в пересчете на современные деньги), килограмм имбиря — 40 рублей, килограмм кардамона — 185 рублей, а килограмм шафрана — 600 рублей. И торговцы пряностями были самыми богатыми людьми, то есть пряности раскупались, несмотря на такие цены. Похлебкин пытается объяснить этот феномен отчасти тем, что не было холодильников, где можно длительное время хранить продукты, поэтому приходилось их консервировать. А для этого обязательно нужны были пряности. Согласен.

Вторая причина, по мнению Похлебкина, заключалась в том, что пища наших предков была в значительной мере более однообразной из-за того, что не существовало широкого обмена продуктами и переброски их на далекие расстояния представлялись делом нелегким. И с этим трудно не согласиться.

Но мне кажется, основная причина того, что пряности ныне «вытеснены», кроется в значительной стандартизации рецептур, в том, что приготовлением пищи занимаются фабрики и комбинаты. А на Востоке, где домашняя кухня до сих пор занимает главенствующее положение, пряности сохранили свое значение.

Особенность пряностей заключается в том, что пища, в которую они добавлены, исключает подогрев или хранение — аромат улетучивается. Блюдо необходимо съесть тут же! Вы замечали, с каким удовольствием, оказываясь в Средней Азии или на Кавказе, мы едим шашлыки или чебуреки, которые готовятся в нашем присутствии? Пряности, добавляемые в кушанья, придают им особый вкус.

Я согласен с Похлебкиным, что пряности не утратили своего значения и их славная история будет продолжаться. Мне непонятны жалобы коллег-кулинаров на то, что нет каких-то особых, «новых» продуктов. Конечно, продукты не столь уж и разнообразны — наберется не больше десяти групп. Но дело не в однообразии продуктов — нужно уметь их приготовить. Дайте мне картофель и капусту, немного пряностей, и я приготовлю не менее пяти блюд — и ни одно не будет похоже на другое. Но это дело опыта — у меня уже выработан вкус. Я знаю, сколько нужно добавить соли, сколько перца или пряностей. Это уже в крови, но приобрелось путем проб и ошибок.

Но и злоупотребление пряностями вредит организму. Тот же Друковцев пишет: «Знать должно, что пряные корни и травы, которые мы употребляем в пищу, нередко между собою разныя и противныя имеют силы и действия, и потому, одно другому противясь, делают желудку нашему великое беспокойство, иногда жар, а иногда стужу и чрез сие явные ссоры, неизлечимые болезни, и иногда и безвременную смерть нам наносят».

...Прощаясь с Валентином Гавриловичем, я обратил внимание на необычную книгу в красном переплете. «Это приветственный адрес, преподнесенный в день пятидесятилетия, — ответил он, — хотя и здесь вы можете найти несколько кулинарных рецептов».

Я раскрыл папку:

Мы, Валентин Гаврилович, без Вас,
Без Ваших перлов кулинарного искусства:
Блинов, ватрушек, пирогов, колбас,
Жульенов, нежных шашлыков, лангустов,
Бульонов, щей, солянок, рыбы в тесте,
Тушеных овощей, печеных клубней,
Едва ли удостоились бы чести
В Москве именоваться лучшей кухней...

Прощаясь, Валентин Гаврилович отметил в шутку, что в отличие от сонат, симфоний, полотен и романов, его произведения уничтожаются сразу же после их изготовления.

— И, к сожалению, это наилучшая оценка моего мастерства, — с грустью добавил он.

Людмила Букина

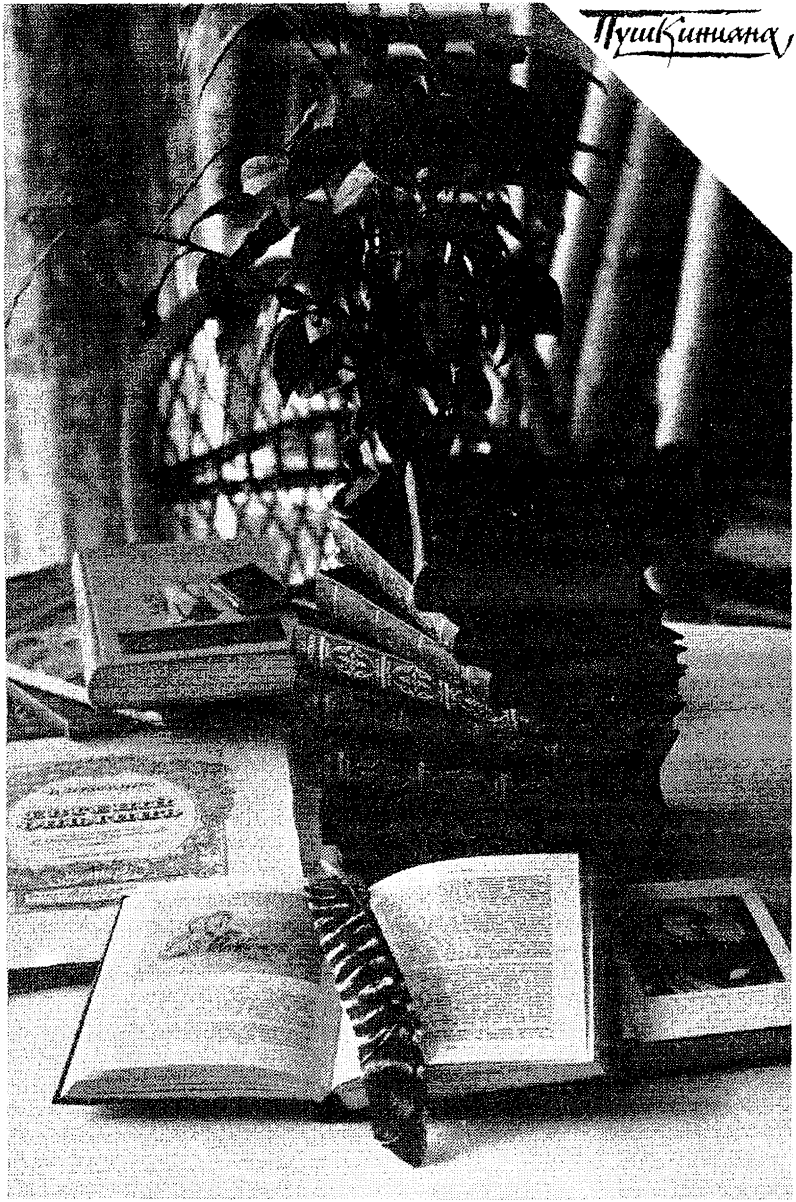
* * *

Два часа стихотворных занятий.
Два часа разговоров, объятий
С нежной Музой. Какое шитье
Окружило запястье твое!
Тоньше веточек вен кружева
Разошлись по твоим рукавам —
И кружится от них голова,
И слагаются в строки слова.

Дом чужой, Стол чужой. В окнах свет.
Фотографий истершийся след...

Только ты у меня, только ты —
В середине дневной суеты,
В окруженьи ночной пустоты.
Ты, подруга моя и сестра.
Видишь пламя ночного костра?
Освещенных деревьев размах,
Продолженье огня на устах?
Там возьмешь мою руку в свою,
Скажешь: Пой! — Я отвечу: Пою!
Спросишь: Что тебе нужно еще?
— Чтоб дыханья касалось плечо,
Чтоб запястье горячей руки
Отмечало начало строки!

Пушкитана

...Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приуготовляют будущее и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему... Писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

СОВРЕМЕННОК ПУШКИНА А. И. ЛЕВШИН
И ЕГО КНИГА «ОПИСАНИЕ КИРГИЗ-КАЗАЧЬИХ,
ИЛИ КИРГИЗ-КАЙСАЦКИХ ОРД И СТЕПЕЙ»

«Исследователю подчас прямо необходимо бывает знать, для правильности вывода, что именно читал он (Пушкин.— Ю. Г.), имел ли он в руках то или другое сочинение, в какой мере был он знаком с ним, какие места книги остановили на себе его внимание»,— писал Б. Л. Модзалевский в своей работе «Библиотека Пушкина»¹.

В Государственном музее А. С. Пушкина дубликаты книг из библиотеки поэта — предмет специального собирания, хранения и изучения. Результаты музейного изучения книги вносятся в ее паспорт. Разумеется, дубликаты не имеют помет, сделанных рукой поэта, и это ограничивает возможность раскрытия темы «Пушкин-читатель» той или иной книги. Для нас важен еще один аспект научного описания книги, связанный с историей книжной культуры XVIII—XIX веков: оформление книги, техника издательского дела, история издания и судьбы людей, к нему причастные, отклики на книгу в печати, ее бытование в России и судьба того единственного экземпляра, который попал в коллекцию музея.

В библиотеке Пушкина было около 5000 книг. Музеем собрано 1500 дубликатов этих книг. В статье речь пойдет об одной из них.

В фонды музея из Дома книги на Арбате поступил том в темно-синем кожаном переплете с золотым тиснением на передней крышке. На титульном листе его читаем: «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Сочинение Алексея Левшина, члена разных ученых обществ российских и иностранных. С.-Петербург. В типографии Карла Крайя. 1832».

Сначала об авторе этой книги.

Алексей Ираклиевич Левшин (1799—1879)—ученый, член Парижского географического общества (1827), Императорского общества сельского хозяйства Южной России (1828), Парижского Азиатского общества (1828), Королевского датского общества

Северных антиквариев, Императорского экономического общества (1840), один из организаторов Русского географического общества (1845), дипломат, государственный деятель и писатель, ровесник А. С. Пушкина, по окончании Харьковского университета с 1818 года служил в коллегии иностранных дел. Там, по мнению Л. Черейского, автора книги «Пушкин и его окружение», и произошло их знакомство. Тогда уже Левшин был автором «Писем из Малороссии» (Харьков, 1818), слыл литератором и мог привлечь внимание поэта. В 1820 году Левшин выполняет дипломатическое поручение — подготовить к добровольному вхождению в состав России казахские племена, одновременно изучает архивы киргизских дел при Оренбургской пограничной комиссии, изучает быт киргизов и казахов на местах. С 1823-го по 1826 год Левшин исполняет обязанности секретаря при М. С. Воронцове, и снова его служебный путь пересекается с пушкинским — оба служат в канцелярии М. С. Воронцова. С 1831-го по 1837 год А. И. Левшин — одесский градоначальник. Газета «Одесский вестник», инициатором издания которой был Левшин, поместила 13 февраля 1837 года некролог о Пушкине. Кончил службу Левшин членом Государственного совета, кавалером многих орденов, он был награжден медалью за работу по освобождению крестьян от крепостной зависимости (1861).

В 1868 году отмечался юбилей пятидесятилетней государственной деятельности А. И. Левшина, материалы которого содержат любопытные для нас факты его биографии. В юности, подобно многим современникам Пушкина, это был человек вольнолюбивый; он заказал себе печатку с вензелем и республиканским девизом: «Любовь сограждан — моя награда». Уже в 20-е годы А. И. Левшин владел обширной библиотекой, ею пользовались люди пушкинского окружения: В. И. Туманский, А. А. Скальковский, В. Г. Тепляков. По инициативе Левшина часть его книг перешла в фонд Одесской публичной библиотеки². Из юбилейной речи Левшина очевидно, что он знал о конфликте Пушкина с графом Воронцовым и приписывал его «влиянию лиц, успевших приобрести доверенность поэта», а самого Пушкина называл «звездой первой величины нашего литературного мира».

Действительные взаимоотношения Пушкина и Левшина неизвестны. И. П. Липранди писал, что Пушкин находил Левшина слишком серьезным прозаиком³. Однако Пушкин был одним из тех, кто подготовил публикацию извлечений из книги Левшина в журнале «Московский вестник» и «Литературной газете». В письме поэта В. И. Туманскому от февраля 1827 года приписка: «Нельзя ли чего от Левшина?» Туманский отвечал Пушкину 2 марта 1827 года: «У Левшина возьму славную для вас статью из 3-го тома его описания киргизов».

Полностью книга Левшина была напечатана в 1832 году. По сведениям Геннади, «этой книги было отпечатано 400 экземпляров и, вскоре по выходе ее,—она сделалась редкою»⁴.

Научная добросовестность Левшина, исследование им архива Азиатского департамента министерства иностранных дел в течение 1819—1820 годов, разбор архива Оренбургской Пограничной комиссии и, наконец, непрерывные сношения с 1820-го по 1822 год с населением отдаленных пограничных районов позволили ему написать сочинение, подытоживавшее, по мнению ученых-востоковедов, все научные знания по этому вопросу, накопленные к 30-м годам XIX века. Книга его и в конце XIX века считалась лучшим источником для знакомства с населением казахских степей, с его верованиями, нравами и обычаями.

К началу прошлого столетия в России не знали четкого этнического различия кочующих народностей, населяющих нынешнюю территорию Казахстана и Киргизии. Левшин впервые в печати отличил казахов от подлинных киргизов и назвал первых «киргиз-казаками», или просто «казаками». Подробнее об этом говорится в книге Л. А. Шеймана «Пушкин и киргизы».

Книга издана привлекательно: каждая ее часть предваряется гравированным титульным листом; снабжена таблицами с родословиями «киргиз-казацких» ханов, литографированными иллюстрациями с изображением народных типов, картой земель, принадлежащих «киргиз-казакам», составленной в 1831 году, нотами с записями народных мелодий.

Левшин был не только эрудированным ученым, но и одаренным литератором. Вот почему его книга читается как роман в трех частях, где часть первая—географические известия, вторая—исторические, а третья—известия этнографические о жизни трехмиллионного казахского народа.

Первая часть книги знакомила современников Пушкина с географией малоизвестного края: с его плодородной почвой, лесами и песками, которые «не только не страшны, подобно пескам Аравийским, но даже полезны для кочевого народа»; с его климатом, «замечательным по соединению в себе двух противоположностей: сильного холода зимою и чрезмерного жара летом»⁵, с бедственной для казахов зимою с ее частыми снежными метелями и буранами, истребляющими людей и стада...

Очень подробно Левшин рассказывает о караванных путях, проходивших по землям этого края и позволявших России торговать с Хивой, Бухарой, Ташкентом, Китаем.

Любопытно описание развалин древних капищ, жилищ, крепостей, сохранившихся на территории казахов к началу XIX века.

К первой части книги приложено «Географическое и истори-

ческое рассуждение о реке Яксарте, или Сырдарье, и землях к ней прилегающих», в котором изучены все упоминания об этой реке у Геродота, географов времени Александра Великого, а также последующих веков. Прекрасная карта, содержащая данные съемок, произведенных в начале XIX века квартирмейстерскими, инженерными и горными офицерами, завершает географические известия.

Для казахов, не имевших до тех пор ни своей летописи, ни других письменных памятников древности, А. И. Левшин стал первым историком, собравшим все предания и легенды об их происхождении и разделении на орды («Слово орда киргиз-казаки выражают словом юз, что в ближайшем переводе значит сто, или сотня». Примечание А. И. Левшина, ч. 2, с. 65), сведения об этом народе, имевшиеся в трудах европейских и китайских ученых и путешественников, в русских летописях XVI—XVII веков, в русской историографии.

В центре второй части книги Левшина — история сближения казахского народа с Россией, начало которому положил Иван Грозный, отправивший своего посланника Третьяка Чебукова в «Казачью орду».

Петр I, занятый важнейшими делами Европы, не выпускает из вида азиатских границ России. В 1717 году он приказал губернатору Сибири князю Гагарину не только войти в сношения с казачьими ордами, но, если можно, и помочь им в борьбе против Черена, могущественного и опасного соседа, главы Зюнгарского народа.

Первые посольства не принесли успеха России. Только в XVIII веке посольства И. Кириллова, Мурзы Тевкелева, В. Татищева способствуют добровольному вхождению в Россию Средней и Малой, или Меньшей (так называет ее Левшин) орд.

Об этих полных драматизма событиях, происходящих на фоне междоусобных распрей, работорговли, кровавой мести, произвола властей, восстаний калмыков, башкирцев, набегов соседних казахам племен, ограблений купеческих караванов, рассказывает Левшин, включая подробные родословные казахских ханов. Левшин не боится упреков в незанимательности, в скуке, излишней подробности изложения. «Без сомнения, я мог бы избежать сих упреков, приняв за правило предпочитать приятное полезному; но цель моя была иная: я желал сделать сочинение мое, сколько возможность позволяла, удовлетворительным для людей, ищущих в истории малоизвестного народа, предметов для нравственных наблюдений...»⁶

А. И. Левшин был не только историком, но и политиком. Его книга давала живой материал о современном ему управлении «киргиз-казачьими ордами» для тех, кто по обязанности службы

должен был находиться в сношении с ними. Левшин включил в свою книгу устав, разработанный генерал-губернатором Западной Сибири, известным государственным деятелем пушкинского времени М. М. Сперанским. Ф. А. Бюлер, ученый, этнограф, отмечал: «Книга его о киргизах, которая по полноте и добросовестности ее состава справедливо считается классическим и единственным в своем роде сочинением и которую <...> тщательно изучал наш знаменитый Пушкин, эта книга чрезвычайно облегчила мою поездку по ту сторону Ахтубы, во Внутреннюю орду». Надо отметить, что обаяние личности Левшина было таково, что в кочевьях «было живо воспоминание о том, как он заботливо вникал в потребности новых русских подданных...»⁷

Просвещенность А. И. Левшина, его доброта и честность, проявившиеся в общении с коренным населением, вызвали доверие к нему и позволили ему в короткое время собрать материал для третьей части своей книги, содержащей этнографические и статистические известия. Эта часть, пишет А. Левшин, «есть плод собственных моих наблюдений и замечаний, которые неоднократно сверял я с показаниями самих киргиз-казаков и с мнениями людей, наиболее знающих сей народ»⁸.

Семнадцать глав этой части рассказывают об образе жизни народа, его численности, пище, одежде, вооружении, вере и суевериях, нравах и обычаях, рукоделии и искусстве, сельском домоводстве.

Левшина привлекает физическая выносливость казахов, их ловкость, умение прекрасно ездить верхом, в котором женщины не уступают мужчинам.

«Второе место в забавах... занимает стрельба из лука. Умеющие владеть оружием сим пускают стрелы в цель, не только стоя неподвижно на земле, но на скаку с лошади и даже стоя на седле. Некоторые стреляют в бросаемые пред ними вверх шапки и кольца. Это напоминает карусели европейских рыцарей!»⁹

Среди достоинств казахов, не раз отмеченных Левшиным,—почтительность к старикам, привязанность к своей земле, врожденное чувство поэзии и музыки...

Появившаяся в момент общего интереса к Востоку книга Левшина вызвала целый поток положительных отзывов уже тогда, когда печаталась в отрывках в журналах (Вестник Европы, 1820; № 22; Северный архив, 1825, ч. 18, № 24; Московский вестник, 1827, № 16; 1828, № 3).

Два номера «Литературной газеты» Дельвига и Пушкина (1831, № 2, 6 января, с. 11—12 и № 3, 11 января, с. 19—22) открывались «Этнографическими известиями о Киргиз-Кайсаках, или Киргиз-Казачьих ордах». В примечаниях к этой публикации издатель О. М. Сомов писал: «...мы смело скажем, что у нас

редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь занимательные по своему предмету и по образу воззрения сочинителя, и притом оживленные столь хорошим, увлекающим слогом. Г. Левшин скоро напечатает свое сочинение вполне, это будет новый и богатый вклад, приносимый русским ученым в общее европейское хранилище сведений об Азии. Нет сомнения, что книга г. Левшина будет немедленно переведена на иностранные языки и что в других краях Европы ученые отдадут его труду полную и заслуженную справедливость». Действительно, книга А. И. Левшина была впоследствии переведена на французский язык, издана в Париже в 1840 году.

В полном издании книга произвела сильное впечатление на современников. Ее небольшой тираж был немедленно раскуплен. «Московский телеграф» Полевого писал: «...мало выходит на русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обогащенных таким множеством любопытных сближений и замечаний!»¹¹

В библиотеке А. С. Пушкина сохранились книги Левшина, которыми он пользовался в работе над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой»: «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» (СПб., 1832) и два экземпляра «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей». Один экземпляр был в переплете (три части в одном томе), другой — в бумажных обложках.

В «Истории Пугачева» Пушкин неоднократно ссылается на книги Левшина: «Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинною ученостию и здравой критикою». Исследуя предысторию мятежа яицких казаков, Пушкин использует «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей» Левшина. В рукописях Пушкина сохранились выписки из книги Левшина.

Отвечая историку В. Б. Броневскому, критиковавшему автора «Истории Пугачевского бунта» за «заимствования» из Левшина, Пушкин писал: «Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-ном Левшиным»¹².

На форзаце книги Левшина, хранящейся в Музее, дарственная надпись: «Любезному другу и дочери Варваре Левшиной от отца-Сочинителя». Поскольку книга вышла в 1832 году, а Варвара Алексеевна Левшина родилась в 1843 году¹³, можно полагать, что наш экземпляр книги находился в доме у автора до того момента, как он подарил его дочери.

После титульного листа в книгу вплетены два тонких почтовых листа. На одном помещены отзывы о книге Левшина двух ученых, этнографов-востоковедов Л. Мейера и В. Григорьева (выписки из опубликованных в 60-е годы XIX века работ). Оба высоко оценивают книгу, а Григорьев считает, что со временем, когда казахи будут в состоянии оценить все, сделанное для них Левшиным, сочинение его будет «главнейшим источником для истории этого народа и должно занять в уважении его такое же место, каким пользовались у греков труды Геродота и Фукидида, какое занимает у немцев Тацитова книга о Германии». На другом листе — рукописная копия письма барона Модеста Корфа. Естественно предположить, что вклейки сделаны либо самим Левшиным, либо его дочерью.

Письмо М. Корфа для нас важно. Приводим его текст: «Позвольте мне обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою по делам нашей Библиотеки. Есть у нас французский перевод прекрасного Вашего сочинения о киргизкайсаках *Ferry de Pigny, Paris, 1840*, но нет итальянского, вышедшего в том же году, в Милане, под заглавием: «*Descrizione delle orde e steppe da Kirghizi-Kozaki*». Нет ли у Вас лишнего экземпляра, который Вы благорасположились бы уступить Библиотеке? Другой вопрос и другая просьба. Я не знаю, переведено ли упомянутое сочинение также на английский и на немецкий языки, а если переведено, то предмет этой второй моей просьбы Вы угадаете уже из предыдущей. Вместе с извинениями в нескромности стольких просьб вдруг приношу Вам и искреннее свидетельство совершенного моего почтения и преданности. Барон М. Корф. 4 апреля».

Модест Андреевич Корф (1800—1876) — лицеист пушкинского выпуска, с 1841-го по 1861 год занимал пост директора императорской Публичной библиотеки, за это время он преобразовал многие ее отделы, обогатил новыми коллекциями, ускорил составление каталогов и начал собирать все напечатанное о России на церковнославянском, русском и иностранных языках. Особенно Корф лелеял иноязычную часть Россики и продолжал заведовать этим отделом даже после того, как покинул пост директора библиотеки. В 1861 году зал иноязычной Россики в императорской библиотеке стал называться «Залю барона М. А. Корфа».

Книгу Левшина в итальянском переводе Корфу, видимо, так и не удалось получить. Миланское издание отсутствует в каталоге «иностранный части Россики», изданном самим Корфом в 1873 году, за три года до смерти. В каталоге указан лишь ее французский перевод.

Письмо Корфа потребовало поисков итальянского перевода книги Левшина, однако, ни в библиографических справочниках,

ни в каталогах крупнейших советских и европейских библиотек обнаружить это издание не удалось. По-видимому, в данном случае можно говорить об ошибке Корфа — установлено, что в итальянском журнале «*Rivista europea*» были напечатаны только выдержки из книги Левшина, хотя, конечно, следует продолжать и дальнейший библиографический и архивный поиск.

...Книга — свидетель истории; путешествуя в веках, попадая в руки разных людей, она несет большую информацию: об авторе, о тех, кто был причастен к ее изданию, о культурном климате, в котором она родилась, и о времени, которое ею заинтересовалось.

Книга Левшина привела нас к окружению Пушкина, к его интересам и занятиям, оживила еще один из созвучных поэту голосов его эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. Спб., 1910, с. 9.
- ² Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963, с. 20. В этой книге наиболее полно представлен материал к биографии А. И. Левшина, который неоднократно используется в данной статье.
- ³ Русский архив, 1866, с. 1459—1491.
- ⁴ Геннадий Г. Н. Русские книжные редкости. Спб., 1872, с. 157.
- ⁵ Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей. Сочинение Алексея Левшина. Спб., 1832, ч. 1, с. 6, 9, 47.
- ⁶ Там же, с. IX.
- ⁷ На память юбилея А. И. Левшина. Спб., 1868, с. 14—15.
- ⁸ Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей, ч. 1, с. X.
- ⁹ Там же, ч. 3, с. 120.
- ¹⁰ Там же, с. 68—69.
- ¹¹ Московский телеграф, 1828, № 2, с. 544—545.
- ¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти т. М.: АН СССР, 1938, т. 9, кн. 1, с. 85, 96, 380, 450, 455.
- ¹³ Установлено по формулярному списку А. И. Левшина. Копия от 17 ноября 1879 г.—ГИМ, ф. 159.

С. Тихомирова

КНИГА О ВОЙНЕ 1812 ГОДА
ИЗ БИБЛИОТЕКИ ЛИПРАНДИ

В собрании редких книг Государственного музея А. С. Пушкина хранится книга в простом зеленом переплете, на кожаном корешке которой тисненное золотом название: «Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie en 1812», а на титульном листе орешковыми чернилами владельческая надпись: «de Liprandy». Эта книга издана в Париже в 1817 году и является переводом на французский язык шестого английского ее издания. Первое издание вышло в Лондоне в 1813 году.

Несмотря на то, что при жизни автора книга издавалась более десяти раз, она крайне редка, особенно это, парижское издание. Ее нет ни в каталогах Библиотеки имени В. И. Ленина, ни в Библиотеке иностранной литературы, ни в Библиотеке Британского музея, ни в Американском национальном каталоге, хотя в последнем указано десять других ее изданий.

Автор книги, англичанин Роберт Кер-Портер, родился, если судить по английским справочникам, в 1777 году, если по русским, — в 1781 году, в Англии, умер и похоронен в Петербурге. Он был живописцем, путешественником, писателем — именно в такой последовательности сообщает справочная литература о его занятиях. Добавим, что он был еще и дипломатом, так как последние 17 лет своей жизни находился на посту британского посла в Венесуэле. Ему, родившемуся в семье офицера, была уготована военная карьера, но рано проявившийся талант живописца по-другому определил его жизненный путь: как художник уже в юности он получил признание в Англии, а в 1804 году был приглашен Александром I в Россию, где ему была предложена должность придворного исторического живописца.

Приехав в незнакомую страну, Портер стремился понять нравы и обычаи ее обитателей, вникнуть в истоки ее культуры. Кроме исполнения официальных заказов (его кисти принадлежат портреты русских царей, полководцев, дипломатов, а лучшим считается огромное полотно, созданное для зала Адмиралтейства

«Петр I намечает план Кронштадта»), он много и с увлечением рисует для себя: виды Москвы и Петербурга, жанровые сценки, различных представителей России — солдат и крестьян, монахов и офицеров, дворян и простолюдинов. Многие из этих рисунков были изданы в 1809 году в Лондоне как иллюстративный материал к его книге «Travelling scetches in Russia and Sweden» («Дорожные зарисовки о путешествии по России и Швеции»). Портер влюбляется в княжну Марию Федоровну Щербатову. Любовь поначалу приносит больше горечи, чем радости: предложение его не было принято, видимо, потому, что Портер не был дворянином (только в 1813 году он получил дворянство). Он уезжает в Англию, затем путешествует по Испании и Португалии, а когда в 1811 году снова приезжает в Россию, то получает согласие на брак. Во всяком случае, позднее в одном из писем он вспоминает годы счастья, проведенные в России, в лоне, как он выразился, дорогой семьи. 7 февраля 1812 года Портер венчается со Щербатовой, а через полгода начинается Отечественная война, свидетелем которой он становится.

Вращаясь в дипломатических и светских кругах, слыша рассказы очевидцев, он оказывается в центре событий. Судя по более поздним воспоминаниям Мариной, родственницы его жены, Мария Федоровна тоже «была современницей Отечественной войны, пережившей в Москве все ее ужасы (пожар, Бородинский бой и т. д.) и послужившей родине достоянием своим»¹. Увлеченный общим подъемом, на основании увиденного и услышанного, Портер пишет книгу «Повествование о русской кампании 1812 года», которая в 1813 году дважды выходит в Лондоне, в 1814-м — еще шесть раз, в 1815-м — в Лейпциге, в 1817-м — в Париже.

Владелец одного из экземпляров этого последнего издания Иван Петрович Липранди (1790—1880), участник и историк Отечественной войны 1812 года, был страстным библиофилом². Пушкин, познакомившийся с Липранди в 1820 году в Кишиневе, отмечал в нем «ученость истинную с отличными достоинствами военного человека»³ и, по воспоминаниям современников и самого Липранди, пользовался книгами из его библиотеки. На книге Липранди много помет. И возникло первое предположение: не брал ли Пушкин в числе других и эту книгу у Липранди, а пометы на ней — не его ли, пушкинские? Ведь Липранди, будучи в 1817 году в составе русского корпуса М. С. Воронцова во Франции, вполне мог ее там приобрести, а затем привезти с собой в Кишинев. Но тщательное исследование биографии и библиофильских интересов Липранди вынудило отбросить это очень заманчивое предположение.

Во-первых, сам Липранди в «Заметках на статью П. И. Бар-

тенева „Пушкин в южной России“» писал: «Не знаю, какие книги Александр Сергеевич брал у помянутых <Инзов, Орлов, Пущин> лиц в Кишиневе, но у меня не было никаких других, кроме тех, которые говорили о крае с самой глубокой древности»⁴. Известно, что у Липранди была редчайшая коллекция книг о Турции, о которой уже в 1830-е годы знали не только в России, но и в Европе; английские и французские книгопродавцы предлагали за нее большие суммы, но Липранди «не желал, чтобы собрание это, стоявшее постоянных, в продолжение 35 лет, трудов... вышло бы из отечества...»⁵

Во-вторых, и это главное, удалось установить, что пометы на книге сделаны самим Липранди. По словам известного историка Е. В. Тарле, Липранди был автором «замечательной критики военной литературы, с анализом которого очень считались всегда специалисты»⁶. В 1812 году он, будучи оберквартирмейстером при штабе 6-го корпуса, «осуществлял связь с Главным штабом», знал и видел многое, что было недоступно большинству участников войны. Кроме того, он всю жизнь вел дневник. Поэтому понятно, что все, выходявшее в свет о войне 1812 года, просматривалось им с ревнивой тщательностью, в каждой работе он искал и чаще всего находил ошибки или неточности. До конца жизни он работал над материалами об Отечественной войне 1812 года. В письме к А. Ф. Вельтману, с которым И. П. Липранди познакомился, как и с Пушкиным, в Кишиневе, 19 января 1868 года писал: «...выдалась совершенно бессонная ночь — а я давно уже лежу, от морозов окруженный кипами книг и газет... я люблю копаться, и если не окончу с своими средствами труда (сборник о войне 1812 года.— С. Т.), то завещаю сделанное в библиотеку „Чтений“⁷ — я перебрал уже до трех тыс. книг... журналов и газет, но, вероятно, предстоит перебрать еще в десять раз более, иногда перелистываешь целые сутки и ничего не находишь, а все надо самому пересмотреть и убедиться»⁸. И через 8 месяцев ему же: «...просматриваю свои заметки, собранные из дневника... Почти все соединил с печатных на всех языках книгах о войне 1812...»⁹ Иностранные источники Липранди прочитывал особенно внимательно. В предисловии к своей книге «50-летие Бородинской битвы» (М., 1867) он писал: «...повествования иноземцев побудили меня делать из них выписки по предметам, входящим в описание сего события, и сравнивать их между собою, что постоянно и продолжал по мере появления новых материалов»¹⁰. И действительно, мы находим в вышеназванной книге на страницах 50, 70, 71, 77, 103, 133 выписки из книги Кер-Портгера. Когда же мы обратились к самой книге Портгера, то обнаружили, что цитируемые места отчеркнуты в ней красным карандашом. То же самое мы увидели, когда

ознакомились с другими работами Липранди. Причем интересно отметить, что в книге Портера 420 страниц и только на 18-ти — отчеркивания: в главах, описывающих Бородинскую битву, пожар Москвы и отступление французской армии. Глава о Бородинской битве буквально вся исчерчена красным и черным карандашами. А. Г. Тартаковский в своей книге «1812 год и русская мемуаристика» (М., 1980), давая характеристику историко-критическим трудам Липранди, пишет, что они «посвящены главным образом двум наиболее впечатляющим событиям 1812 года, которые на протяжении всей жизни Липранди неизменно находились в центре его мемуарных интересов,— Бородинское сражение и оставление Москвы с последовавшим пожаром русской столицы»¹¹. Таким образом, становится понятной избирательность маргиналий на книге Портера, причем их можно распределить по трем типам: пометы, сделанные красным и черным карандашами, жирными линиями,— на страницах глав о Бородине и пожаре Москвы,— и черные, тонкие пометы на страницах, посвященных отступлению французской армии. Очевидно, работа над книгой велась в три периода. К более раннему следует отнести последние маргиналии, так как отчеркнутые места цитируются в ранней работе Липранди «Не голод и мороз были причиной гибели наполеоновских полчищ». В ней Липранди опровергает распространённое суждение о причинах гибели французской армии «собственными показаниями французских и других иностранных писателей»¹².

Второй тип маргиналий — пометы, сделанные жирным черным карандашом,— соответствует работе Липранди над статьей о Москве и московском пожаре, которую он послал Вельтману в октябре 1864 года¹³ и которая, по-видимому, не была напечатана. В этой главе Липранди отчеркнул на страницах 183—187 те места в рассказе Портера, где говорится о мужестве русских, отказавшихся даже под угрозой смерти выдать организаторов пожара и присягнуть Наполеону. Портера, а вместе с ним и Липранди, поражает и восхищает героизм москвичей, в то время как французские издатели в комментарии этих сцен, ссылаясь на французских историков, видевших в сожжении древней столицы лишь акт жестокости и варварства, пишут: «...историки такие, как Портер, благосклонные к России, выражали свой восторг высоким актом самопожертвования, который видели в сожжении Москвы...»¹⁴ Липранди в указанном письме к Вельтману писал, что своей статьей дает ответ Европе за обвинение русских в варварстве.

И наконец, третий тип маргиналий — маргиналии, сделанные красным карандашом в главе о Бородинском сражении. Эта глава, по-видимому, просматривалась Липранди дважды, так как

кроме многочисленных красных отчеркиваний, встречаются и черные, сделанные тоже жирным карандашом. Здесь Липранди особенно пристрастен: текст буквально весь исчерчен его рукой. Он с гневом отмечает, а затем цитирует, во-первых, явные ошибки Портера, а во-вторых, слишком, по его мнению, эмоциональные описания отдельных сцен битвы. Так, его, человека военного и точного, возмущают приблизительные цифры участников сражения, убитых и раненых, количество пушек с обеих сторон. Непримирился он к фактическим ошибкам. Отмеченные на странице 154 строки Портера: «Невозможно описать неистовство этого момента битвы. На гром тысяч пушек русские отвечали таким же числом залпов. Тучи дыма скрыли солнце, и солдатам ничего не оставалось, как продолжать свои смертоносные действия при свете только вспышек ружейных выстрелов»,— Липранди цитирует дважды: в «50-летию Бородинской битвы» и в работе 1869 года «Война 1812 г. Замечание на книгу „История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам“», соч. Г. Богдановича». В последней, на странице 34, Липранди комментирует: «Относительно же картины битвы, то изображенная здесь (у Богдановича.— С. Т.) должна уступить красноречивости воображения о сем Кер-Портера (с. 154)... не видевшего оного». А строки, описывающие ранение графа Воронцова во время сражения (с. 156), не только отчеркнуты красным карандашом, но помечены еще и особым знаком. Богданович, как и Кер-Портер, пишет, что Воронцов был ранен штыком, в то время как на самом деле он был ранен пулей в бедро. И Липранди в своих «Замечаниях» восклицает: «Уж не из сказки ли Кер-Портера или кто другой подшутил?.. Из иноземцев, сколько мне известно, только один Кер-Портер говорит о такой ране» (с. 30).

Липранди и на третьем этапе работы над книгой называет Кер-Портера в числе лиц, «берущихся описывать частности невиденных ими сражений. Не только что Вальтер Скотт, Кер-Портер, Тьер и им подобные, вовсе не знакомые с громом орудий, но даже граф Сегюр и барон Фен, сопровождавшие Наполеона в 1812 г., не чуждые военного искусства, впадали в большие промахи, когда вдавались в описание частных битв, хотя и имели всю возможность слышать о подробностях оных в тот же день. Как историкам, получившим общую известность, им не следовало бы вдаваться в описание битв и их многочисленных и многосложных моментов, что может сделать только участник в оных. Может быть, он пишет виденное не так красноречиво, как знаменитые историки, но понятно, в особенности для тех, кому подобает знать это»¹⁵. Это мнение Липранди о том, кто имеет право писать историю, вполне согласуется с точкой зрения

французских издателей Портера, давших в предисловии следующую характеристику книге:

«Английский автор описывает в книге события, о которых официальные бюллетени едва упоминали, а многие факты не упоминались ни в этих бюллетенях, ни в книгах, написанных во Франции... Таково неоспоримое преимущество этой книги, но не следует скрывать, что автор... повсюду проявляет свою благосклонность к нации, которая только что заключила мир... При переводе устранены многие выражения, продиктованные скорее всего пристрастием, которого историк не должен никогда слушаться»¹⁶. Обе стороны, и читатель и издатель, думается, не правы, так как Портер не был историком в точном смысле этого слова, он описывал войну 1812 года скорее как человек, полюбивший страну, чем как историк. Он хотел познакомить своих соотечественников в Англии с тем, что увидел, услышал, прочитал о войне 1812 года, определившей во многом судьбы европейских стран. И кстати, Портер назвал свою книгу — «A narrative of the campaign in Russia», что переводится как «Повествование о русской кампании», или «Рассказ», а по-французски слово «histoire» означает и «рассказ» и «история». А так как книга рассказывает об историческом событии и ее название начинается со слова «histoire», то вполне естественно оно воспринимается в значении «история». Может быть, поэтому Липранди столь серьезно отнесся к ней, поставив в один ряд с действительно историческими трудами Сегюра и Тьера, и столь резко раскритиковал. Как бы то ни было, книга дает возможность наглядно увидеть отношение Липранди к войне 1812 года, а это важно, так как именно его рассказы о войне очень любил слушать Пушкин в то время, когда бурные европейские события 20-х годов, «вулканическая атмосфера» внутри России формировали историческое мировоззрение поэта.

Книга Портера о войне 1812 года, принадлежавшая И. П. Липранди, поступила в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве в мае 1961 года из Исторической библиотеки, когда многие крупные книгохранилища страны передали ново-рожденному музею несколько тысяч редких книг, составивших ядро его книжной коллекции.

Интересно проследить путь книги из библиотеки И. П. Липранди в Государственный музей А. С. Пушкина. Известный жизнеописатель частных библиотек в России У. Иваск писал, что библиотека Липранди состояла «главным образом из книг по восточному вопросу. Около 3000 сочинений о Турции поступили в библиотеку Ген. штаба, а остальные были переданы в Императорскую Публичную библиотеку и в Московский Публичный и Румянцевский Музеи»¹⁷. Итак, библиотека Липранди распалась

на три части. Первая, основная ее часть, книги о Турции, в 1856 году поступила в Библиотеку Генерального штаба¹⁸; другая часть, пока неизвестно какая,— в Императорскую Публичную библиотеку, ныне Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; и третья часть— в Москву. Книга, о которой шла речь выше,— из этой, московской, части библиотеки Липранди. Она входила в состав коллекции книг о 1812 году; об этой коллекции сам Липранди писал А. Ф. Вельтману 23 сентября 1858 года: «Если нужны какие сочинения о 1812 году, у меня полная коллекция на всех языках»¹⁹. Эту коллекцию позднее Липранди собирался отдать в Чертковскую библиотеку, о чем сообщил тому же адресату 27 марта 1866 года: «... всю библиотеку свою о 1812 году думаю передать в Чертковскую библиотеку,— но беда в том, что на многих книгах отметки, добро бы карандашом, а есть и чернилами. По мере появления книг— я подготавливал „Пятидесятилетие“ и поэтому испестрял: всегда (sic!) до 400 книг»²⁰. Интересное свидетельство, еще раз подтверждающее, что владелец книги и ее читатель— одно лицо. Но вот что касается передачи книги в Чертковскую библиотеку, то этого почему-то не произошло, хотя казалось, что мы у цели: ведь Чертковская библиотека легла в основу книжного фонда императорского Исторического музея, переданного в 1938 году только что созданной Исторической библиотеке, из которой книга Портера и поступила в Государственный музей А. С. Пушкина. Но, во-первых, все книги Чертковской библиотеки имеют особую печать, которой на книге Портера нет. Во-вторых, попытки найти другие книги Липранди о войне 1812 года в составе Чертковской библиотеки не дали результата: ни на одной из просмотренных книг владельческой надписи Липранди не оказалось. По-видимому, данная книга случайно попала в обменный фонд Исторической библиотеки. Так называемая «коллекция книг о 1812 году», как и основная часть библиотеки о Турции, нуждается в дальнейших поисках, хотя вполне возможно, что эти книги разметало время по разным концам страны, а возможно, и мира, так как у И. П. Липранди было много родственников за границей, многие книги могли просто погибнуть, если учесть, какое бурное время выпало на их долю. Как бы то ни было, книга из библиотеки И. П. Липранди, хранящаяся ныне в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве,— это компонент той культуры, отдельные реалии которой делают осязаемым пушкинское время.

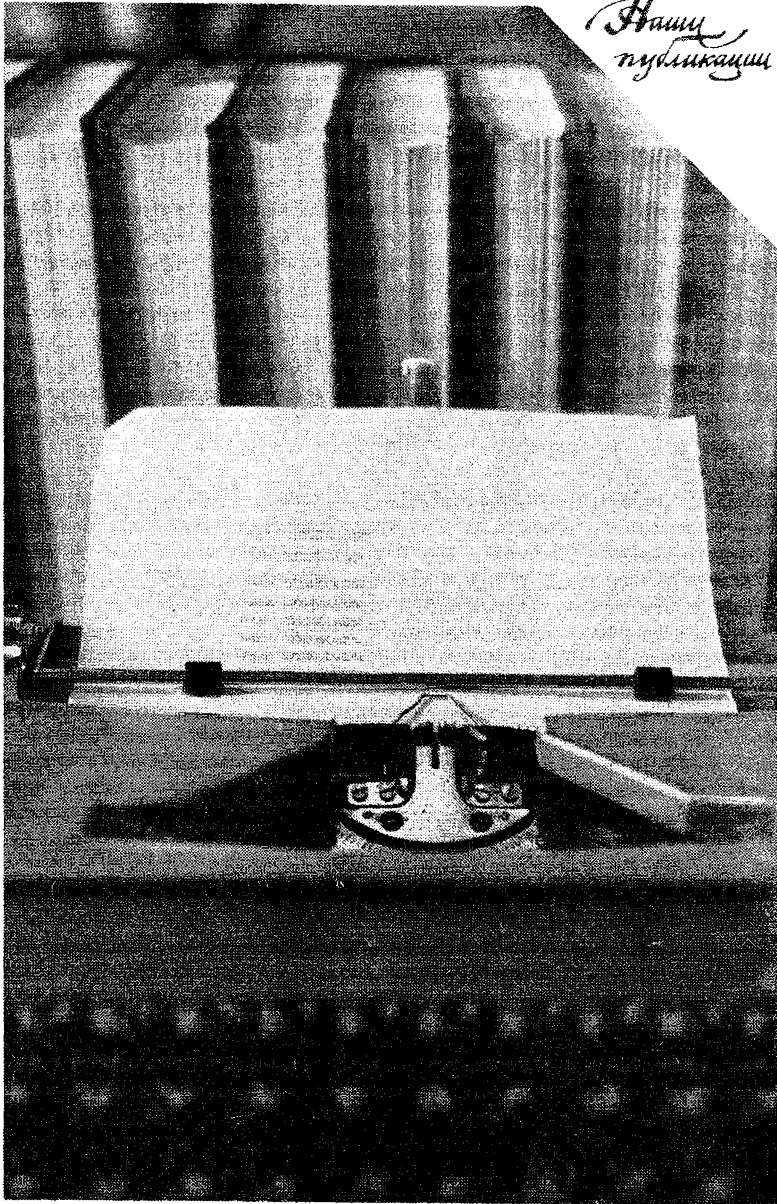
ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская старина, 1909, № 12, с. 577.

² Подробно о И. П. Липранди см.: Эйдельман Н. Я. Где и что Липранди? — В кн.: Пути в неизвестное. М., 1972, сб. 9, с. 125—158.

- ³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Л., 1949, т. 9, с. 227.
- ⁴ Русский архив, 1866, стб. 1257.
- ⁵ Записка о службе... Липранди...—ОР ГБЛ, ф. 18, № 57, л. 119.
- ⁶ Тарле Е. В. Сочинения. М., 1959, т. 8, с. 494.
- ⁷ «Чтения в Обществе истории и древностей российских» — сборники, выходившие в Москве в 1845—1848 годах.
- ⁸ ОР ГБЛ, ф. Вельтмана, п. 4, 19, л. 37 об.
- ⁹ Там же, л. 27.
- ¹⁰ Липранди И. П. 50-летие Бородинской битвы. М., 1867, с. XXV.
- ¹¹ Тартаковский А. Г. 1812 г. и русская мемуаристика. М., 1980, с. 82.
- ¹² ОР ГБЛ, ф. 18, № 57, л. 110.
- ¹³ ОР ГБЛ, ф. Вельтмана, п. 4, 17, л. 16 об.
- ¹⁴ Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie... Paris, 1817, p. 182.
- ¹⁵ Материалы для Отечественной войны 1812 г. Спб., 1867, с. 166.
- ¹⁶ Ker-Porter. Histoire de la campagne de Russie... p. I—II.
- ¹⁷ Русский библиофил, 1911, вып. 8, с. 55.
- ¹⁸ О дальнейшей судьбе см.: Апухтин О. Из библиотеки Липранди.— Литературная Россия, 1979, 13 апр.
- ¹⁹ ОР ГБЛ, ф. Вельтмана, п. 4, 18, л. 4 об.
- ²⁰ Там же.

*Наши
публикации*

...Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Как из полушек и копеек составляются рубли,
так из крупинок прочитанного составляются знания.

В. И. ДАЛЬ

Никакие провалы истории и глухие пространства
времен не в состоянии уничтожить человеческую
мысль, закрепленную в сотнях, тысячах и милли-
онах рукописей и книг.

К. И. ПАУСТОВСКИЙ

Лоренс Кларк Пауэлл

БИБЛИОФИЛЬСКИЕ НОВЕЛЛЫ

*Предисловие и перевод с английского
Виктора Ланчикова*

Лоренс Кларк Пауэлл защитил докторскую диссертацию по литературе в Дижонском университете, затем работал продавцом в книжном магазине в Лос-Анджелесе, позднее стал библиотекарем, преподавал библиотечное дело в Калифорнийском университете, там же в течение двадцати восьми лет был деканом библиотечного факультета и директором Мемориальной библиотеки Кларка. Известен как собиратель редких изданий, составитель библиографических указателей, автор статей и книг по литературе, музыке, библиотечному делу («Книжные острова», «Книги в моем багаже», «Алхимия книги» и др.). Публикуемые новеллы взяты из сборника «Поприще книжника» («Bookmans Progress»), в который вошли заметки и выступления разных лет.

МНЕ ПО ДУШЕ МАЛЫЙ ФОРМАТ

«Большая книга — большое зло», — утверждал Каллимах, этот-библиотекарь величайшего книгохранилища античности — Александрийской библиотеки, уничтоженной римлянами.

О каких книгах шла речь? О неподъемных свитках папируса, смахивающих на нынешние рулоны обоев? Может, в те времена, как и нынче, книгам придавали большие размеры, чтобы они выглядели повнушительнее? Если сегодня, сняв книги с полки, можно разложить их на журнальном столике, то как выглядели собратья этого столика в Древнем Египте или Древней Греции? Глядя на египетские пирамиды, можно себе представить тогдашний размах.

Я сам библиотекарь и потому солидарен с Каллимахом. Большие книги, действительно, большое зло. Особенно такие большие, как тот томище, который я извлек из подвала букинистической книжной лавки возле Черринг Кросс Роуд в Лондоне. Эта испанская псалтырь форматом метр на полтора весила около двадцати трех килограммов. Ноты в ней были размером с яйцо — чтобы хор мог читать их издали.

Я поразился величине книги, мысленно сравнивая ее со своим недавним приобретением — купленным в Борнмуте крошечным, с ноготок, изданием «Рубайата» Хайяма.

— Дешево отдам, — пообещал лондонский букинист. — Только вынесите ее из подвала сами.

Похоже, что псалтырь долгие годы томилась в заключении: после того, как она оказалась в подвале, лестницу заменили более узкой. С помощью желоба, по которому в подвал ссыпали уголь, мне удалось извлечь книгу на свет божий. Я приобрел ее за гроши по сравнению со стоимостью упаковки и перевозки. К тому же книга стоила мне (хотя и ненадолго) дружбы с хранителем библиотеки, которому пришлось размещать ее на полке. Чтобы перевезти эту махину, которую потом прозвали Пауэллова Прихоть, понадобился грузовик, подъемник и специальный помост.

С крохотным Хайямом у нас были трудности другого рода: он вечно терялся по шкафам.

Но если большие книги так допекают библиотекарей, в распоряжении которых все-таки имеются библиотечные полки, то владельцев частных собраний можно только пожалеть. Особенно теперь, когда книги, по милости издателей, растут, толстеют и прибавляют в весе. Впрочем, история повторяется. 27 мая 1667 года Сэмюел Пепис¹ записал в своем дневнике: «Переплетчик Ричардсон принесет мне библию Оджилби², дабы я купил ее... Однако она может оказаться чрезмерно велика, и мне не будет от нее никакого проку».

Книга, которую отверг Пепис, двести лет спустя заинтересовала Пауэлла, и он приобрел (не для себя — для своего университета!) биктоновский экземпляр этой огромной книги, изданной в эпоху Реставрации и посвященной Карлу II. Этот том в черном сафьяновом переплете с роскошной позолотой весит двенадцать килограммов. Если читатели хотят его полистать, то не книгу приносят им, а их подводят к книге.

Близится Новый год, и нам следует приготовиться к стремительному натиску подарочных изданий. Уж не американская ли гигантомания — вера в то, что качество зависит от количества — вызвала эту эпидемию слоновой болезни среди книг, от которой нам не поздоровится?

Вспомните, что произошло в автомобильной промышленности. Малогабаритные автомобили западногерманских фирм произвели там настоящую революцию — пора произвести такую же революцию и в книжном мире. Наши квартиры столь же малы для книжных громад, как наши гаражи — для огромных машин, которые миллионами сходят с конвейера.

Я решил разведать, что готовит нам праздник. Владелец одного солидного книжного магазина рассказал мне, как отражается засилье крупноформатных изданий на книжной торговле.

— Конечно,— сказал он,— мы это чувствуем на себе. Когда имеешь дело с такими изданиями, приходится вводить всякие новшества: устанавливать лифт, чтобы поднимать их из подвала, проверять выносливость служащих. Мы даже подумываем о том, чтобы заключить договор с местной мебельной фирмой—каждая такая книга будет продаваться в комплекте с подставкой или пюпитром. Нам это принесет неплохие доходы.

— Если у нас хватит сил,—добавила его жена и увела меня в отдел, где продавались книги для детей. Тут я воспрянул духом, увидев серии «Книги-малютки», «Мини-книжки Уиджета», другие очаровательные малоформатные издания.

Вечером, закрывшись в кабинете, я достал один из своих любимых альбомов размером десять на пятнадцать сантиметров и весом чуть больше двухсот граммов. Книгу я держал в одной руке, другой отщипывал от виноградной кисти ягоды и ел. Репродукции «Французских портретов из собрания Лувра» выглядели безупречно. Жевать и читать одновременно—весьма приятное занятие, если у тебя есть книга, которую можно удержать в одной руке.

«Библиотека альдин № 14»... Эта миниатюра напомнила мне об Альде Мануции из Венеции. В свое время он совершил переворот в издательском деле и вместо дорогостоящих и неуклюжих «фолио» и «кварто» начал выпускать небольшие тома «ин-октаво». Книги, напечатанные характерным курсивом его типографии, стоили дешево, поэтому они прижились по карману малоимущим студентам-бродягам и не отягощали их дорожные сумки.

Но Альду это даром не прошло. Какой-то венецианский совет, который в наше время мы назвали бы Торговой палатой, осудил его за издание книг, столь легко распространяющихся по всей Европе. Альда обвинили в отсутствии патриотизма: ведь благодаря ему иноземные варвары смогут изучать классическую литературу дома, им уже незачем будет приезжать в Италию, которая тогда считалась величайшим в мире рассадником просвещения.

Сейчас, по-моему, трудно найти более удачную малоформатную серию, чем «Инзель бюхерай». В ней издаются лучшие образцы мировой литературы. Она начала выпускаться в 1912 году лейпцигским издательством «Инзель ферлаг» и сейчас включает уже более 500 томов³. Они вполне могут составить первую космическую библиотеку—пока не создадут такие ракеты, чтобы в них мог поместиться журнальный столик.

В Англии у этой серии появился достойный последователь — серия «Пингвин», книги столь же малого формата с цветными иллюстрациями. Тематика их — искусство, наука, ремесла. В коллекции моей жены около сотни этих симпатичных книжиц. Выстроившись на полке, они занимают чуть меньше метра.

Я надеюсь, что нынешних книгопотамов погубит их собственный вес, и жду не дождусь, когда же это произойдет. Право же, держать их на полке, уложив одна на другую, ужасно неудобно. Представьте, что вам понадобилась самая нижняя книга. Но пока снимешь верхние, так умаешься, что тут уж не до книг. А если выстроить их в ряд на подвесных полках, то в один прекрасный день стены не выдержат и обрушатся на вас вместе со всем содержимым.

Конечно, я слышал и про стеллажи из кирпичей и досок. Но это не по мне. Чем меньше формат, тем больше книг собиратель может хранить и читать. Мне для работы необходимо, по крайней мере, несколько тысяч томов. А размеры моего кабинета — всего три на три метра.

Вся надежда на то, что какой-нибудь современный Альд совершит новый переворот в книжном деле и с крупным форматом — из соображений экономии и моды — будет покончено.

Более века назад в книжном мире США наблюдалось явление, которое просуществовало несколько десятилетий; имя ему — Подарочный ежегодник. Ральф Томпсон посвятил ему весьма актуальное исследование «Американские литературные ежегодники и подарочные издания, 1825—1863» (1936). Ежегодники эти дарили на рождество, а затем они весь год украшали стол в гостиной. Томпсон приводит выдержку из ежегодника на 1832 год под названием «Подарок от души», откуда видно, как принимались такие дары: «Как описать восторг Амалии при виде столь изысканного приношения? Прежде чем вынуть книгу из футляра, она расстелила на коленях чистый платок, чтобы как-нибудь ее не замарать, и отодвинулась подальше от камина, чтобы обложка не покоробилась от жара. Вслед за тем она жадно просмотрела книгу и снова начала листать ее, с вниманием разглядывая картинки. Потом она показала их младшему брату и сестренке».

Я же могу поведать о своей встрече с книгопотамом образца 1964 года. Вот как она происходила: «Как описать ужас Лоренса при виде столь омерзительного приношения? Прежде чем развернуть оберточную бумагу, он натянул рукавицы и комбинезон, чтобы как-нибудь не замараться, и подвинулся поближе к камину, чтобы поскорее избавиться от подарочка».

Мне по душе малый формат.

ТРИ НА ТРИ

Леонардо да Винчи писал, что у тесных комнат есть преимущество: они приучают к сосредоточенности. Я сам убедился в справедливости его слов. Размеры моего кабинета — три на три метра. В нем только самое необходимое: письменный стол, три стула, две лампы, радиоприемник, бюро, два стеллажа для книг и книжные полки под окном, тридцать пять картин (не слишком больших размеров) и книги (около тысячи) — обстановка вполне жилая.

Прежде, когда мы жили в каньоне, у меня был кабинет размером три на четыре. Почти по всем стенам тянулись полки и на них размещалась моя библиотека — полторы тысячи томов. Сейчас мое собрание выросло вдвое, хотя я то и дело отдаю лишнее (в нашу университетскую библиотеку) и в нынешнем кабинете хранится лишь часть моего собрания. Так мне удается обуздать свою страсть, и поэтому в кабинете находятся лишь те книги, которые, как мне кажется, я должен видеть каждый день.

Именно «видеть» — и не обязательно читать. Ибо любимое мое занятие — кроме чтения — это сидеть, устроившись поудобнее в кресле, и разглядывать корешки книг. У каждой книги — свой голос, от каждой ко мне тянется незримая нить. Стоит взглянуть на корешок — и книга наполняет мою душу своим светом. Тут же вспоминается все, что связано с этой книгой: когда и где я ее приобрел, как я впервые прочел ее, как потом перечитывал, в какие путешествия брал с собой. Для этого мне даже не надо ее раскрывать. А если книга больше не светит мне прежним светом, она мне в кабинете ни к чему: я отдаю ее или сую куда придется.

С малых лет я храню привязанность к двум книгам — к сказкам братьев Гримм и к сборнику «Садик детской поэзии». Кажется, это первые книги, которые я прочел сам. Я не беру их с собой в дорогу, но и разлучаться с ними надолго не люблю. Мои наследники сделают доброе дело, если похоронят их вместе со мной.

Я давно уже смирился со своей врожденной библиоманией и никогда не пытался от нее излечиться. Благодаря этой одержимости я приобрел много хороших друзей. Стоит ли терять минуты быстротечной жизни за картами, за шахматной доской, перед телевизором или в кинозале? Не лучше ли вместо этого сидеть в углу кабинета и с любовью озирать корешки книг, памятуя, что поутру ждет работа? А когда глаза устанут, выйти из дома, опуститься на колени и приняться пропалывать сад, пока не заболят руки.

Да, кроме людей и книг у меня есть еще одна любовь — земля. Люблю работать по саду, пилить и рубить дрова, а потом

смотреть, как они горят, вдыхать их запах. Утром или на закате люблю у окна любоваться окрестностями: на севере виднеются горы Санта-Моники, на юге — Болдуинз, а в ясный ветренный день за Колизеумом и зданием муниципалитета видны холмы Пуэнте. Напротив живет Мастер Воздушных Змеев. Работает он по ночам, днем же предается любимому занятию — мастерит и запускает змеев. Иногда над домом взмывает целая дюжина его детищ, большие и малые змеи самых разных цветов и обличий, отдавшись на волю ласкового ветра, резвятся или неподвижно висят в небе...

На третьей — последней — полке под окном, где стоят небольшие книги, совсем мало места. Если в будущем году я разживусь новыми книгами, полка будет заставлена до конца и мне придется устроить разбор — что-то передать в библиотеку, что-то пристроить на другие стеллажи. Почти всю полку занимает собрание греческой лирики и буколической поэзии. Я увлекался ими еще в университете, увлечение это не прошло и по сей день. Этим я обязан непревзойденному педагогу, поэту и переводчику С. Ф. Макинтайру. Я и сейчас с наслаждением перечитываю составленную Леббом «Антологию греческой литературы», «Греческую лиру», «Дафниса и Хлою», сборник «Буколическая поэзия».

Полкой ниже — подборка китайской поэзии в переводах Уэйли, Уоддела, Готье, Биннера, Пейна, Паунда, книга Обаты «Ли Бо»⁴. Любовь к китайской поэзии мне тоже привил Макинтайр.

Тут же моя любимая книга 90-х годов прошлого века — «Этюды серебряным карандашом» Джона Грея⁵. Это небольшой томик, изящно оформленный Чарлзом Рикеттсом. Рядом — изданный десятилетием раньше «Лист розы и лист яблони» Реннела Родда⁶. Текст в этой книге напечатан коричневым цветом на зеленоватой бумаге, а страницы переложены зеленой папиросной бумагой. Эту книгу Оскар Уайльд обессмертил в своем многокрасочном «Послании».

На полке возле моего кресла собраны книги поэта, скрывшегося под псевдонимом Питер Лам Квинс. Теперь к ним присоединилась еще одна книга — вышедший недавно сборник «Новые стихи». Судя по всему, мое собрание сочинений Квинса еще не скоро можно будет назвать полным. Долголетие поэта и его плодovitость не дают мне покоя. Ведь ни один библиотекарь не успокоится, пока на каталожной карточке рядом с именем автора не будут стоять две даты. Мало кто из авторов доставляет библиотекарям столько хлопот, сколько доставил, к примеру, первый сенатор Калифорнии, на карточке которого значится: «Коул, Корнелиус, 1822—1924».

На глаза мне попала книга в красном полотняном переплете с красной кожаной наклейкой. Это даже не книга, а ее негативная фотокопия, сделанная, как указано на штампе, 1 мая 1943 года библиотекой Йельского университета. А дорожку я ей вот почему.

В безмятежные тридцатые годы, в бытность мою в Дижоне, я как-то услышал по радио передававшийся из Парижа концерт симфонической музыки. В нем исполнялся цикл песен на слова Франсуа Мориака. Эти стихи почему-то запали мне в душу, и я долгие годы разыскивал сборник Мориака «Бури», в который они вошли. Сборник этот был издан в 1925 году частным издательством тиражом 200 экземпляров. Поиски привели меня в Йельский университет. Франсуа Мориак больше известен как романист, и «Бури» едва ли не единственная книга его стихов. Ее эпиграф — «Далекий отзвук ушедшей юности». Сейчас, достигнув пятидесятилетнего возраста, я особенно ясно понимаю, что стоит за этими словами.

Мориак описывает каменистые, поросшие соснами равнины в окрестностях Бордо, которые так напоминают пейзаж Южной Калифорнии, где летом безудержно палит солнце. Именно это сходство природы, климата я и ощутил в тот далекий день, когда женский голос, звучавший в наушниках, пел:

Le corps fait arbre

Le parfum de ta robe attire les abeilles,
Plus que les fruits mangés que ta sandale broie.
Accueillons cet élan de végétale joie,
Ce silence de la campagne où Pan sommeile.

Rêve que désormais immobile, sans âge,
Les pieds enracinés et les mains étendues,
Tu laisses s'agiter aux orageuses nues
Une chevelure odorante de feuillage.

Les guêpes voleront sur toi sans que s'émeuve
L'écorce de ta chair où la cigale chante,
Et ton sang éternel sera, comme les fleuves,
La circulation de la terre vivante.

«Превращение в дерево» — так назвал Мориак это стихотворение из двенадцати строчек. Они не поддаются переводу. Но все-таки я попытаюсь их перевести:

The fragrance of your gown lures the bees
More surely than the sandal-crushed fruit.
O greet we this surge of summer's exuberance,
This country quiet in which Pan sleeps!

And dreaming I see you ageless and transfixed,
Feet turned to roots, with arms outstretched,
All your leafy sweet-smelling hair
Tossed wildly by urgent winds.

The wasps will crawl over you
Without alarm to your skin-become-bark,
Where the grasshoppers sing,
And the river-like flow of your blood
Will nourish a world without end⁷.

Когда я читаю эти строки и вспоминаю слова Ю Шань Аня о том, что китайская поэзия — слепок с природы Китая, я убеждаюсь: писатель, подобно супругу, должен душой и телом принадлежать своей земле — иначе ни одна написанная в Лос-Анджелесе книга не переживет своего автора. Каково же супругам свершать брачные таинства на асфальтовом ложе, под окутанными смогом небесами, в которые устремлены киносъёмочные прожекторы?

Сатира на голливудские нравы и слащавые идиллии на лоне девственной природы набили всем оскомину. Дайте нам поэта, обладающего острым взглядом, широкой душой, сладкозвучным голосом. Но если долг поэта — изображать увиденное, то откуда ему лучше всего созерцать свой край? Через иллюминатор авиалайнера, который за четверть часа пересекает горы и спешит к посадочной полосе? Из последнего вагона поезда, который за какой-нибудь час проходит вдоль горных хребтов от ущелья Кахон до Лос-Анджелеса?..

Вот какие мысли приходят в голову, когда сидишь в тесном кабинете и просто-напросто смотришь на ряды книжных корешков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сэмюэл Пепис (1633—1703) — английский политический деятель времен Реставрации, секретарь Адмиралтейства. Широкою известность приобрели его дневники, которые он вел с 1650 по 1669 год.
- ² Джон Оджилби (1600—1676) — английский поэт, переводчик, типограф, автор английских переводов «Илиады» и «Одиссеи».
- ³ В настоящее время — более 700.
- ⁴ Ли Бо (Тай-бо, 701—762) — великий китайский поэт периода Тан.
- ⁵ Джон Грей (1866—1934) — английский поэт, предположительно — прототип главного героя романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».
- ⁶ Родд Джейм Реннел (1858—1941) — английский дипломат и поэт.
- ⁷ Перевод стихотворения Ф. Мориака на русский язык:

Одежд благоуханье манит пчел
Сильнее, чем пятою смятый плод.
О лето, и поток его щедрот,
И край, где Пан во сне покой обрел!

И мнится мне: года стряхнула ты,
Пустила корни, вскинув руки ввысь,
И злые ветры яростно впились
В твоих волос душистые листья.

Оса, ползущая сквозь звон цикад,
Не ранит кожу, ставшую корой,
И кровь твоя речною быстриной
Струится в мир, не знающий преград.

Альфред Андерш

«ИЗ СЕРИИ ЧЕРНОВОЙ ТЕТРАДИ»,
1965—1975

ЧТО ТАКОЕ КНИГА?

Альфред Андерш (1914—1980)—западногерманский писатель, с 1958 года жил в Швейцарии. После прихода фашизма к власти заключен в концлагерь Дахау. Отправлен на фронт, где добровольно сдался в плен. Автор нескольких романов, сборников рассказов и статей, проникнутых антифашистским, гуманистическим пафосом. В Советском Союзе широко известен его роман «Винтерспельт» (1974; в русском переводе 1978). Советскому читателю известна также переписка А. Андерша с К. Симоновым. Последняя книга А. Андерша, законченная им буквально накануне смерти,—повесть «Отец убийцы», об отце Гиммлера, директоре гимназии, где А. Андерш учился.

Книга—это предмет, состоящий из некоего количества листов обрезанной бумаги, которые соединены друг с другом определенным материалом. На этих листах нечто напечатано, а именно—буквы или картинки, или то и другое вместе. В книгах, где на листках напечатаны буквы, эти буквы обычно образуют слова. Слова же обычно не сливаются друг с другом, а разделяются промежутками. Иногда промежутки обозначаются определенными знаками. Самый главный из этих знаков—точка. С помощью точки определенные группы слов отделяют от других определенных групп слов. Содержание книги составляет определенное количество отделенных друг от друга групп слов, которые печатаются друг за другом и друг под другом обычно в горизонтальных строчках. Совокупность букв, образующих слова и отделенных от других групп слов, и есть текст книги.

И так далее. Совершенно очевидно, что дефиниции подобного рода ведут к тавтологии. Если из вышесказанного я извлеку вывод, что книга есть предмет, содержащий текст, то я скажу не многим более того, как если бы я сказал: книга это книга. Тем не менее ныне к сокровеннейшей сущности литературы причастен лишь тот, кто может избежать подобной тавтологии. При этом не имеет значения, вернешься ты снова к той или иной книге или уйдешь от нее. Остаешься на ковре или сходишь с него—это куда менее важно, чем маска, с какой остаешься или сходишь. Не годится только уютно устроиться на нем или просто сбежать. Это навеет скуку.

Перевод с немецкого Н. Тишковой

Элиас Канетти
ЗАМЕТКИ О КНИГЕ

Элиас Канетти (1905)— австрийский писатель; родился в Болгарии, учился в Швейцарии, Австрии, Германии. В 1938 году эмигрировал в Англию, где жил до конца 70-х годов; несколько лет назад вернулся в Австрию. Всемирную известность получил его роман «Ослепление» (1935)— история жизни отчужденного от мира ученого-синолога, пытающегося укрыться и отгородиться от кошмара европейской повседневности в своей огромной (25 тысяч томов) библиотеке, в которой он и кончает жизнь самоожжением. Элиас Канетти— лауреат Нобелевской премии (1982). Печатаемые здесь отрывки— первые публикации писателя на русском языке.

Бывают книги, которые хранишь у себя двадцать лет, не читая, всегда держишь поблизости, таскаешь с собой из города в город и из страны в страну, заботливо уложив в чемодан, даже если там очень мало места и, возможно, полистываешь их, распаковывая чемодан; однако тщательно остерегаешься прочитать до конца хотя бы одну фразу. Потом, через двадцать лет, наступает момент, когда внезапно, словно по высочайшему повелению, ты единым духом прочитываешь такую книгу от начала до конца, ничем другим не в силах заняться: она воздействует как откровение. Теперь ты понимаешь, почему так носился с нею. Она должна была долго храниться у тебя; путешествовать с тобой; занимать место; быть ношей. И вот теперь она достигла цели своего путешествия, теперь она раскрылась, теперь она осветила эти двадцать протекших лет, которые безмолвно прожила с тобой. Она не могла бы сказать тебе так много, не безмолвствуя она все это время, и какой идиот отважится утверждать, что написано в ней было тогда и сейчас одно и то же.

(Из книги «Заметки. 1942—1972»)

...Спустя несколько месяцев после того, как я пришел в школу, произошло нечто торжественное и волнующее, определившее всю мою дальнейшую жизнь. Отец принес мне книгу. Он увел меня одного в заднюю комнату, служившую для нас, детей, спальней, и объяснил ее мне. Это были «The Arabian Nights», «Тысяча и одна

ночь», изданная для детей. На обложке была пестрая картинка, кажется — Аладин с волшебной лампой. Отец говорил со мной подбадривающе и серьезно и сказал, что чтение ее доставляет большую радость. Одну историю он прочитал вслух и добавил: столь же прекрасны и другие истории в этой книге. Пусть я попробую их читать, а вечером рассказывать ему о прочитанном. Когда прочитаю эту книгу, он принесет мне другую. Повторять это не пришлось, — хотя я только что научился в школе читать, я сразу взялся за чудесную книгу, и каждый вечер мне было что рассказать отцу. Он выполнял свое обещание — каждую законченную книгу тут же сменяла новая, чтение ни на один день не прерывалось.

То была серия для детей, все книги одинакового квадратного формата. Они отличались друг от друга лишь цветной картинкой на обложке. Даже шрифт во всех томах был один и тот же, казалось, что читаешь одну книгу. Что это была за серия! — подобной я никогда больше не видел. Я помню все названия. После «Тысячи и одной ночи» последовали гриммовские сказки; Робинзон Крузо; путешествия Гулливера; Tales from Shakespeare; Дон Кихот; Данте; Вильгельм Телль. Удивительно, как это удалось — переработать Данте для детей. В каждой книге было много цветных картинок, но я их не любил, истории были гораздо интереснее, сомневаюсь даже, узнал бы я сейчас эти картинки. Легко было бы показать, что все, что позже составило меня, содержалось в книгах, которые я ради отца читал на седьмом году своей жизни. Среди образов, с которыми я никогда уже потом не расставался, не хватало только Одиссея.

О каждой книге, прочитав ее, я разговаривал с отцом. Иной раз я так возбуждался, что ему приходилось меня успокаивать. Но он никогда не говорил мне, как то обычно делают взрослые, что сказки — это неправда; за это я ему особенно благодарен, — может быть, я и теперь считаю их правдой. Я понимал, что Робинзон Крузо совсем другой, чем моряк Синдбад, но мне не приходило в голову считать одну историю менее значительной, чем другая. Правда, дантовский ад вызывал у меня страшные сны. Услышав, как мать сказала отцу: «Джек, тебе не следовало давать ему эту книгу, это слишком рано для него», — я испугался, что он перестанет приносить мне книги, и научился держать в секрете свои сновидения. Но отец не поддался, и после Данте мы занялись Вильгельмом Теллем. В разговоре о нем я впервые услышал слово «свобода». Не помню, что отец говорил тогда, помню только, он сказал что-то об Англии: мы потому сюда переехали, что здесь мы свободны. Я знал, что он очень любил Англию. Мать же была очень привязана к Вене. Он старался выучить как следует язык, и раз в неделю к нему приходила

учительница. Я заметил, что английские фразы он произносил иначе, чем говорил на немецком языке, который был ему привычен с юности и на котором он чаще всего разговаривал с матерью. Я слышал, как отдельные фразы он иногда повторял по нескольку раз. Он произносил их медленно, словно любуясь, он наслаждался ими, повторяя снова и снова. С нами, детьми, он теперь говорил только по-английски; испанский, который до сих пор был для меня родным языком, отступил на задний план, и я слышал его лишь от других, главным образом от старых родственников.

Он хотел, чтобы о прочитанных книгах я рассказывал ему только по-английски. Думаю, благодаря такому увлеченному чтению я достиг очень быстрых успехов. Он радовался, что я свободно рассказывал. Но то, что говорил он, имело особенное значение: каждую фразу он обдумывал, дабы избежать ошибок, и говорил так, словно читал вслух. Эти часы мне помнятся как нечто торжественное, совсем не похожие на те, когда он играл с нами в детской и без конца придумывал все новые забавы.

Последняя книга, которую я получил от него, была о Наполеоне. Написанная с позиции англичан, она изображала Наполеона страшным тираном, который хотел подчинить своей власти все страны, в особенности Англию. Когда я читал эту книгу, умер отец. С тех пор я испытываю к Наполеону неодолимую антипатию. Я отцу начал рассказывать о книге, но прочел я еще мало. Он дал мне ее вслед за «Вильгельмом Теллем», и после разговора о свободе это было для него небольшим экспериментом. Когда я вскоре очень возбужденно заговорил о Наполеоне, он сказал: «Погоди, пока слишком рано. Читай дальше. Потом все будет совсем иначе». Твердо помню, что тогда Наполеон еще не был императором. Может быть, он хотел испытать меня, может быть, хотел увидеть, устою ли я перед императорским величием. Я дочитал книгу уже после смерти отца, затем перечитывал ее, как и все книги, которые получил от него, бесчисленное количество раз. Я еще мало что знал о власти. Мое первое представление о ней порождено этой книгой, и всякий раз, услышав имя Наполеона, я связывал с ним внезапную смерть отца. Из всех жертв Наполеона самой большой и самой ужасной для меня был мой отец.

(Из книги «Спасенный язык.
История одной юности»)

Перевод с немецкого Е. Кацевой

О СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ ФАКСИМИЛЬНОЙ И МИНИАТЮРНОЙ КНИГИ

В. Ф. Кравченко

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ ЭПОХИ

ФАКСИМИЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Вызволить из плена времени уникальное рукописное или старопечатное творение, придать ему обновленный, а то и первоизданный облик, наделить его преимуществами современных «легучих» книг — эту благородную задачу призвано решать факсимилирование издания.

Первые факсимильные книги появились в начале прошлого века, т. е. еще до изобретения фотографии (1839). Так, в 1808 году в Мюнхене литографским способом была воспроизведена старейшая немецкая книга «Предостережение христианам против турок» («Mahnung wider die Türken»), отпечатанная в 1454 году в Майнце. Вслед за этим факсимиле выпускаются и другие копии инкунабул.

С изобретением фотографии и внедрением ее в полиграфическое производство интерес к факсимильным изданиям заметно возрастает. К их изготовлению (преимущественно фотолитографским способом) приступают во второй половине XIX века в Лондоне, Лейпциге, Берлине, Париже, Стокгольме, Мадриде, в других городах.

На рубеже XIX—XX веков в некоторых странах Европы создаются издательские фирмы по выпуску факсимильных книг. Масштабной по замыслу была, например, серия «*Monumenta Germaniae et Italiae Typographica*» (1892—1913). Она издавалась в Берлине и была призвана воспроизвести все старопечатные книги Германии и Италии (серия осталась незавершенной). Подобные серии выходили во Франции («*Premiers monuments de L'imprimerie en France an XV-e siècle*») и в Англии («*Early English printing*»).

В России уже в 40-е годы XIX века, т. е. вскоре после изобретения фотографии, появились первые «приложения светописи» к факсимилированию, подготовленные Археологическим обществом.

Яркий след в развитии техники факсимильного репродуцирования оставили выдающиеся фотографы своего времени — известный русский археолог, искусствовед и коллекционер П. И. Севастьянов (1811—1867) и замечательный русский полиграфист и фототехник Г. Н. Скамони (1835—1907). Их искусство воспроизведения текстовых и графических оригиналов удивляло не только соотечественников, но и искушенных зарубежных специалистов.

Среди великолепно исполненных в России факсимильных книг прошлого можно назвать: полностью скопированное так называемое Зографское глаголическое Евангелие; искусно воспроизведенные древнейшие книги по географии Птолемея и Страбона, вызвавшие восторженные отзывы у посетителей организованной в 1858 году Московским университетом выставки древних рукописей и старопечатных книг; изготовленные в 1891 году петербургскими типографами «Образцы славяно-русского книгопечатания», содержавшие свыше 120 оригиналов XV—XVI веков; осуществленное в 1904 году типографией А. С. Суворина фототипическое воспроизведение «Слова о полку Игореве», изданного в 1800 году А. И. Мусиным-Пушкиным; исполненное московскими печатниками факсимильное издание Архангельского Евангелия, подготовленное Румянцевским музеем (подлинник этого выдающегося памятника древнерусской культуры датирован 1092 годом) и др.

Из факсимильных книг первых десятилетий Советской власти следует отметить выпущенное в 1920 году издательством М. и С. Сабашниковых «Слово о полку Игореве» с предпосланной ему статьей профессора М. Н. Сперанского (оно также было скопировано с издания А. И. Мусина-Пушкина); осуществленное в 1935 году издательством «Academia» факсимильное воспроизведение радищевского издания «Путешествие из Петербурга в Москву» (с приложенным к нему томом научно-справочных сведений).

В последние годы, идя навстречу все возрастающим культурным запросам советских людей, к выпуску факсимильных книг приступают многие центральные издательства. Тематический спектр этих изданий довольно широк: от рукописной «Киевской псалтири 1397 года» (Искусство, 1978), старопечатных книг «Азбука Ивана Федорова» (Просвещение, 1974), «Букварь Кариона Истомина» (Аврора, 1976), «Юности честное зеркало» (Художественная литература, 1976) до более поздних книг «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герцена и Н. П. Огарева» (Наука, 1971), «Басни Ивана Крылова» (Художественная литература, 1978), «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок...» А. Д. Петрова (Физкультура и спорт,

1979), комплект брошюр по космонавтике К. Э. Циолковского (Машиностроение, 1979) и др.

Неослабевающий интерес к воспроизведению русских книжных сокровищ проявляют зарубежные издательства. Только за последние годы Центральный антиквариат ГДР, например, переиздал 158 томов русского журнала «Современник» (1836—1866), 6 томов «Архива братьев Тургеневых», «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, «Русские книжные редкости» Н. И. Березина, «Библиографию русских типографских шрифтов» В. Я. Адарюкова; издательства США воспроизвели 58 томов «Литературного наследия» (1931—1952), 25 томов «Русского биографического словаря», все выпуски таких продолжающихся изданий, как «Летопись журнальных статей», «Книжная летопись».

Увеличение доли факсимильных изданий на мировом книжном рынке объясняется многими причинами: совершенствованием техники репродуцирования, повышением общей читательской культуры, усилением интереса к редкой книге в коммерческих, коллекционерских и научных целях, развитием международного сотрудничества в области книгообмена и т. д.

В настоящее время в мире насчитывается несколько сотен издательских фирм, факсимильно воспроизводящих как отечественные, так и иностранные книги — рукописные, старопечатные, редкие современные.

О важности дальнейшего совершенствования в нашей стране выпуска факсимильных изданий не раз говорилось на страницах центральной печати. Так, еще в 1974 году Е. Л. Немировский в статье «„Современник“ на вашей полке» ставит вопрос о целесообразности расширения выпуска фотопереизданий, подчеркивая при этом, что «сама техника современного факсимильного репродуцирования родилась в нашей стране...». Годом позже в постановочной статье «Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела» Н. М. Сикорский и Е. Л. Немировский совершенно справедливо обращали внимание на то, что «...следует, по-видимому, разработать программу переиздания... книг, с тем, чтобы снабдить этими важными источниками научные библиотеки, специалистов по истории общества и культуры».

Учитывая назревшую необходимость в упорядочении, расширении и дальнейшем совершенствовании выпуска отечественных факсимильных изданий, Госкомиздат СССР в июне 1977 года обязал советские издательства осуществлять планирование, подготовку и выпуск этой продукции в соответствии с реальными потребностями читателей и задачами культурного строительства. В издательстве «Книга» была создана специализированная редакция миниатюрных и факсимильных изданий, на

которую был возложен системный выпуск выдающихся памятников отечественного и зарубежного книгоиздания.

Несмотря, однако, на значительный отечественный и зарубежный опыт, накопленный за более чем столетнюю историю факсимилирования изданий, вышеназванная редакция с первых шагов своей деятельности столкнулась с серьезными трудностями. Они были обусловлены и отсутствием в книговедческой науке исследований, в которых раскрывалась бы специфика факсимильных изданий, и неизученностью применяемых на практике разнообразных приемов и методов их редакторско-оформительской подготовки, и неразработанностью критериев целесообразности воспроизведения тех или иных особенностей оригинала, и ограниченными возможностями типографий, закрепленных в то время за «Книгой».

«К сожалению,—справедливо писал в 1978 году в обстоятельной статье „Специфика факсимильных изданий и особенности их редакторской подготовки“¹ В. Е. Барыкин,— в специальной литературе до сих пор почти не исследовался вопрос о специфике факсимильных изданий с книговедческой точки зрения. Пока еще не выработано научное, общеприемлемое определение самого понятия „факсимильное издание“. Нет ни одной монографии, посвященной истории факсимильной книги». И далее: «Необходимо, во-первых, разграничить понятия „факсимильное издание“ и „факсимильная книга“ и, во-вторых, найти рубеж между понятиями „факсимильное издание“ и „репринт“», поскольку они не рассматриваются советским ГОСТом „Издания. Термины и определения основных видов“. В статье своевременно затрагивались и другие вопросы: о неправомерности отождествления факсимильных и так называемых «аутентичных» изданий; о критериях определения понятия «редкая книга» и принципах отбора рукописных и печатных оригиналов для факсимильного воспроизведения; об особенностях редакторской подготовки факсимильных и репринтных изданий и др.

Пытаясь ответить на поставленные вопросы, В. Е. Барыкин высказывает немало верных суждений, но многие его выводы и определения нуждаются, на наш взгляд, в существенных уточнениях. Так, проводя грань между факсимильными и репринтными изданиями, В. Е. Барыкин берет за основу главным образом типологические особенности оригинала. Отсюда его определения: «...Факсимильными следует называть издания, которые с максимально возможной степенью подобия воспроизводят оригинал (включая все особенности бумаги и переплета) и имеют целью сохранить и сделать доступными широкому читателю редкие, уникальные или особо ценные в историческом и художественном отношении издания»; а «...репринтами следует называть изготов-

Факсимильные издания «Книги»

ляемые, как правило, с помощью фототехники, воспроизведения изданий, преимущественно научного или справочного характера, которые быстро разошлись, но не удовлетворили полностью спрос».

Но разве репринтные издания не могут «с максимальной степенью подобия воспроизвести оригинал» (тем более, если последний не представляет особой сложности для его точного воспроизведения)? Разве отдельные репринтные издания не могут быть «особо ценными в историческом и художественном отношении»? Разве, наконец, репринтно воспроизводятся лишь издания «преимущественно научного или справочного характера»?

Не найдя четкого водораздела между факсимильными и репринтными изданиями, В. Е. Барыкин не случайно (где воль-

но, а где невольно) «размывает» их грани. Он утверждает, например: «Воспроизводя редкие издания факсимильным способом, издательство обычно снабжает их справочным аппаратом (предисловие, комментарии и т. п.). Репринты же, ввиду того, что они, как правило, воспроизводят новейшие издания, справочного аппарата обычно не имеют. Однако, если репринтируется старое научное или библиографическое издание, то *может* возникнуть необходимость в пояснениях»; «Для большинства факсимильных изданий *необходима* специальная редакторская подготовка текста, как литературная, так и художественно-оформительская», однако она «*сводится к минимуму*, если оригинал не сопровождается справочным аппаратом». Или: «В сущности... *буквальность, иллюзия полной идентичности*, диктуется самим смыслом понятия факсимильности», «...однако на практике эти требования *трудновыполнимы*. Большинство факсимильных изданий печатается на нетонированной бумаге, а качество иллюстраций *не достигает уровня оригинала*» (курсив наш.— В. К.) и т. п.

Естественно, подобного рода оговорки хотя и небезосновательны, тем не менее вряд ли способны в должной мере углубить традиционно складывавшееся представление о природе факсимильных изданий. И проистекают они не столько от нежелания автора вторгаться в спорные вопросы (по названию статьи этого не скажешь), сколько от самой сложности затронутой им проблемы.

Находясь под влиянием не столь уж разработанных «точек зрения» на факсимильные издания («...нет ни одной монографии, посвященной истории факсимильной книги») и не отдавая должного качественным сдвигам в современном книжном производстве, автор, естественно, не мог не оказаться озадаченным главным — постоянно совершенствуемой научно-техническим прогрессом практикой современного книгоиздания («...однако на практике эти требования трудновыполнимы...»).

В издательстве «Книга», к примеру, были факсимильно воспроизведены брошюра «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии» Н. К. Крупской (первая печатная биография В. И. Ленина)², а также редкие библиофильские издания «Среди книг и их друзей» Д. В. Ульянинского и «Библиофилия и библиомания» М. Н. Куфаева. Если прибегнуть к определениям В. Е. Барыкина, то эти издания нельзя отнести ни к факсимильным (они не передают «всех особенностей... переплета» и не представляют ценности «в художественном отношении»), ни к репринтным (они всего меньше относятся к изданиям «научного или справочного характера», и, как в факсимильных книгах, тексты в них «с максимально возможной степенью подобия воспроизводят оригинал»). Более того, их

внешний вид (особенности оформительского решения), структурная организация факсимильно воспроизведенных элементов, способы подачи научно-справочных сведений вообще не позволяют, как это может на первый взгляд показаться, предметно уподобить их ранее вышедшим изданиям.

И тем не менее в своей сущности (как по степени передачи важнейших особенностей оригинала, так и по наглядности их выявления) они факсимильны. Но факсимильны не в том традиционном понимании, которое предопределялось многовековой моделью книги прошлого (в свою очередь обусловленной техническими возможностями ее изготовления и воспроизведения), а в том современном представлении, которое учитывает эволюцию книги, изменения ее структуры, причем учитывает в соотнесенности с быстро совершенствующейся техникой полиграфического производства.

Именно с позиций современной концепции и структуры книги³ следует, на наш взгляд, подходить к осмыслению новейшей практики выпуска факсимильных изданий, к разработке научно обоснованных критериев отбора и воссоздания подлинных ценностей книжной культуры прошлого, к определению меры соотношения факсимильно воспроизводимых элементов и привносимых текстовых и изобразительных напластований, т. е. к поиску того органичного единства старого и нового, без которого неммыслима факсимильная книга наших дней.

В издательстве «Книга» вот уже несколько лет применяется так называемый принцип «осовременивания» факсимильных изданий. В чем его смысл?

Как известно, для многих старинных книг, особенно рукописных, были характерны дорогие оклады (из слоновой кости, золота, серебра, олова с применением драгоценных камней, чеканки,ковки, литья, тиснения, черни, скани), кожаные и тканевые переплеты (с рельефной раскраской, позолотой и т. д.), что, естественно, отвечало вкусам и пристрастиям их создателей. Но остались в прошлом и эти оклады, и эти материалы, и эти вкусы. И было бы странным в век книжной индустрии возвращаться, скажем, к многотрудному, нередко филигранному, ручному переплету.

Отсюда тенденция «осовременивания» старинных книг при факсимильном их воспроизведении, т. е. такая оформительская и технологическая разработка способов (преимущественно фотомеханических) воссоздания переплетов, текстовых и иллюстрационных элементов, которая учитывала бы оптимальные возможности современного полиграфического производства.

Может создаться впечатление, что мы подменяем факсимильные издания (графически точно, как это сказано в энциклопеди-

ческом словаре «Книговедение», воспроизводящие ранее выпущенные оригинальные рукописные или печатные книги, включая все особенности бумаги и переплета) изданиями факсимильного типа, допускающими те или иные отклонения от оригинала. Но такое бытующее в книговедческой науке разграничение более чем условно и на практике зачастую ведет к нежелательным осложнениям.

Заметим, латинское *fac simile* означает «делай подобное», а не «делай точно такое же», т. е. уже в прошлом понимали, что точно воссоздать особенности рукотворной книги практически невозможно, поскольку неповторимо само индивидуальное мастерство ее создателей. Даже в том случае, когда искусно копируется один из наиболее сохранившихся оригиналов печатной книги, т. е. когда воспроизводятся — но какой ценой! — различного рода механические повреждения его (сколы, вмятины, размывки, подпалины, надрывы), то и тогда не будет оснований утверждать, что достигнуто совершенно идентичное воспроизведение ранее существовавшего (т. е. еще не тронутого временем) подлинника и тем более остальных дошедших до нас экземпляров, отличающихся, как это нетрудно себе представить, не только от первого, но и друг от друга своими неповторимыми следами времени.

Главное же, многие издатели, уверовав в то, что старинную книгу можно воспроизвести точно, задают художникам, фотографам, инженерам-технологам, полиграфистам нереальную программу, что на деле оборачивается подчас большими потерями, чем те, которые заведомо допускаются при так называемом «осовременивании» (т. е. более гибком концептуальном решении) факсимильного издания.

В силу этого представляется целесообразным говорить не о «собственно факсимильных книгах» и «изданиях факсимильного типа», а о факсимильной книге нескольких степеней (в зависимости от приближения ее к оригиналу), что позволит рассматривать ее в различных (а не в двух основных) измерениях, глубже осмысливать ее истинные и мнимые достоинства, более дифференцированно учитывать ее особенности и возможности их воспроизведения современными полиграфическими средствами.

Вообще надо подчеркнуть, что назначение факсимильных изданий не столько во внешнем «подделывании» под старину, т. е. под ее формы, сколько в глубинном раскрытии ее непреходящего исторического, культурного и художественного смысла, т. е. в выявлении ее содержания.

Именно этот принцип был взят издательством «Книга» за основу разработки концептуального решения факсимильного издания «Изборника Святослава 1073 года» — поистине уникально-

го памятника древнерусской культуры, сохранившего бесценные сведения о мировоззрении людей XI века, их нравах и быте, литературе и науке.

В «Изборнике», как отмечается во вступительной статье «От редколлегии», нашла свое отражение «культура трех восточно-славянских народов: русского, украинского и белорусского, так как он написан на древнерусском языке», являющемся «общим предком трех названных современных национальных языков»⁴.

Будучи второй по древности, после Остромирова евангелия (1056—1057), точно датированной рукописной книгой, «Изборник» стоит у истоков многих областей современного знания: истории, литературы, философии, искусствоведения и др. Реальный продукт своей эпохи и живое свидетельство ее в наши дни, «Изборник» содержит ценнейшую информацию о различных сторонах жизни Древней Руси.

По меткому определению советского исследователя древнерусской культуры Н. Н. Розова, «Изборник Святослава 1073 года» — это «первая русская энциклопедия»⁵. Его необычайно разнообразное содержание состоит как бы из двух основных пластов: из догматических положений по вопросам христианской веры, философии, этики и из сюжетов мирского характера. Оба эти пласта нередко взаимодействуют между собой.

Текст «Изборника» открывается поэтической похвалой князю Святославу Ярославичу. В ней воспеваются его личные качества, его любовь к книгам и просвещению. Похвалу отличают высокие художественные достоинства.

Сразу же после похвалы идет своего рода введение, построенное на отрывках сочинений разных авторов и излагающее наиболее важные положения христианского верования.

Основное содержание «Изборника» составляет сочинение церковного писателя VII века Анастасия Синаита, написанное в форме вопросов и ответов догматико-теоретического и христианско-практического характера. В ответах даются обстоятельные толкования греха и покаяния, исповедания и наказания, правды и лжи, добра и зла; излагаются нормы и представления по вопросам экономического и политического порядка, наподобие: «как может оставаться человек праведником, если он имеет богатства»; «по повелению ли божию творят народы зло своим соседям» и т. п.⁶ В тексте ответов содержится немало и чисто мирских сюжетов, которые даются в виде сжатых нравочучений и афоризмов типа: «В злехитру д<у>шу не влезе мудрость», «Еже бо сеет человек, то же и пожнет», «Богатство неправедне собираемо, извеется» и т. п.⁷

После вопросов-ответов Анастасия Синаита идет философский трактат, состоящий из сочинений Максима Черноризца и Федора

Раифского, в которых осмысливаются такие категории, как сущность, естество, качество, количество и др.

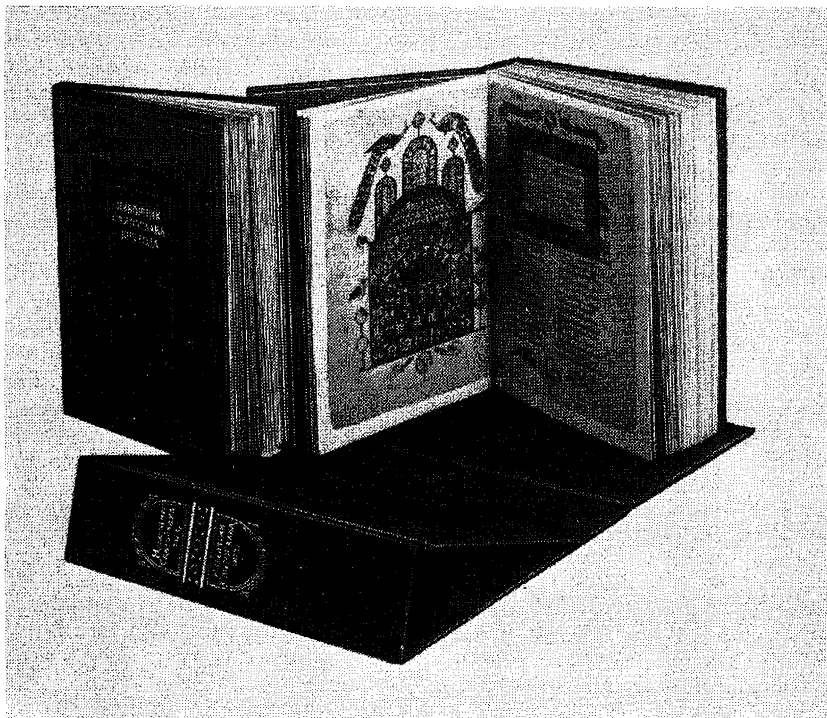
В «Изборнике» представлены сочинения писателей IV—IX веков: Василия Великого, Иустина Философа, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Максима Исповедника и др.; приведены отрывки из сочинения Епифания Кипрского о драгоценных камнях, из сочинения Иоанна Дамаскина о знаках зодиака; даются списки рекомендуемых к чтению и запрещенных книг.

Естественно, что современному читателю столь обширная энциклопедичность содержания «Изборника» может раскрыться во всем конкретно-историческом богатстве и художественно-эстетическом своеобразии лишь посредством высококвалифицированного и обстоятельного комментария, который и был предпослан факсимильно отпечатанной книге.

Издание «Изборник Святослава 1073 года» состоит из двух большеформатных книг: собственно факсимиле рукописи и научно-справочного аппарата к ней. Обе части имеют ассоциативно близкие (по декоративному решению, характеру и фактуре материала) переплеты, органично дополняемые и объединяемые оригинальным распашным футляром.

И хотя «Изборнику» предпосланы подчеркнута «осовремененные» переплет и футляр (оригинал переплета не сохранился), вряд ли кому придет мысль, что это издание не факсимильное. Во-первых, на редкость бережно воспроизведена сама рукопись с ее изысканным орнаментально-декоративным убранством; во-вторых, научно-справочный аппарат конструктивно отделен от факсимильной части, в силу чего она не утрачивает своей изначальной цельности; в-третьих, оформительское решение издания задумано как намеренно нейтральное к роскошной колористической палитре рукописного памятника, и это еще более выявляет его непреходящее своеобразие: изысканную организацию текста на больших листах пергамента, искусно выполненные миниатюры-фронтисписы, нарядные заставки, концовки, инициалы и т. п.

Внушительно выглядит (как по составу научных публикаций, так и по структурно-оформительскому решению) «Научный аппарат факсимильного издания». Его предваряют факсимильно воспроизведенный символ-фронтиспис, выстроенные по центральной оси больших полос сведения о редколлегии, возглавляемой академиком Б. А. Рыбаковым, и торжественно оформленное «Содержание» тома. Затем следует вступительная статья «От редколлегии», в которой дается общая характеристика «ценнейшего памятника не только древнерусской, но и вообще славянской

*«Изборник Святослава 1073 года»,
отмеченный Дипломом имени Ивана Федорова*

письменности»⁸, а также приводятся конкретные рекомендации, как им пользоваться.

Далее идет статья кандидата исторических наук И. В. Левочкина «„Изборник Святослава 1073 года“ — памятник древнерусской культуры» (на русском, английском и немецком языках). В статье раскрывается энциклопедический характер содержания «Изборника», рассказывается история его создания и открытия (он был обнаружен в 1817 году в библиотеке Воскресенского монастыря под Москвой), подытоживаются результаты его многолетнего исследования, ставятся задачи по его дальнейшему комплексному изучению, важнейшим условием которого «является доступность его текста, во имя чего и осуществлено настоящее факсимильное издание»⁹.

За этим материалом следует статья доктора филологических наук Л. П. Жуковской «Древние книги и писатели в „Изборнике Святослава 1073 года“», где подвергаются тщательному анализу включенные в него сочинения древних писателей, намечаются пути их более углубленного прочтения.

Затем приводятся «Подстрочный перевод названий глав и пагинация „Изборника Святослава“», выполненные Л. П. Жуковской, Л. М. Костюхиной и Э. В. Шульгиной (полностью «Изборник» еще не переведен), и «Описание рукописи „Изборника Святослава 1073 года“», подготовленное Л. М. Костюхиной и Э. В. Шульгиной, в котором убедительно раскрывается высокая книжная культура уникального рукописного памятника.

В томе помещается также статья «Художественное оформление „Изборника Святослава 1073 года“» В. Д. Лихачевой. В результате аргументированного анализа делается вывод, что «заимствуя многие достижения современных... византийских художников, русские мастера создали своеобразное, одухотворенное, ни с чем не сравнимое произведение высокого искусства», что они «по-своему переработали иконографию образов, изменили композиционные принципы построения миниатюр, ввели новую трактовку их цветовых характеристик, свои орнаментальные принципы», так что традиции памятника «в дальнейшем получили развитие на русской почве»¹⁰.

Завершает том «Научного аппарата факсимильного издания» подготовленный Ю. К. Бегуновым «Выборочный библиографический список литературы об „Изборнике 1073 года“».

«Изборник» отпечатан трехтысячным тиражом Экспериментальной типографией ВНИИ полиграфии при Госкомиздате СССР.

Все сказанное об «Изборнике Святослава 1073 года» позволяет сделать вывод, что факсимильное воспроизведение его на высоком уровне издательско-полиграфической культуры (на последнем Всесоюзном конкурсе искусства книги «Изборник Святослава» был удостоен высшей награды — Диплома им. Ивана Федорова) следует расценить не только как осуществление заветной мечты славистов мира, издавна желавших получить это уникальное рукописное творение для исследовательской работы, но и как крупную акцию современного советского книгоиздания, как заметное событие в отечественной науке и культуре.

Наглядной иллюстрацией концептуального подхода издательства к разработке структурно-оформительских решений факсимильно выпускаемых книг может служить также «Тарантас» Владимира Соллогуба, оформленный Григорием Гагариным,— издание, по праву признанное одной из вершин русского книжно-го искусства первой половины XIX столетия.

Выпущенный в 1845 году опытным книгопродавцем и полиграфистом А. И. Ивановым (издававшим влиятельный журнал «Отечественные записки», «Литературную газету», а также один из лучших иллюстрированных сборников «Физиология Петербурга»), соллогубовский «Тарантас» сыграл выдающуюся роль в русской культуре XIX века. Он вызвал такие разноречивые толкования и споры, что без них сегодня невозможно представить общественную, культурную и литературную жизнь 30—40-х годов прошлого столетия.

Если революционеры-демократы В. Г. Белинский и А. И. Герцен, писатели В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь в целом приветствовали «Тарантас», подчеркивали значительность самого факта его издания, то поэт Н. А. Некрасов, развивая тезис В. Г. Белинского о парадоксальности этой книги, указывал на двойственный характер соллогубовского сочинения, плохую осведомленность автора в русской жизни, а такие идеологи славянофильства, как А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, характеризовали «Тарантас» (отмечая, правда, опрятность и изящество его иллюстраций), как вредную «подделку под народность».

Писателю В. Соллогубу выражает неудовольствие образом губернаторши император Николай I; автора «Тарантаса» злобно критикуют верноподданнически настроенные Ф. В. Булгарин и С. П. Шевырев; над ним едко иронизируют Е. А. Баратынский, В. Ф. Одоевский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев; язвительной критике подвергает «Тарантас», как и все творчество В. Соллогуба, революционер-демократ Н. А. Добролюбов...

Единодушную (чаще всего восторженную) оценку получили, правда, рисунки Григория Гагарина. Еще до выхода в свет «Тарантаса» журнал «Отечественные записки» уведомлял своих читателей, что сочинение В. Соллогуба будет издано «великолепнейшим образом, на щегольской бумаге, в литографированной обертке с 25 большими политипажками, рисованными известным художником-любителем князем Гагариным и резанными на дереве лучшими здешними граверами: гг. бароном Клодтом, Неттельгорстом и Бернардомским»¹¹. Высокую оценку дал рисункам Г. Гагарина и полиграфическому исполнению издания в целом В. Г. Белинский. «Художник не по званию, а по призванию,— писал критик в „Отечественных записках“,— обладает карандашом, о котором можно говорить, говоря о карандаше Тони Жоанно и Ораса Верне». И далее: «Бумага, печать и вообще возможная в России типографская роскошь, соединенная со вкусом, не оставляют ничего желать, и в этом отношении едва ли какое-нибудь русское издание сравнится с „Тарантасом“»¹². Следуя за оценками В. Г. Белинского, Н. А. Некрасов отмечал в «Литературной газете», что ни у одного из иллюстраторов он не

обнаруживал «столько наблюдательности, знания русской действительности и природы и столько художественной меткости карандаша, сколько всего этого видно в авторе рисунков, украшающих „Тарантас“»¹³.

И все же одним из наиболее спорных вопросов для исследователей «Тарантаса» 1845 года на протяжении почти полутора столетий был вопрос о его художнике. Почему Г. Гагарин скрыл свое имя в книге? Почему его фамилия была счищена с гравированных деревянных досок? Почему граверу Е. Е. Бернардскому понадобилось в приложении к знаменитому изданию рисунков А. А. Агина к «Мертвым душам» назвать последнего автором рисунков «Тарантаса»? Почему, наконец, исследователям «Тарантаса» в течение многих десятилетий не верилось, что эту книгу мог проиллюстрировать принадлежавший к высшей аристократии художник-любитель, что князь Г. Гагарин мог действительно быть (и это уже со всей убедительностью доказано советской наукой) блестящим мастером книжного искусства и одним из родоначальников реалистического и демократического искусства иллюстрации XIX века?

«Сейчас не кажется,—отмечает А. Кантор в статье, предположенной факсимильному изданию „Тарантаса“,—абсолютно уникальным тесное сотрудничество писателя и художника в создании книги. И все же ситуация возникновения „Тарантаса“ единственна и исключительна. Это—ситуация совместных духовных и творческих поисков, не только сотрудничества, но и соревнования, взаимовлияния и взаимоотталкивания, спора, иронического взаимного опровержения; словом, мысль как бы формируется на глазах читателя книги во взаимодействии писателя и художника. Это не случайность, а прямой результат крайней напряженности духовной ситуации эпохи, необходимое следствие интенсивности складывания идейных направлений»¹⁴. Далее А. Кантор считает важным отметить, что небольшой отрезок времени между 1839-м и 1845-м годом, когда повесть задумывалась, писалась и печаталась, был периодом ускоренного созревания идейных направлений. Книга, родившаяся в одной ситуации, попала совсем в иную, и за это время писатель и художник стали уже другими людьми. Это было, как утверждает А. Кантор, одной из основных причин, почему книга вышла в свет вообще без имени художника.

А если добавить ко всему сказанному, что об авторе «Тарантаса» упорно ходили слухи, связанные с «неприятной» ролью, которую он якобы сыграл в преддвуэльной истории А. С. Пушкина (ныне они опровергнуты полностью), что писатель-де по прямому указанию императорской фамилии сочинил «грязный пасквиль» (повесть «Большой свет») на М. Ю. Лермонтова (что также

является более чем преувеличением), то можно представить себе, как прочитал бы факсимильно воспроизведенный «Тарантас» современный читатель, не будь эта книга сопровождается обстоятельным научно-справочным аппаратом.

Перед издательством, таким образом, стояла задача не просто воспроизвести факсимильно один из шедевров книжного искусства (как издание более позднего времени «Тарантас» не представляет особой сложности для его полиграфического воспроизведения), но воссоздать прежде всего его историко-культурную среду, от которой он так же неотделим, как и сами его создатели. Книги, подобные «Тарантасу», могут быть осмысленно прочитаны лишь в контексте их исторического бытия, т. е. в неразрывной связи с теми общественными, культурными и литературными процессами, которые, собственно, и обусловили его появление, определили его судьбу.

В научно-справочном аппарате, приложенном отдельной книгой к идентично скопированному «Тарантасу», как раз и сделана попытка воссоздать атмосферу идейной борьбы «в одну из самых горячих эпох общественного развития»¹⁵, взглянуть на «Тарантас» «как на чрезвычайно сложное выражение политических, общественных, литературных тревожений рубежа 30-х и 40-х годов XIX века», объяснить причины «столь пристального внимания критиков, историков, писателей разных времен, разных лагерей и направлений» к «Тарантасу», наконец, «раскрыть современному читателю во всей сложности двойственную природу этого уникального явления в истории русского книгоиздательства»¹⁶.

Уже на самой обложке научно-справочной книги художником В. Ю. Марковским наглядно отображена суть концепции факсимильного издания «Тарантаса»: два одинаковых по масштабу портрета его создателей, два равнозначных по симметричному расположению и начертанию заголовка: «Владимир Соллогуб и его главная книга» и «Григорий Гагарин — иллюстратор „Тарантаса“» и два соразмерных текста, которые гласят:

«Читая „Тарантас“, мы должны проникнуться духом 40-х годов прошлого века, задать себе вопросы, стоявшие перед людьми того времени, попытаться взглянуть на мир с их позиций. Интересная и нелегкая судьба книги В. А. Соллогуба нерасторжимо связана и с ее содержанием, и с теми сложными процессами, что протекали в литературной, культурной, общественной жизни 40-х годов прошлого века. Книга Соллогуба существует не столько как „закрытый“ текст, сколько как момент спора, движения; это в высшей степени „открытая“ книга, понять которую можно лишь в контексте эпохи»;

«Замечательно чрезвычайно тесное сотрудничество писателя

и художника, который не только внимательнейшим образом иллюстрировал книгу, не избегая ее сложных мест и неожиданных сюжетных поворотов, пространных описаний, намеков и аналогий, фантастических картин, но и стал организатором, „конструктором“ книги как художественного организма. Иллюстрации, обложка, фронтиспис, заставки, изобразительные композиции в заглавных буквах-инициалах, даже обильные орнаменты — все это поставлено на службу раскрытия многообразного содержания книги. Больше того, содержание книги создается как литературным текстом, так и изобразительно-художественными средствами».

В соответствии с этими заглавиями и аннотациями-зачинами в научно-справочном приложении приводятся книговедческая статья А. Немзера и искусствоведческая статья А. Кантора. Каждая из них дополняется списком использованных источников, а ко всему изданию прилагаются «Комментарий к тексту книги „Тарантас“ издания 1845 года» и «Список основных изданий „Тарантаса“».

Научно-справочная книга содержит значительное число полных рисунков Григория Гагарина как для вошедших, так и не вошедших в изданный в 1845 году «Тарантас» иллюстраций. Эти рисунки, тщательно отпечатанные Московской типографией № 5, не только позволяют заглянуть в лабораторию художника, но и, существенно дополняя изобразительный ряд «Тарантаса» 1845 года, придадут всему изданию неповторимое эмоционально-образное своеобразие.

Как мы полагаем, сказанное о «Тарантасе» дает наглядное представление о комплексе проблем, возникающих при подготовке к выпуску сложных факсимильных изданий.

Подчеркнуто концептуальным решением отличаются и многие другие факсимильные издания, выпущенные «Книгой»: «Сказание о Мамаевом побоище», «Двенадцать» Александра Блока, «Альманах библиофила 1929 года», «Азбука» Ивана Федорова (эти издания, как и «Тарантас», удостоены дипломов I и II степени на XXII, XXIII, XXIV и XXV Всесоюзных конкурсах искусства книги), «Соловецкое восстание», альманах «Звездочка» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева и др.

Общим для всех этих изданий является то, что факсимильная часть так или иначе отделена от научно-справочной, которая либо прилагается отдельной книгой («Изборник Святослава 1073 года», «Сказание о Мамаевом побоище», «Двенадцать» Александра Блока, «Тарантас» В. А. Соллогуба), отдельной брошюрой («Альманах библиофила» 1929 года), либо располагается под одним корешком с факсимильной частью («Соловецкое восстание»), либо совмещается с последней посредством супероб-

ложки (издание «Власть книги» О. Ласунского, в котором содержится немало факсимильно воспроизведенного материала).

Индивидуально-особенным для всех этих изданий является многое: и характер воссоздания оригинала (формат, объем, твердое или мягкое покрытие, наличие или отсутствие цветных иллюстраций и т. п.), и своеобразие художественно-оформительского решения, и способ сочленения факсимиле и научно-справочной части посредством общей для них обложки, супера, футляра (который, заметим, используется издательством не только как защитное, но и как дополнительное оформительское средство).

Так сливаются в едином сплаве бесценные рукописные и печатные творения прошлого и новейшие научно-справочные сведения о них; так формируется на практике современный облик факсимильной книги и ее новая, таящая в себе большие разрешающие возможности, структура.

МИНИАТЮРНЫЕ ИЗДАНИЯ

«Книгой будущего» называют миниатюрное издание, и в этом, нам думается, есть особый смысл. У него — своя история, свой читатель, свои проблемы.

Созданная в 1978 году в «Книге» специализированная редакция по выпуску миниатюрных изданий — пока что единственная в системе центральных издательств, что налагает на нее особую ответственность за разработку принципов подготовки и выпуска этого вида печатной продукции. За указанный период редакцией выпущено свыше 60 мини-книг, многие из которых получили высокую оценку как у тонких ценителей, так и у широкой читательской общественности¹⁷.

Миниатюрные издания «Книги» (как и малютки Пермского областного издательства, «Художественной литературы») стали заметным явлением в современном советском книгоиздании, проявляющем в последние годы все больший интерес к их выпуску. Так, если с 1921-го по 1974 год в стране ежегодно издавалось в среднем лишь по 4—5 названий, то в 1975—1977-е годы — уже по 30—40, а начиная с 1978 года — более чем по 100 названий¹⁸.

Несмотря, однако, на все увеличивающийся выпуск миниатюрных книг как у нас, так и за рубежом, в современной научной литературе имеют место различные точки зрения на этот вид издания.

Так, в вышедшем в 1964 году обстоятельном научно-популярном издании «С книгой через века и страны» Е. Л. Немировского и Б. С. Горбачевского утверждается: «Миниатюрные

*Миниатюрные издания.
Наиболее практикуемый издательством размер 60×95 мм*

издания с точки зрения современного книгоиздательства — не больше чем любопытный казус. Массовый выпуск таких книг — дело трудное и ненужное»¹⁹.

Иной взгляд на миниатюрные издания высказывает книговед О. Г. Ласунский: «Трудно себе представить, — пишет он в 1976 году на страницах журнала „В мире книг“, — изданные в миниатюрном формате романы И. Тургенева или Л. Толстого, литературоведческие монографии и школьные учебники»²⁰. Что же касается микроизданий (формат которых, по мнению большинства специалистов, не должен превышать 10×10 мм), то О. Г. Ласунский считает: «Назвать эти книги достижением полиграфии никак нельзя... Не будем забывать, что речь идет о книгах, где именно слово, текст были и остаются первосушечно-

стью. Если же текст — он часто деформируется при чрезмерном уменьшении — трудно и даже неприятно читать, то дискредитируется сама идея миниатюризации»²¹.

На необходимость всемерного содействия выпуску миниатюрных изданий не раз обращал внимание в своих публикациях О. С. Чубарьян. «Миниатюрные книги, — писал он во вступительной статье к первому тому продолжающегося издания миниатюрных библиографических указателей, — преследуют определенные социально-культурные цели. Это — особый вид издательской продукции, с появлением которого расширилась сфера и обогатились средства печатной пропаганды. Они способствуют распространению классической литературы и лучших произведений современности. У миниатюрных книг большое будущее — многие считают их удобными для пользования, а формат и качество полиграфического оформления делают их изящными и привлекательными для многих и многих книголюбов»²².

И уж совсем горячо ратовал за миниатюрные и малоформатные издания советский литературовед Б. С. Мейлах. В статье «Большие последствия малых форматов. Об одной важной книгоиздательской проблеме», опубликованной в 1965 году в газете «Известия», он говорил о миниатюрных и малоформатных изданиях как о важной книгоиздательской проблеме, «разумное решение» которой «принесет издательству миллионы и даже миллиарды экономии»²³.

Характерно, что в чем-то схожие высказывания можно найти и в прошлом. Так, русский поэт Н. А. Некрасов, многократно выступавший в пору своей журналистской молодости с обстоятельными рецензиями на выходящие книги, по поводу миниатюрного издания «Пять стихотворений Н. Ступина» (1842) в насмешливо-ироничной стихотворной форме, а также в библиографическом описании ее отмечал на страницах «Литературной газеты», что эта мини-книжка не только несовершенна в поэтическом отношении, но еще и напечатана «в неопределенную долю листа, самую малую, какую только можно представить»²⁴.

Общеизвестно и то, как восторженно отзывался критик В. Г. Белинский о «типографическом достоинстве» миниатюрных «Басен Крылова в восьми книгах» (1836). Они вызвали в нем «живейшее удивление и живейшую радость, как доказательство, что у нас начинает распространяться вкус к красивым изданиям, а вместе с ним и успехи книгопечатания». «Теперь, — писал критик, — вы можете носить „Басни Крылова“ и в кармане и в ридикюле; даже в руках детей эта книжечка будет казаться миниатюрною игрушкой; представьте только себе — в шестьдесят четвертую долю листа! И вместе с этим издание красиво до изящности, мелко до невозможности и, для крепких и молодых

глаз, очень четко. В рассуждении мелкости, красоты и четкости, буквы, право, не уступят английским и французским... Это издание Крылова радует нас еще и в том отношении, что может произвести у нас склонность к миниатюрным изданиям»²⁵.

Приведенные высказывания наводят на мысль, что различные точки зрения на общественно-культурную значимость миниатюрных книг потому имели и имеют место, что на этот вид изданий еще не установился единый, общепринятый взгляд.

Миниатюрные издания не подвергались серьезному теоретическому осмыслению ни в прошлом, ни в наши дни. Подавляющее большинство работ по этой проблеме (а их, к сожалению, не так уж много) не ставили перед собой такой задачи и носили преимущественно историко-описательный или популярно-пропагандистский характер. Даже в вышеупомянутой статье О. С. Чубарьяна, где делается попытка обосновать историко-культурную ценность и практическую целесообразность миниатюрных книг, речь идет преимущественно о том, что с выпуском «полного библиографического свода отечественных миниатюрных книг создается хорошая основа для изучения истории миниатюрной книги и для ее пропаганды»²⁶, что накопленный «фонд советских миниатюрных книг, как особый вид изданий, приобрел большое культурно-воспитательное значение, служит действенным средством распространения достижений духовной культуры народов СССР»²⁷ (курсив наш.— В. К.). Лишь в конце статьи обращается внимание на необходимость «более глубокого изучения других вопросов — тенденций развития миниатюрных книг, оптимальных форм миниатюризации с тем, чтобы сохранить удобочитаемость, опыт их художественного оформления и др.»²⁸.

Определенную роль в изучении истории миниатюрной книги сыграла выпущенная в 1977 году в миниатюрном формате работа Е. Л. Немировского и О. М. Виноградовой «Миниатюрные книги. Вчера, сегодня, завтра». В ней даются представления о том, что такое миниатюрные книги (т. е. какие форматы следует, по мнению авторов, брать за основу малоформатных, миниатюрных изданий, а также микроизданий), приводится довольно обстоятельный ретроспективный обзор как отечественных, так и зарубежных миниатюрных книг (начиная с первого века до нашей эры и кончая 70-ми годами нынешнего столетия), излагаются сведения о форматах, о коллекционировании книг-малюток, со знанием дела рассказывается о том, как изготавливаются они в типографиях, какие применяются для этого технологические приемы и технические средства. К сожалению, крайне бедно, буквально на нескольких мини-страничках (а в книге их более

250), в разделе «Завтрашний день» авторы отмечают некоторые типологические особенности мини-книг (на примерах прослеженной в ретроспективном обзоре тематики, а не «завтрашней»), и лишь в конце раздела можно прочесть: «Завтрашний день миниатюрных изданий во многом зависит от техники их исполнения. Нужно подумать о создании особо тонких бумаг, которые должны обладать большой прочностью и вместе с тем хорошо перелистываться. На смену бумаге, возможно, придут синтетические пленки. Нужно повышать качество печати. Нужно, наконец, разработать специальные рисунки шрифтов, которые обеспечат наилучшую читаемость текстов в миниатюрном формате»²⁹.

Как видим, и в этой книге, специально посвященной миниатюрным изданиям и адресованной подготовленному кругу читателей (тираж книги составляет всего 3 тыс. экз.), авторы по существу обошли теоретические вопросы, в силу чего раздел «Завтрашний день» (зависящий именно от теоретического предвидения), конечно же, не мог не оказаться беглым, неконкретным.

Другим существенным недостатком работ по данной проблеме является то, что авторы их не в полной мере учитывают происходящие изменения в современной миниатюрной книге (в ее тематике, структуре, оформлении), обусловленные и требованиями научно-технического прогресса, и задачами идеологической борьбы в обострившейся международной обстановке, и возросшими запросами общества развитого социализма. Сегодня, например, уже нельзя недооценивать того, что внедрение в отечественное полиграфическое производство электронных цветоделиителей (для обработки цветных слайдов), предварительно очувствленных пластин одноразового пользования (для подготовки многокрасочных печатных форм), универсальных красителей серии 2523 «у», а также более высококачественных видов бумаги и переплетных материалов открывает новые возможности для применения в мини-книге (и издательство «Книга» уже реализует их на практике) более утонченных и выразительных текстовых и оформительских решений.

Что же касается все возрастающих культурных и духовных запросов наших читателей, то мини-книга реагирует на них заметным изменением своего содержательно-компонентного состава и структуры (что мы и покажем ниже на конкретных примерах).

Видимо, следует более четко разграничивать в научной литературе вопросы общей миниатюризации (как тенденции современного этапа научно-технической революции, проявляющейся в уменьшении приборов, устройств и т. п. в результате совершенствования их конструкции и способов изготовления) и

книжной миниатюризации (как внутреннего движения и саморазвития миниатюрной книги). В противном случае утверждение О. Г. Ласунского о том, что «при чрезмерном уменьшении... дискредитируется сама идея миниатюризации», вступает в противоречие с известным высказыванием такого авторитетного ученого, каким был президент Академии наук СССР С. И. Вавилов. «Для того чтобы понять,—подчеркивал он,—что означало бы широкое внедрение в практику техники микропечати, можно заметить, что объем большого книгохранилища, вмещающего до 10 миллионов библиотечных единиц, с 30 тыс. куб. метров понизился бы до сотни кубических метров, то есть до размеров одной небольшой комнаты. Большие частные библиотеки могли бы помещаться в чемодане скромного размера. При этом в таком чемодане могли бы найти место в случае надобности репродукции самых редких изданий на свете. Если внимательно и серьезно подумать о будущем нашей культуры, то станет ясно, что дальнейшая разработка техники микрокниги и ее широкого внедрения составляет очень важную и исключительно благородную задачу, которая должна произвести революцию в книжном деле»³⁰.

Поскольку «в чемодане скромного размера» можно уместить не столь уж большое количество книг обычного миниатюрного формата (а речь, заметим, идет о «большой частной библиотеке»), то, очевидно, С. И. Вавилов имел в виду именно возможность «чрезмерного уменьшения» книг, против которой как раз и возражает О. Г. Ласунский.

Но разве не могут сосуществовать — и сейчас и тем более в будущем — удобочитаемая миниатюрная книга (что может быть достигнуто как посредством соответствующих шрифтов, так и с помощью удобных в пользовании новейших технических средств, если иметь в виду, например, микроиздание) и некая книга-устройство с громадной концентрацией текстовой и изобразительной информации, не менее легко и удобно воспринимаемой читателем (реципиентом)? Да и как можно пренебречь возможностью разместить «большие книгохранилища» в «одной небольшой комнате», не воздавать должного «технике микропечати», если с ней связано, по словам С. И. Вавилова, «будущее нашей культуры»?

В том-то и дело, что процесс миниатюризации — как веление научно-технической революции — не только будет прогрессировать (и, заметим, независимо от нашей обеспокоенности за удобочитаемость мини-книг), но и, несомненно, будет активно влиять на миниатюрную книгу и, уж конечно, на ее разновидности — микроиздание.

Более чем спорным является также мнение О. Г. Ласунского о

том, что трудно «себе представить изданные в миниатюрном формате романы И. Тургенева или Л. Толстого, литературоведческие монографии...». А почему? Если на книжной полке стоят 15—20 различных миниатюрных названий, набранных удобочитаемым шрифтом и оснащенных новейшим научно-справочным аппаратом (т. е. их приятно и полезно читать), то почему таким же образом не могут выстроиться в ряд 10—15 удобочитаемых томов «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и 2—3 тома «Рудина» И. С. Тургенева?!

Издательство «Книга» выпустило уже значительное количество художественных произведений и книговедческо-популярных работ в миниатюрном формате (повести «Холстомер», «Крейцера соната» Л. Н. Толстого, «Повести» Н. В. Гоголя, «Племянник Рамо» Д. Дидро, «А. С. Пушкин и книга» В. Э. Вацура и др.). Они не только удобочитаемы, снабжены необходимыми научно-справочными сведениями, но и своим внешним изяществом, оформительскими ансамблями доставляют читателям неповторимое эстетическое наслаждение.

Думается, приведенные примеры еще более подтверждают ранее высказанное нами утверждение о недостаточном присутствии теории в книговедческих работах, посвященных миниатюрным изданиям.

Далее, содержащееся в научно-популярном издании «С книгой через века и страны» утверждение, что мини-книги «с точки зрения современного книгоиздательства — не больше чем любопытный казус», что массовый выпуск их — «дело трудное и ненужное», конечно же, не только не спорно, но и в корне неверно. (Кстати, не является ли данная точка зрения, принадлежащая, судя по эпилогу «От авторов», Е. Л. Немировскому, причиной того, что в рассмотренном выше издании «Миниатюрные книги. Вчера, сегодня, завтра» Е. Л. Немировского и О. М. Виноградовой по существу обойден вопрос о будущем миниатюрных книг?)

На наш взгляд³¹, миниатюризация (в книжном ее понимании) позволяет сконцентрировать содержание на ограниченной площади, сосредоточить внимание на главном, заостренно подчеркнуть своеобычность темы и публикуемого материала. Она дает возможность воплощать произведения небольших объемов (рассказы, стихи, очерки, статьи, подборки пословиц, поговорок, афоризмов и т. п.) в высокохудожественные книги в переплете, что исключается при обычных форматах. И конечно же, она незаменима для изоизданий, воспроизводящих миниатюры (экслибрисы, инициалы, издательские и почтовые марки и т. д.): каждой отводится отдельная страница, и это создает особый эффект ее читательского восприятия.

Миниатюризация дает возможность экспериментально проверить новые художественно-оформительские и технологические приемы в условиях, требующих филигранного искусства полиграфистов, способствуя тем самым становлению их как подлинных мастеров наборного, печатного и переплетного дела.

Умение читателя ценить книгу не только как предмет духовной, но и как предмет материальной культуры, красота которого во многом обязана таланту художника (оригинальному внешнему оформлению, системе конструирования и иллюстрирования) и мастерству полиграфиста (точности и гармоничности набора, сочности печати, тщательности брошюровочно-переплетных работ), еще более оттачивается в общении с миниатюрной книгой, отличающейся особым изяществом и совершенством.

Немаловажны и чисто практические, утилитарные факторы, выгодно отличающие книгу-малютку от обычной: она удобна в пользовании и хранении, на ее изготовление затрачивается минимальное количество бумаги и материалов, для нее не требуется больших производственных площадей и громоздких средств транспортировки.

Все это, естественно, обуславливает повышенный интерес как читателей, так и издателей к миниатюрной книге (будь то в прошлые или, тем более, в нынешние времена).

У миниатюрной книги, как у всякого устойчивого и непрерывно развивающегося явления, поистине многовековая история. И это, пожалуй,—самый веский довод как против ее неприятия (Е. Л. Немировский), так и в пользу утверждения о ее «большом будущем» (О. С. Чубарьян).

Известно, что предшественницей печатного миниатюрного издания (как в нашей стране, так и за рубежом) была рукописная книга-малютка. Она создавалась еще в давние времена. В знаменитом Матенадаране, например, можно увидеть мини-книжку, исполненную в 1434 году писцом Оксеном из крымского города Кафа. В книге изложены основы теории календаря, размер страниц из тонкого пергамента — 30×40 мм. Нельзя не упомянуть и такой уникальный образец древнерусского книгописания, как миниатюрные «Святцы» XVII века в формате 48×74 мм, хранящиеся ныне в Библиотеке АН СССР в Ленинграде.

Искусство миниатюрной каллиграфии не забыто и в наши дни. На многих отечественных и зарубежных выставках экспонировалась чудо-книжка украинского умельца Н. С. Сядристого — рукописный «Кобзарь» Т. Г. Шевченко. Формат книги — 0,6×0,6 мм. Обложка изготовлена из лепестка бессмертника, страницы скреплены паутинкой. Размер рукописных букв — 0,0035 мм.

К первым печатным миниатюрным книгам в России можно отнести «Придворный календарь на 1774 год», отпечатанный в Петербурге в формате 29×34 мм (с применением гравюры на меди), сборник фокусов и физических опытов для детей «Искусство быть забавным в беседах», изданный в 1788 году П. Богдановичем в формате 60×75 мм, и др.

Характерно, что миниатюрные книги конца XVIII—начала XIX века выпускались преимущественно для детей. Вот некоторые из них: «Детская кукла, или Избранные повести и рассказы» (1788), «Картинная книжка из Лиллипута, полезный и приятный подарок для благонравных детей» (1803), «Краткое изображение российской истории» (1805), «Детские игры и занятия» (1826), «Подарок прилежным малюткам, желающим легко и скоро научиться читать по-французски» (1828).

В 30-е годы XIX века в миниатюрном формате начинают выпускаться произведения современных авторов, литературные альманахи, песенники и т. п. Экспедицией заготовления государственных бумаг—лучшей типографией того времени—печатаются «Басни Крылова в восьми книгах» (1835), «Душенька» И. Ф. Богдановича (1837), «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (1837) и др. Эти издания вышли в одном формате—65×93 мм—и в одинаковых по рисунку обложках, т. е. несли на себе некоторые элементы серийности.

Мы уже отмечали выше, что В. Г. Белинский, давая высокую оценку миниатюрным «Басням Крылова в восьми книгах», связывал с этим изданием надежду, что оно «может произвести у нас наклонность к миниатюрным изданиям». В них он видел немалую практическую ценность и возможность более широкого распространения всего лучшего «по части изящной литературы». «У нас,—писал критик,—еще не было попыток издавать книги, как у иностранцев, так, чтобы они могли составлять дорожную библиотеку и, занимая небольшой шкаф, представляли бы все, что есть лучшего оригинального или переводного по части изящной литературы»³².

Но когда эта «наклонность к миниатюрным изданиям» перешла в пресловутую моду, с присущими ей крайностями, В. Г. Белинский не преминул заметить по поводу переводной миниатюрной книги Ф. Марриета «Пират», напечатанной в 1841 году в 64-ю долю листа: «Издание довольно скромно, но формат книжечки, сообразно с величиной шрифта, очень мал...»³³ То есть формат издания, по мнению критика, оказался случайным, неоправданным, его следовало бы соотносить с размером шрифта. А несколькими годами позже В. Г. Белинский так отзовется о миниатюрном альманахе, выпущенном для детей: «„Елка“ недурно издана и хороша, как игрушка. Пусть дети играют ею, но с условием, чтоб отнюдь не читать ее»³⁴. Иными словами, формат

и шрифт не были обусловлены функциональным назначением издания, его читательским адресом.

В середине XIX века миниатюрные издания обретают новую социальную окраску. Созданная в 1853 году в Лондоне Вольная русская типография А. И. Герцена приступает к выпуску литературы для нелегального ввоза в Россию. Естественно, миниатюрные издания как нельзя лучше подходили для этой цели. В формате набора 50×70 мм выпускается «Юмор» Н. П. Огарева (1857), в формате набора 50×80 мм — «Думы» К. Ф. Рыльева (1860). Эти и другие герценовские издания положили начало новому, революционно-демократическому, этапу в истории отечественной миниатюрной книги.

В 1855 году увидела свет самая маленькая русская книга «Басни Крылова» (размер страниц 22×28 мм), отпечатанная в 256-ю долю листа с наборной формы Экспедицией заготовления государственных бумаг. Она предназначалась для любителей книжных редкостей и должна была продемонстрировать степень совершенства, до которого может быть доведено книгопечатное искусство. Примечательно, что такая роль миниатюрных книг (с одной стороны, демонстрировать достигнутые возможности полиграфии, с другой — стимулировать ее дальнейшее развитие) и по сей день сохраняет свое значение, и именно в этом нам видится одна из причин их объективной обусловленности и практической целесообразности.

Значительный вклад в совершенствование техники производства миниатюрных изданий внес уже упоминавшийся нами Г. Н. Скамони. Разработанные им фотомеханический способ изготовления и фотоцинкографский способ воспроизведения печатных форм открыли практически неограниченные возможности уменьшения текстовых и изобразительных элементов.

Широко использовались цинкографские формы издательством Ф. А. Иогансона в Киеве и Харькове в 1891—1895 годы. Среди выпущенных им 116 миниатюрных книг (с учетом переизданий) — серия «Библиотека „Крошка“» из сорока названий (72×100 мм), серия «Биографии великих людей» (55×75 мм), произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, Д. В. Веневитинова, сказки Гофмана, братьев Grimm, карманные словари (55×75 мм).

Прогрессивные, революционные традиции отечественной миниатюрной книги продолжило созданное в 1900 году в Вологде «Северное издательство В. О. Жеглинского». За полгода оно выпустило 28 миниатюрных брошюр с портретами и биографиями выдающихся революционеров, писателей, общественных деятелей. Формат брошюр — 65×80 мм, объем — до 24 страниц. В серии вышли биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Бакунина, В. Белинского, А. Герцена, М. Горького, А. Грибоедова, Н. Добро-

любова, Ф. Достоевского, П. Пестеля, Д. Писарева, Г. Плеханова, Н. Чернышевского, Ф. Лассалья, П. Лафарга, Р. Оуэна и др. Свыше 140 тыс. экземпляров кратких биографий несли большой пропагандистский заряд в годы реакции.

Новый этап в истории отечественных миниатюрных изданий обозначил Великий Октябрь. Отныне решающую роль начинают играть идейная направленность и читательская предназначенность выпускаемых книг, призванных активно содействовать утверждению нового, социалистического жизнеустройства. На вооружение берутся лучшие традиции отечественной миниатюрной книги как носительницы прогрессивных революционных идей, как образца издательского и полиграфического мастерства. Издатели все больше проявляют заботы о том, чтобы миниатюрные книжки не превращались в безделушки, чтобы они полноценно выполняли идеологические и художественно-эстетические функции.

Первой советской миниатюрной книгой традиционно считается «Конституция (Основной Закон) РСФСР», выпущенная в г. Кинешме в 1921 году форматом 35×50 мм и тиражом 1000 экз.

Особой тщательностью типографских работ отличались издания, посвященные памяти В. И. Ленина: «Краткая присяга» (20×28 мм) и фотоальбом «Ленин. 1870—1924» (25×30 мм). Можно сказать, что именно эти книги положили начало миниатюрной Лениниане — удивительно яркому и масштабному явлению в советском книгоиздании.

Во второй половине 30-х и первой половине 40-х годов — в период строительства основ социализма — ведущее место среди миниатюрных и малоформатных книг занимают издания общественно-политической, производственно-технической и научно-популярной литературы.

Крупной издательской акцией явился выпуск сборников партийных и государственных документов, печатавшихся сравнительно большими тиражами (от 20 до 120 тыс. экз.) и предназначенных главным образом для агитаторов и пропагандистов: «От XIV съезда до XVII конференции ВКП(б)» (72×105 мм), «От XIV съезда до январского объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Резолюции и постановления съездов, конференций и Пленумов ЦК ВКП(б)» (68×104 мм), «ВКП(б) от XIV до XVII съезда» (на украинском языке, 70×103 мм) и многие другие.

Неоднократно выпускались в миниатюрном и малоформатном исполнении «Устав ВКП(б)», принятая в 1936 году новая Конституция СССР (на различных языках народов СССР и зарубежных стран).

Немало мини-изданий вышло по передовому опыту: серия книжечек «Опыт участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки» (84×64 мм), «Мой опыт скоростной обработки поездов» Н. Житникова (68×92 мм) и т. д.

В значительном количестве выпускались научно-популярные книги — такие, как «Задумай число. Математический отгадчик» Я. И. Перельмана (72×96 мм); «Что такое падающие звезды» В. А. Шишакова (на украинском языке, 70×100 мм); «Что нужно знать каждому о малярии» Л. К. Ковровицкого (70×96 мм) и др.

С 1937 года начинает выходить массовая серия для детей «Книжка-малышка» (в формате 58×74 мм). Яркие, красочные книжки печатались тиражом от 500 тыс. до 1 млн. экз. В серии изданы многие басни И. А. Крылова, сказки братьев Гримм, произведения советских писателей: С. Маршака, С. Михалкова, А. Барто и др.

К памятным датам издается целый ряд миниатюрных книг художественной литературы. Так, к 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина в свердловском издательстве выходит роман в стихах «Евгений Онегин» (68×92 мм), к 10-летию со дня смерти В. В. Маяковского в харьковском и горьковском издательствах — сборники избранных произведений поэта (соответственно в форматах 60×85 мм и 60×83 мм), к 125-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова в ростовском издательстве — поэма «Демон» (65×86 мм) и др.

В суровые годы Великой Отечественной войны книжка-малютка помогала политработникам проводить беседы на передовой, участвовала в героических рейдах партизанских соединений, придавала силу духа тем, кто сражался в глубоком подполье.

Особенно популярной на фронте была миниатюрная библиотечка «Боевая краснофлотская поэзия», выходявшая сначала в Кронштадте, затем в Ленинграде (форматом 68×98 мм). Вот некоторые из 12 дошедших до нас выпусков: «Отстоим Ленинград», «Соколы Балтики», «Бьем врагов на суше», «Балтфлот смеется» и др.

В белорусском подполье издается малоформатный томик стихов и песен «Мстители» В. Саблина (100×122 мм); Отделением Воениздата при Ленинградском фронте — поэма «Россия» А. Прокофьева (55×75 мм); Государственным издательством художественной литературы — малоформатный сборник стихов «О Родине, о дружбе, о любви» И. Уткина (76×102 мм); издательством «Молодая гвардия» — поэма «Василий Теркин» А. Твардовского (78×122 мм) и др.

Как видим, достоинства миниатюрного формата заключаются не только в его изящности и компактности, но и в его

специфических возможностях эффективного функционирования в особых условиях (так, герценовские мини-издания предназначались для тайного ввоза в Россию; миниатюрные и малоформатные книги, выпущенные в годы индустриализации и коллективизации,— для использования их непосредственно в цехах и на полевых станах; миниатюрные издания времен Великой Отечественной войны — для проведения политработы в экстремальной фронтовой обстановке).

В этой связи примечательно высказывание О. С. Чубарьяна о том, что миниатюрные издания — «не забава, не просто предмет коллекционирования для горсточки любителей», а «особый вид издательской продукции, преследующей определенные социально-культурные цели»³⁵.

Заметно возрастает интерес к миниатюрным книгам в 60-е годы, чему в немалой степени способствовала подготовка к Международной выставке книг, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Издаются такие высокохудожественные книги, как «Граф Нулин» А. С. Пушкина (63×87 мм), «Стихи» В. В. Каменского (45×50 мм), «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (65×90 мм) и др.

Характерным для этого периода был выпуск параллельных изданий — в крупном и миниатюрном формате (например, издаваемые «Художественной литературой» серийные сборники «Сокровища лирической поэзии», поэма «Владимир Ильич Ленин» В. В. Маяковского, повесть «Пиковая дама» А. С. Пушкина.

В дальнейшем издатели все чаще практикуют специально разработанные для мини-книг художественно-оформительские убранства. Целый ряд оформленных по такому принципу книг выходит к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Среди них: библиотечка «Избранные сочинения в 10 томах» (73×97 мм), двухтомник «Вопросы идеологии» В. И. Ленина (73×97 мм), фотоальбом «Ленин. Памятные медали» (71×73 мм), удостоенные высших наград на XI Всесоюзном юбилейном конкурсе на издания, лучшие по художественному оформлению и полиграфическому исполнению.

В наши дни мы являемся свидетелями необычайно возросшего интереса советских издателей к миниатюрным книгам: если с 1921-го по 1975 год в стране вышло около 260 названий, то за период с 1976-го по 1982 год — свыше 500, или в 2 раза больше, чем за всю историю отечественного книгопечатания до Великого Октября.

Главная причина интенсивного выпуска миниатюрных изданий в СССР — в стране развитого социализма, высокой культуры и сплошной грамотности — все возрастающие духовные и эстетические потребности советских людей.

В результате приобщения к книге и чтению огромной массы людей у них неизмеримо возросла любовь к книге как к источнику знаний, духовного и нравственного обогащения. Углубился интерес к ней не только как к доступному и весьма удобному инструменту чтения, но и как феномену культуры, предмету особого вида искусства — книжного.

В стране около 16 миллионов человек вступило во Всесоюзное добровольное общество книголюбов (ВОК). Сорок клубов (секций) любителей миниатюрных книг в рамках ВОК активно работают в 38 городах и двух сельских населенных пунктах нашей страны. Активисты этих клубов (секций) устраивают тематические выставки, составляют каталоги, читают лекции на предприятиях и в учебных заведениях, в учреждениях и Домах культуры, организуют публикации в газетах и журналах, выступления по радио и телевидению. Только за один 1982 год в различных изданиях вышло свыше 300 публикаций о миниатюрных книгах, т. е. намного больше, чем за предшествующие полтора столетия.

Сегодня миниатюрную книгу создают около 90 издательств в 75 городах страны — практически почти каждое второе издательство (заметим, что за все дореволюционное время лишь 22 издателя в 14 городах царской России занимались выпуском книг-малюток). Ныне миниатюрные книги выходят в Казахстане и Узбекистане, Эстонии и Молдавии, на Украине и в Белоруссии, а также в таких автономных республиках, народы которых до Октябрьской революции вообще не имели письменности, — в Абхазии, Якутии и др. Внося свои темы и жанры, свои мотивы и краски в общую палитру отечественного книгоиздания, издательства союзных и автономных республик нередко создают такие самобытные миниатюрные шедевры, которые по праву становятся в ряд лучших памятников книжной культуры народов СССР.

Тематический репертуар миниатюрных изданий в СССР весьма разнообразен. Тем не менее можно выделить несколько устойчивых групп книг, которым издатели отдают предпочтение. Прежде всего, это работы В. И. Ленина — свыше 70 изданий. Вторую группу книг составляют партийные и государственные документы (новая Конституция СССР, Устав КПСС, Государственный гимн СССР, Отчетные доклады ЦК КПСС партийным съездам). И самую большую группу представляют издания художественной литературы, прозаические и поэтические сборники: произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова и многих других писателей.

Все возрастающий интерес советских издателей к миниатюрной книге, разумеется, не означает, что практика их выпуска

езде одинакова. Напротив, в ней, на наш взгляд, дают себя знать по крайней мере три издательские тенденции.

Первая, которой последовательно придерживается издательство «Книга», заключается в том, что мини-издание — не красивая безделушка, а полноценная, функциональная книга, которая должна набираться удобочитаемым шрифтом, отличаться специально созданным для нее высокохудожественным оформлением и, конечно же, искусным полиграфическим исполнением, — словом, мини-книга должна являть собой образец книжного искусства.

Вторая тенденция, характерная для ряда издательств (в том числе и «Художественной литературы»), основывается на том, что миниатюрные книги способны доставлять эстетическое наслаждение уже одним своим видом, т. е. оригинальным оформлением (по преимуществу, внешним) и тщательным полиграфическим исполнением. Естественно, при таком подходе всего меньше акцентируется внимание на удобочитаемость миниатюрных книг, их иллюстрирование, оснащение научно-справочным аппаратом. В качестве примера можно назвать миниатюрную серию «Сокровища лирической поэзии».

Третья тенденция проявляется в том, что миниатюрную книгу оформляют и исполняют так же, как и любую обычную. Главное при этом — формат, все остальное (иллюстрирование, полиграфическое исполнение) как бы отодвигается на второй план. Наглядным примером такого рода изданий могут служить миниатюрные сборники произведений классиков украинской литературы, выпускаемые издательством при Львовском университете.

Характерно, что первая тенденция находит все большее признание у знатоков и ценителей миниатюрной книги и активно пропагандируется на страницах газет, журналов, книг. В этом, кстати, наглядно можно было убедиться в дни проведения Московской международной книжной выставки-ярмарки — 83, когда и многочисленные посетители, и работники средств массовой информации единодушно отдавали предпочтение тем книгам-малюткам, которые, будучи исполнены на высоком уровне издательско-полиграфической культуры, к тому же легко читались.

«Интересен опыт, — пишет в предисловии к 5-му тому „Миниатюрные книги СССР, 1979“ Н. М. Сикорский, — московского издательства „Книга“ в выпуске миниатюрных книг. Причем речь идет сейчас не только о количественной стороне дела. Имеются в виду предпринятые издательством „Книга“ попытки найти новое содержательное наполнение для миниатюр, тот материал, который бы в наибольшей мере отвечал своеобразной издательской форме»³⁶.

В чем состоит это «новое содержательное наполнение» выпускаемых издательством миниатюрных книг? В чем заключается их «своеобразная издательская форма»?

Прежде всего выпуск миниатюрных изданий в «Книге» отличается в целом той системностью, когда самые различные проблемы и их аспекты рассматриваются не изолированно, а в сложном единстве их прямых и опосредствованных связей и отношений (скажем, и на уровне типа, и на уровне структуры издания, и т. д.).

В настоящее время в издательстве обозначились следующие типы миниатюрных книг:

произведения основоположников марксизма-ленинизма и литература о них: например, работы В. И. Ленина — «О государстве», «К деревенской бедноте», «Памяти Герцена», а также работа «Ленин — редактор и организатор партийной печати» Н. К. Крупской и др.;

документы КПСС и Советского государства: «Конституция (Основной Закон) СССР», «Государственный гимн СССР»;

русская классическая художественная литература: «Задонщина», «Баллады» В. А. Жуковского, «Полтава» А. С. Пушкина, «Демон» М. Ю. Лермонтова, «Крейцера соната» Л. Н. Толстого и др.;

русская советская художественная литература и художественная литература народов СССР: «Судьба человека» М. А. Шолохова, «Рассказы» А. Н. Толстого, «Басни» С. В. Михалкова, «Избранное» Ибн Сины (Авиценны) и др.;

тематические сборники произведений художественной литературы: «700 коротких строк. Изречения, афоризмы, каламбуры»; зарубежная художественная литература: «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера, «Большое завещание» Франсуа Вийона, «Племянник Рамо» Дени Дидро, «Новеллы» Стефана Цвейга, «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика и др.;

книговедческая литература: многотомное издание «Миниатюрные книги СССР», «Лениниана в миниатюрных изданиях. Указатель книг», «Искусство книги» А. А. Сидорова, сборник пословиц и поговорок «О книге и знании», «Вокруг книги» Гейнца Кноблоха, «У истоков алфавита» Ганса Люльфинга, «А. С. Пушкин и книга», «Инициалы XI—XVI веков» и др.;

научно-популярная литература: «Ленинская „Искра“» — совместное издание «Книга» и «Фахбухферлаг» (ГДР); издания: «Киев и киевляне в экслибрисах».

При отборе произведений для выпуска в миниатюрных форматах издательство строго придерживается (за исключением некоторых групп книговедческих изданий) принципа юбилейности. Скажем, «Партийная организация и партийная литература»

В. И. Ленина приурочена к 75-летию со дня создания работы; «Пример из жизни» Ярослава Гашека—к 100-летию со дня рождения писателя; «Избранное» Ибн Сины (Авиценны)—к 1000-летию со дня рождения поэта и ученого.

Выпускаемые издательством миниатюрные книги имеют ярко выраженные структурно-оформительские особенности, характерные для той модели книги, которую предопределяет концепция современного издания. К этим особенностям относятся: многослойная структура книги; историко-временная и изобразительная рамки (данные термины, думается, правомерны); соотнесенные с форматом художественное оформление и иллюстрирование; удобочитаемый шрифт.

Рассмотрим особенности «Холстомера» Л. Н. Толстого, выпущенного издательством в 1979 году. В книге три основных пласта: книговедческая статья «История повести», сама повесть с удивительно выразительными офортами и многосоставные «Приложения» — «Текстологические пояснения», «Из ранней редакции повести „Холстомер“», «Царская цензура о „Холстомере“», «Библиографические списки», «Словарь» и наконец традиционная для издательства справка «О художнике». Все это, как и в других книгах издательства, образует вокруг повести, проиллюстрированной современным художником, историко-временную рамку, посредством которой в издании взаимодействуют прошлая и нынешняя эпохи.

В «Избранном» Ибн Сины (Авиценны) дается еще и изобразительная рамка, которую составляют колоритно оформленные документальным материалом форзацы и помещенный перед «Приложением» раздел иллюстраций из древних восточных книг. Эта рамка дает возможность современному читателю как бы зримо представить эпоху, а значит, и глубже осмыслить творения великого поэта и ученого Древнего Востока.

Выразительные оформительские решения характерны и для изданий общественно-политической тематики, что свидетельствует о больших возможностях обрабатываемой в издательстве современной структуры книги. Так, изобразительный ряд книги «О Толстом» В. И. Ленина построен на цветных репродукциях портрета В. И. Ленина (на фронтиспise) и портретов Л. Н. Толстого (в тексте), созданных Н. Андреевым, Н. Н. Ге и И. Е. Репиным; текст книги «Памяти Герцена» В. И. Ленина обрамлен панорамными видами Москвы, Лондона (на форзацах), выполненными художником А. А. Германом. Все эти графические элементы в заметной мере усиливают эмоциональное воздействие общественно-политического текста на читателя.

Важную роль в учете и отражении общей картины издания отечественных мини-книг играют ежегодные библиографические

указатели, выпускаемые «Книгой». Уже увидели свет 7 томов этих указателей, содержащих описание около 1000 миниатюрных книг, изданных за период с 1788-го по 1981 год. Указатели поступают во все крупнейшие отечественные и зарубежные библиотеки и пока что не имеют себе аналога в мире.

Примечательно также, что отечественная миниатюрная книга с каждым годом привлекает все большее внимание зарубежных издательских и торговых фирм. Так, если на Московской международной книжной выставке-ярмарке — 81 было продано миниатюрных книг, имеющих в готовых тиражах, на сумму 6400 руб., то на Московской международной выставке-ярмарке — 83 — более чем на 240 тысяч руб.

Несмотря, однако, на известные достижения советской миниатюрной книги, перед ее создателями, и прежде всего полиграфистами, стоит еще немало нерешенных проблем. Следует полностью механизировать производство миниатюрных книг, особенно переплетно-брошюровочные процессы. Это дало бы возможность поднять их тиражи (сегодня они в среднем не превышают 7 тыс. экз.), увеличить выпуск книжек меньших размеров (заметим, что 75% выходящих в стране мини-изданий имеют форматы от 70 до 100 мм, в то время как в ГДР их доля составляет 4%, в Венгрии — 12%).

Все острее ощущается необходимость в разработке и внедрении специальных переплетных материалов, особых сортов бумаги, что позволило бы заметно увеличить емкость миниатюрных книг, улучшить качество их художественного и полиграфического исполнения, а значит, и усилить их общественное, культурное и духовное воздействие на читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Барыкин В. Е. Специфика факсимильных изданий и особенности их редакторской подготовки.—В кн.: Книга. Исслед. и материалы, 1978, сб. 37, с. 19, 20.
- ² См.: Историей дышат страницы.—Правда, 1980, 27 февр.
- ³ См.: Современная концепция книги.—Наука и жизнь, 1984, № 4, с. 108—113.
- ⁴ Изборник Святослава 1073 года: Научный аппарат факсимильного издания.—М.: Книга, 1983, с. 7.
- ⁵ Розов Н. Н. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция.—Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1969, т. 28, вып. 1, с. 78.
- ⁶ Там же, с. 12.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же, с. 7.
- ⁹ Там же, с. 15.
- ¹⁰ Там же, с. 74.
- ¹¹ Немзер А. Владимир Соллогуб и его главная книга; Кантор А. Григорий Гагарин — иллюстратор «Тарантаса». М.: Книга, 1982, с. 36. (Прил. к кн.: Соллогуб В. А. Тарантас: Путевые впечатления. Факс. изд.).

- 12 Немзер А. Владимир Соллогуб и его главная книга; Кантор А. Григорий Гагарин—иллюстратор «Тарантаса». М.: Книга, 1982, с. 38 (Прил к кн.: Соллогуб В. А. Тарантас: Путевые впечатления. Факс. изд.).
- 13 Там же.
- 14 Там же, с. 22.
- 15 Там же, с.
- 16 Там же.
- 17 Почти о каждой миниатюрной книге, выпущенной издательством, рассказывалось на страницах «Правды», «Книжного обозрения», «Литературной газеты», «Недели», журналов «Смена», «В мире книг». Из многочисленных публикаций о мини-книгах издательства приведем: Споря с фолиантами.—Правда, 1978, 6 окт.; Книга. Год 1981-й.—Кн. обозрение, 1981, 4 янв.; Заре навстречу.—Правда, 1982, 30 марта; Яркие грани книги.—Труд, 1983, 25 дек. и др.
- 18 Эти цифры (как и другие аналогичные данные, которые будут приводиться в дальнейшем) были подготовлены нами для докладов «Издание миниатюрных книг в СССР на современном этапе. Особенности и тенденции» и «О некоторых традициях отечественной миниатюрной книги. Ретроспективный обзор», зачитанных в 1983 году на симпозиуме во время проведения Международной выставки миниатюрной книги в г. Любляне (СФРЮ).
- 19 Немировский Е. Л., Горбачевский Б. С. С книгой через века и страны.— М.: Книга, 1964, с. 264.
- 20 Ласунский О. Г. Среди миниатюрных изданий.—В мире книг, 1976, № 9, с. 72—73.
- 21 Там же.
- 22 Чубарьян О. С. О миниатюрных книгах.—В кн.: Миниатюрные книги СССР. М.: Книга, 1975, т. 1, с. 31—32.
- 23 Мейлах Б. С. Большие последствия малых форматов: Об одной важной книгоиздательской проблеме.—Известия, 1965, 1 сент.
- 24 Лит. газ., 1842, 15 февр.
- 25 Молва, 1836, ч. 12, № 5, с. 111—112.
- 26 Чубарьян О. С. Цит. соч., с. 29.
- 27 Там же, с. 51.
- 28 Там же, с. 54.
- 29 Немировский Е. Л., Виноградова О. М. Миниатюрные книги. Вчера, сегодня, завтра.— М.: Книга, 1977, с. 231—232.
- 30 Вавилов С. И. Несколько замечаний о книгах.—Сов. кн., 1947, № 1, с. 19.
- 31 См. наши выступления в печати: Кравченко В. Системность.—В мире книг, 1981, № 7, с. 7—9; Кравченко В. Ф. Современная концепция книги.—Наука и жизнь, 1984, № 4, с. 108—113; Адресовано современникам.—Правда, 1984, 28 марта; Яркие грани книги.—Труд, 1983, 25 дек.
- 32 Цит. по кн.: Миниатюрные книги СССР. М.: Книга, 1975, т. 1, с. 53.
- 33 Отеч. зап., 1841, т. 1, № 12, отд. 6, с. 41—42.
- 34 Там же, 1844, т. 32, № 2, отд. 6, с. 75.
- 35 Чубарьян О. С. Малое—большое.—В мире книг, 1972, № 3, с. 73—75.
- 36 Сикорский Н. М. По поводу миниатюрных изданий.—В кн.: Миниатюрные книги СССР. 1979. М.: Книга, 1982, с. 18.

А. Марин

ВОК В ЦИФРАХ

Всесоюзное добровольное общество любителей книги (ВОК) образовано в 1974 году. Учредители ВОК — Госкомиздат СССР, Министерство культуры СССР, Министерство просвещения СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР, Центросоюз СССР.

В приветствии ЦК КПСС Учредительному съезду подчеркнуто: «Любители книги, объединенные во Всесоюзное добровольное общество, будут стремиться к тому, чтобы полнее использовать огромную силу печатного слова в пропаганде бессмертных идей марксизма-ленинизма, в распространении политических, научных и технических знаний, в воспитании активных строителей коммунистического общества».

Всесоюзное добровольное общество любителей книги насчитывает в настоящее время более 190 тысяч первичных организаций, объединяющих свыше 16 миллионов рабочих, колхозников, ученых, школьников, студентов, служащих, которые ведут целенаправленную пропаганду книги, книжных знаний, организуют досуг трудящихся. Поддерживая тесные связи с учредителями общества, с творческими союзами, книголюбы принимают самое активное участие в общественной и культурной жизни страны.

ПРОПАГАНДА КНИЖНЫХ БОГАТСТВ СТРАНЫ

В стране более 300 тысяч библиотек, располагающих фондами в 5,5 миллиардов книг.

Одна из задач Общества — активная пропаганда библиотечных фондов. Сегодня контакты Общества с библиотеками значительно обогатились. Совместно проводятся многочисленные мероприятия. Книголюбы организуют на предприятиях и в учреждениях передвижные выставки из фондов библиотек. В читальных залах библиотек систематически устраиваются выставки из ценных собраний владельцев личных библиотек.

При многих библиотеках работают клубы книголюбков. Систематически выпускаются буклеты, рекомендательные списки и другие библиографические материалы.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ

Всесоюзное общество книголюбков ведет активную пропаганду книг, находящихся в личных собраниях. К настоящему времени более 65 тысяч владельцев домашних библиотек открыли их для общего пользования. Эти библиотеки зарегистрированы в первичных организациях ВОК. Многие собрания уникальны. Книголюбки устраивают выставки книг из своих личных собраний в государственных библиотеках, во Дворцах культуры, клубах, выступают с лекциями и обзорами, посвященными книжным собраниям, проводят неоценимую работу по воспитанию культуры чтения. Среди энтузиастов много учителей, особенно сельских.

ВОК проводит большую работу по созданию общественных библиотек. Сейчас в стране их уже более семи тысяч. Фонды этих библиотек укомплектованы книгами, подаренными книголюбками из личных собраний. Многие из таких библиотек насчитывают от 20 до 100 тысяч названий книг.

Общественные библиотеки работают в тесном контакте с государственными, профсоюзными библиотеками. Активисты общественных библиотек ведут широкомасштабную работу по пропаганде книг, привлечению новых читателей, учат умению отыскать «свою» книгу в океане литературы.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

У Общества 21 производственное предприятие, на которых выпускается различная продукция, связанная с книгой, необходимая для книголюбков (обложки для книг, закладки, экслибрисы, фотоизделия, различные печатные работы, каталожные ящики и карточки, книжные полки, стеллажи). План выпуска этой продукции в 1984 году составил 5800 тысяч рублей. Ведется работа по созданию новых производственных предприятий.

Особое место в производственной деятельности занимают работы по ремонту и реставрации книг.

В 1984 году будет отремонтировано книг на сумму 807 тысяч рублей.

Готовится выпуск приспособлений для ремонта книг в домашних условиях, школах, библиотеках.

Планируется строительство предприятия по микрофильмированию книг.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общество книголюбов выпускает свою книжную продукцию. Это прежде всего литература книговедческого профиля, книги о виднейших ученых-библиофилах и собирателях книг, о судьбах редких изданий. Это такие издания, как «Краткий справочник книголюбца», «Юному книголюбцу», «Книжные встречи» Ю. Курочкина, «...Звучат лишь письмена» А. Глухова, «На полках Публичной библиотеки» О. Д. Голубевой и А. Л. Гольдберга, «Рассказы о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, «История советского библиофильства» П. Н. Беркова, «Альманах библиофила». Многие интересные книги, выходящие с эмблемой ВОК, распространяются в организациях книголюбов для поощрения активистов Общества.

Ширится издательская деятельность при республиканских и краевых правлениях Общества.

Многие организации выпускают миниатюрные книги и издания, рассказывающие о выдающихся деятелях книжного дела.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

Центральное правление Общества устанавливает и укрепляет дружественные связи с объединениями книголюбов социалистических стран, которые развиваются в общем русле культурных связей СССР с зарубежными странами.

Общество книголюбов осуществляет тесные контакты с друзьями книги ГДР, Болгарии, Польши, Кубы, Монголии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Стабилизации этих связей способствуют встречи представителей объединений книголюбов стран социалистического содружества, обмен изданиями, опытом работы по пропаганде книги, декады литературы братских социалистических стран и т. п.

Международные встречи и соглашения любителей книги братских социалистических стран способствуют широкому распространению знаний о книге, использованию ее в пропаганде коммунистических идей, воспитанию трудящихся в духе пролетарского интернационализма и дружбы между народами.

Всесоюзное общество любителей книги — постоянный участник Московской международной книжной выставки-ярмарки.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ ВОК

В организациях Общества работают свыше 2,5 тысяч общественных научно-методических советов, которые направляют все

организационно-пропагандистские мероприятия с книгой, проводимые Обществом. Они работают в тесном контакте с издательствами, библиотеками, творческими союзами, книгорганами, литературными музеями, органами народного образования.

С их помощью и при их непосредственном участии разрабатываются конкурсы, проводятся общественные мероприятия — такие, как ленинские чтения, общесоюзные чтения, посвященные «60-летию образования СССР», выставки «Сражающаяся книга», дни и декады литературы братских союзных республик, встречи с писателями и издателями.

СЕКЦИИ ЮНЫХ КНИГОЛЮБОВ, ШКОЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ «ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ КНИГИ»

Большое внимание организации Общества уделяют школе. Сегодня в общеобразовательных школах страны успешно работают свыше 30 тысяч школьных кооперативов «Юные друзья книги» и более 41 тысячи секций юных книголюбков. Во многих школах созданы музеи книги. Частыми гостями учеников стали писатели, поэты. В школах проводятся праздники книги, литературные вечера, викторины. Во многих школах входят в систему уроки книги, на которых преподаватели литературы, специалисты детских и юношеских библиотек, известные книговеды знакомят ребят с книгой, основами библиографии, рассказывают о навыках чтения, о том, как работать с книгой.

Огромная работа проводится юными книголюбками по сохранности школьных учебников. Организации Общества проводят смотры, конкурсы под девизом «Живи, книга», «Береги книгу», «Изучи, сохрани и передай младшему».

Организации Общества во многих школах создали «книжкины больницы». Опытные специалисты учат детей переплетному делу, тому, как самому отремонтировать книгу. Выпущены специальные методические материалы по ремонту книг.

ЛЕКЦИОННАЯ РАБОТА ВОК

В организациях Общества созданы и успешно работают около двух тысяч лекционных бюро пропаганды книги. При каждом из них работает лекторская группа, в которую входят книголюбки разных профессий — преподаватели школ и высших учебных заведений, библиотекари, научные работники, профессиональные литераторы, крупнейшие специалисты отраслей народного хозяйства. Лекционная пропаганда книги отражает важнейшие общественно-политические и литературные события. Ежегодно силами Общества читается более 300 тысяч лекций.

Ежегодно организации Общества выпускают методические материалы в помощь активистам и лекторам.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ КНИГИ, НАРОДНЫЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ И КИОСКИ

На заводах, в колхозах, совхозах, учебных заведениях, ПТУ успешно работают около 1 миллиона общественных пропагандистов книги. Они создали на своих предприятиях, в учебных заведениях народные книжные магазины и киоски. Их по праву называют «культурными цехами» предприятий. Сейчас их насчитывается более 11 тысяч.

Общественные пропагандисты книги ведут большую работу по пропаганде общественно-политической, научно-технической, сельскохозяйственной и другой литературы непосредственно на рабочих местах в трудовых коллективах.

Сейчас на крупнейших предприятиях страны, стройках, в колхозах и совхозах, учебных заведениях успешно работают 30 тысяч пунктов по приему предварительных заказов на книги.

КЛУБЫ КНИГОЛЮБОВ

Широкое развитие в Обществе получили клубы книголюбков. Сегодня их насчитывается более 13 тысяч. Они организуются по интересам и наклонностям любителей книги. Членами клубов становятся писатели и ученые, рабочие и колхозники, студенты и школьники, люди разных возрастов и профессий. География клубов обширна — от Мурманска до Южного Сахалина, от Душанбе до Архангельска.

Клубы ведут работу по пропаганде книжных знаний, формированию читательских интересов, по эффективному использованию книжных богатств страны в интересах коммунистического строительства. Проводимые в клубах литературные вечера, выставки книг, встречи с писателями, знатными людьми пользуются большой популярностью и всегда собирают обширную аудиторию книголюбков.

ШЕФСКАЯ РАБОТА КНИГОЛЮБОВ

В организациях Общества ведется большая работа по шефскому сотрудничеству книголюбков над Всесоюзными ударными стройками, сельскими школами и библиотеками, погранзаставами, экипажами кораблей, находящимися в дальнем плавании. Только в прошлом году книголюбков собрали и направили строителям БАМа, нефтепровода Уренгой — Помары — Ужгород,

в сельские библиотеки, школы, детские дома, морякам и рыбакам более 1 миллиона экземпляров книг.

НАРОДНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ «КНИГА»

В системе ВОК успешно работают более 300 народных университетов «Книга». В них сложились стабильные педагогические коллективы, объединяющие крупнейших ученых, общественных деятелей, высококвалифицированных специалистов.

В программах университетов — дисциплины, расширяющие у слушателей книговедческие, библиотечно-библиографические знания, культуру чтения. Слушатели знакомятся с историей книги, книгопечатания, узнают о творчестве видных художников-оформителей, деятельности выдающихся отечественных книгоиздателей и библиофилов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамкин Н. 141
 Абрамов П. А. 144
 Августин А. 108
 Аверин П. И. 99
 Авиценна (Ибн Сина) 285, 286
 Агванхайдав Л. 33
 Агин А. А. 267
 Адамович А. М. 17
 Адарюков В. Я. 256
 Айтматов Ч. Т. 34, 45, 210
 Акимов Н. П. 37
 Александр Великий 226
 Александр I 10, 134, 231
 Алимов Б. А. 200
 Алимов С. А. 200
 Аль-Хамиси А. 34
 Алякринский П. 162
 Амосов А. Н. 115
 Анакреонт 145—147
 Анастасий Синаит 262
 Андерш А. 250
 Андреев Л. Н. 91, 92
 Андреев Н. А. 286
 Андреева М. Ф. 94
 Андроников И. Л. 71, 124
 Анисимов И. И. 121
 Антокольский П. Г. 121
 Апухтин О. 238
 Арго А. М. 160
 Аристотель 211
 Артоболевский И. И. 74
 Аст Дж. В. 98, 99, 106
 Астафьев В. П. 7, 17, 45
 Ахматова А. А. 35
- Багaley Д. И. 98
 Баженов В. И. 212
 Бажов П. П. 164—167, 200, 307
 Байдуков Г. Ф. 71
 Байрон Дж. Г. 130
 Бакланов Г. Я. 7, 45
 Бакст Л. С. 189
 Вакунин М. А. 279
 Балмуш П. Т. 96, 307
 Барант Э. Г. 137
 Баратынский Е. А. 137, 266
 Баркер Р. 77, 79
- Барсуков Н. П. 109
 Бартенеv П. И. 233
 Барто А. Л. 165, 167, 168, 281
 Барыкин В. Е. 257—259, 287
 Батин М. А. 166
 Бауден Ч. 29
 Баширов Г. Б. 122
 Башкирцева М. К. 35
 Бегунов Ю. К. 265
 Бейе Е. 170
 Бейслехем Р. Г. 95
 Белинский В. Г. 110, 140, 142, 148—150, 158, 222, 266, 272, 278, 279
 Белов В. И. 38, 45, 46
 Белый, Андрей 92, 119, 178
 Бенедиктов В. Г. 142
 Бенуа А. Н. 189
 Берггольц О. Ф. 92, 118, 121, 166
 Березин Н. И. 256
 Берков П. Н. 290
 Берман Л. Я. 104
 Бернардский Е. Е. 266, 267
 Бернал Дж. 82
 Берында П. 103
 Бессараб М. Я. 133
 Бестужев А. А. 269
 Билибин И. Я. 188, 189
 Бильбасов В. А. 94, 95
 Бисти Д. С. 199, 200
 Благой Д. Д. 70, 90
 Блок А. А. 92, 119, 123, 129, 210, 269
 Бобров С. С. 113
 Богданович Г. Е. 235
 Богданович П. 277
 Бондарев Ю. В. 7, 9, 11, 16, 45
 Бопп Ф. 107
 Борис Годунов 151
 Боть В. 140
 Брокгауз Ф. А. 62, 182
 Броневский В. Б. 228
 Бруни И. Л. 200
 Бруно Дж. 211
 Брjulлов К. П. 135
 Брюсов В. Я. 110—112, 119, 125
 Букина Л. В. 25, 31, 220

- Булгарин Ф. В. 266
 Бунин А. И. 129, 130
 Бутырский Н. И. 106
 Буянноэмах С. 33
 Быков В. В. 7, 16
 Быковцева Л. П. 95
 Бюлер Ф. А. 227

 Вавилов Н. И. 90
 Вавилов С. И. 275, 278
 Вагин В. В. 184—190, 192—200, 202
 Ваертен Я. 170
 Вайдаев В. М. 159, 161—169
 Валишевский К. 181
 Варсанюфьева В. А. 70
 Василевский А. М. 10
 Василий Великий 263
 Васильченко М. Е. 168
 Васнецов Ю. А. 190, 202
 Вацура В. Э. 276
 Введенский Д. Ф. 132
 Вельтман А. Ф. 233, 234, 237, 238
 Веневитинов Д. В. 279
 Венелин Ю. И. 96, 104
 Вербицкая А. А. 92
 Верейский О. Г. 191
 Верн Ж. 36
 Верне О. 266
 Верховский Ю. Н. 164
 Веселовский А. Н. 133
 Вийон Ф. 285
 Вико Дж. 99, 100, 107, 108
 Викулов С. В. 46
 Вилле М. Я. 182
 Вилькенсон В. 97
 Виноградов А. К. 92
 Виноградов В. В. 133
 Виноградова О. М. 273, 276, 278
 Владимир Мономах 179
 Владимиров Л. И. 82
 Владимирцов Б. Я. 29
 Водопьянов М. В. 155
 Волконская З. А. 113
 Волович В. М. 199
 Вольтер 211
 Вольф Х. 97, 182
 Воронский В. В. 111
 Воронцов М. С. 224, 232, 235
 Воронцов-Вельяминов Б. А. 70

 Вульпиус Х. А. 101
 Вышеславский Л. Н. 126
 Вяземский П. А. 137, 216, 217, 266

 Гагарин Г. Г. 265, 266—268, 287
 Гагарин П. П. 226
 Гагарин С. С. 7
 Гаген Ф. 101
 Гайдебуров П. А. 123
 Галлам Г. 97
 Гамбьез Ф. 18
 Гамзатов Р. Г. 16, 32
 Гамсун К. 36
 Ганс Э. 107
 Гашек Я. 286
 Ге Н. Н. 286
 Гегель Г. В. Ф. 97
 Гельфрейх В. Г. 205
 Геннади Г. Н. 225, 230
 Герасимов С. А. 74
 Герасимов С. В. 191
 Герасимович Л. К. 29
 Гердер И. Г. 97, 100
 Герман А. А. 286
 Геродот 226, 229
 Геррес И.-И. 98, 99, 107
 Герцен А. И. 24, 59, 63, 134, 255, 266, 279, 285
 Гёте И. В. 35, 55, 81, 130, 133, 139, 142, 147—149, 196, 197, 211
 Гизо Ф. П. Г. 97, 107, 137
 Гильен Н. 34
 Гиляровский Р. С. 81
 Глаголев Г. А. 104
 Гладков Ф. В. 6, 164, 169
 Глинка Ф. Н. 11
 Глухов А. Г. 290
 Глюк Э. 62
 Гнедич Н. И. 137
 Гнедовский М. Б. 205, 308
 Гоголь Н. В. 38, 112, 115, 124, 125, 137, 181, 193, 200, 211, 266, 276
 Годан Ж. 170—178
 Голицын Н. С. 14
 Головин Е. А. 105
 Голубева О. Д. 290
 Гольдберг А. Л. 290
 Гомбожав Х. 29
 Гомер 26, 137, 144, 145, 149, 150, 211

- Гончаров А. Д. 84, 186
 Гораций 34, 144
 Горбачевский Б. С. 270, 288
 Городецкий С. М. 92
 Горький А. М. 6, 24, 26, 34, 44, 55, 69, 89—95, 110, 211, 279, 295, 307—308.
 Готье Т. 246
 Гофман Э. Т. А. 279
 Гранат, братья 111
 Гранвиль Ж. 198
 Гранин Д. А. 17
 Гребенка Е. П. 115
 Грей Дж. 246, 248
 Грей Т. 130, 132
 Греч Н. И. 137, 138
 Гречихова Ю. Ю. 223, 308
 Грибов Ю. Т. 40, 45—48, 50, 51, 53, 306
 Грибоедов А. С. 114, 279
 Григорьев А. А. 113, 116
 Григорьев В. В. 229
 Гримм, братья 101, 245, 252, 279, 281
 Гроссгейнрих К. 144, 145, 147—150
 Гросул В. Я. 109
 Гуковский Г. А. 133
 Гулак-Артемевский П. П. 97
 Гулранса В. 33
 Гутенберг И. 26, 80, 81

 Давыдов Д. В. 113
 Давыдов Д. П. 113, 116
 Давыдов И. И. 104
 Д'Аламбер Ж. 78
 Даль В. И. 240
 Дамдинсүрэн Ц. 33
 Данковский Е. П. 104
 Данте А. 149, 252
 Дашков Д. В. 110
 Дельвиг А. А. 113, 137, 227
 Демьян Бедный 162
 Державин Г. Р. 113, 116, 123, 137, 149, 212, 216, 217
 Дерунов К. Н. 78
 Джавахишвили М. С. 91
 Дидро Д. 69, 78, 276, 285
 Диккенс Ч. 211
 Диковский С. В. 167, 168

 Диодоров Б. А. 200
 Добролюбов Н. А. 111, 266, 280
 Добужинский М. В. 189
 Долгоруков Н. А. 160
 Долматовский Е. А. 118
 Дольников Г. У. 155
 Доре Г. 198
 Достоевский Ф. М. 24, 34, 211, 280
 Драгомиров М. И. 14
 Друковцев С. В. 214, 217, 219
 Дубинин Н. П. 74
 Дубинский Д. А. 191
 Дубровин Н. 133
 Дудрович А. И. 97
 Дурылин С. Н. 112, 114

 Епифаний Кипрский 263
 Есенин С. А. 92, 119, 129, 283
 Ефремов М. Г. 17
 Ефремов П. А. 133
 Ефрон И. А. 62, 182

 Жеглинский В. О. 279
 Желябов А. И. 90
 Жемчужниковы, братья 195
 Жерве Б. 14
 Жилин П. А. 7, 15, 19, 22, 23, 306
 Жилиякова Э. М. 136
 Житарев В. Г. 214—217, 219
 Житников Н. 281
 Жоанно Т. 266
 Жуков Г. К. 10
 Жуковская А. В. 132
 Жуковская Л. П. 265
 Жуковский А. Г. 130
 Жуковский В. А. 37, 110, 113, 124, 129—141, 266, 284
 Жуковский П. В. 131, 132, 136, 285

 Закревский Ю. А. 110, 307
 Захаров П. Г. 186
 Заходер Б. В. 167
 Зберский Т. 85
 Зейдлиц К. К. 133
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 92
 Зобин Г. С. 213
 Зошенко М. М. 92
 Зубова Е. 124
 Зубрицкий Д. И. 97
 Ибрагимов Н. М. 115

- Ибсен Г. 36
 Иван Грозный 103, 181, 226
 Иванов А. И. 266
 Иванов В. С. 160
 Иваск У. 236
 Измайлов Н. В. 133
 Илларионов В. Т. 93
 Имвриоти Р. 72
 Инбер В. М. 92, 118
 Инжиннаш В. 33
 Инзов И. Н. 99, 100, 233
 Иоанн Дамаскин 263
 Иоанн Златоуст 262
 Иоанн Сидоровский 145
 Иогансон Ф. А. 279
 Ириарте Т. де 147
 Исаев Е. А. 54, 200
 Исаев М. 34
 Исаковский М. В. 119, 155
 Иустин Философ 263
 Ишданзанванжил Н. 33
- Кабалевский Д. Б. 74
 Кабанов В. Т. 142, 307
 Каверин В. А. 35, 36, 38, 39, 71, 306
 Казакова Р. Ф. 34
 Кайзер М. де 170
 Калайдович К. Ф. 104
 Калашников А. Г. 70
 Калидаса 26
 Калинин М. И. 90
 Каллимах 241
 Калужински С. 29
 Каменский В. В. 201, 282
 Камознс Л. де 149
 Каневский А. М. 160, 162
 Канетти Э. 251
 Кант И. 178
 Кантемир А. 103, 137
 Кантемир Д. 103, 258
 Кантор А. М. 267, 269
 Канунова Ф. З. 136
 Капельль Г. 137
 Кара Д. 29
 Караваева А. А. 164
 Карамзин Н. М. 14, 86, 104, 113, 114
 Карион Истомин 61, 255
 Карл II 242
- Карпинский В. А. 94
 Карпов В. В. 7
 Карпов Н. 97
 Кассиль Л. А. 71
 Катаев В. П. 92, 307
 Катенин П. А. 111
 Кацева Е. А. 253
 Каченовский М. Т. 104, 106
 Квинс П. Л. 246
 Кеппен П. 103, 106
 Кер-Портер Р. 231—238
 Кибрик Е. А. 191
 Киреевский И. В. 134, 138
 Кирилл Александрийский 263
 Кириллов И. 226
 Кирнарский М. А. 37
 Кирсанов С. И. 121
 Кирьянов В. Ю. 59, 306
 Кларк М. А. 241
 Клодт К. К. 266
 Клыкков Н. К. 9
 Кноблех Г. 285
 Коваль-Волков А. И. 151, 307
 Козин Г. Я. 93
 Козин С. А. 29
 Козлов И. И. 113
 Козьма Прутков 189, 195, 196
 Кокорин А. В. 199
 Колосов А. И. 49
 Кольцов А. В. 44, 113
 Комаров В. 200
 Коменский Я. А. 61—64
 Конашевич В. М. 37, 188, 190
 Конгрев У. 180
 Кондаков Н. П. 108
 Конев И. С. 10
 Коненков С. Т. 71
 Коперник Н. 211
 Корецкий В. Б. 160
 Коринна 147, 148
 Коровицкий Л. К. 281
 Королев А. В. 184, 307
 Королев С. П. 211
 Короленко В. Г. 91
 Корт И. де 177
 Корф М. А. 229, 230
 Костер Ш. де 171, 173
 Костин А. Л. 199
 Костин М. Г. 215
 Костомаров Н. И. 14

- Костров Е. И. 113
Костюхина Л. М. 265
Котырев А. Н. 170, 307
Коул К. 246
Коцюбинский М. М. 91
Кравченко А. И. 190
Кравченко В. Ф. 254, 288, 308
Край К. 223
Кржижановский Г. М. 71, 90
Кржупка В. 177
Крист А. Х. 214
Кропоткин П. А. 122
Крупин В. Н. 46
Крупская Н. К. 69, 70, 74, 259, 285
Крутилин С. А. 47
Крылов И. А. 111, 123, 137, 181, 182, 205, 255, 272, 279, 281, 283
Крюкова А. М. 95
Кузаян П. М. 208
Кузнецова Л. 140
Кузьмин Н. Б. 122, 188
Куйбышев В. В. 90
Куклин Г. А. 94
Кукрыниксы 90, 160, 162, 163, 199
Кулешов В. И. 141
Кулиев К. Ш. 32
Кульман Б. Ф. 142, 144
Кульман Е. Б. 142—150
Купала Я. 91
Купер Д. Ф. 36
Курганов Н. В. 60
Куропятников Г. 153
Курочкин Ю. М. 290
Кутузов М. И. 10, 12
Куфаев М. Н. 259
Кюхельбекер В. К. 111, 142, 149, 150
- Лавров Б. А. 200
Лазурский В. В. 208
Лансере Е. Е. 189
Ланчиков В. К. 241
Лассаль Ф. 280
Ласунский О. Г. 270, 271, 275, 288
Латтимор О. 29
Лафарг П. 280
Лебедев В. В. 190, 192
Лебедев В. С. 216
Лебедева О. Б. 136
Левочкин И. В. 264
- Левшин А. И. 223—230
Левшина В. А. 228
Леер Г. 14
Лейбниц Г. В. 97
Лейн А. 80
Ленин В. И. 14, 16, 24, 55, 57, 89, 90, 110, 141, 183, 211, 212, 259, 280, 283—286
Леонардо да Винчи 245
Леонов Л. М. 92, 185, 188
Леонтьев А. Н. 70
Лермонтов М. Ю. 37, 38, 44, 110, 113, 121, 123, 129, 263, 279, 281, 283, 285
Ли Бо 246, 248
Лигети Л. 29
Линде С. Б. 106
Липранди И. П. 224, 231—238
Лисицкий Эль 190
Лихачев Д. С. 18
Лихачева В. Д. 265
Лихоносов В. И. 46
Лобанов В. В. 136
Ломоносов М. В. 59, 61, 117, 123, 137, 211, 240, 256
Лоти П. 35
Луговской В. А. 121
Луконин М. К. 11
Луначарский А. В. 90
Львов Н. А. 116
Люльфинг Г. 285
Лютер М. 180
Ляшко Н. Н. 164
- Маврина Т. А. 122, 188
Майлат И. 104
Майофис М. С. 199
Майский Ф. Ф. 164
Мак-Люэн М. 81, 82
Макинтайр С. Ф. 246
Маковский К. Е. 217
Максим Исповедник 262
Максим Черноризец 262
Максимова В. А. 89, 307
Максимович М. А. 97, 104
Малинина П. А. 44
Малиновский Р. Я. 10
Манозль Н. де 147
Мантеро Дж. 177
Мануций А. 243, 244

- Маресьев А. П. 155
Марин А. П. 289, 308
Маркевич Б. А. 199
Маркин И. И. 139
Марков А. Я. 27
Марков Г. М. 34, 35
Марковский В. Ю. 268
Маркосян А. А. 70
Маркс К. 14, 24, 89, 183, 211, 279
Маркушевич А. И. 70, 71
Марриет Ф. 278
Мартос А. 97
Мартынов Л. Н. 200
Марцелла С. 97
Марцишевская К. А. 122, 124, 125
Маршак С. Я. 71, 118, 124, 160, 192, 281
Мацевский В. А. 99, 104, 107—109
Маяковский В. В. 92, 211, 282
Медер П. И. 144, 147
Межелайтис Э. Б. 167
Мейер Л. 229
Мейлах Б. С. 272, 288
Менделеев Д. И. 211
Мерзляков А. Ф. 116
Метерлинк М. 35
Мигдал А. Б. 74
Милонов М. В. 113
Милонов Н. 140
Мильтон Дж. 147
Минц И. И. 23
Митрохин Д. И. 189
Митурич М. П. 199
Митяева Э. 140
Михайлов А. И. 81
Михайлов Г. И. 29
Михалков С. В. 74, 118, 121, 141, 165, 196, 197, 281, 285
Михневич Н. П. 14
Мицкевич А. 211
Мишле Ж. 108
Модзалевский Б. Л. 223, 230
Можаев Б. А. 38
Мокроусов Б. А. 155
Мольер Ж. Б. 211
Момьш-улы Б. 122
Моне Ф. И. 100, 107
Монтень М. 26, 34
Моор Д. С. 162
Моргун Ф. Т. 55
Морияк Ф. 247, 248
Моряков Е. Н. 55
Мостарт А. 29
Мстислав, князь Новгородский 179
Мулдагалиев Д. 34
Муравьев-Апостол М. И. 137
Мусин-Пушкин А. И. 104, 255
Муханов П. А. 97
Надеждин Н. И. 100, 106
Наджми К. 122
Надсон С. Я. 142
Наполеон Бонапарт 234, 235, 253
Напфельбаум Л. М. 35
Нарбут Г. И. 189
Наровчатов С. С. 121
Натали В. Ф. 70
Нацагдорж Д. 27, 33
Невская К. 16
Некрасов Н. А. 117, 123, 124, 148, 266, 272
Немзер А. 268
Немировский Е. Л. 76, 256, 270, 273, 276, 277, 286, 288, 294, 306
Неруда П. 197
Неттельгорст О. П. 266
Нечаев А. Н. 167, 168
Нечкина М. В. 23, 70, 133
Нибур Р. 97, 99, 107
Никитенко А. В. 106, 142, 150
Никитин И. С. 44
Николай I 133, 134, 138, 266
Николев Н. П. 113
Новиков Н. И. 63, 103, 109, 214
Норов П. Д. 12
Носков В. А. 199
Носов Е. И. 45
Обата 246
Образцов С. В. 71
Обручев В. А. 71, 128
Ованесян Р. К. 35
Овечкин В. В. 49
Огарев Н. П. 124, 255, 279
Оджилби Дж. 242, 248
Одноралов Н. В. 179, 307
Одоевский В. Ф. 110, 266
Ожешко Э. 35
Озеров Л. А. 121

- Олдридж Дж. 34
 Онегин А. Ф. 136
 Онон У. 29
 Опарин А. И. 71
 Орлов Б. П. 70
 Орлов Н. А. 14
 Осеева В. А. 32
 Островский Н. А. 152—154
 Отле П. 78
 Оуэн Р. 280
- Павлов И. П. 211
 Павсаний 145, 147
 Пакуль Н. М. 79
 Панар Ш. 217
 Панкратова А. М. 70
 Папанин И. Д. 71
 Парфеньев И. Е. 216
 Пастернак Б. Л. 118
 Паунд Э. Л. 246
 Паустовский К. Г. 71, 240
 Пауэлл Л. К. 241, 242
 Пахомов Матфей 145
 Пеллио П. 29
 Пепис С. 242, 248
 Перельман Я. И. 281
 Пермьяк Е. А. 167
 Перовская С. Л. 90
 Песков В. М. 45
 Пестель П. И. 280
 Петр Могила 103
 Петр I 62, 103, 226, 231
 Петров А. Д. 255
 Петрянов-Соколов И. В. 54, 69, 74,
 306
 Пешкова М. М. 95
 Пешкова Н. А. 93
 Пикассо П. 198
 Пильняк Б. А. 35
 Пиндар 147
 Пирогов Н. И. 59
 Писарев Д. И. 280
 Пискунов А. 93
 Пифагор 102
 Платон 62, 99
 Плетнев П. А. 266
 Плеханов Г. В. 280
 Погодин М. П. 105, 109
 Познер С. М. 91
 Полевой Н. А. 104, 228
- Полибий 108
 Полонский Я. П. 116
 Полторацкая В. 111
 Попов А. С. 110
 Попов И. И. 90
 Попов М. И. 116
 Попов М. К. 158
 Попов Н. Е. 199
 Потанин В. Ф. 46
 Поуха П. 29
 Похлебкин В. В. 218, 219
 Прайс Д. де С. 82
 Прач И. 116
 Прокопий Кесарийский 14
 Прокофьев А. А. 281
 Птолемей 255
 Пугачев Е. И. 228
 Пушкин А. С. 24, 32, 37, 44, 59,
 111, 113—115, 121, 123, 124,
 129, 130, 133, 134, 136, 138, 140,
 146, 149—152, 182, 188, 194,
 195, 211, 217, 218, 222—225,
 227, 228, 230—233, 236—238,
 267, 276, 277, 279, 281—283,
 285, 308
- Равджаа Д. 33, 34
 Радищев А. Н. 113, 124, 211
 Разин С. Т. 14
 Разоренов А. Е. 113
 Рамстедт Д. 29
 Распутин В. Г. 46
 Рейбо Л. 137
 Реклам А. Ф. 81
 Рембрандт Х. ван Р. 177
 Ремизов А. М. 92
 Реморова Н. Б. 136
 Репин И. Е. 286
 Рерих Н. К. 18, 123
 Ржевская Л. Ф. 111
 Риго-и-Нуньес Р. 153
 Рикеттс Ч. 246
 Рихтер Ж. П. 99
 Родд Дж. Р. 246, 248
 Родченко А. М. 190
 Розанов И. Н. 110—125
 Розанова В. С. 125
 Розберг М. П. 106
 Розов Н. Н. 262, 287
 Рокоссовский К. К. 10

- Романенко Н. Н. 96, 306
 Романов А. В. 129, 307
 Ротштейн Э. 14
 Рошаль Г. Л. 71
 Рошин М. М. 38
 Румянцев-Задунайский П. А. 142
 Русаков Е. Е. 46
 Руставели Ш. 282
 Рыбаков Б. А. 263
 Рыклин Г. Е. 162
 Рылеев К. Ф. 113, 269, 279
 Рюккерг Ф. 101
 Рюмин А. А. 200
 Рязанова М. И. 44
- Сабашниковы, братья 255
 Саблин В. 281
 Савиньи Ф. К. 99, 107
 Садофьев И. И. 164
 Саксе А. О. 167
 Сакулин П. Н. 114, 133
 Самарин Ю. Ф. 266
 Сахаров И. 90
 Святослав Ярославич, князь 261—
 265, 269, 287
 Севастьянов П. И. 255
 Северин М. 170
 Северянин И. В. 35
 Сельвинский И. Л. 121
 Семенко И. М. 133
 Семенов-Тянь-Шанский П. П. 59
 Сервантес С. М. де 153, 207
 Сергеев С. С. 214
 Сергейчева А. 140
 Сибиряков А. М. 136
 Сидоров А. А. 204, 285
 Сикорский Н. М. 256, 284, 288
 Силин А. Д. 183
 Симеон Ж. 53
 Симеон Могила 103
 Симонов К. М. 17, 118, 250
 Сиратори 29
 Сказкин С. Д. 70
 Сказкин Ф. Д. 70
 Скальковский А. А. 224
 Скамони Г. Н. 255, 279
 Скиталец С. Г. 92
 Сковорода Г. С. 98, 99, 108
 Скорино Л. И. 159, 307
 Скотт В. 130, 235
- Скрыбин К. И. 71
 Скуднов М. А. 182
 Слияков А. И. 44
 Смирнов С. В. 16, 17
 Смирнов-Сокольский Н. П. 204,
 290
 Смирнова А. Д. 89, 95
 Смит В. 215
 Снегирев И. М. 97
 Соковнин А. 214
 Соколов Н. А. 162
 Соколов Н. С. 116
 Соколов П. 103
 Соколов-Скаля П. П. 160
 Соколовский А. Л. 66
 Сократ 26, 108
 Соллогуб В. А. 265, 266, 268, 269,
 287
 Соловьев А. И. 70
 Соловьев Н. В. 133
 Сологуб Ф. К. 92
 Солоухин В. А. 45, 47
 Сомов О. М. 227
 Сопиков В. С. 101—103
 Сорокин З. А. 155
 Спафарий Н. Г. 103
 Спевсипп 62
 Сперанский А. Д. 90
 Сперанский М. М. 227
 Сперанский М. Н. 255
 Срезневский И. И. 105
 Стаднюк И. Ф. 7, 12, 13
 Сталь А. Л. Ж. де 137
 Старшинов Н. К. 121
 Стасова Е. Д. 90
 Степанов Ю. С. 84
 Стефан Великий 103
 Страбон 255
 Страхова К. В. 41
 Строев П. М. 103, 104
 Строев С. М. 103
 Ступин Н. 272
 Стюарт В. 170
 Суворин А. С. 255
 Суворов А. В. 10, 59, 142, 160
 Сумароков А. П. 114, 116
 Суриков В. И. 258
 Сурков А. А. 118
 Сытин И. Д. 66—68, 181, 182
 Сыдристый Н. С. 277

- Талалихин В. В. 160
 Тарковский А. А. 121
 Тарле Е. В. 233, 238
 Тартаковский А. Г. 234, 238
 Тассо Т. 144, 149
 Татищев В. Н. 226
 Таубер В. И. 163, 165, 167
 Тацит П. К. 229
 Твардовский А. Т. 118, 200, 281
 Тевкелев М. 226
 Телингатер С. Б. 84
 Тендряков В. Ф. 38
 Тепляков В. Г. 224
 Тихомиров М. Н. 15
 Тихомирова С. Н. 231, 307
 Тихонов Н. С. 92, 118, 161
 Тишкова Н. А. 250
 Ткани А. 101
 Тоидзе И. М. 160
 Толстая Т. В. 199
 Толстой А. К. 123, 195
 Толстой А. Н. 44, 45, 91, 158, 285
 Толстой Л. Н. 8, 10, 12, 24, 26, 34,
 181, 193, 271, 276, 283, 285, 286
 Толстоногов В. 200
 Томпсон Р. 244
 Тредиаковский В. К. 122, 137
 Трескорни 150
 Трубецкой С. П. 134
 Труфанов Н. И. 9
 Туманский В. И. 224
 Тургенев А. И. 217
 Тургенев И. С. 37, 271, 276
 Тынянов Ю. Н. 187, 195, 196
 Тырса Н. А. 161
 Тьер А. 235, 236
 Тьерри Ш. 97
 Тютчев Ф. И. 121
- Уайльд О. 246, 248
 Уваров С. П. 105
 Ульянинский Д. В. 259
 Ундольский В. М. 103
 Успенский Л. В. 85
 Устинов Д. Ф. 21
 Уткин И. П. 92, 281
 Уткин П. П. 181
 Уханов И. С. 46
 Ушинский К. Д. 74
- Фаворский В. А. 71, 84, 188, 190
 Фадеев А. А. 7
 Фарадей М. 211
 Федин К. А. 92, 124
 Федор Раифский 262, 263
 Федоров Иван, первопечатник 57,
 83, 255, 269
 Фейер Л. 104
 Филимонов В. С. 113
 Филомафитский Е. М. 97
 Фильцер Е. А. 165
 Флеров Н. М. 90
 Флобер Г. 182, 183
 Флорентьев Л. Я. 42, 52
 Флорентьева Л. И. 42
 Фокина О. А. 46
 Фонвизин Д. И. 137
 Форш О. Д. 164
 Фосс И. Г. 148
 Франжоли А. А. 90
 Франс А. 183
 Францев В. А. 108
 Фрунзе М. В. 14
 Фукидид 14, 229
 Фучик Ю. 285
- Хайссиг В. 29
 Хайям О. 242
 Хачатуров Т. С. 70, 74
 Хашдеу Б. П. 96, 107, 108, 307
 Херасков М. М. 103, 113
 Хиждеу А. 96—109, 307
 Хиждеу Ф. И. 97, 100
 Хикмет Н. 32
 Ходаков Ю. В. 70
 Холл О. 177
 Хомяков А. С. 266
 Хренников Т. Н. 74
 Хромов А. М. 46
 Хромова К. И. 40
 Хруцова Н. М. 214
- Царев М. И. 74
 Цвейг С. 285
 Цветаева А. И. 93
 Цветкова Е. Я. 94
 Цезарь Г. Ю. 14, 37
 Цертелев К. 97
 Цигаль В. Е. 162, 165
 Циолковский К. Э. 211, 256

- Цицерон М. Т. 37
Погту-гайджи 30, 31
Цыганов Н. Г. 116
Цых В. Ф. 97
Цэдэв Д. 25, 306
- Чаадаев П. Я. 138
Чайкина Е. И. 184
Чайковский П. И. 59
Чапаев В. И. 160
Чеботаревская А. Н. 92
Чебуков Т. 226
Челлини Б. 180
Черейский Л. А. 224
Черненко К. У. 58
Чернопятов А. И. 141
Черный А. И. 81
Чернышевский Н. Г. 55, 111, 280
Чернышovy, братья 216
Чертков А. 103
Чехов А. П. 24, 35, 37, 44, 45, 91, 211
Чехов Н. В. 59, 61
Чивилихин В. А. 46
Чингисхан 32
Чосер Дж. 285
Чубарьян О. С. 273, 277, 282, 287,
Чуковский К. И. 37, 71, 124
Чулков М. Д. 116
Чумандрин М. Ф. 92
- Шагинян М. С. 111, 164, 307
Шамов И. В. 154—156
Шамшуриh В. А. 46
Шапо Э. 182, 183
Шатохин П. 141
Шафарик П. 99, 106, 107
Шацкая В. Н. 70
Шеварева Т. 167
Шевченко М. П. 139
Шевченко Т. Г. 126, 135, 140, 181, 277
Шевырев С. П. 106, 266
Шедель Г. 205
- Шейман Л. А. 225, 230
Шекспир У. 26, 34, 149, 193, 211
Шеллинг Ф. В. 98, 99
Шергин Б. В. 167
Шершевская-Студенская Е. 116
Шиллер Ф. 130, 133, 135, 149, 211
Ширман Е. 168
Шишаков В. А. 281
Шкловский В. Б. 124
Шлёцер А. Л. 104
Шмаринов А. Д. 200
Шмаринов Д. А. 71, 191, 199
Шнабель И. Г. 104
Шолохов М. А. 7, 11, 12, 24, 45, 88, 92, 184, 200, 283, 285
Штейн Л. 137
Шукшин В. М. 46
Шульгина Э. В. 265
- Щасная Л. И. 46
Щелкунов М. И. 79
Щербатова М. Ф. 232
Щипачев С. П. 121
Щуко В. А. 205
- Эйдельман Н. Я. 237
Эйнштейн А. 211
Эйхенбаум Б. М. 133
Эмин Ф. А. 124
Энгельс Ф. 14, 24, 89, 183, 279
Эпикур 217
Эртель А. И. 99
Эскарпи Р. 79, 80
Эсхил 34, 149
Эффель Ж. 53
- Ю Шань Ань 248
Юдин Г. Н. 37
- Якобсон А. 167
Яковлев А. А. 106
Яновский М. Ф. 76
Янушкевич А. С. 136
Ярославский Е. М. 90
Яцковская К. Н. 29

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ЖИЛИН (р. 1913)

Историк. Член-корреспондент Академии наук СССР. Вице-президент Международного комитета историков второй мировой войны. Автор многих трудов по русской и советской военной истории, в их числе книг «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз», «Гибель наполеоновской армии в России», «Проблемы военной истории» и др.

ДОДЖООГИЙН ЦЭДЭВ (р. 1940)

Писатель. Председатель Правления Союза монгольских писателей. Автор поэтического сборника «Думы», исследований «Традиции и новаторство в монгольской поэзии», «Мастерство писателя», ряда сборников прозы и поэзии.

ВЕНИАМИН АЛЕКСАНДРОВИЧ КАВЕРИН (р. 1902)

Старейший советский прозаик. Автор многих повестей, рассказов, эссе, романов «Два капитана», «Исполнение желаний», «Перед зеркалом», трилогии «Открытая книга» и др.

ЮРИЙ ТАРАСОВИЧ ГРИБОВ (р. 1925)

Прозаик, очеркист. Заместитель главного редактора газеты «Известия». Главный редактор еженедельника «Неделя». Автор книг «Тайна старой мельницы», «Контеевские вечера», «Когда встает солнце» и др.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ (р. 1907)

Академик. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Работает в области физической химии. Автор научных и научно-популярных книг. Председатель Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, член президиума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, председатель редакционного совета альманаха «Памятники отечества».

ВЛАДИМИР ЮЗЕФОВИЧ КИРЬЯНОВ (р. 1946)

Историк книги. Заведующий редакцией «Детская энциклопедия» издательства «Педагогика». Исследователь и участник создания энциклопедических изданий для детей и юношества.

ЕВГЕНИЙ ЛЬВОВИЧ НЕМИРОВСКИЙ (р. 1925)

Книговед. Доктор исторических наук. Заведующий отделом Всесоюзной книжной палаты. Его перу принадлежат монографии «Возникновение книгопечата-

ния в Москве», «Начало книгопечатания на Украине», «Иван Федоров в Белоруссии», «Начало славянского книгопечатания», «По следам первопечатника», «Джунгли книжной Америки» и др.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА МАКСИМОВА

Литературовед. Автор книг «Горький-редактор», «Ленинская „Искра“ и литература», многих статей о творчестве Горького и дооктябрьской большевистской литературе и печати.

ПАВЕЛ ТИМОФЕЕВИЧ БАЛМУШ (р. 1944)

Литературовед. Ученый секретарь Литературного музея имени Д. Кантемира в Кишиневе. Автор ряда исследований о молдавских классиках.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ РОМАНЕНКО (р. 1906)

Литературовед. Его перу принадлежат исследования о творчестве А. Хиждеу и Б. Хашдеу, монографии о Б. Хашдеу, изданные на русском и молдавском языках.

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗАКРЕВСКИЙ (р. 1924)

Режиссер и сценарист киностудии «Центрнаучфильм». Автор статей и книг по вопросам киноискусства и очерков на книговедческие темы.

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОМАНОВ (р. 1908)

Писатель и публицист. Автор книг «Дальние берега», «Немеркнувший экран», «Неповторимые годы и люди», «Коммунист в сфере искусства» и многих других.

ВЯЧЕСЛАВ ТРОФИМОВИЧ КАБАНОВ (р. 1937)

Литературовед. Автор работ по русской классической литературе и истории издательского дела.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КОВАЛЬ-ВОЛКОВ (р. 1926)

Поэт. Автор многих сборников, в том числе «Материнское сердце», «Ливень тополей», «Мои заботы», «Знаю, помню, храню».

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА СКОРИНО

Критик, литературовед. Выступает со статьями по актуальным проблемам советской и зарубежной литературы. Автор монографий о П. П. Бажове, В. П. Катаеве, М. С. Шагиняна.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОТЫРЕВ (р. 1922)

Архитектор-художник. Автор монографии «Мавзолей В. И. Ленина. Проектирование и строительство», ряда статей по архитектуре и искусству.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ОДНОРАЛОВ (р. 1909)

Специалист в области техники и технологии в изобразительном искусстве. Преподаватель и заведующий лабораторией Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова. Автор книг «Гальванотехника в декоративном искусстве», «Скульптура и скульптурные материалы», «Материалы в изобразительном искусстве», «Техника медальерного искусства».

АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРОЛЕВ (р. 1946)

Прозаик, драматург, журналист. Его перу принадлежат также очерки о современном изобразительном искусстве.

МИХАИЛ БОРИСОВИЧ ГНЕДОВСКИЙ (р. 1956)

Старший научный сотрудник лаборатории музееведения Центрального музея Революции СССР. Автор работ по теории музейного дела.

ЮЛИЯ ЮРЬЕВНА ГРЕЧИХОВА

Филолог. Заведующая сектором редкой книги отдела книжных фондов Государственного музея А. С. Пушкина. Научные интересы исследовательницы — редкая книга пушкинского времени, круг чтения Пушкина.

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ТИХОМИРОВА

Филолог. Старший научный сотрудник отдела книжных фондов Государственного музея А. С. Пушкина, занимается изучением автографов современников Пушкина на книгах его времени.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ КРАВЧЕНКО (р. 1935)

Журналист. Директор издательства «Книга». Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор литературоведческого исследования «Споры и поиски» (о раннем творчестве А. М. Горького), литературно-критических («Продолжение достоинств», «Движение лирической прозы», «Вечное древо жизни») и книговедческих работ («Системный подход в книгоиздании», «Системность») и др.

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ МАРИН (р. 1934)

Книговед. Журналист. Заместитель главного редактора ежегодника «Книжная торговля». Член Президиума, начальник отдела Центрального правления ВОК. Автор работ в области книговедения, пропаганды и распространения книги.

SUMMARIES

PAVEL ZHILIN

The great patriotic war: history. Literature. Books.

A prominent war historian and a writer discuss contemporary Soviet literature, portraying World War II, examine the notion of "documentary treatment" of the war theme as it has been understood by writers from Leo Tolstoy to Yury Bondarev. The forthcoming fortieth anniversary of the Victory over fascist Germany makes the discussion extremely topical.

DOJOHOGYIN TSEDEV

The quest for the water of life.

A Mongolian writer, translator and literary scholar chronicles the history of books in Mongolia, defines the place of Mongolian literature within the framework of world culture.

VENIAMIN KAVERIN

Reading and style.

One of the foremost Soviet prose writers whose books "The Two Captains", "An Open Book", "Before the Mirror" have won universal acclaim, describes his reading interests, overriding the traditional approach to the idea of "bookishness" in literature.

YURI GRIBOV

No gap between books and life.

In his interview the "Nedelya" weekly editor and prose writer points to Russian village life as his main source of inspiration.

IGOR PETRYANOV-SOKOLOV

10th anniversary of the bibliophile society

Chairman of the All-Union Voluntary Bibliophile Society presents his organization.

VLADIMIR KIRYANOV

Encyclopedias of our childhood.

A survey of Russian encyclopedias for kids throughout three centuries.

YEVGENI NEMIROVSKY

What is book.

A book historian and scholar gives his definition of the phenomenon known as "book", treating publishing production as a semiotic system and reviewing the recent statistics on books issued in this country and abroad.

VALENTINA MAXIMOVA

More facts on A. Gorky's library.

An essay on "The Survey of A. Gorky's Home Library in Moscow" (Moscow, "Nauka" Publishing House, 1981). Gorky's library comprises ten thousand volumes, many autographed by V. Lenin, M. Kalinin, V. Kuybyshev, A. Lunacharsky and others. Gorky's inscriptions on book pages provide a powerful comment on the writer's creative process.

PAVEL BALMUSH, NIKOLAI ROMANENKO

Alexander Khizhdeu's collection.

The article is a guide to the library of A. Khizhdeu, Moldavian philologist, lawyer and historian (1811—1872). The library ranked among the largest book collections in nineteenth century Europe.

YURI ZAKREVSKY

Ivan Rozanov and his books.

I. Rozanov (1874—1959) was a literary scholar who engaged in hunting and publishing books by obscure poets of 18-20 centuries. His famous collection of Russian poetry amounting to ten thousand volumes includes very rare editions, all early editions of A. Pushkin among them.

ALEXEI ROMANOV

Two hundred years after.

The essay pictures the village of Mishenskoye where Vasili Zhukovsky, father of Russian Romanticism was born, and describes mementoes of the great poet in the town of Belyov near Tula.

VYACHESLAV KABANOV

A life that has not become a legend.

A biographical sketch of Yelisaveta Kulman (1808-1825), Russian poetess whose writings awoke interest in Goethe, Küchelbecker, Belinsky.

ALEXANDER KOVAL-VOLKOV

"...What's dear to one's heart".

Reminiscences and poems by a Moscow poet on books and reading during the war, on Ivan Shamov, pilot and poet.

LYUDMILA SKORINO

The militant fairy-tale. (Posters. Popular prints. Books.)

Satirical anti-fascist works by Victor Vazhdayev present a vivid example of employing folklore motives in Soviet literature and art that answered the dictates of the war years.

ANDREI KOTYREV

The gift of kindness. Gerard Gaudin's wood engravings.

We present an essay on the contemporary Belgian artist lavishly supplied with his illustrations to Charles de Coster's "Till Eulenspiegel".

NIKOLAI ODNORALOV
A medallion on the binding.

A prominent Soviet sculptor looks at metal decorations of book covers.

ANATOLI KOROLYOV
Inspiring drawings.

The art of Vladimir Vagin, a book illustrator from Moscow, is the subject of the article.

MIKHAIL GNEDOVSKY
Visiting an extraordinary museum.

"Museum of Books" at the State Lenin Library is a unique collection of rarities ranging from ancient papyrus scrolls to more recent book treasures from all over the world.

YULIA GRECHIKHOVA
Pushkin's contemporary Alexei Levshin and his book on the Kazakhs

While working at his "History of Pugachev" Pushkin used to consult the ethnographic study described in this essay.

SVETLANA TIKHOMIROVA
A book on the war of 1812 from Liprandi's library

An essay on sir Robert Kerr Porter's "Histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812"

VLADIMIR KRAVCHENKO
Memorials of the epoch

Director of the "Kniga" Publishing House in Moscow on modern concept of facsimile and miniature editions.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

К 40-летию Победы

<i>П. Жилин. Великая Отечественная: История. Литература. Книга. Беседу вел Станислав Гагарин</i>	7
<i>Доджоогийн Цэдэв. В поисках живой воды. Беседу вела Людмила Букина</i>	25
<i>В. Каверин. Чтение и стиль. Беседу вела Л. Наппельбаум</i>	35
<i>Юрий Грибов. В книгах, как в жизни. Беседу вела К. Хромова</i>	40
<i>И. В. Петрянов-Соколов. Обществу любителей книги— 10 лет</i>	54
<i>Владимир Кирьянов. Энциклопедии нашего детства</i>	59
<i>Е. Немировский. Слово о книге</i>	76

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Валентина Максимова. Еще раз о личной библиотеке А. М. Горького</i>	89
<i>П. Балмуш, Н. Романенко. Собрание Александра Хиждеу</i>	96
<i>Юрий Закревский. Иван Розанов и его книги</i>	110

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Ал. Романов. Двести лет спустя</i>	129
<i>Вячеслав Кабанов. Жизнь, легендой не ставшая</i>	142
<i>Александр Коваль-Волков. Свое, родное...</i>	151

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

<i>Людмила Скорино. Оружием сказки. Плакат, лубок, книга</i>	159
<i>Андрей Котырев. Талант доброты. Ксилографии Жерара Годана</i>	170

<i>Н. Одноралов.</i> Медальон на переплете книги	179
<i>Анатолий Королев.</i> Красноречивая графика. Заметки о судьбе и творчестве художника книги	184

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Михаил Гнедовский.</i> Экскурсия в необычный музей	205
<i>С. Сергеев.</i> В гостях у библиофила-кулинара	214

ПУШКИНИАНА

<i>Ю. Гречихова.</i> Современник Пушкина А. И. Левшин и его книга «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз- Кайсацких орд и степей»	223
<i>С. Тихомирова.</i> Книга о войне 1812 года из библиотеки Липранди	231

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Лоренс Кларк Пауэлл.</i> Библиофильские новеллы. <i>Предисло- вие и перевод с английского Виктора Ланчикова</i>	241
<i>Альфред Андерш.</i> «Из серии черновой тетради», 1965—1975. <i>Что такое книга? Перевод с немецкого Н. Тишковой</i>	250
<i>Элиас Канетти.</i> Заметки о книге. <i>Перевод с немецкого Е. Кацевой</i>	251
О современной концепции факсимильной и миниатюрной книги	
<i>В. Ф. Кравченко.</i> Живые свидетели эпохи	254
<i>А. Марин.</i> ВОК в цифрах	289

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Леонид Вышеславский.</i> Кос-Арал	126
<i>Андрей Белый.</i> Под окном	178
<i>Григорий Зобин.</i> «Как свиток разворачивался встарь...»	213
<i>Людмила Букина.</i> «Два часа стихотворных занятий...»	220
Именной указатель	295
Коротко об авторах	305
Резюме на английском языке	309